

РОССИЙСКО-СЛОВЕНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XX ВЕКЕ

SLOVENICA IV

Na Srbe!
O dosedanjih dogodkih na bojišču.

Bombardiranje Beograda. — Eksplozije in ogenj v Beogradu. — Ugotovitev, da so Srbi pri Zemunu se ni posretili. — Preprečeni poizkusi nerregularnih srbskih čet. — Upot v Novi Srbiji.

inslav

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

SLOVENICA IV

**РОССИЙСКО-СЛОВЕНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В XX ВЕКЕ**

Москва
2018

УДК 327.8
ББК 66.4(4Сло)
С48

Главный редактор:
д.и.н. *К. В. Никифоров*

Редколлегия выпуска:
к.и.н. *Л. А. Кирилина* (отв. редактор)
к.и.н. *Н. С. Пилько* (отв. секретарь)
к.филол.н. *А. Н. Красовец*

Рецензенты:
д.и.н. *С. И. Данченко*
к.и.н., доцент *Л. В. Кузьмичёва*

SLOVENICA IV. Российско-словенские отношения в XX веке / Главн.
C48 ред. К.В. Никифоров; Редколл. выпуска: Л.А. Кирилина (отв. ред.),
Н.С. Пилько (отв. секр.), А.Н. Красовец. — М.: Институт славянове-
дения РАН, 2018. — 340 с.

ISSN 2618-8562

DOI 10.31168/2618-8562

Четвертый выпуск альманаха «Slovenica» (выходит в ИСл РАН с 2011 г.) посвящен российско-словенским отношениям в XX в. В его основу легли материалы двух международных конференций, которые были проведены в рамках двустороннего договора между Институтом славяноведения РАН и Институтом цивилизации и культуры Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств. В предлагаемом сборнике собраны материалы, освещающие различные стороны исторических и культурных контактов наших народов. Сборник представляет интерес для специалистов по истории, литературе, культуре России и Словении, широкого круга читателей.

SLOVENICA IV. Russian-Slovenian relations in the twentieth century /
Ed.-in-chief K.V. Nikiforov, Editorial board of the issue: L.A. Kirilina (chief ed.),
N.S. Pilko, A.N. Krasovec. — Moscow: Institute of Slavic Studies, 2018. — 340 p.

Volume IV is devoted to Russian-Slovenian relations in the twentieth century. It was based on the materials of two international conferences that were held in the framework of a bilateral agreement between the Institute of Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Civilization and Culture of the Scientific Research Center of the Slovenian Academy of Sciences and Arts. The proposed collection of articles compiled materials covering various aspects of the historical and cultural contacts of our peoples. The collection is of interest to specialists in the history, literature, culture of Russia and Slovenia, a wide range of readers. The book is addressed to the experts in history, literature, culture of Russia and Slovenia, to a wide readers' audience interested in history.

УДК 327.8
ББК 66.4(4Сло)

ISSN 2618-8562
DOI 10.31168/2618-8562

© Институт славяноведения РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

Содержание

От редколлегии 5

I. Символы памяти

П. Тестен-Корен

Русская часовня — граница неба и земли,
родины и чужбины 10

Т.И. Чепелевская

Из истории российской словенистики:
Майя Ильинична Рыжова — жизнь в науке 31

II. История и политика

М. Зайц

Словенская пресса и Россия
в конце XIX — начале XX в.:
отношение к К.П. Победоносцеву 46

М. Грлич-Ренко

Между нацией и пролетариатом.
Отклики на русскую революцию 1905 г.
в словенских землях 60

Ю. Перовшек

Словенская политическая пресса
о войне с русскими и другими славянскими
противниками в 1914–1916 гг. 81

Л.А. Кирилина

Восприятие словенского вопроса
в российских официальных кругах
в 1914–1915 гг. 99

Ю. Перовшек

Отношение к Г.Е. Распутину в словенских землях 121

Н. Зайц

Славянский вопрос: «На берегах российских рек»
(Александр Трушнович и другие) 138

Й. Пирьевец

Э. Кардель и Россия 154

Н.С. Пилько

Экономический путь, альтернативный советскому:
Социалистическая Республика Словения
в 60-е — 70-е гг. XX в. 173

III. Взаимодействие культур

И.В. Чуркина

Журнал «Ljubljanski zvon» о русской культуре
(1899–1914 гг.) 196

Ю.С. Мерецкая

Влияние педагогического метода А. Ажбе
на развитие живописи в Российской империи
в конце XIX — начале XX в. 220

Б.О. Бабкин, М.Л. Бершадская

Воеслав Моле и Юрий Верховский.
Двойной портрет на фоне Гражданской войны 244

Г. Задникар

Словенские периодические издания
о русской эмиграции в 1920-е годы 263

Т. Рант

Русские артисты в Словении
после Октябрьской революции 276

В.И. Косик

Ксения Грундт-Дюме и ее коллеги
на словенской сцене в начале 1930-х гг.
(по неопубликованным мемуарам
русской балерины) 292

Н.Н. Старикова

Об одной русскоязычной публикации Э. Коцбека
(словенский след в журнале «Континент») 301

А.Н. Красовец

Neue Slowenische Kunst
(Новое словенское искусство)
и его связи с Россией 319

Сведения об авторах,
редакторах, рецензентах и переводчиках 338

От редколлегии

Альманах «Slovenica», который издается Институтом славяноведения РАН (г. Москва) с 2011 г., является первым научным периодическим изданием, в котором рассматриваются различные аспекты российско-словенских связей, а также актуальные проблемы истории и культуры Республики Словения. Каждый из его выпусков является плодом многолетнего сотрудничества Института славяноведения с научно-исследовательскими и высшими учебными заведениями Словении.

Вашему вниманию предлагается четвертый выпуск нашего альманаха, посвященный развитию российско-словенских отношений в XX в. В нем объединены итоговые материалы двух международных конференций, проведенных в Российском центре науки и культуры в г. Любляна (Словения): «Первая мировая война. Славяне по обе стороны линии фронта» (10–11 ноября 2014 г.) и «Русско-словенские отношения в XX столетии (К 100-летию Русской часовни на Вршиче)» (14 апреля 2016 г.). Обе конференции состоялись в рамках двустороннего исследовательского проекта, заключенного между Институтом славяноведения РАН и Институтом цивилизации и культуры Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (г. Любляна), однако в них приняли участие и ученые из разных научно-исследовательских учреждений и вузов Словении и России.

То же самое можно сказать и о публикациях в этом выпуске альманаха: помимо работ сотрудников Института славяноведения и Института цивилизации и культуры, в него вошли статьи российских и словенских ученых из Института новейшей истории (г. Любляна), Института исторических исследований научно-исследовательского центра г. Копер (Словения), Санкт-Петербургского государственного университета и Российского государственного гуманитарного университета.

Материалы сборника поделены на три блока. В первый раздел «Историческая память» включены две статьи. П. Тестен-Корен рассматривает историю строительства и символи-

ческую роль Русской часовни под перевалом Вршич, поставленной в 1916 г. в память о погибших русских военнопленных. Работа Т.И. Чепелевской посвящена памяти одного из крупнейших русских словенистов, литературоведа и переводчика М.И. Рыжовой, ушедшей от нас в прошлом году.

Следующие два раздела построены по проблемно-хронологическому принципу. В блоке «Политика и пресса» представлены исторические исследования, в которых рассматриваются, главным образом, вопросы, связанные с восприятием словенцами политических событий, происходивших в России, и деятельности видных политиков, влиявших на ход их развития. При этом большое внимание уделяется освещению этих аспектов в словенской прессе. Так, основываясь на материалах словенских газет, М. Гргич-Ренко исследует отклики словенцев на революцию 1905 г. в России, а Ю. Перовшек — отношение словенцев к войне с русскими и другими славянскими противниками в 1914–1916 гг. В статьях М. Зайца и Ю. Перовшека представлены результаты интерпретации словенскими периодическими изданиями политической деятельности К.П. Победоносцева и Г.Е. Распутина. На архивных и публицистических источниках основана работа Л.А. Кирилиной, посвященная восприятию словенского вопроса в российских официальных и общественных кругах в 1914–1915 гг. О сложном отношении к России и духовных исканиях А.Р. Трушновича — словенского военнопленного, позже, во время Гражданской войны в России, сражавшегося в армии Колчака, а впоследствии одного из крупных деятелей русской эмиграции, рассказывает Н. Зайц. Отношение к Советскому Союзу Э. Карделя, крупнейшего идеолога в титовской Югославии, исследуется в статье Й. Пирьевца. И, наконец, в статье Н.С. Пилько рассматривается развитие внутренней политики и экономики Социалистической Республики Словения в 60–70-е годы XX в., которые являлись альтернативой созданной Советским Союзом экономической системы.

Третий и последний раздел альманаха под названием «Взаимодействие культур» отличается разнообразием тем. В него включены исторические, искусствоведческие и филологиче-

ские статьи, в которых представлены аспекты русско-словенских взаимосвязей в сфере культуры. И.В. Чуркина исследует публикации о русской культуре и литературе словенского журнала «Ljubljanski zvon». В работе Ю.С. Мерецкой прослеживается влияние педагогического метода словенского художника А. Ажбе на стилистическое развитие живописи в Российской империи конца XIX — начала XX вв. Статья М.Л. Бершадской и Б.О. Бабкина посвящена дружеским и творческим контактам словенского искусствоведа и поэта В. Моле и известного русского поэта, литературоведа и переводчика Ю.Н. Верховского в трудные годы Гражданской войны в России. Далее следуют три статьи, объединенные темой русской эмиграции в Словении в 20–30-е годы XX в. Г. Задникар затрагивает вопрос об освещении русской эмиграции в словенской прессе, Т. Рант дает обзор деятельности русских артистов на словенских сценах, а В.И. Косик раскрывает неизвестную страничку из жизни и работы в Словении русской балерины К.Ф. Грундт-Дюме на основе ее неопубликованных воспоминаний. Работа Н.Н. Стариковой представляет ранее не известные переводы на русский язык стихотворений словенского поэта Э. Коцбека, опубликованные в парижском журнале русских эмигрантов «третьей волны» «Континент» в 1976 г. Завершает сборник статья А.Н. Красовец о деятельности словенского художественного коллектива «Новое словенское искусство» и его связях с Россией.

Четвертый выпуск альманаха «Slovenica» является результатом многолетнего сотрудничества русских и словенских ученых, представляющих различные области гуманитарных исследований. Он отличается широтой и разнообразием тем исследований, а также актуальностью проблем, поднятых авторами. В сборнике раскрываются новые страницы истории российско-словенских отношений, представляющие интерес не только для исследователей, но и для более широкого круга читателей, понимающих важность взаимосвязей наших народов.

I. СИМВОЛЫ ПАМЯТИ

П. Тестен-Корен

Русская часовня — граница неба и земли, родины и чужбины

P. Testen Koren

Russian chapel — the touch of heaven and earth, home and abroad

Русская часовня под Вршичем в 2016 г. отметила свою столетнюю годовщину. За годы существования она постепенно превратилась для многих людей в символ, сначала — связи русских военнопленных времен Первой мировой войны с Родиной и с внешним миром, потом — местом связи с «домом» для всех, кто после Октябрьской революции нашли новую родину за границей, в Словении. Часовня долгие годы была тихой подругой путешественников и альпинистов, а ныне она является также символом дружбы между Россией и Словенией. Каждый год в конце июля, в день св. Владимира к ней приходит множество людей — в память и для предостережения потомков. В статье представлен краткий обзор столетней истории Русской часовни.

Ключевые слова: Русская часовня, попечители, строители, паломники, память.

The Russian chapel under Vršič celebrated centenary in 2016. It became a symbol for many people. Firstly, it was a symbol of Russia for prisoners of war. Then it represented contact with “home” for all those who, after the October Revolution, found their home abroad, in Slovenia. The Chapel was a silent friend of travelers and mountaineers for many years, and today it also represents a symbol of friendship between Russia and Slovenia. Every year at the end of July, on the St. Vladimir’s day, people gather in memory of the past and present, for awarning. The text provides a brief insight into the last 100 years of the Russian chapel.

Keywords: Russian chapel, guardians, builders, pilgrims, memory.

*Ob nach Norden, ob nach Süden,
Jede Strasseführt zum Ziele,
ob zum Kampfe, ob zum Frieden,
dassentscheidet Gottes Wille¹.*

На каменной ограде у дороги из Краньской горы на перевале Вршич под русской часовней стоит православный, русский крест, который тут воздвигли между 1915 и 1916 г. Под ним бронзой высечены ранние стихи австрийского поэта Петера Розегерра (1843–1918). Еще через несколько шагов мы увидим перед собой лестницу, ведущую к Русской часовне, как к символу памяти и напоминанию путникам, что здесь особое место, где надо задержаться, успокоить ход мыслей и поклониться тем, кого уже давно нет. В то же время именно благодаря часовне все эти души до сих пор здесь и уже целое столетие пытаются достучаться до нашего сознания, шепчут в кронах окружающих деревьев слова, которыми уже столько раз злоупотребляли: «Больше никогда».

Попечители

От шоссе № 8 — места, где находится Русская часовня — вплоть до отеля «Коѝа на gozdu» («Дом в лесу») в 1936 г. строитель Йосип Славец (1901–1978) провел реконструкцию старой дороги на Вршич². Около часовни находится небольшая могила, которая представляет собою пирамиду из камня с надписью «Сынам России». Здесь Славец предусмотрел место для найденных останков русских военнопленных³, которые во время Первой мировой войны своими жизнями оплатили строительство дороги на Вршич, связавшей две области. Всего в пяти минутах ходьбы от часовни еще и сейчас находится дом, кото-

¹ Идешь ли на север, идешь ли на юг, / Любая дорога к цели ведет. / Будет битва или мир, / Это решит Божья воля.

² Режим доступа: <https://www.gorenjci.si/osebe/slavec-josip/827/> (дата обращения: 17.03.2017).

³ Выражение «русские военнопленные» употребляется как упрощенное понятие для определения тех, кто был взят в плен в качестве военных, служивших в армии царской России того времени. По национальности они не обязательно являлись русскими, могли быть белорусами, украинцами, поволжскими немцами, евреями.

рый был собственностью строителя и уже многие десятилетия является немым свидетелем моральной заботы семьи Славец о Русской часовне. Сын Йосипа Славеца Саша (род. 1929 г.) являлся инициатором и одним из главных сторонников возрождения российско-словенских связей в 1992 г. и проведения ежегодных встреч у Русской часовни⁴. Часовня в 2006 г. была полностью отреставрирована⁵. Часть дороги на Вршич была переименована в «Русскую дорогу»⁶. В 2016 г. Русская часовня отметила столетний юбилей. За годы существования она постепенно и незаметно стала символом: прежде всего — символом связи русских пленных с родиной, с тем, что находится по ту сторону границы; затем — всех тех, кто после Октябрьской революции нашел дом на чужбине в Словении. Помимо этого, часовня долгие годы была тихой подругой путешественников и альпинистов, а сейчас она стала символом дружбы России и Словении, в честь которой каждый год в конце июля в день св. Владимира здесь собирается большое количество людей. В последние два десятилетия организация праздника осуществляется при поддержке Общества «Словения — Россия»⁷. Янез Шкрабец написал по поводу двадцатилетия его основания, которое отмечалось в 2016 г., следующее: «История Общества «Словения — Россия» очень похожа на то, что нам рассказывает русская поминальная часовня под Вршичем, сооруженная для простых человеческих нужд, во времена без стабильности и гарантии безопасности, когда оставалась лишь сила надежды и вера, что когда-нибудь будет лучше. К своей столетней

⁴ *Zupanič Slavec Z.* Ruska kapelica — rodovom v spomin in opomin. Vršiška cesta in ruski ujetniki (1915–1917) // *Zupanič Slavec Z., Testen P.* Ruska kapelica pod Vršičem. Ob 15-letnici slovensko-ruskih srečanj. Unireal: Znanstveno društvo za zgodovino znanstvene kulture Slovenije. Ljubljana, 2007. S. 109, 115.

⁵ *Gaberšček S.* Obnova ruske cerkvice pod Vršičem // *Ibid.* S. 169–173.

⁶ В девяностую годовщину сооружения Русской часовни (30 июля 2006 г.) часть дороги через перевал Вршич была официально названа «Русская дорога», о чем гласит надпись на доске, поставленной у дороги.

⁷ Nad pregradami 3. Jubilej na številka ob dvajsetletnici Društva Slovenija Rusija in stoletnici Ruske kapelice pod Vršičem (Bilten Društva Slovenija Rusija). Ljubljana, 2016. См. также: *Testen P.* Kronika 15-letnih slovensko-ruskih srečanj (1992–2006). Ruska kapelica pod Vršičem združuje — petnajst let plodovitih prijateljskih srečanj in humanega ohranjanja spomina // *Zupanič Slavec Z., Testen P.* Op. cit. S. 175–313.

годовщине она окончательно стала универсальным символом бессмысленности войны и страданий, и одновременно живой связи двух народов и культур. Для того, чтобы это могло осуществиться, семья Славец несколько десятилетий с тихой преданностью делала то, что считала своим человеческим долгом, до тех пор, пока словенское государство со своими учреждениями не осознало, что это его миссия, и, в конце концов, вместе с Россией, не пришло к выводу, что такие проявления уважения открывают дорогу и обеспечивают доверие ко многим начинаниям. Такое же соединение преданности и настойчивости, размышлений и труда, личной заинтересованности и общественной ответственности пробудило к жизни и привело к оформлению общества, которое мы поздравляем с юбилеем»⁸.

Словенско-русские отношения имеют богатую историю. Наиболее сильно это проявилось в области литературы. Первые контакты в этой сфере установились уже в XVI в., когда в Московское великое княжество отправился имперский дипломат Жига (Сигизмунд) Герберштейн⁹. Как много лет назад написал д-р Франце Бучар, мечту стать частью большой семьи славянских народов, распространяющуюся начиная со второй половины XIX в., погасил «кошмар Первой мировой войны», однако она «привела и к нашему первому, живому и непосредственному знакомству с русскими людьми. Жаль только, что оно происходило в трудных обстоятельствах: несчастьях, пережитых военнопленными, в мучениях, в крови и, в конце концов, в смерти. В память о них осталась только Русская часовня под Вршичем, вблизи от места их печальной гибели». Далее он поделился размышлениями об этой часовне: «Но для нас она осталась не только как память, она стала связью между народами. Сначала скорее как символ контактов между людьми, которых всегда сближают смерть и мучения. Теперь же эти давние мечты возрождаются как новая действительность [...]».

⁸ *Škrabec J.* Preplet predanosti in vztrajanja, razmisleka in dela, osebne zavzetosti in javne odgovornosti // *Nad pregradami* 3. S. 227.

⁹ *Grdina I.* Na poteh k Ruski kapelici // *Zupanič Slavec Z., Testen P.* Op. cit. S. 165. Также см.: *Šmitek Z.* Klic daljnih svetov. Slovenci in neevropske kulture. Ljubljana, 1986. S. 33–35.

Импульсом для великих сдвигов в международных отношениях стала именно эта Русская часовня со своим духовным зарядом открытости, взаимного доверия, не поколебленного временем, и веры в силу духа»¹⁰. Подобным образом сформировалось мнение об особом месте и роли русской часовни также и у русских. Михаил Валентинович Ванин по случаю девяностой годовщины возведения часовни поделился размышлениями об отношении словенцев к этому сакральному объекту, об уважительном отношении к жертвам, которые там погребены, и в то же время о связях, которые сплачивают народы посредством символики, воскрешающей воспоминания о прошлом, и выразил эти чувства словами: «В сердце каждого русского эта скромная часовня на словенской земле, которая стоит у дороги на Вршич — теперь это Русская дорога, — порождает самые лучшие чувства по отношению к словенскому народу, который так тщательно хранит память о наших соотечественниках. Это отношение драгоценно, и мы, русские, высоко его ценим»¹¹. О связях, о непосредственном общении и представлениях о словенцах во время встреч на Вршиче говорил также Алексей Леонидович Никифоров, первый российский посол в независимой Словении. «Уже первый приезд большой русской делегации на Вршич во многом способствовал расширению представлений русских о новой Словении. Это посещение принесло действительно реальное знание о стране и ее народе, о его духовном облике и глубоком отношении к России. Это не было абстрактное, теоретическое, холодное знание. Напротив, оно было стимулирующим. Успех посещения и встреч в Словении заложил основу для более интенсивного знакомства друг с другом и для новых встреч, как в словенских землях, так и в России»¹². Никифоров подытожил свою мысль словами: «В сущности, мы заложили традицию»¹³.

¹⁰ Dr. France Bučar, prvi predsednik slovenskega parlamenta (pozdravni nagovori) // *Zupanič Slavec Z., Testen P.* Op. cit. S. 29.

¹¹ Mihail Valentinovič Vanin, veleposlanik Ruske federacije v Republiki Sloveniji (pozdravni nagovori) // *Ibid.* S. 27.

¹² Aleksej Leonidovič Nikiforov, prvi veleposlanik Ruske federacije v Republiki Sloveniji (pozdravni nagovori) // *Ibid.* S. 35.

¹³ *Ibid.*

Саша Гержина, председатель Общества «Словения — Россия», первый словенский посол в Москве, в течение всех двадцати лет постоянно принимавший участие в организации встреч под альпийскими вершинами, в бюллетене № 3 Общества «Над преградами» обратил внимание на духовную сущность встреч у маленькой Русской часовни: «Духовный аспект, который каждый год обеспечивается присутствием на памятных встречах под Вршичем высших представителей Русской православной церкви и Словенской католической церкви, внес решающий вклад в то, что Русская часовня из символа памяти о погубленных на войне жизнях превратилась в символ стремлений к миру, сосуществованию, примирению и общению разных народов, культур и религий. За это мы им очень благодарны»¹⁴.

Подобным же образом десять лет назад размышляли Алексей II, патриарх Московский и всей России¹⁵ и магистр Алоизий Уран, в то время Люблянский архиепископ и митрополит, который обратил внимание на то, что среди словенцев еще существует обычай, согласно которому верующие в тех местах, где произошло что-то плохое, будь то природные катастрофы или же преступления людей, ставят религиозные знаки, кресты или часовни. И эти знаки призывают путников «к молитве и надежде на божью помощь, которая может самое сильное горе превратить в милость и спасение». Такую же роль играет и Русская часовня, «которая была поставлена на месте несчастья и смерти», и в течение десятилетий «стала местом молитвы и просьб к Богу о мире и взаимопонимании между народами и божьего благословения для всех людей. Русская часовня уже давно является также особым местом для молитвы о единстве всех христиан и об экуменистическом сотрудничестве между католической церковью в Словении и Русской православной церковью»¹⁶.

¹⁴ Geržina S. Prava prijateljstva se sklepajo počasi, a dolgo trajajo (Dvajset let Društva Slovenija Rusija) // Nad pregradami 3. S. 38.

¹⁵ Aleksej II., patriarh Moskve in vse Rusije (pozdravni nagovori) // Zupanič Slavec Z., Testen P. Op. cit. S. 15.

¹⁶ Alojz Uran, ljubljanski nadškof metropolit (pozdravni nagovori) // Ibid. S. 11.

Строители. Записки Франца Урана

«Столетие Русской часовни под Вршичем является поводом для размышлений о многочисленных вопросах судьбы отдельного человека и человечества в целом [...]. Военнопленные, которых при строительстве дороги через Вршич погребла лавина и в память которых был построен этот трогательный памятник, были, как нам напоминает часовня, просто людьми. Они являлись не только солдатами великой державы. Они не по доброй воле решили участвовать в боине Первой мировой войны. Их мобилизовали для участия в самой большой (до того времени) и самой индустриально организованной акции уничтожения себе подобных. Для каждого из них это участие и смерть во время войны стали личной и семейной трагедией. Миллионы таких трагедий затронули миллионы европейских семей и Европу в целом. Поэтому справедливо, что все жертвы той огромной бойни и их человеческие трагедии занимают постоянное место в нашей памяти»¹⁷.

Деревянную часовню, посвященную св. Владимиру, в 1916 г. построили оставшиеся в живых русские военнопленные в память о погибших товарищах, погребенных под снежной лавиной во время строительства дороги через перевал Вршич. Но история Русской часовни под Вршичем началась еще раньше — с объявления войны Италией Австро-Венгрии (23.05.1915) и открытия Сочанского фронта, который протянулся от Ромбоны до Триестского залива линией длиной в 90 км. На севере он достигал горной местности в самом сердце Юлийских Альп. На самом деле история начинается с того времени, когда «долгий XIX век», так называемое золотое время, и его историю превратила в пыль и прах суровая действительность Первой мировой войны, когда словенцев призвали в империалистическую армию (всеобщая мобилизация 31.07.1914), а затем отправили на Восточный фронт, по большей части в Галицию, в то время как из Галиции и Буковины с фронта в другую сторону под конвоем вели дезертиров и первых пленных.

¹⁷ Dr. Danilo Turk, bivši predsednik Republike Slovenije. O vojni in miru: razmisleki ob stoletnici Ruske kapelice pod Vršičem, (pozdravni nagovori) // Nad pregradami 3. S. 53.

Первые двадцать пять пленных из Сибири разместили на Краньской горе уже в сентябре 1914 г. Об этом написал в дневнике Франц Уран, во время строительства дороги на Вршич работавший там в лесничестве: «Уже осенью военные послали на Краньску гору 25 русских. Это были только сибиряки, высокие, исполненные достоинства люди, которых поселили в гостинице у Печара. Их охраняли австрийские солдаты. Каждый день утром они шли из Краньской горы, и каждый нес железный кол, который затем оставляли в Мочиле. Эти железные кольца затем использовали в проволочных заграждениях на Вршиче. Такова была ежедневная работа русских. Вечером они обычно пели разные русские песни. Местные жители охотно приходили их послушать и приносили им разные продовольственные припасы. Австрийская стража сначала не возражала против этого, позднее же всякое общение с русскими было строго запрещено и стало опасным, так как всякий, кто в нем участвовал, считался предателем родины»¹⁸.

За этими военнопленными последовали другие. По свидетельствам разных очевидцев, в 1915 г. на территории Краньской горы разместили 10–12 тыс. военнопленных, большинство из них были русскими¹⁹.

Размещение русских военнопленных в тылу Сочанского фронта, на всей территории областей Крайна, Горица или Австрийско-иллирское Приморье, Каринтия и Штирия²⁰, осуществлялось строго по принципу разделения между теми, кто был предназначен для помощи в гражданской сфере (сельское хозяйство, ремесло, промышленность) и теми, кто строил стратегически важные (военные) объекты и коммуникации в непосредственной близости от линии фронта (например — дороги, водопроводы, железные дороги, канатные дороги²¹, аэродромы, склады и др.). Если о тех, кто трудился в гражданской сфе-

¹⁸ *Uran F.* Kako se je delala cesta na Vršič // *Planinski vestnik*. 1957. Št. 3. S. 156.

¹⁹ *Zupanič Slavec Z., Testen P.* Op. cit. S. 79.

²⁰ *Fischer J.* Ruski vojni ujetniki na ozemlju Republike Slovenije 1914–1918 // *Zgodovinski časopis*. 2009. Št. 1–2. S. 352; *Koren T., Testen P.* Ruske sledi iz dni prve svetovne vojne na Slovenskem // *Monitor XVI/1*. 2014. S. 107–156.

²¹ Подробнее об инфраструктуре железных и канатных дорог см.: *Schaumann W.* Die Bahnen zwischen Ortler und Isonzo 1914–1918. Wien, 1991.

ре, известно немного, то о тех, кто был в самом тылу фронта, известно еще меньше²². Они жили в особых, специально для них построенных лагерях, обращались с ними в соответствии с предписаниями, которые отличались от правил, предназначенных для тех, кто работал в гражданской сфере. Прежде всего, с ними поступали более жестко. Они умирали от несчастных случаев, от нехватки еды и воды²³.

В настоящее время, вероятно, больше всего изучен тот район нынешней словенской территории, где в Первую мировую войну работали русские военнопленные, а именно дорога на Вршич. С вступлением Италии в войну и открытием Сочан-

²² Основная часть документов о русских военнопленных (в том числе и в Словении) хранится в Военном архиве в Вене, некоторые документы находятся также в провинциальных архивах Граца и Целовца. В последние годы в венском архиве произведена систематизация документов о русских военнопленных на территории Австро-Венгрии. См., например: http://encyclopedia.1914-1918-online.net/pdf/1914-1918-Online-prisoners_of_war_austria-hungary-2014-10-08.pdf (дата обращения 17.03.2017). О русских военнопленных на бывшей территории Австро-Венгрии см.: *Berner M.* Die 'rassenkundlichen' Untersuchungen der Wiener Anthropologen in Kriegsgefangenenlagern 1915–1918 // *Zeitgeschichte*. 2003. 30/3. S. 124–136; *Hansak P.* Das Kriegsgefangenenwesen während des Ersten Weltkriegs im Gebiet der heutigen Steiermark. Graz, 1991; *Thalerhof* 1914–1936. Die Geschichte eines vergessenen Lagers und seiner Opfer / Hsgb. von: Hoffmann G., Goll N-M., Lesiak P. Herner, 2010; *Leidinger H., Moritz V.* Verwaltete Massen. Kriegsgefangene in der Donaumonarchie 1914–1918 // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs* / Hsgb. von Oltmer J. Schöningh, Paderborn; Munich; Vienna; Zurich, 2006. S. 35–66; *Leidinger H., Moritz V.* Kriegsgefangenschaft und Kriegswirtschaft. Vergleiche und Problembereiche unter besonderer Berücksichtigung Mittel- und Osteuropas im Ersten Weltkrieg // *Krieg und Wirtschaft. Von der Antike bis ins 21. Jahrhundert* / Hsgb. von Dornik W., Gießauf J., Iber W.M. Schöningh; Innsbruck, 2010. S. 461–470; *Mihalkovits E.* Das Kriegsgefangenen- und Interniertenlager des 1. Weltkriegs in Neckenmarkt Mittleres Burgenland 1915–1919 (thesis). Vienna, 2003; *Rappersberger P.* Das Kriegsgefangenenlager Freistadt 1914–1918 (thesis). Vienna, 1988; *Steffan C.* The campnewspaper Nedelja as a reflection of the experience of Russian prisoners of war in Austria-Hungary // *Otherfronts, otherwars?* / Ed. Bürgschwentner J., Barth Scalmani G., Egger. Leiden, 2014. S. 167–195; *Walleczek J.* Hinter Stacheldraht. Die Kriegsgefangenenlager in den Kronländern Oberösterreich und Salzburg im Ersten Weltkrieg (thesis). Innsbruck, 2012; *Walleczek-Fritz J.* Von «unerlaubtem Verkehr» und «Russenkindern». Überlegungen zu den Kriegsgefangenen in Österreich-Ungarn als «militarymigrants» 1914–1918 // *Militärische Migration vom Altertum bis zur Gegenwart* / Hsgb. von Rass C. Paderborn, 2016. *ZZ*. Bd. 30. S. 221–238 (режим доступа: https://www.imis.uni-osnabrueck.de/publikationen/studien_zur_historischen_migrationsforschung_shm.html (дата обращения 17.03.2017)).

²³ *Močnik M.* Komenski Kras. Ljubljana, 2005. S. 130–133.

ского фронта изменились приоритеты относительно создания инфраструктуры в районе Вршича. Дорога через Предел подвергалась артиллерийскому обстрелу со стороны итальянцев, что осложняло снабжение отрядов на фронте в верхнем течении реки Сочи. Поэтому летом 1915 г. началось строительство дороги. «Пришли инженерные отряды и начали измерять и делать чертежи дороги на Тренто. Привезли огромное количество различного строительного материала на Краньскую гору, и с этими материалами пригоняли все новых русских. На Краньской горе соорудили разные бараки, склады, конторы и т.д. В действительности движение было огромным. Трасса до Тренто была вскоре закончена, и ее разделили на 12 или 13 участков. Каждым участком руководил один инженер. Инженерами являлись по большей части чешские немцы и некоторое количество венгров. Командиром тогда был майор Римл, тоже чешский немец, который неплохо относился к русским. Первая часть дороги от Краньской горы (от Бабы) до Эрики была отведена словенскому инженеру Бештру, которого, из-за его словенского происхождения, недолюбливали немецкие коллеги, среди которых было немало евреев»²⁴.

Условия жизни и работы русских военнопленных были нечеловеческими: «Новую дорогу строили исключительно русские военнопленные, которых насчитывалось около 12 тысяч. Они жили в разных бараках от Краньской горы до Тренто. Эти бараки были очень примитивны и зимой промерзали. Пища пленных была очень плохой, и ее не хватало. На работе их разделяли по группам в 25 человек, каждую группу охранял австрийский солдат и русский переводчик, обычно еврей, который не работал. Среди пленных было довольно много поволжских немцев. Пленные были плохо одеты. Так как они должны были работать в любую погоду, их униформа большей частью была разорвана. Другой одежды они от австрийского военного управления не получили. Поэтому среди них распространялись различные болезни: обычный и кровавый понос, даже холера и оспа, и многие из них умерли»²⁵.

²⁴ *Uran F.* Op. cit. S. 157.

²⁵ *Ibid.*

С пленными обращались грубо, их нередко жестоко наказывали. Записки Урана представляют нам уникальную картину ужасных условий и недопустимого обращения с пленными инженеров и офицеров, издевавшихся над ними. Наказания были далеки от тех, которые предписывали уже принятые тогда конвенции о защите прав человека. «Обращались с русскими очень плохо. Особенно некоторые инженеры и офицеры жестоко измывались над пленными. За малейший проступок пленного привязывали к дереву, и он уже в скором времени терял сознание. Потом ему плескали в лицо холодной водой, чтобы он пришел в себя, и снова оставляли висеть два-три часа. Самым злобным из инженеров был Кавалир, венгр, который руководил строительством участка дороги под Мочилом. Когда он был пьян, то приходил с тяжелой палкой на дорогу к русским, и этой палкой молотил по русским как попало, не глядя, кого бьет. Также и многие австрийские конвоиры охотно избивали русских. Жаловаться было нельзя»²⁶. Вероятно, поэтому становится понятнее, почему русские военнопленные, как пишет Уран, были враждебно настроены по отношению к «своим собратьям по несчастью», пленникам-итальянцам. Их винили в войне и в собственной судьбе. «Когда по новой дороге конвоиры пригоняли пленных итальянцев, русские всегда нападали на них с кирками и лопатами, говоря, что итальянцы виноваты в том, что война все продолжается, поскольку она давно бы закончилась, если бы Италия не помогала русским. Итальянцам едва удавалось защищаться, чтобы их не убили на месте»²⁷.

Строительство дороги включало многочисленные дополнительные работы: подготовка деревянных столбов для подпорки, изготовление противолавинных кровель и панелей. Труд был тяжелый. «Сразу началось изготовление столбов и стропил. В Лежах военнопленные вручную распиливали бревна таким образом: один пленный придерживал его верхушку, два других пилили ручной пилой сверху вниз. Таким образом, в Лежах ежедневно изготавливали два вагона досок»²⁸. Одно-

²⁶ *Uran F.* Op. cit. S. 158.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

временно строилась инфраструктура канатных дорог, жизненно необходимая стальная артерия для обеспечения разными инструментами и припасами, прежде всего, продовольствием для солдат и фуражем. Пленники знали, что продовольствие провозят «над их головами». Испытание было велико, о чем вспоминает Уран в своих записках: «Одновременно строилась также канатная дорога, которая шла от Краньской горы до Вршича, где располагалась станция. Другая станция находилась в ущелье под нашим поселением, третья — у моста на спуске из долины к истоку Сочи. Канатная дорога была рассчитана на поклажу весом до 60 кг, и по ней перевозили прежде всего продовольствие для армии и сено для лошадей, а также различные инструменты. У Худи Равни канатная дорога проходила так низко, что нужно было подкапывать грунт. Здесь часто крали разные сумки с едой, как русские, так и австрийские солдаты. Крали также и конвоиры или же были в сговоре с ворами. Чаще всего крали посылки на фронт, так называемые «Liebergaben» (дорогие подарки). Когда строили канатную дорогу, я сказал, что ее проводят неправильно, так как ее может засыпать лавина, но надо мною смеялись, говоря, что это не так опасно, как я думаю. Многие офицеры и инженеры даже смеялись над проектом противолавинных навесов»²⁹.

При строительстве, как канатной инфраструктуры, так и дороги все время делались предупреждения о том, что действительно существует большая опасность схода лавин. Однако никто из армейского командования не воспринимал угрозу всерьез. Уже 1 октября 1915 г. по новой дороге на автомобиле проехал тогдашний наследник, последний австрийский император Карл. «Строительство дороги велось очень быстро, так что уже 1 октября 1915 г. по ней проехал на автомобиле будущий император Карл. Он ехал до Сочи в Тренто, где ему был устроен прием армейскими чинами»³⁰. Кажется, дорога была успешно завершена. Уран вспоминает, что в тот год долго не было настоящего снега. Поэтому непрерывные предупрежде-

²⁹ *Uran F.* Op. cit. S. 158.

³⁰ *Ibid.*

ния об опасности казались все более нереальными, а сам Уран стал мишенью для насмешек. «Ночью на день св. Стефана выпало немного снега, и над Мочилом из Слемена спустился небольшой пласт снега, который до пояса засыпал двоих русских. Смеясь, они сами выбрались из снега. Все те, кто это видел, тоже смеялись над ними, и еще больше надо мной»³¹. Кроме того, на вершине перевала солдаты начали возводить огромный памятник эрцгерцогу Евгению, в честь которого предполагалось назвать дорогу на Вршич: «Между тем стали строить на вершине перевала, где сейчас итальянская застава, памятник эрцгерцогу Евгению, который был главнокомандующим фронта против Италии. В честь него дорога через Вршич была бы названа “Erzherzog Eugen Strasse”. Памятник должен был быть огромной величины, как вечный символ величия Австрии. В изготовлении одного только каркаса памятника было задействовано 200 русских пленных. Я также сказал строителям этого памятника, что его накроет лавина, но мне ответили, что он будет сделан так крепко, что сможет противостоять всякой природной силе»³².

В конце февраля 1916 г. начался сильный снегопад. «Даже русские сказали, что хотя в России много снега, но такого его количества они не видели. Но я не мог и подумать, что катастрофа так близка»³³, — записал Уран как раз перед сходом судьбоносной лавины. Первая катастрофа произошла 8 марта, следующая — через несколько дней, 12 марта 1916 г. Случилось то, о чем предупреждали как местные жители, так и специалисты — с вершин в долину начали спускаться пласты снега, сметая на своем пути все — пленных, их конвоиров, построенные объекты и инфраструктуру³⁴. Уран так описал события того дня: «8 марта 1916 г. после обеда меня послали наверх, чтобы посмотреть работу. В час дня я шел от нашего дома к вершине. Была настоящая метель. Когда я дошел до Худи Равни, то услышал страшный крик, вырвавшийся из бес-

³¹ *Uran F.* Op. cit. S. 158.

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*

³⁴ *Zupanič Slavec Z., Testen P.* Op. cit. S. 93; *Koren T., Testen P.* Op. cit. S. 121–127.

численных глоток, который сразу же стих. Медленно иду вперед, а вскоре мне навстречу бегут пленные с перекошенными лицами: “Лавина, лавина!” Прибежали также несколько австрийских конвоиров. Все, кто прибежал с вершины, были так испуганы, что не могли сказать ничего внятного. Также и назад мы никого не смогли отправить. Все говорили, что скорее дадут себя убить, чем вернуться назад. Офицеры и инженеры тоже потеряли голову и не знали, что делать, поскольку всякая связь с Краньской горой и тамошним командованием сразу же прервалась»³⁵.

Работу на дороге остановили. Русские военнопленные протестовали, они не хотели больше работать. Большинство из них не желало участвовать и в спасательных работах. Их обуял даже не страх, а ужас. И не только их, а также австрийских инженеров и офицеров. Некоторые из них все же отправились на Вршич и своими глазами увидели разрушения. От ограды памятника Евгению высотой в двадцать метров не осталось и следа. Все еще шел снег, вершина скрывалась в тумане. Поэтому невозможно было реально оценить, насколько все еще велика была опасность. Мертвых на горе не нашли, только двух перед домом Тичара, их накрыл снег³⁶. В следующие дни была сформирована группа, которая стала вести спасательные работы. Скоро стало ясно, что живых не найдут. Между тем все время сползали небольшие пласты снега. Движение через Вршич остановилось. Канатная дорога была уничтожена. Никто не знал, что происходит на другой стороне. Поэтому Уран отправился в Краньскую гору получить указания «от командования», так как уже имел первые сведения о жертвах: «В Краньской горе мы узнали, что также и на другой стороне лавина произвела сильные разрушения, но точных данных еще нет, так как после катастрофы никто не был на Вршиче. Между тем было установлено, что погибли 110 пленных и еще 6 или 7 конвоиров. Это были официальные данные, которые были отправлены высшему командованию, от гражданских

³⁵ *Uran F.* Op. cit. S. 159–160.

³⁶ *Ibid.* S. 160.

властей это скрывали»³⁷. И далее: «Русские были так напуганы, что командование вскоре поняло, что от них не может быть серьезной помощи. Не менее были напуганы солдаты и офицеры. Каждый стремился уйти отсюда, даже на фронт, только бы быть подальше от этих проклятых лавин»³⁸.

Позднее, спустя несколько недель после катастрофы, когда дорогу снова попытались отремонтировать — убрать снег, расстрелять из пушек угрожающие пласты снега, даже тогда, когда, казалось, что жизнь и работа на дороге будут продолжаться, природа еще раз напомнила о себе: «Казалось, что дороге удастся расчистить и движение по ней снова будет восстановлено. Но лавина опять все перевернула. Однажды ночью, в половине двенадцатого, когда мы все уже спали, над Фоссовым домом послышался страшный шум и грохот. Офицеры в своих комнатах начали кричать, и полуодетые побежали в столовую, и стали спрашивать, что случилось, поскольку земля тряслась, и дом сильно качался. Спускалась большая лавина со Слемена. Трещало и гремело еще некоторое время, затем все затихло. С домом ничего не случилось. Наутро мы увидели последствия схода этой лавины. Огромные массы снега превратили в холм Фоссов дом. От противолавинных ограждений не осталось ни следа. Лавина все снесла в ущелье под Фоссовым домом и затем дальше в Суху Пишницу. Мощные деревянные бревна, которые были скреплены друг с другом железными обручами, были сломаны как спички, вырваны из земли. Вообще казалось, будто все было сделано из бумаги [...]. Весь технический персонал, включая русских, был полностью деморализован, поэтому командование поняло, что лучше переселиться»³⁹.

³⁷ *Uran F.* Op. cit. S. 162. О количестве жертв и разрушений в марте 1916 г. писали: *Rupnik I.* *Zgodovina Kranjske gore in okoliša* // *Gorenjska — letoviška, industrijska, trgovska, obrtna* / Ur. Mohorčič K. Novo mesto, 1931. S. 173; *Žerjav G.* // *Slovenec*. Ljubljana, 1937. 07. 04; *Blažej A.* *Kako so gradili cesto na Vršič* // *Planinski vestnik*. Letnik 52. 1952. Št. 3. S. 125–128; *Völjc J.* *Doneski k župnijski kroniki Kranjska Gora* // *Černe V.* *Borovška vas — Monografija o Kranjski Gori*. Kranjska Gora, 1992. S. 27–59; *Hribar S.* *Prispevek k zgodovini reševanja v slovenskih gorah do druge svetovne vojne* // III. zbornik 1912–1997. *Gorska reševalna služba Slovenije*, PZS. Ljubljana, 1997. S. 53; *Černe V.* *Borovška vas*. S. 16, 20; *Zupanič Slavec Ž.*, *Testen P.* Op. cit. S. 97–101.

³⁸ *Uran F.* Op. cit. S. 162.

³⁹ *Ibid.* S. 163.

Ужас перед лавинами, память о жертвах среди соотечественников, надежда, что когда-нибудь они вернуться домой — все это породило у русских военнопленных желание оставить след в этом крае. Они нашли мирное место среди ада плена, ада войны и построили Русскую часовню. Какими трудными были условия этой стройки видно также из записей в дневнике Урана. Вместе с тем именно он высказал мысль о том, что дорога — прежде всего, из-за жертв⁴⁰ — должна называться Русской дорогой: «Это история дороги через Вршич, которая должна была бы называться Русской дорогой, так как ее построили только русские. От русских пленных потребовалось большое терпение и много человеческих жертв. Число их не известно, поскольку командование держало его в строгом секрете. Я полагаю, что на дороге через Вршич погибло не менее 10 000 русских»⁴¹.

Путешественники и паломники. Воспоминания П.С. Головина (1894–1981)

После Первой мировой войны, а именно в 1920-е годы, в результате революционных событий в России в Словению переехали многочисленные русские эмигранты (студенты, бывшие журналисты, солдаты из армии Врангеля, инженеры, творческая интеллигенция и др.)⁴². Те, кто остались в Словении, сде-

⁴⁰ Относительно количества русских жертв на дороге в Вршич подробнее см.: *Zupanič Slavec Z., Testen P.* Op. cit. S. 113; *Fischer J.* Op. cit. S. 134.

⁴¹ *Uran F.* Op. cit. S. 163.

⁴² См.: *Ratej M.* Ruski diptih. Iz življenja ruske emigracije v Kraljevini SHS. Ljubljana, 2014; *Ratej M.* Begunstvo profesorja Tofana. Kulturnozgodovinski prerez Maribora v dvajsetih letih 20. stoletja. Ljubljana, 2015; *Novalija A.* Ruška matica // Monitor ISH. Ljubljana, 2014. Letnik XVI. Št. 1. S. 69–85; *Pulko R.* Šolski sistem ruskih emigrantov v Sloveniji med obema vojnama // Ibid. S. 87–106; *Granda S.* Spektorski in usoda njegove Zgodovine socialne filozofije // Ibid. S. 157–176; *Mihalčenko S.I.* Slovensko obdobje življenja Evgena Vasiljeviča Spektorskega (1930-ta leta): iz neobjavljenega gradiva // Ibid. S. 177–193; *Ratej M.* Trk svetov v družini Ganusov — umor Julije Ganusove in njenega sina Rostislava v Ljutomeru poleti 1923 // Ibid. S. 221–244; *Brglez A.* Aleksander Vasiljevič Maklecov in začetki kriminalologije na Slovenskem // Ibid. S. 245–270; *Borak N. A. B. B. A.* Aleksander Bilimovič in Aleksander Bajt: iskanje duše ekonomije/ekonomistov // Ibid. S. 271–295; *Ratej M.* Aleksander Lebedjev: mlinar, oljar, Wranglov oficir, graditelj jugoslovanskih železnic // Monitor ISH. Ljubljana, 2015. Letnik XVII. Št. 1. S. 21–38; *Rant T.* Slovenska igralka ruskega rodu — Marija Nablocka // Ibid. S. 79–101; *Zadnikar G.* Ruski znanstveniki na ljubljanski univerzi, ruski ume-

лали часовню под Вршичем своей. Она стала для них контактом с родиной, местом, где они встречались, их связью с теми пленными прошедшей войны, которые остались здесь навсегда. Об этом говорится в записках Петра Грессерова (псевдоним Головин), знаменитого словенского балетмейстера, хореографа и режиссера русского происхождения, родившегося в 1894 г. в Москве. В 1921 г. жизнь занесла его в Люблян. В Словении, как в Любляне, так и в Мариборе, он работал до 1951 г., когда завершил творческую деятельность и переселился в Канаду⁴³. В воспоминаниях под названием «Моя дорогая Словения»⁴⁴ он отвел некоторое место Русской часовне, истории русских военнопленных и русской эмиграции, которая после войны осела в Словении, а также отношению тех и других к часовне. Вот что пишет Головин: «Летом, когда в Любляне так хорошо, невозможно было только учиться. Хорошо было на несколько дней уехать в горы, Юлийские Альпы, красу и гордость словенской земли. Они очаровали меня с первого взгляда на них в июле 1926 г., когда русская колония, собравшая почти всех русских жителей Любляны, предприняла паломничество к церквушке, которую во время Первой мировой войны построили русские военнопленные. Сложена она была из тонких еловых бревен и широких пластов коры с двумя красиво оформленными колокольнями и прекрасно отделанными куполами. Слева от дверей можно было увидеть большую фотографию того времени, когда она была сооружена. На ней были изображены построенная церковь, австрийское начальство — офицеры и военные инженеры, которые сидели на скамейках в центре, и множе-

tniki v našem gledališču: kulturno in znanstveno življenje v emigraciji // Ibid. S. 103–120; *Oset Ž. Akademsko kariero Nikolaja Fjodoroviča Preobraženskega (1893–1970)* // Ibid. S. 121–150; *Brglez A. Ruski znanstveniki v Kraljevini Jugoslaviji* // Ibid. S. 151–176; *Koter D. Vplivi ruske emigracije na delovanje ljubljanske Opere med obema vojnama* // Monitor ISH. Ljubljana, 2016. Letnik XVIII. Št. 1. S. 47–68; *Rant T. Balet in ruske umetnice v Ljubljani po letu 1920* // Ibid. S. 69–86; *Oset Ž. Rusi prihajajo! Ruski profesorji na tehniški fakulteti Univerze v Ljubljani v obdobju Kraljevine SHS* // Ibid. S. 87–108 itd.

⁴³ Подробнее см.: *Testen P. Peter Gresserov — Golovin (1894–1981), Moja ljuba Slovenija* // Monitor ISH. Letnik XVII. Št. 1. 2015. S. 39–78.

⁴⁴ *Gresserov-Golovin P. Moja ljuba Slovenija. Spomini na moje delo v slovenskih operah od 1924 do 1951. Ljubljana, 1985.*

ство русских военнопленных, строителей, которые заполняли все остальное место на фотографии»⁴⁵.

Петр Грессеров впервые побывал у Русской часовни в 1926 г. Вместе с ним был полковник Ткачев, с которым они, как указывается в записках, отправились за день до «воскресного масового паломничества русских». Это единственное описание часовни, сделанное в то время. «После того как мы рассмотрели Присойник, одну из главных вершин в этой части Альп, мы отошли к церквушке. Она была сооружена из тонких еловых или сосновых бревен и покрыта, где возможно, лубом. Две или три ступеньки вели к двери во внутреннюю часть. Она была закрыта, но не заперта. Без препятствия мы вошли и увидели у задней стены алтарь, над которым на стене висели две иконы — Богоматери и Иисуса Христа с горящим сердцем на груди. Такие изображения можно часто увидеть в католических церквях и домах. Много раз я видел их также в Галиции.

На стене слева, как я уже говорил, висела большая фотография, на которой были изображены строители церкви. Фотография со временем немного выцвела, но все равно на ней можно было все различить»⁴⁶.

За этим описанием посещения Русской часовни приводится разговор, состоявшийся между участниками экскурсии под Вршичем, Головиным и полковником Ткачевым, рассказ Головина о лавине, снежной катастрофе, которая и стала важнейшим поводом для строительства часовни. «Вчера мы, Петр Сергеевич, после трудного восхождения на гору, быстро ушли, и я не успел Вам рассказать, что произошло при строительстве дороги [...]. Если вы посмотрите на церквушку, то увидите обрывистый холм. Такой холм не только здесь, но и дальше, у Вршича. Во второй половине зимы, когда весна уже близко и снег начинает таять, тут произошла страшная катастрофа. На дороге из Краньской горы в долину Тренто, тогда

⁴⁵ *Gresserov-Golovin P.* Op. cit. S. 39.

⁴⁶ *Ibid.* S. 41. Памятную икону св. Владимира сохраняли после Второй мировой войны сербские церковные православные общины, а к церквушке приносили только в дни памяти в последнюю неделю июля. См.: *Gabršček S.* *Obnova ruske cerkvice pod Vršičem; Zupanič Slavec Z., Testen P.* Op. cit. S. 169.

имевшую стратегическое значение, именно на ту ее часть, где находилось множество строителей, спустился огромный снежный пласт, который за считанные минуты похоронил под собой сотни строителей-военнопленных [...]. Выживших русских и австрийское начальство эта смертоносная лавина потрясла настолько, что они решили построить церковь в память о несчастных [...]. Среди русских военнопленных были искусные строители, которые создали проект церквушки в северорусском стиле и по нему ее построили»⁴⁷.

После этого разъяснения Ткачев и Головин стали осматривать окрестности часовни, и постепенно к ним присоединились все остальные члены русской колонии. Важно, что благодаря Головину мы получили возможность узнать о послевоенных встречах членов русской общины, совершавших паломничество к альпийским вершинам. «В то время в Любляне было немного автомобилей. Вероятно, их имели только очень известные и богатые люди. Поэтому все наши паломники шли пешком от Краньской горы. И шли не кто как хотел, а в порядке значимости [...]. Впереди шли самые уважаемые люди русской колонии: университетские профессора с женами и детьми, и с ними священник. Потом шли люди средних лет, семьи, а в конце — студенты, которых было больше всех [...]. Если не ошибаюсь, тогда на первом курсе университета было более ста русских студентов. В последующие годы их осталось не больше половины — некоторые уехали в Париж, некоторые — в Берлин, многие — в Бельгию»⁴⁸. Когда все собрались у часовни, на свободном, довольно большом пространстве перед входом в церковь состоялось богослужение, а затем дружеская трапеза. [...] Паломники расположились вокруг церкви и разложили сумки и корзины, чтобы поесть. Головин заканчивает свой рассказ так: «Вообще паломничество к церквушке, которое переросло в веселый пикник, произвело на многих, в том числе и на меня, неизгладимое впечатление... Уже позднее, через несколько лет, когда я женился и имел маленького сына и дочь, я всегда выбирал для наших летних путешествий места по на-

⁴⁷ *Gresserov-Golovin P.* Op. cit. S. 41.

⁴⁸ *Ibid.* S. 43.

правлению к русской церквушке, сначала к дому Эрьявца, на Мойстровко и, в конце концов, на Вршич, откуда открывался прекрасный вид на горные вершины и шла тропинка в долину Тренто к удивительной, синей и ледяной Соче. Там мы были много раз»⁴⁹.

То, что место у Русской часовни имело особое значение как для русских военнопленных, так и для русских эмигрантов после Первой и Второй мировых войн, не вызывает сомнения⁵⁰. Для тех и других Русская часовня как в прошлом, так и сейчас является местом, где на мгновение останавливаются все, кто проходит мимо. Это край, где всегда ищешь ответы на великие вопросы, где жаждешь внутреннего покоя, и где человек заглядывает в глубины своей души в поисках «дома». Это край, в котором мысли приходят ко всем, кто стремился здесь вернуться на родину или, по крайней мере, хотел ее почувствовать. Также и Головину возле русской часовни пришла мысль, которую он высказал полковнику Ткачеву. «Не кажется ли Вам удивительным то, что мы, два царских офицера, которые столько времени воевали, которые защищали родину, в благодарность за все, что мы сделали, оказались здесь, среди Альп, вместе с теньями наших погибших соотечественников?»⁵¹

In memoriam

Русская часовня сейчас рассматривается как бесценное культурное наследие предальпийских просторов. Международный проект «Дорога мира от Альп до Адриатики», который был разработан и развивается под эгидой учреждения «Создание дороги мира в Посочье» с центром в Кобариде⁵², объединяет многие памятные знаки, памятники, надгробия на могилах, мемориальные кладбища, окопы, укрепления и т.д. К объектам наследия относятся также религиозные сооружения, такие, как часовни. На этой дороге их много, и многие из них напоминают о представителях различных народов, сражав-

⁴⁹ *Gresserov-Golovin P.* Op. cit. S. 44.

⁵⁰ *Gabršček S.* Op. cit. S. 169.

⁵¹ *Gresserov — Golovin P.* Op. cit. S. 42.

⁵² См.: <http://www.potmiru.si> (дата обращения: 17.03.2017).

шихся на Сочанском фронте. Часовни имеют свои названия, например, венгерская часовня, немецкая часовня и другие. В память о Сочанском фронте была построена и мечеть в Логе под Мангартом. Если бы она сохранилась, то в 2016 г. отмечалось бы ее столетие. Однако остались лишь документальные свидетельства ее существования. Зато мы отметили столетний юбилей удивительной церкви Яворца⁵³. До сих пор над ее входом сохранилась надпись: «Ultra sine res hostium ira non super est»⁵⁴. Не лишним будет сказать, что стараниями организации «Дорога мира от Альп до Адриатики» она вошла в список Европейского культурного наследия. Частью этого наследия является и Русская часовня.

Русская часовня под Вршичем в 2016 г. отметила свой столетний юбилей. Также в последние годы отмечаются и столетние юбилеи других памятников Первой мировой войны, как тех, что запечатлели битвы и победы, так и тех, что стали свидетельствами поражений и человеческих трагедий. Можно говорить на языке политики, военных стратегий, литературы, человеческой трагедии — в результате все сводится к одному вопросу: где здесь место человека и того, что выше его? Где и в чем смысл того, что здесь, и того, что находится по ту сторону? Несмотря на вероисповедание или его отсутствие, на силу духовности или бездну опустошенности, война пробуждает в человеке что-то наиболее скрытое, бессознательное и, в большинстве случаев, прежде всего — огромное желание выжить. Может быть, это желание даже больше стремления действительно понять непостижимое, по крайней мере, там, где немислимая бесчеловечность военной повседневности соприкасается с тем, что по ту сторону, что остается как надежда, как нечто, что выше того, что мы имеем здесь и сейчас. Край, где сходятся небо и земля.

Перевод со словенского И.В. Чуркиной

⁵³ См.: <http://www.potmiru.si/slo/cerkev-svetega-duha-na-javorci> (дата обращения 17. 03. 2017).

⁵⁴ «Вражда не проходит сквозь пепел умерших».

Т.И. Чепелевская

Из истории российской словенистики: Майя Ильинична Рыжова — жизнь в науке

T.I. Chepelevskaya

From the history of Slovene studies in Russia: Maya Ilinichna Ryzhova — life in science

Статья посвящена светлой памяти М.И. Рыжовой, представительнице старшего поколения российских словенистов, известному литературоведу, переводчику, посвятившей всю жизнь изучению литературы и культуры Словении, истории русско-славянских литературных связей. Автор прослеживает творческий путь известного ученого, исследует ее вклад в советское и российское славяноведение второй половины XX — начала XXI в., отдельно выделяя ее переводческую деятельность, которая во многом способствовала популяризации словенской литературы в нашей стране. Создавая портрет ученого, автор опирается и на свои личные впечатления от встреч и бесед с М.И. Рыжовой.

Ключевые слова: Рыжова Майя Ильинична, словенская литература, российская словенистика, литературный перевод, российско-словенские литературные связи.

The article is devoted to the memory of M. I. Ryzhova, a representative of the older generation of Russian Slovenians, a well-known literary critic, a translator who devoted his life to the study of literature and culture of Slovenia, the history of Russian-Slavic literary relations. The author traces the creative path of the famous scientist, explores her contribution to the Soviet and Russian Slavonic studies of the second half of XX — early XXI centuries, singling out her translation activities, which greatly contributed to the popularization of Slovenian literature in our country. Creating a portrait of the scientist, the author relies on his personal impressions of meetings and conversations with M. I. Ryzhova.

Key words: Maya I. Ryzhova, Slovenian literature, Slovene studies in Russia, literary translation, Slovenian-Russian literary relations.

Эта статья — дань памяти Майе Ильиничне Рыжовой (1927–2017), представительнице старшего поколения российских словенистов, долгие годы радовавшей нас, словенистов, славистов и тех, кто интересуется историей и культурой славян, своими глубокими литературоведческими исследованиями по истории и культуре Словении, блестящими переводами стихов и прозы со словенского на русский язык, доброжелательному коллеге, широкой души человеку.

Майя Ильинична родилась 1 июля 1927 г. в селе Гостилицы (ныне — Ломоносовского района Ленинградской области) в семье служащих: ее мама, дочь священника, Галина Александровна Люцернова, работала агрономом, а отец, Илья Федорович Рыжов, был партийным работником, председателем волостного исполкома. Ее школьные годы, уже в Ленинграде, пришлось на одно из самых трагических событий в истории нашей страны: вместе с мамой, братом и бабушкой она пережила весь период Ленинградской блокады во время Великой Отечественной войны. Это время оставило в душе юной Майи тяжелые и горькие воспоминания, связанные со смертью родных и знакомых; память о летних поездках в 1942 и 1943 гг. в окрестности Ленинграда для работы на совхозных огородах, чтобы поддержать изнемогающих от голода детей и взрослых.

После окончания школы в 1947 г. Майя Ильинична поступила на филологический факультет Ленинградского государственного университета и в 1952 г. успешно окончила его славянское отделение. Во время учебы она изучала сербский (сербскохорватский) язык, который студентам преподавала Ирина Владимировна Арбузова¹ (о ней М.И. Рыжова, как и многие ее бывшие студенты, всегда отзывалась с искренней теплотой и уважением); слушала лекции по истории сербской и хорватской литератур.

Но уже в студенческие годы произошли два события, во многом повлиявшие на будущий выбор ученого-слависта. Как

¹ И.В. Арбузова — известный преподаватель-сербист, автор статей, методических пособий и соавтор одного из лучших учебников по сербскому (сербскохорватскому) языку. См.: *Арбузова И.В., Дмитриев П.А., Соколь Н.И.* Учебник сербскохорватского языка. Л., 1966.

вспоминала сама Майя Ильинична, им, третьекурсникам, попал в руки издававшийся в Белграде литературный журнал, где были напечатаны сочинения современных писателей. Было в нем и несколько небольших произведений Ивана Цанкара (1876–1918) в переводе на сербский язык. Эти рассказы так потрясли студентов, что один из них даже собирался написать письмо автору, но им объяснили, что этот словенский писатель не их современник и его уже нет в живых. Майю Ильиничну, по ее словам, тоже тронули рассказы И. Цанкара (в том числе и «Врзденец», напечатанный в журнале), она сразу почувствовала силу и своеобразие его стиля². А позже она познакомилась со стихами Ф. Прешерна (1800–1849) в переводе Ф.И. Корша³, которые вызвали у нее большой интерес. Благодаря этим «открытиям» словенская литература и словенский язык, о которых будущие слависты пока еще не имели представления, поскольку тогда о них даже не упоминалось, становились более понятными и близкими.

Уже в годы учебы у Рыжовой-студентки сложилась твердая убежденность продолжить образование в аспирантуре, однако в родном университете сделать этого не удалось⁴. Тем не менее Майя Ильинична с блестящими рекомендациями и твердой решимостью поступать в аспирантуру и заниматься далее научным трудом была приглашена в Москву, где в период с 1952 г. по 1975 г. работала младшим научным сотрудником в составе ленинградской группы Института славяноведения АН СССР (с 1968 г. — Институт славяноведения и балканистики АН СССР, в настоящее время Институт славяноведения Российской академии наук).

² Рыжова М. Судьба мне улыбнулась... // Словенская новелла XX века в переводах Майи Рыжовой. М., 2011. С. 314.

³ Стихотворения Франца Прешерна / перевод Ф. Корша со словенского и немецкого подлинников. М., 1901.

⁴ После получения в 1952 г. университетского диплома М.И. Рыжова недолгое время работала в должности помощницы заведующей кафедрой славянской филологии лингвиста Эрики Антоновны Якубинской-Лемберг (1895–1961) и одновременно готовилась к поступлению в аспирантуру, но вскоре в университете был введен запрет на совмещение преподавательской и научно-исследовательской деятельности, что фактически перечеркивало ее планы.

В Институте М.И. Рыжова сразу была зачислена в сектор лингвистики, в те годы возглавляемый выдающимся российским лингвистом-славистом и фольклористом Никитой Ильичом Толстым (1923–1996), и в течение нескольких лет занималась сбором и обработкой языковых массивов, относящихся к разнообразным текстам на языках южных славян, а также вместе с коллегами по Институту Ю.Д. Беляевой и А.А. Зайцевой трудилась над библиографией переводов с русского языка у южнославянских народов для «Литературного лексикона Матицы Сербской» (в рамках этой работы были подготовлены также развернутые комментарии, которые, к сожалению, не вошли в издание)⁵. Результаты этой деятельности были высоко оценены сербскими коллегами: в 1969 г. Майя Ильинична стала членом-сотрудником Матицы Сербской, этого старейшего сербского культурно-просветительского учреждения⁶.

В процессе подготовки библиографических справок М.И. Рыжовой приходилось обращаться к разным, в том числе словенским, текстам, и молодая исследовательница, решив освоить еще один славянский язык, начала самостоятельно погружаться в глубины словенского литературного материала. В первую очередь она обратилась к произведениям так полюбившегося ей И. Цанкара — по ее словам, «читала со словарем, кое-что понимала интуитивно»⁷. А когда в Институте был организован курс словенского языка, Майя Ильинична в течение зимы 1956 г. вместе с другими коллегами с удовольствием стала посещать эти занятия. Их преподавателем был Петер Когой, московский словенец, диктор на Радио, осуществлявшего трансляцию на Югославию. Он стремился пробудить у молодых славистов интерес и любовь к его родному языку, почувствовать его красоту и мелодичность.

Как считала сама Майя Ильинична, ряд событий, сложившись в причудливую мозаику, определил ее дальнейшую судьбу, укрепил ее решение оставить лингвистику и обратиться к

⁵ Первый том Лексикона вышел в 1972 г.

⁶ Матица Сербская была основана, как неофициальная организация, 16 февраля 1826 г.; в 1837 г. получила официальное разрешение на деятельность; в 1864 г. переведена в Нови-Сад.

⁷ *Рыжова М.* Судьба мне улыбнулась... С. 314.

литературоведческим исследованиям. В первую очередь таким событием стал ее переход в сектор славянских литератур, который возглавлял выдающийся ученый-славист, богемист Сергей Васильевич Никольский (1922–2015). Однако при этом возникли новые проблемы и среди них главная — кто станет научным руководителем молодого исследователя, выбравшего в качестве темы кандидатской диссертации словенскую литературу, по которой в Институте пока еще не было специалистов? Конечно, М.И. Рыжову привлекали фигура И. Цанкара и его богатое литературное наследие. Однако Николай Иванович Кравцов (1906–1980), один из ведущих и авторитетных славистов-литературоведов Института, посоветовал ей взять другую тему, посвященную словенской поэзии. К тому же, творчеством И. Цанкара уже начала заниматься сотрудница Института Евгения Ивановна Рябова (1925–1976). Она, по меткому выражению М.И. Рыжовой, была нашим «первопроходцем в области изучения словенской литературы», талантливым, серьезным исследователем, обратившимся к изучению важных аспектов периодизации литературного процесса у словенцев и к характеристике наиболее ярких и значимых фигур словенской литературы. Майя Ильинична в разговорах с нами, словенистами-филологами последующих поколений, вспоминая то время, всегда отмечала большой вклад, который Евгения Ивановна внесла в дело популяризации изучаемой ею литературы, в установление и укрепление связей и контактов со словенскими коллегами и представителями широкой общественности. Она также хранила в памяти ту особую дружескую атмосферу помощи и поддержки, в которой происходили их научные контакты с Е.И. Рябовой, и вместе с тем заинтересованно критическое обсуждение ее первых работ в рамках выбранного направления исследования. Наконец, в результате консультаций с Н.И. Кравцовым и другими сотрудниками Института был сделан окончательный выбор темы кандидатской диссертации М.И. Рыжовой, обращенной к истории словенской поэзии конца XIX — начала XX в. и ее связям с русской литературой.

Работа над первой статьей в рамках общей темы по истории словенской поэзии рубежа XIX–XX вв. («Социальная тема

в поэзии Антона Ашкерца», 1960 г.⁸) давалась молодому исследователю непросто: приходилось выслушивать серьезные замечания коллег (в частности, Е.И. Рябовой), вносить исправления и дополнять текст новыми материалами. В дальнейшем скрупулезное изучение русско-словенских культурных и литературных связей, особенностей восприятия русской литературы в Словении стало для Майи Ильиничны основой для дальнейшего погружения в творчество ведущих представителей литературного течения «Словенска модерна»: поэтов Отона Жупанчича, Драготина Кетте, Йосипа Мурна, каждому из которых ею была посвящена отдельная статья или ряд статей. Некоторые из них были опубликованы в ведущих словенских изданиях⁹.

В процессе подготовки к защите кандидатской диссертации «Словенская поэзия конца XIX — начала XX в. и русская литература» (она успешно прошла в 1973 г.) М.И. Рыжова продолжила изучение творчества словенских поэтов рубежа XIX–XX вв., фокусируя внимание на социальной проблематике — в рамках темы, предложенной заведующим сектором С.В. Никольским, — о становлении социальной поэзии у южнославянских народов. В работу над ней включились и иностранные коллеги. Так, выдающийся словенский ученый, историк литературы, профессор Люблянского университета Франц Задравец (1925–2016) организовал семинар, и его студенты со-

⁸ *Рыжова М.И.* Социальная тема в поэзии Антона Ашкерца // Литература славянских народов. М., 1960. Вып. 5. С. 154–212.

⁹ *Рыжова М.И.* Антон Ашкерц и русская литература // Литература славянских народов. М., 1961. Вып. 6. С. 179–206; Стихотворение Антона Ашкерца «Русский язык» // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 391–402; Dragotin Kette in ruska literatura // Slavistična revija. 1974. Št. 2. S. 183–203; Мотивы поэзии А.В. Кольцова в творчестве Йосипа Мурна // Советское славяноведение. 1972. № 5. С. 42–52; Йосип Мурн и русская литература // Русско-югославские литературные связи. М., 1975. С. 212–250; Русская литература в словенских переводах Отона Жупанчича // Русская литература. Л., 1977. № 3. С. 157–168; Творчество М.Ю. Лермонтова в восприятии словенских поэтов XIX — начала XX в. // Русская литература. Л., 1979. № 3. С. 149–164; Поэты словенского модерна и творчество А.В. Кольцова // Obdobje simbolizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. (Obdobje 4) I. Ljubljana, 1983. S. 347–362; Русская поэзия первой половины XIX в. в творческом восприятии Отона Жупанчича (ранние этапы) // Взаимосвязи русской и зарубежной литературы. Л., 1983. С. 282–303.

бирали материалы, формируя базу данных для дальнейшего исследования, однако этому проекту, к сожалению, не суждено было реализоваться¹⁰.

В середине 1970-х годов ленинградская группа Института славяноведения по ряду причин (в том числе, и из-за ее малочисленности) была расформирована, и с 1975 г. М.И. Рыжова продолжила свою научную работу в Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) младшим научным сотрудником в секторе взаимосвязей русской и зарубежных литератур, которым руководил в то время академик М.П. Алексеев (1896–1981). Здесь Майя Ильинична проработала до выхода на пенсию в 1983 г. В центре ее исследовательского внимания по-прежнему оставались тема словенско-русских литературных связей и история словенской поэзии и прозы. Она писала статьи, рецензии, также выступала составителем сборников избранных произведений классиков словенской поэзии, подготовленных издательством «Художественная литература»: Франце Прешерна («Лирика», 1970), Антона Ашкерца («Избранное», 1987), к книге которого она написала развернутое предисловие и комментарии; она также являлась автором статей о словенских писателях для энциклопедических изданий. Среди ее литературоведческих исследований этого периода особое место занимает объемная статья «Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития словенской национальной литературы (XIX в.)»¹¹, где автор подробно остановилась на биографии Ф. Прешерна, выделила ту часть его творческого наследия, о которой в нашей науке было мало известно. Она убедительно доказала, что «обращение Прешерна к достижениям немецкой литературы и эстетической мысли, использование немецкого языка в качестве второй языковой основы поэтического творчества было явлением закономерным на соответствующем этапе развития словенской национальной литературы в суще-

¹⁰ Сборник по данной теме был выведен из плана, а уже готовая статья М.И. Рыжовой была опубликована в серийном издании Института: см. п. 8.

¹¹ *Рыжова М.И.* Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития словенской национальной литературы (XIX в.) // *Многоязычие и литературное творчество.* СПб., 1981. С. 240–286.

ствовавших тогда условиях массового билингвизма словенской интеллигенции»¹². М.И. Рыжова сделала этот вывод, опираясь на многочисленные исследования как словенской, так и зарубежной прешернианы, труды крупнейших словенских ученых 1920–1970-х годов (среди них: А. Жигон, И. Приятель, Ф. Кидрич, Б. Зихерл, Й. Видмар, А. Слодняк, Я. Кос, Б. Патерну и др.), а также на работу 1973 г. английского ученого Роберта Оти.

Выйдя на пенсию, Майя Ильинична продолжила свои исследования; ее, как одного из ведущих и авторитетных словенистов старшего поколения, пригласили участвовать в коллективном труде Института славяноведения РАН — трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (1997, 1997, 2001). Для третьего тома ею была написана глава о словенской литературе рубежа XIX–XX вв., в которой органично соединились и результаты ее научных изысканий прежних лет, и новые данные, свидетельствующие о глубоком постижении всей многогранной палитры литературного процесса у словенцев этого периода. Позже эта глава вошла в двухтомную «Историю словенской литературы» (М., 2010, 2014), ставшую результатом совместного российско-словенского проекта¹³. В 2012 г. вышел из печати «Лексикон южнославянских литератур»¹⁴, в подготовке которого приняли участие ведущие ученые Института славяноведения РАН, коллеги из Санкт-Петербурга, представители разных поколений славистов: от аспирантов до маститых исследователей. Майя Ильинична подготовила восемь статей, посвященных наиболее значимым словенским поэтам и прозаикам: Ф. Прешерну, С. Енко, А. Ашкерцу, О. Жупанчичу, Д. Кетте, Й. Мурну, А. Граднику, Прежихову Воранцу,

¹² *Рыжова М.И.* Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития словенской национальной литературы (XIX в.) // Многоязычие и литературное творчество. СПб., 1981. С. 280–286.

¹³ *Рыжова М.И.* Словенская литература // История литератур западных и южных славян. Т. 3. Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год) / Редкол.: Л.Н. Будагова (отв. ред.), Р.Ф. Доронина, С.В. Никольский. М., 2001; Словенская литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918). Реализм, натурализм, модерн // Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков / Отв. ред. Н.Н. Старикова. М., 2010.

¹⁴ Лексикон южнославянских литератур / Редкол.: Г.Я. Ильина (отв. ред.), И.И. Калиганов, Н.Н. Пономарева, Н.Н. Старикова. М., 2012.

М. Кранцу. В том же 2012 г. вышел из печати, приуроченный к 85-летию юбилею М.И. Рыжовой, труд «Словенская поэзия конца XIX — начала XX в. и русская литература»¹⁵, в котором для создания целостной картины исследуемого явления были объединены ее статьи из разных научных сборников и журналов. При этом некоторые положения и выводы были автором пересмотрены и сделаны важные дополнения — с учетом новых исследований по теме, появившихся как в нашей стране, так и за рубежом.

Следует отметить, что научная работа сотрудников академических институтов всегда тесно переплеталась с деятельностью по установлению и развитию всесторонних контактов с коллегами из других стран, в первую очередь, тех, культуру которых они изучали. В 1958 г. М.И. Рыжова приняла участие в первом послевоенном IV Международном съезде славистов, который прошел в Москве. Эта встреча ученых разных стран принесла ей удивительные знакомства со словенскими коллегами, которые составляют оплот словенской науки. Среди них: Борис Патерну, Марья Боршник, Антон Слюдняк, Франц Задравец и др. Б. Патерну (с ним Майя Ильинична некоторое время переписывалась) привлек ее к сотрудничеству в «Славистическом журнале» («Slavistična revija»), на страницах которого были напечатаны некоторые из ее статей («Д. Кетте и русская литература», 1974; «Отон Жупанчич в России: к истории переводов произведений Жупанчича на русский язык», 1979¹⁶). Позже, уже в Санкт-Петербурге, она познакомилась и с молодыми словенскими учеными: русистами Михой Яворником, Блажем Подлесником, Дарьей Маркоя и др.

Всегда с теплотой я вспоминаю встречу с Майей Ильиничной в 2003 г., когда мы, словенисты-филологи из Института славяноведения РАН, оказались вместе со своими коллегами из Санкт-Петербургского государственного университета (М.Л. Бершадской, А.Г. Бодровой) и Философского факультета

¹⁵ *Рыжова М.И.* Словенская поэзия конца XIX — начала XX вв. и русская литература. СПб., 2012 (Библиотека журнала «Невский альманах»).

¹⁶ *Ryžova M.I.* Dragotin Kette in ruska literatura // *Slavistična revija*. 1974. Št. 2. S. 183–203; *Ryžova M.* Oton Župančič v Rusiji: k zgodovini prevodov Župančičevih del v ruščino // *Slavistična revija*. 1979. Št. 1. S. 33–66.

Люблянского университета, участниками большой международной конференции «Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова», где выступали с докладами в разных секциях. Но в первый же свободный день все вместе мы собрались в гостях у Майи Ильиничны в ее маленькой уютной квартирке на Мойке. Это был настоящий словенский вечер, где звучали шутки и остроты на русском и словенском языках, где вспоминали любимых словенских и русских фольклорных и литературных персонажей, говорили о новых исследованиях и переводах. Словенские гости рассказывали о новостях университетской жизни, с большим вниманием и пиететом слушали воспоминания о первых шагах нашей словенистики из уст одного из ее пионеров. Майя Ильинична с удовольствием делилась с нами и впечатлениями от своей единственной командировки в Словению в 1995 г. В рамках ее она, к тому времени уже ставшая членом Союза писателей России (с 1990 г. по секции перевода), приняла участие в международном симпозиуме и выступила с докладом, посвященным переводам поэзии Ф. Прешерна на русский язык. Во время пребывания в Словении ее тепло встречали словенские коллеги и друзья, отдавая дань профессионализму и большим заслугам в деле многолетнего изучения и популяризации словенской литературы и культуры в России. Вместе с другими участниками симпозиума она посетила красивейшие места страны, историю, литературу и культуру которой она изучала с глубоким вниманием и любовью.

Особое значение для профессионального становления и развития Майя Ильинична придавала периоду ее сотрудничества в 1970–1980-е годы с издательством «Художественная литература». Это было время издательского бума в нашей стране, когда произведения славянских писателей переводились на русский и другие языки народов СССР и издавались массовыми тиражами, при этом книги славянских авторов были востребованы читателями.

Сама М.И. Рыжова называла это время «улыбкой судьбы»: ее приглашали как переводчика и составителя подобных изданий, а одновременно погружали в творческую лабораторию литературного редактирования. Это сотрудничество Майи Ильи-

ничны с лучшими литературными редакторами крупнейших издательств страны продолжалось долгие годы. Вот как она вспоминает об этом: «Судьба мне улыбнулась: почти все время моим редактором была Ольга Дмитриевна Кутасова, обладающая прекрасным вкусом в выборе произведений для перевода и тонким языковым чутьем, ощущением стиля. Сотрудничать с ней всегда было приятно и полезно»¹⁷. Также она работала с другими редакторами: известным переводчиком Александром Дмитриевичем Романенко, Татьяной Николаевной Кустовой, а позже, в период сотрудничества с издательством «Прогресс», — с Риммой Петровной Грецкой. Участвуя в разных проектах, связанных с переводами произведений югославских писателей, М.И. Рыжова обращалась к текстам Прежихова Воранца, Мишко Кранеца, Франце Бевка, Цирила Космача, Юша Козака и других авторов, но главное — к творчеству так любимого ею Ивана Цанкара. Сначала это были небольшие рассказы, новеллы, которые вместе с другими печатались в сборниках и антологиях. Сама переводчица считала, что выбор произведений словенских писателей в то время был, как правило, удачным, поскольку это были не только крупные прозаики и поэты, но и представители разных словенских регионов, патриоты своей «малой родины» (для Ф. Бевка — это словенское Приморье, у Кранеца — Прекмурье, у Прежихова — Каринтия), а значит, переводчик мог донести до читателя как природное своеобразие этих мест, так и психологический склад людей, их населяющих и одновременно осознающих себя словенцами.

В 2011 г., в преддверии 85-летнего юбилея Майи Ильиничны, лучшие переводы малой словенской прозы были объединены в книгу «Словенская новелла XX в. в переводах Майи Рыжовой» и изданы «Центром книги Рудомино» при финансовой поддержке Государственного агентства книги Республики Словения и Фонда Трубара при Обществе словенских писателей¹⁸.

¹⁷ Рыжова М. Судьба мне улыбнулась... С. 315.

¹⁸ Словенская новелла XX в. в переводах Майи Рыжовой / отв. редакторы: Ю.А. Созина, Ю.Г. Фридштейн. М., 2011. (Серии «Словенский глагол» и «Мастера художественного перевода»). В книгу вошли рассказы и новеллы И. Цанкара: «За праздничными лепешками», «В потемках», «Святой Иоанн в селе Бильки», «Дети и старики», «Врзденец», «Вечерняя молитва».

В том же году вышел перевод (совместно с М.Л. Бершадской¹⁹) исторического романа известного современного словенского прозаика Драго Янчара «Катарина, павлин и иезуит»²⁰.

Она также активно откликнулась на приглашения участвовать в различных сборниках и альманахах как переводчик словенской поэзии, представив, например, русскому читателю сонеты Каэтана Ковича²¹ и других современных авторов²².

Но особое место в ее переводческом багаже отведено И. Цанкару. Помимо его малой прозы, М.И. Рыжова обратилась и к переводам его крупных произведений: первым в печати появился роман «Чужие» (1987), затем полный перевод романа «Обитель Марии Заступницы» (в рамках издательского проекта словенца Юста Ругеля — 2003 г.)²³. С начала 2010-х годов благодаря знакомству Майи Ильиничны с игуменом Евстафием, настоятелем храма Рождества св. Иоанна Предтечи, который оценил и полюбил творчество словенского писателя, начался период ее плодотворного сотрудничества с Православным благотворительным фондом св. Иоанна Предтечи. Хочется отметить, что все последующие переводы произведений И. Цанкара были осуществлены Майей Ильиничной на безвозмездной основе. Это был, как она признавалась в одной из наших бесед, ее дар замечательному писателю, блестящему художнику слова, мечтателю, борцу, Человеку. Так, одна

¹⁹ Бершадская Марианна Леонидовна (род. в 1937 г.) — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета, автор многих работ по истории словенской литературы и других славянских литератур, известный переводчик с сербского и словенского на русский язык.

²⁰ Янчар Д. Катарина, павлин и иезуит / Пер. со словен. М.Л. Бершадская, М.И. Рыжова. СПб., 2011.

²¹ Кович К. Диалог. Два сонета / Пер. со словен. Ю. Гусева, М. Боролицкой, Г. Агафонова, М. Рыжовой // Иностранная литература. 2002. № 12.

²² Из словенской поэзии // Литературное сотрудничество «ИЗ ВЕКА В ВЕК»: Поющие письма. II Международный поэтический фестиваль славянской поэзии / Пер. со словен. Ж. Перковской, М. Рыжовой, С. Гловюка, Е. Лесина. Тверь, 2010.

²³ Цанкар И. Чужие. На улице бедняков; Мартин Качур / предисл. Е. Рябовой, перев. Е. Рябовой, М. Рыжовой, С. Урбана. М.: Художественная литература. 1987; *он же*. Обитель Марии Заступницы: Роман, рассказы / Пер. со словен. М. Рыжовой. М., 2003 (проект «Словенская классика»).

за другой вышли, при деятельной поддержке отца Евстафия и Фонда, небольшие книжечки новых переводов произведений И. Цанкара: роман «Крест на горе» (2014), повести «Грешник Ленарт» (2015), «Моя жизнь» (2016), «Алеш из Разора» (2016), «Поездки Николая Никича» и «Сосед Лука» (2017)²⁴, которые мы, московские филологи-словенисты, всегда получали с первой же оказией.

Обязательным элементом работы над этими изданиями, по замыслу М.И. Рыжовой, было написание предисловий с учетом расширившейся читательской аудитории: два из них написала молодая исследовательница, доцент Санкт-Петербургского государственного университета А.Г. Бодрова, остальные — сама переводчица. В них — стремление раскрыть читателю свое понимание этого удивительного писателя, человека с непростой судьбой и необычайно стойкой преданностью своей родине. Хочется отметить скрупулезную работу Майи Ильиничны по отбору произведений для перевода. Уже после появления в печати романа «Крест на горе», о чем она долго мечтала, работая, как говорят, «в стол», в наших регулярных телефонных разговорах не раз вставал вопрос о том, что взять для нового издания, и практически всегда наши мнения совпадали. Выбирая произведения И. Цанкара разных лет и периодов творчества, она старалась как можно более полно и глубоко представить писателя, сумевшего отразить в своих творениях важнейшие исторические события и общественные процессы, затронувшие жизнь всего словенского народа и каждого отдельного человека: от ребенка или батрака, остро переживающих социальную несправедливость, до учителя или художника, ощущающих

²⁴ Цанкар И. Крест на горе / Перевод и предисловие М.И. Рыжовой. СПб.; Шлиссельбург, 2014; Грешник Ленарт / Перевод со словен. М. Рыжовой / автор предисловия — А. Бодрова. СПб., 2015; Моя жизнь / Перевод со словен. М. Рыжовой. СПб., 2016; Алеш из Разора / Перевод и предисловие М. И. Рыжовой. СПб.; Шлиссельбург, 2016; Поездки Николая Никича. Сосед Лука. СПб., 2017. Издания осуществлены Православным благотворительным фондом св. Иоанна Предтечи.

Более полная, скрупулезно собранная словенским исследователем из Марибора Ю.Э. Ройсом, библиография переводов и работ М.И. Рыжовой (до 2007 г.) вошла в статью к ее 80-летию. См.: *Rojš J.E. Osemdeset let Maje Pjinične Ryžove // Slavistična revija. Ljubljana, 2007. L. 55. Št. 4. S. 691–694.*

себя «чужими», невостребованными на родине, или солдата перед лицом смерти.

У Майи Ильиничны не было аспирантов, соискателей, учеников, которыми бы она руководила и вела по непростому пути научного поиска. Но многие из нас, словенистов и славистов, учились на ее статьях и переводах, а мне посчастливилось обрести умного, доброжелательного и справедливо требовательного критика многих моих работ, начиная с далекого 1990 г., когда она согласилась стать оппонентом моей кандидатской диссертации о И. Цанкаре²⁵.

Она воспитывала своим примером — необычайной преданностью науке, уважением к стране, которую она изучала, внимательным и уважительным отношением к коллегам. Ее научные исследования поражают глубоким проникновением в материал, скрупулезным анализом историко-культурной обстановки, в которой развивается рассматриваемое литературное явление, смелостью в постановке новых проблем и отстаивании своей позиции, огромным желанием представить во всем многообразии изучаемую ею литературу и культуру словенцев.

Блестящие переводы М.И. Рыжовой, многие из которых переизданы, помогают русскоязычному читателю глубже почувствовать стиль писателя или поэта и проникнуть в завораживающую красоту словенской земли и ощутить силу народа, который, вопреки многим прогнозам, сохранил идентичность, язык и в 1991 г. провозгласил государственную независимость.

Майя Ильинична, Маечка, как ласково называли ее те, с кем она когда-то работала в Москве, прожила долгую жизнь. И всегда она щедро делилась своими знаниями с коллегами, помогала советами и собственным примером беззаветного служения науке. Ее доброта, сердечность, истинная петербургская интеллигентность, ненавязчивое внимание к окружающим навсегда останутся в нашей памяти.

²⁵ *Чепелевская Т.И.* Повести и романы И. Цанкара 1900–1907 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1990.

II. История и политика

М. Зайц

Словенская пресса и Россия в конце XIX — начале XX в.: отношение к К.П. Победоносцеву

М. Zajc

Slovenian Press and Russia in the late XIX — early XX centuries: attitude to K.P. Pobedonostsev

Жизнь и деятельность К.П. Победоносцева были известны словенской общественности прежде всего благодаря немецкой прессе. Либеральная общественность с симпатией смотрела на трактовку православной церкви как народной и на веру Победоносцева в «крепкий» русский народ. Словенская католическая общественность делала акцент на то, что Россию необходимо понимать, а также с симпатией смотрела на идеи Победоносцева о месте веры в обществе. Но с другой стороны, католическая пресса осуждала его за цезаропапизм и за гонения против католиков. Как для либеральных, так и для католических критиков было проблематично оценить его отношение к демократии и парламентаризму, хотя, как те, так и другие, соглашались, что критика Победоносцева справедлива.

Ключевые слова: К.П. Победоносцев, словенцы, критика, Россия, словенские либералы, словенское католическое движение.

Life and work of K.P. Pobedonostsev were known to the Slovenian public, primarily thanks to the German press. The liberal public looked sympathetically at the understanding of the Orthodox Church as a people's Church and on Pobedonostsev's faith in the "strong" Russian people. Also, the Catholic Slovenian public emphasized that Russia needed to be understood, and also sympathized to Pobedonostsev's ideas about the place of faith in society. But on the other hand, especially the Catholic press condemned him for caesaropapism and for persecutions against Catholics. For both liberal and Catholic critics, it was problematic to assess his attitude towards democracy and parliamentarism, although both of them agreed that Pobedonostsev's criticism was fair.

Key words: K.P. Pobedonoscev, Slovenes, critique, Russia, Slovene Liberals, Slovenian catholic movement.

Победоносцев

Кем был Константин Петрович Победоносцев (1827–1907)? Консервативный юрист, государственный муж и советник трех императоров (Александра II, Александра III, Николая II), с 1880 по 1905 гг. занимал влиятельную должность обер-прокурора Святейшего Синода (высший орган церковно-государственного управления Русской церковью в синодальный период)¹. Победоносцев получил известность, работая на двух поприщах. Как политик и теоретик он защищал царскую автократию и боролся против реформ в России по европейскому образцу, был против парламентаризма, либерализма и демократии. Как глава Святейшего Синода он принимал решения о цензуре, науке и свободе вероисповедания. Его взгляды были так ненавистны противникам, что он получил кличку «великий инквизитор» по литературному образу из романа «Братья Карамазовы», хотя историкам литературы известно, что Ф.М. Достоевский (1821–1881) был одним из немногих его друзей². В исследованиях по русской истории искусства Победоносцеву приписывается стремление законсервировать развитие культуры, особенно после 1890 г., когда начался период Серебрянного века или «русского культурного ренессанса»³. В советское время его демонизировали, представляя как воплощение несправедливости царского режима. Многие деятели культуры и интеллектуалы на переломе веков относились к его влиянию как к тяжелому бременю⁴.

Хотя Победоносцев, несомненно, был крайне реакционным⁵, он, безусловно, являлся более разносторонней личностью, чем это может показаться на первый взгляд. Как светский глава церкви он представлял собой царскую власть над русским ду-

¹ Biographisch-bibliographisches Kirchenlexikon. Leipzig, 1994. V. VII. S. 764–766. Режим доступа: <http://www.kirchenlexikon.de>.

² Bartlett R. Russian Culture 1801–1917 // The Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. P. 103.

³ Podlesnik B. Kratki pregled ruske kulturne zgodovine. Ljubljana, 2009. S. 96, 97.

⁴ Ibid. S. 96. Op. 137.

⁵ Figes O. Natašin ples. Kulturna zgodovina Rusije. Ljubljana, 2007. S. 254.

ховенством. Поскольку эту власть он реализовывал весьма авторитарно, его отношения с представителями русского высшего духовенства были неидеальными. Особенно в 1894 г., когда императорский престол занял Николай II, который начал вмешиваться в духовные дела церкви⁶. Особый интерес представляет взгляд Победоносцева на экономику и модернизацию. Хотя он остро критиковал реформы в духе экономического либерализма, у него было свое видение развития русской экономики. Авторитария была важным и традиционным видом власти в России. И в экономическом отношении тоже. Русское дворянство должно было осуществлять особую связь между царем и народом. С этой целью Победоносцев выступал за протекционизм, строгий надзор над биржей и за частными предпринимателями, за государственные монополии, как источник налогообложения, и за поддержку крупных собственников. Развитие отечественной промышленности должно было быть, согласно его взглядам, пропорционально росту общественной собственности в деревнях. Однако консервативность Победоносцева не сводилась к стремлению вернуть «старые добрые времена». Как впоследствии фундаменталисты XX и XXI вв., он искал свою, консервативную модель модернизации, в которой старые ценности занимали бы ключевые позиции⁷. По мнению исследователя панславистских идей Ганса Кона, Победоносцев был не панславистом, а русским националистом, который выступал за русскую нацию, опирающуюся на православную церковь. Он был ярким антисемитом и участвовал в принятии соответствующих законов в годы правления Александра III. Представления о Москве как о третьем Риме и о русской универсальной миссии были чужды его «холодной бюрократической натуре». Во время правления Александра III Победоносцев стремился к русификации нерусских народов, включая украинцев, белорусов и поляков⁸.

⁶ *Freeze G.L.* Russian Orthodoxy: Church, people and politics in Imperial Russia // *The Cambridge History of Russia*. Cambridge, 2006. Vol. II. P. 288.

⁷ *Ananich B.* The Russian economy and banking system // *The Cambridge History of Russia*. Cambridge, 2006. P. 409.

⁸ *Kohn H.* Die Slawen und der Westen. Die Geschichte des Panslavismus. Wien-München, 1956. S. 190, 191.

Победоносцев был хорошо известен за пределами России. Немецкий справочник «Энциклопедический Лексикон Брокгауза» (Brockhaus' Conversations-Lexikon), который вышел в 1886 г., определил его как «горячего сторонника национально-русских стремлений и одного из самых влиятельных политиков в государстве»⁹. Его наиболее известная работа «Московский сборник» (1896) в последующие годы была переведена на немецкий, французский, итальянский и английский языки¹⁰, а имя часто появлялось в газетах в новостях и политических памфлетах. Личность Победоносцева будоражила воображение как у многих поклонников России и славянства, так и у многих критиков «адской гидры» русско-панславистской опасности. Австрийский консервативный публицист Филипп Бресниц фон Зидаков (сейчас его можно было бы охарактеризовать как «теоретика заговора») в брошюре 1899 г. об опасном панславизме обозначил его как «великого магистра» панславистских проектов и руководителя «всея панславистской России». Зидаков был уверен, что в планах Победоносцева большая роль отводилась и словенцам, которые якобы стремились к созданию «Королевства Словения». Оно имело бы свой парламент, а с Австрией было бы связано единой армией и финансами. Прежде всего, словенцы в этом образовании разобрались бы с крайними, штирийскими и каринтийскими немцами и славянизировали бы их с помощью далматинских сербов и хорватов Далмации. Ради этого они какое-то время мирились бы с австрийским ярмом, но только для того, чтобы укрепить экономически и оказывать давление на немцев. В итоге словенцы бы восстали против Австрии и присоединились бы к Сербии¹¹.

Словенское славянство и несловенский панславизм

Славянство сыграло значительную роль в разработке раннего словенского национализма. Вера в славянский (и югосла-

⁹ Brockhaus Conversations-Lexikon. Leipzig, 1886. B. XIII. S. 98.

¹⁰ *Pobyedonostseff* K. Reflections of Russian Statesman. London, 1898.

¹¹ *Zajc* M. Philipp-Franz Bresnitz von Sydačoff o «panslavističkoj agitaciji» među Hrvatima, Srbima i Slovencima // Historijski zbornik. 2012. Br 63, 2. S. 455–467.

вянский) тыл давало словенским «национальным деятелям» необходимую уверенность при взращивании национального самосознания. Например, успехи чехов, воспринимались как славянские успехи, а значит и словенские. Если мы посмотрим на словенскую идеологию как на идеологию зарождающегося среднего класса со славянским подтекстом, мы увидим важность влияния югославянской идеологии на формирование культуры словенского среднего класса, которая противопоставляла бы себя немецкой и итальянской. Демонстративное распевание или декламация словенских стихов на мероприятиях, публикация южнославянских авторов в журналах и газетах, изучение русского языка, все это делало словенский средний класс «иным», отличающимся от итальянского и немецкого, проживающего в том же городе. Стратегия «свой со своим», которая была характерна для национальных споров в многонациональной Габсбургской монархии в конце XIX и начале XX в., получила распространение тогда, когда появилась идея о сущностном культурном отличии. В последние десятилетия перед Первой мировой войной понятие славянства получило широкое распространение в словенской культуре (которая была также политизирована) и политике (которая находилась под влиянием культуры).

Сохранение словенского народа для словенских патриотов XIX в. не являлось конечной целью, концепцию словенского народа умышленно «оставляли открытой». Национальность воспринимали в форме концентрических кругов: словенец, югославянин и славянин. Словенские лидеры в XIX в. не имели ясного представления, к чему приведет словенская национальная интеграция: к единению словенцев как самостоятельного народа, или он станет составляющей частью югославянства. Собственно говоря, выбор не ограничивался всего двумя решениями. Существовал целый спектр различных моделей, при реализации которых словенцы сохранили бы свой язык и идентичность, но в тоже время объединились бы со своими «сослепенниками» в некую общность, где их язык был бы включен в более «широкую» группу, и в то же время сохранил бы свои особенности. Динамичное лавирование между этими двумя позициями сохранялось до Первой мировой войны и после нее.

В случае со словенцами важно различать идею славянства (которое воспринималось в позитивном смысле) и панславизма (несшего в себе негативный оттенок). Словенские патриоты ни в коей мере не отождествляли свое славянство с панславизмом, понятием, которое в Габсбургской монархии использовали исключительно представители национальных движений. Австрийско-немецкая общественность в так называемой «славянской взаимности», которая, по сути, была больше литературной и риторической, видело «адскую гидру» панславизма, движение, при помощи которого варварская азиатская Россия реализовывала идею европейского господства. Страх перед Россией у австрийских немцев выражался в конкретной политической борьбе со славянским движением в монархии. Австрославистские идеи, согласно которым монархия могла бы опереться на славян (не немцев), и тем самым оградить их от русского влияния, немецкие идеологи всех мастей решительно отвергали и воспринимали их как русский заговор. В разных контекстах и вариациях появилось восприятие Австрии как образования, которое имеет особую историческую миссию: распространение «немецкой культуры» на восток и юго-восток. Словенцы играли маленькую, но важную роль в системе представлений австрийских немцев. В австрийско-немецкой публицистике XIX и начала XX в. словенцы редко упоминаются исключительно как словенцы. Обычно о них писали как о части большой славянской или южно-славянской целостности, как идеальный пример опасного роста национализма у маленьких, мало известных славянских народов, которые по своей природе настроены панславистски или антиавстрийски, то есть против «цивилизационной роли Австрии». В то же время словенская публицистика на каждом шагу подчеркивала словенское (юго)славянство. Интересно, что австрийские немцы поставили словенцев на то же место в империи, которое они определили для самих себя. С той лишь разницей, что им (не всегда, но довольно часто) как славянам отказывали в самостоятельности или воспринимали их как массу, которую должен культивировать немецкий дух. Этот взгляд интересен главным образом потому, что словенские лидеры как внутренне, так и

внешне позиционировали себя как часть словенской (и вместе с тем югославянской) целостности. Следовательно, определенным образом восприняли идеологию австрийских немцев, хотя и вывернули ее наизнанку, утверждая, что Австрия может выжить только с помощью славян, в том числе и словенцев.

Словенцы о Победоносцеве

Упоминание о Победоносцеве автор этих строк впервые встретил в триестской газете «Edinost» («Единость», «Единство») от 6 июня 1880 г., в статье сообщалось о создании Русского общества международного права, которое бы заботилось о мире и международном праве. Победоносцева упоминали как одного из его учредителей, находившегося под покровительством русского царя¹². В консервативной газете «Slovenec» («Словенец») 7 августа 1883 г. сообщалось о церковных связях между Сербией и Россией. В Москве был сербский монастырь, поддержку которому оказывала Россия, однако русские церковные власти не признавали сербского митрополита (его поддерживала Австрия). Победоносцев особым распоряжением запретил молебны за сербского митрополита, из-за чего разразился «острый конфликт»¹³. «Slovenec» 28 ноября 1883 г. сообщал о том, как Победоносцев вместе с остальными министрами создал «план новой государственной конституции», согласно которому верховная власть осталась бы в руках императора, хотя народным представителям предоставлялась возможность «быть посредниками между короной и народом и давать короне добрые советы»¹⁴.

В 80-е и 90-е годы XIX в. упоминания о русском государственном деятеле появлялись, прежде всего, в хронике русской политической и религиозной жизни. Католический «Slovenec» от 5 августа 1891 г. критиковал отношение Победоносцева к евреям, что является несколько неожиданным, поскольку на страницах этой газеты антисемитизм не был редкостью. В одной из статей сообщалось, что Победоносцев запретил закрывать магазины по субботам и еврейским праздникам, что журна-

¹² Prijatelji miru na Ruskem. Edinost. 1880.30.06. Št. 26.

¹³ Slovenec. 1883.07.08. Št. 104.

¹⁴ Ibid. 1883.28.11. Št. 198.

листу казалось бессмыслицей. Это, по его мнению, повредило бы христианским торговцам. Неправильным он посчитал и запрет отмечать еврейские религиозные праздники, поскольку это способствует росту религиозного безразличия, и никому не идет на пользу. Однако автора интересовали не столько евреи, сколько вероятность того, что в России могут запретить отмечать католические праздники: «С такими указами в России вскоре все станут православными»¹⁵. Когда Россию посетила болгарская делегация, «Slovanski svet» («Словански свет», «Славянский мир») Й. Подгорника 20 июля 1895 г. сообщал, что Победоносцев озвучил болгарам следующую мысль: «Болгары дали русским православие и образование, книги и правописание; русские дали болгарам свободу и самостоятельность. У болгар много грехов перед Россией, но любовь России к ним больше, чем их вина»¹⁶. Победоносцева в словенской печати не рассматривали только как влиятельного русского теоретика и государственного деятеля, но и как влиятельную фигуру во всем славянском мире.

Первую большую статью о личности Победоносцева и о его деятельности мы встречаем в либеральной газете «Slovenski narod» («Словенски народ», «Словенский народ») в августе 1899 г. Неизвестный автор представил государственного мужа как одного из величайших здравствующих русских деятелей того времени и охарактеризовал его как «православного славянофила». Он простодушно признал, что о великом русском узнал из германской прессы: «поскольку немцы в “рейхе” более разумны, чем правящие круги нашей дорогой Австрии, то и русскую культуру они знают лучше, нежели мы. И сам я, к сожалению, таков, что о русских узнаю почти исключительно от немцев». Критику «Московского сборника», который вышел в 1896 г., автор позаимствовал из статьи католического богослова Спектатора, опубликованной в баварской газете «Allgemeine Zeitung» («Альгемейне Цайтунг», «Общая газета») ¹⁷.

¹⁵ Slovenec. 1891.05.08. Št. 176.

¹⁶ Slovanski svet. 1895.20.06. Št. 29.

¹⁷ *Pobedonoscev K.* O zapadni in vstočno-slovanski kulturi. Slovenski narod. 1899. 08.08. Št. 180. S. 1.

Таким образом, неизвестный автор пересказал в либеральной словенской прессе текст немецкого католического богослова, в котором содержалась критика православного консервативного мыслителя, который к тому же прочел работу Победоносцева во французском переводе. «Нелегко судить о современной культуре, — пишет автор. — Стало ли человечество счастливее из-за великого технического прогресса? Русских этот вопрос беспокоит еще больше. Столетия они развивались в стороне от «очагов современного просвещения». Когда Петр I «привил» западную цивилизацию России, «появилась большая проблема, как органично соединить западную культуру, которая, несомненно, имеет много хорошего, с русскими традициями, обычаями и характером так, чтобы русские стали образованными, как и другие цивилизованные народы, и в то же время оставались бы крепкими и здоровыми, какими были когда-то простые сыны природы». Автор описал русского человека как благородного дикаря — крепкого, здорового и «доброего», и в то же время нецивилизованного и неотесанного в своей природной невинности. И что же в центре западного мира? «В западном мире, — продолжил автор, — до сих пор преобладают безграничный эгоизм и борьба. Конкуренция на экономической ниве, на этом самом важном поле человеческой деятельности, и есть естественный отбор. Славянская же культура хочет на востоке сохранить в качестве самого главного идеала любовь к ближнему». У России, по мнению автора, великая историческая цель: русские быстрее, чем сами европейцы, «проберут Европу до костей», поскольку политически независимы и имеют возможность создать действительно самобытную культуру. «И смотрите! Это усилия Победоносцева: сохранить для святой Руси святость здоровой морали, защищать крепкую молодежь от “западной чумы”»¹⁸.

Главной защитницей от «западной чумы», согласно Победоносцеву, является Русская православная церковь. «Кто хочет понять позицию Победоносцева, должен знать, что православная церковь — народная церковь», — указал автор. Но что это значит? Победоносцев считал, что в православной церкви

¹⁸ *Pobedonoscev K. O zapadni in vstočno-slovanski kulturi. Slovenski narod. 1899.08.08. Št. 180. S. 1.*

можно забыть все общественные и сословные различия. Православную церковь Запад обвиняет в суеверии и необразованности, однако, это не так существенно, поскольку они в значительной мере являются последствиями экономических условий. Важно, что народ и церковь едины, что церковь стоит и падет вместе с народом. Это также причина того, что русские ученые не чувствуют противоречия между наукой и верой. Набожные православные могут читать все новейшие философские труды, но в сердце все равно сохранить «божественный огонь православия». Автор просто изложил критику веры Победоносцева без своих комментариев. При этом он с одобрением воспринял подробную, данную Победоносцевым критику католических обрядов. «Когдаходишь в православную церковь», — говорил русский мыслитель, — «в ней все осмысленно и совершенно. Пойди в католический Божий храм, как в нем пусто, холодно, искусственно по сравнению с православным. Священник проводит службу и читает проповедь только для себя, словно он над народом и оторван от него»¹⁹.

Более всего для словенского автора было неприемлемо всеокупающее отрицание Победоносцевым парламентаризма и демократии, хотя он и признавал, что критика часто справедлива. Для русского теоретика наибольшей ложью того времени была идея, которая проистекала из французской революции: любая власть происходит из народа и в нем ее легитимность. «Парламент — учреждение, которое служит честолюбию и личным интересам отдельных личностей, комедия, в первой части которой свободный кандидат предстает в виде слуги и защитника народа», — писал Победоносцев. «Эта весьма острая критика наших парламентских отношений; много в ней правды, но сомневаюсь, что монархическая система единственно верная», — комментировал выводы Победоносцева автор. «Удивительно, что Победоносцев критикует ошибки западной культуры подобно анархическим писателям, которые делают акцент на важности сильного индивидуализма против слабого нивелирования масс»²⁰.

¹⁹ *Pobedonoscev K. O zapadni in vstočno-slovanski kulturi II // Ibid. 1899.09.08. Št. 181. S. 1, 2.*

²⁰ *Pobedonoscev K. O zapadni in vstočno-slovanski kulturi III // Ibid. 1899.10.08. Št. 182.*

Автор газеты «Slovenski narod» (используя немецкий источник), помимо религиозных и политических взглядов Победоносцева, продемонстрировал и его пренебрежительное отношение к современной журналистике, суду присяжных, «абстрактной терминологии», современной школе, которая опирается только на разум, к полному разброду в современной жизни²¹. Спектатор резюмировал вывод русского ученого примечанием, что Победоносцев не в последнюю очередь говорит об азиатском варваре, который еще не осознал духа современного знания. Автор статьи в газете «Slovenski narod» был другого мнения: «Мы не будем судить Победоносцева с позиций недовольного немецко-католического ученого, кроме того, мы готовы признать, что из приведенных рассуждений не веет деспотизмом и варварством, но слышен голос горячего славянского сердца. Верно, что Победоносцев слишком скептичен, но таков сам выдающийся ученый»²².

В католической газете «Slovenec» к Победоносцеву не были так терпимы. В марте 1901 г. у нее не нашлось хороших слов для России. Хотя великая Россия в то время внешне была нечувствительна к современным политическим течениям, но под ее «крышкой кипело». Причиной студенческих беспорядков, которые тогда потрясли Россию, были автократия и жесткий бюрократический аппарат. Традиционная раздвоенность русского общества дошла до бурления, а символом этого являлось революционное движение студенчества. «Победоносцев — православный фанатик. Он жестоко притесняет католиков, и последовательно борется против либеральных взглядов русских студентов»²³. Журналисты газеты «Slovenec» с интересом следили за дебатами между писателем Л.Н. Толстым и Победоносцевым, констатируя, что в России наблюдается духовный кризис. Патриархальная царская власть не могла долго находиться на высоте, если бы не сменилось устаревшее государственное

²¹ *Pobedonoscev K. O zapadni in vstočno-slovanski kulturi IV // Ibid. 1899.11.08. Št. 183.*

²² *Pobedonoscev K. O zapadni in vstočno-slovanski kulturi V // Ibid. 1899.14.08. Št. 185.*

²³ *Slovenec. 1901.30.03. Št. 73.*

устройство. Абсолютизм еще мог бы удержаться, да и культурное положение в России было не на низком уровне. Однако народное сознание все больше жаждало перемен. В католической прессе были убеждены: «Должно быть ликвидировано необоснованное и совершенно противоестественное объединение светской и церковной властей». Чья позиция была ближе журналисту газеты «Slovenec»: Победоносцева или Толстого? Ничья. «Два мужа стоят напротив друг друга: Победоносцев, как защитник худшего православно-абсолютистского консерватизма, и, с другой стороны, Толстой со своими свободолюбивыми головоломными взглядами»²⁴.

Подобное мнение о деятельности Победоносцева имел и консервативный литературный журнал «Dom in svet» («Дом и свет», «Родина и мир»). «Последние месяцы газеты много раз сообщали, что обер-прокурор Святейшего Синода в Петербурге, Константин Петрович Победоносцев попал в немилость к царю и будет вынужден уйти в отставку. Это сообщение привлекло большое внимание, поскольку Победоносцев значимая фигура, которая выражает все современные русские и церковные принципы». О противоестественном положении русской церкви свидетельствовал тот факт, что во главе церковной власти стоит светский чиновник. В журнале привели краткую историю русского цезаропапизма и отметили, что великий русский государственный находится в заблуждении. «Это, конечно, большое заблуждение: церковь — всемирна, государство — ограничено; церковь — духовная и вечная, государство — светское и конечное; церковь — независимое божье творение, государство — дело рук человека». Не удивительно, написали в «Dom in svet», что Победоносцев подвергает гонениям тех, кто не подчиняется государственно-религиозной идее. «Отсюда его враждебное отношение к католикам, впрочем, как и к малочисленным раскольническим сектам, которые образовались среди русского народа»²⁵.

Хотя словенские католические мыслители были настроены критично по отношению к русскому государственному деятелю,

²⁴ Slovenec. 1902.21.01. Št. 16.

²⁵ Dom in svet. 1903. Letnik 16. Št. 5. S. 318.

все равно его читали и цитировали в своих трудах. Католический теолог и философ Алеш Ушеничник в газете «*Katoliški obzornik*» («Католишки обзорник», «Католический обозреватель») в 1899 г. отмечал, что критика парламентаризма, которую высказывает Победоносцев, частично справедлива. Особенно в то время, указывал Ушеничник, когда парламент в Вене постоянно сотрясают обструкции: «Счастье, что Победоносцев, когда писал свой труд, еще не видел современного австрийского парламента! Не известно, что бы он написал, но наверняка он не нашел бы ласковых слов по отношению к Австрии! Если он уже тогда был недоволен, на минутку представим такой парламент в России, он, несомненно, воскликнул бы: “Не бывать этому!”. А что бы он сказал сейчас, когда бы увидел, как в австрийском парламенте депутаты режут как волю, голосуют списками и доказывают свою правоту складными ножами!». Победоносцев считал, что демократию нельзя использовать ни в коем случае. Ушеничник же утверждал, что все же демократия не всегда плоха: «В конституционной монархии народы тоже могут жить счастливо». Хотя без религии никуда: «Пусть будет какая угодно власть, и пусть она даже будет свободной, в Австрии все равно не наступит настоящей свободы и благоденствия, а поскольку без веры и религии нет и неограниченной, непоколебимой морали, то не будет и настоящей религии. Христианский дух, католический дух должен оживить конституцию; христианское сознание, католическое сознание должны пронзить народы»²⁶. Таким образом: либерализму нет, демократии — да, но только католической. Ушеничник вспоминал Победоносцева в 1913 г., когда в журнале «*Čas*» («Час», «Время») рассуждал об идеализме в политике: «Мы не должны больше думать о великих державах как неконституционных. Победоносцев предсказывал, что уже будущее поколение свергнет идола парламентаризма, но произошло обратное, его великая родина водрузила идола на алтарь. За Россией потянулся и Китай со своими косичками»²⁷.

²⁶ *Ušeničnik A.* «Velika laž naše dobe» // *Katoliški obzornik*. 1899. Zvezek 1. Letnik 3. S. 46.

²⁷ *Ušeničnik A.* Idealizem v politiki // *Čas*. 1913. Letnik 7. Št. 1. S. 299.

Заключение

Жизнь и деятельность Победоносцева была известна словенской общественности, правда, в основном благодаря немецкой прессе. Как либеральные, так и католические авторы считали его отношение к демократии и парламентаризму весьма спорным, хотя и они признавали, что его критика была отчасти оправданной. Как либералы, так и католики указывали на то, что Россию необходимо понимать. Либеральные критики идеализировали православие и силу русского народа. Католические критики негативно относились к цезаропапизму и гонениям против католиков, но при этом с одобрением воспринимали суждения Победоносцева о роли религии в обществе.

Перевод со словенского Н.С. Пилько

М. Гргич-Ренко

**Между нацией и пролетариатом.
Отклики на русскую революцию 1905 г.
в словенских землях**

М. Grgić Renko

**Between the nation and the proletariat.
Responses to the Russian Revolution
of 1905 in the Slovenian lands**

В статье рассматривается отражение революции 1905 г. в России в словенской прессе. Особое внимание уделяется рассмотрению позиций триестских газет «Edinost» и «Rdeči prapor», наиболее охотно писавших о событиях в России. Анализируя их сообщения о революции 1905 г., можно увидеть, какие представления о России сложились у либералов и социалистов, и проследить, какие идеологические разногласия возникли между ними по вопросам революции, свободы, рабочего класса, национальности и религии.

Ключевые слова: российская революция 1905 г., либералы, социалисты, словенцы, Россия, Триест.

The article deals with the presence of the Russian Revolution of 1905 in the Slovene newspapers. Special emphasis is placed on the Trieste newspapers, since the *Edinost* and the *Rdeči prapor* reported about the Russians with the greatest eagerness. Through the observation of the 1905 revolution, one can see how liberals and socialists represented or imagined Russia and can follow the ideological disputes they had regarding the ideas of revolution, freedom, workers, nationality and religion.

Key words: revolution of 1905, liberals, socialists, Slovenes, Russia, Trieste.

С началом революции в январе 1905 г. менялось отношение словенцев к России. Если воздействие русского фактора на словенскую культуру в 1870–1880-х гг. являлось настолько мощным, что его можно было охарактеризовать как «вторжение русского духа»¹, то в 1905 г. произошло «вторжение русского духа» другого рода, оно приобрело общественно-идеологическую, в определенной мере даже политическую окраску. В этот период по отношению к России сформировались две различные позиции: закостеневшая русофильская (народническая), уходящая корнями в XIX в., и новая, классовая или социалистическая, зародившаяся именно в том году. Наиболее явно она прослеживается в триестской публицистике, которая посвящала русской революции намного больше внимания, чем пресса центральных словенских земель. Часто дело доходило даже до полемики между либерально-народнической газетой «Edinost» («Эдиност», «Единство», выходила с 1876 г.) и социал-демократической «Rdeči prapor» («Рдечи прапор», «Красное знамя»). С самого начала они проявляли интерес к русской революции, и с января 1905 г., на протяжении всего года, продолжали следить за ее событиями².

Из всех словенских газет больше всего внимания России уделяла, вероятно, «Edinost», которая писала о ней в возвышенно-

¹ Говоря о «вторжении русского духа», Душан Кермавнер цитировал слова редактора журнала «Sodobnost» («Содобност») и писателя Фердо Козака, который много раз высказывал мысль, что словенский модерн (как направление в искусстве и как название исторического периода) черпал вдохновение из русской литературы. См.: *Kermavner D. Slovenska publicistika in prva ruska revolucija*. Ljubljana, 1960. S. 5.

² О событиях в России сообщали все значительные словенские газеты и журналы, но только три из них предлагали читателю углубленный анализ, а иногда даже эмоциональные отклики. Помимо упомянутых в данной статье триестских газет подробно этой темой занимался и социалистический журнал «Naši zapiski» («Наши записки»), выходивший в Любляне. В нем с классовой точки зрения, удивительно схожей с позицией В.И. Ленина, еще в 1904 г. был дан анализ русско-японской войны, а в 1905 г. в нескольких номерах — очень любопытный синтез русской революции, проведенный Карлом Линхартом. Он был очень неточным и совсем не социалистическим, поскольку видно, что автор не был знаком с историческим материализмом, хотя как сотрудник социалистического журнала должен был его знать. О публикациях и позициях центральных словенских газет и журналов («Dom in svet», «Domoljub», «Slovenski narod», «Naprež», «Ljubljanski zvon» in «Čas») см. книгу Д. Кермавнера (сн. 1).

русофильском духе и почитала все русское, от пресветлого царя до последнего мужика. В основе ее публикаций лежало ярко выраженное чувство славянской взаимности. В том же ключе воспринимали Россию и читатели газеты, патриотически настроенные словенские горожане, которым было близко «всеславянское мироощущение, включавшее само собой разумеющееся некритическое восприятие России как единственной истинной силы среди славянских народов»³. Когда началась революция, редакция газеты «Edinost» почувствовала себя в тупике: как объяснить читателю, что народ восстал против царя, которого она в течение многих лет описывала как доброго защитника славян и еще в начале января прославляла как либерала?⁴ Она передавала своим читателям сообщения русской прессы о том, что русские воодушевлены реформами царя, а выступают против них только «органы интернационального еврейства», которые «не понимают нужд России». «Edinost» отвергала возможность введения царем конституции, поскольку этим он не осчастливил бы своих подданных, а, напротив, подверг бы свое государство «непредсказуемым потрясениям». Помимо этого, в газете указывалось, что настоящая «конституционная жизнь» есть только в Англии, во всех же других странах, включая Австрию, она является лишь мертвой буквой⁵. Даже Кровавое воскресенье 9 января 1905 г., когда в Санкт-Петербурге были убиты около 200 человек, а ранены 800, не поколебало их веры в царя⁶.

³ *Kermavner D.* Op. cit. S. 7.

⁴ Уже в XIX в. отношение к царизму как среди самих русских, так и среди словенцев, живших в России, было неоднозначным. Например, Даворин Хостник, хотя и выступал всегда на стороне угнетенных, вместе с тем был сторонником царизма, для него царь был «представителем русской идеи, которая одновременно является и всеславянской идеей». Он не верил в революцию, но считал, что «мужик должен подняться, а помещик — поддаться». См.: *Čurkina I.* Rusko-slovenski kulturni stiki. Ljubljana, 1995. S. 190.

⁵ *Edinost.Trst*, 1905. 01.01. S. 2.

⁶ Недовольство пролетариев, работавших в невозможных условиях, проявилось в России уже в 1904 г., а в январе 1905 г. оно достигло пика. Сначала, с 3 по 7 января, прокатилась волна забастовок, тогда в Санкт-Петербурге бастовали приблизительно 120 000 рабочих. Затем, 9 января 1905 г., состоялась демонстрация 150 000 рабочих под предводительством священника Г. Гапона, которые направились к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю свои требования. Подробнее см.: *Figes O.* Tragedija ljudstva. Ruska revolucija 1891–1924. Ljubljana, 2013. S. 196–201.

Автор статьи «Кровавые события в Петрограде» писал, что у него «чисто с человеческой точки зрения тяжело на сердце», поскольку пролилась «драгоценная человеческая кровь»⁷, однако в погромах он винил международный или еврейский заговор⁸, участники которого осуществляли давление на царя в тяжелые дни, когда Россия воюет и крайне нуждается во внутриполитической стабильности. Сообщалось также, что еще не известно точное число погибших и раненых, и подчеркивалось, что сведения о жертвах, которые приводят «русophobic газеты», преувеличены. Сам автор полагался на оценку, что было 76 убитых и 283 раненых. Он высказался против революции, поскольку считал, что из-за технического прогресса в сфере во-

⁷ Газете «Edinost» пролитие крови казалось чрезмерным, однако некоторые современники считали его единственной возможностью для перехода к лучшей общественной системе. Максим Горький писал своей жене: «Итак — началась русская революция, мой друг, с чем тебя искренно и серьезно поздравляю. Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новые цвета только кровью». Цит. по: *Figes O. Tragedija ljudstva*. S. 202.

⁸ Негативные упоминания о «еврейской прессе», «еврейском заговоре», «еврейском интернационализме» и т.д. часто встречаются в «Edinost», особенно, когда речь идет об итальянской или немецкой либеральной прессе. Словенский антисемитизм являлся частью более широкого средневропейского отношения к евреям, которое сформировалось как некая общность идей и стереотипов, объединявших исторически сложившиеся предрассудки с современностью и мифологией. Начиная со второй половины XIX в. антисемитизм был связан с подъемом национальных движений и с выходом на политическую арену народных масс, а с 1870-х годов он стал частью политических программ, поэтому Фуре характеризует его как «демократический антисемитизм». Подробнее см.: *Furet F. Minule iluzije: esej o komunistični ideji 20. stoletja*. Ljubljana, 1998. S. 32. Антисемитизм прослеживается чуть ли не во всей словенской прессе — от газеты «Slovanski svet» до газеты «Slovenski narod». См.: *Štepec M. Antisemitizem, Evropa in Slovenci // Slovenci v Evropi*. Ljubljana, 2002. S. 61–85. Следует принять во внимание, что словенский антисемитизм проистекал не столько из враждебного отношения к евреям, с которыми словенцы вовсе не имели контактов, сколько из националистических или даже национально-оборонительных устремлений в борьбе против немецкой или итальянской буржуазии. То же самое происходило и когда затрагивались экономические вопросы, и речь шла о позициях, занимаемых в экономике иностранцами. В словенской буржуазной публицистике «евреям» считался любой венгерский капиталист, стремившийся обогатиться в Боснии и Герцеговине, тем самым создавая препоны словенским капиталистам. В публикациях «Edinost» (что видно из приводящихся в данной статье цитат) выражения «еврейский интернационал» или «международное еврейство» часто используются и при характеристике социал-демократии, социалистов. Поэтому упоминания еврейства следует понимать более широко, а не исключительно в смысле расовой или религиозной враждебности по отношению к евреям.

оружения она невозможна и обречена на поражение. Впрочем, «Edinost» могла бы симпатизировать революции и восстанию рабочих, если бы они произошли в другое время, а не тогда, когда Россия находится в состоянии войны и ее «сыновья проливают кровь». Вину за начало восстания против царя редакция газеты возлагала на «нерусские круги» или на «опасный для России и славянства Интернационал», которые боятся русской мощи, проявившейся в войне с Японией, — ведь поскольку Россию в войне не победить, ее пытаются поставить на колени путем революции. Она взяла на себя роль советницы России и порекомендовала, чтобы та расправлялась со своими «внутренними врагами» также решительно, как «с теми, что на дальнем Востоке». А в самом конце статьи были сведены счеты и с теми либеральными словенцами, которые симпатизировали восстанию и критиковали автократического русского царя, поскольку тем самым они якобы ослабляли и славянство, и самих себя: «Пусть это запомнят и “великословенцы” — славяне, которые, по-видимому, не нашли ничего лучшего, как помогать врагам славянства бросать камни в Россию, которая защищает себя от тех, кто хочет ее погубить. Пусть запомнят это те наши словенцы, которые считают, что это очень “радикально” и “прогрессивно” — выступать против автократии, о которой они не имеют представления, разве что начитавшись характеристик, которые дает какое-нибудь грязное «Piccolo» («Пикколо», «Малыш»)». Мы поздравляем их с таким обществом и — стыдимся за них»¹⁰.

На следующий день «Edinost» также опубликовала подробное сообщение о событиях в России: как о стачке работников московских типографий, так и о продолжении забастовки в Петербурге. Были напечатаны сведения, заимствованные из иностранных газет, согласно которым во время столкновений в Петербурге будто бы никого не убили. Рассказали и об удивительном открытии — согласно сообщению итальянского журнала «Fracassa» («Фракасса», «Шум»), священник Георгий

⁹ Итальянская националистическая газета, выходившая в Триесте.

¹⁰ Edinost. 1905.24.01. S. 1.

Гапон, возглавлявший шествие к Зимнему дворцу и сформулировавший требования рабочих, будто бы был по происхождению итальянцем¹¹. Для «Edinost» это стало достаточным доказательством того, что «революция» действительно была инспирирована врагами России и славянства, итальянцы же, с которыми словенцы жили в одном городе и которые не признавали их национальных прав, казались самыми подходящими ее виновниками¹².

На следующей странице в статье «Движение за введение конституции в России» давался анализ российских реалий. Подпись под статьей — В. Ягич¹³, но на самом деле в ней представлены отрывки высказываний Ягича, изначально опубликованных в загребской газете «Agramer Tagblatt» («Аграмер Тагблатт», «Аграмская газета»), с которыми «Edinost» соглашалась¹⁴. Помимо прочего, в статье утверждалось, что русский народ еще не готов к конституционной жизни, а в защиту императора Николая говорилось: «Царь Николай — благородная душа, и у него наилучшие намерения. Но у него мягкий характер, на который оказывают влияние всевозможные, главным образом, реакционные силы»¹⁵. Автор также утверждал, что народные массы не хотят конституции, но стремятся к переменам, однако на самом деле не знают, чего хотят; «масса» любой национальности всегда желает, чтобы все было по-другому,

¹¹ В имеющейся в нашем распоряжении литературе нет сведений о том, что Гапон был итальянского происхождения.

¹² Edinost. 1905.25.01. S. 1.

¹³ Ватрослав Ягич (1838–1923) — один из известнейших хорватских славистов второй половины XIX в., публицист, придворный советник в Вене, с научными целями посетил Россию (Санкт-Петербург).

¹⁴ 23 января 1905 г. в газете «Neue Freie Presse» было опубликовано заявление В. Ягича, что он не делал для прессы комментариев о событиях в России, а также не давал разрешения на публикацию его высказываний. Можно сделать вывод, что загребская газета опубликовала точку зрения, выраженную им в неофициальной беседе. Возможно, слова Ягича передали неверно, или же Ягич после этой публикации опасался лишиться своего «добраго имени» как в глазах русских, с которыми он сотрудничал, так и в глазах австрийцев, среди которых он жил, — и поэтому предпочел дистанцироваться от этой публикации.

¹⁵ Edinost. 1905.25.01. S. 2.

но не может понять, что и как следует изменить¹⁶. Царь ни в чем не виноват, вся вина за общее недовольство в России возлагалась исключительно на чиновников, из-за плохой работы которых начались восстания, они же виновны и в отсталости всей страны¹⁷. «Edinost» также поддерживала идею, что в России не может произойти революции, поскольку это преимущественно аграрная страна, и рабочее движение в ней не могло бы достичь большого размаха¹⁸. Позже редакция газеты четче сформулировала свою теорию о парламентаризме в России и написала, что русскому мужику не нужно парламента, ведь для него «самодержавная монархия является многовековой традицией, почти религиозным институтом»¹⁹. То, что русская интеллигенция, которая наиболее упорно настаивала на введении конституции, склонялась к заключению мира с Японией, не думая о репутации своего государства и всего славянского мира, являлось доказательством вреда парламентаризма для русских»²⁰.

Несмотря на вышеприведенные высказывания, не следует оценивать позицию «Edinost» по отношению к русской ре-

¹⁶ Хотя этот аргумент, возможно, звучит покровительственно и реакционно, следует иметь в виду, что в общественном пространстве до сих пор часто приводятся подобные аргументы. Например, Славой Жижек в выступлении в Лондоне в апреле 2016 г. сказал, что демократия не должна быть чем-то само собой разумеющимся, ведь «люди часто не знают, чего они хотят, не хотят того, что знают, или просто-напросто желают то, что им не нужно». Почти идентичные аргументы приводятся по поводу конституционных устремлений русских // The Guardian. 2016.28.04. Электронный источник: <http://www.theguardian.com/books/2016/apr/28/slavoj-zizek-donald-trump-is-really-a-centrist-liberal>).

¹⁷ Позже и сам царь Николай фактически возложил вину на бюрократию. 18 февраля 1905 г. он издал манифест и указ, в котором осудил беспорядки, но в то же время указал и на вину бюрократии. Он призвал людей объединиться вокруг престола и представить свои предложения об улучшении государственного управления. См.: *Figes O. Tragedija ljudstva*. S. 209.

¹⁸ Edinost. 1905.25.01. S. 1.

¹⁹ Ibid. 1905.21.03. S. 2.

²⁰ Ibid. В этой публикации приведено мнение чешского политика Карла Крамаржа, который был женат на русской — Надежде Николаевне Хлудовой-Абрикосовой. В Россию он приезжал каждый год и познакомился в Крыму со многими представителями русской интеллигенции. Крамарж был русофилом, а позднее — идеологом неославизма. Подробнее см.: *Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci*. Ljubljana, 1994. S. 13.

волюции исключительно как консервативную, реакционную и антисоциалистическую. Материалы от 27 января 1905 г. показывают, что она была консервативна в той же мере, что и весь национализм XIX в. Национальный вопрос редакция считала более важным, чем классовый, но это вовсе не означает, что она не осознавала важность последнего. Когда перед российским консульством в Триесте произошли демонстрации, направленные против российского императора, в газете была опубликована статья «Враги России — наши общие враги». В ней народные массы подразделялись на хорошие — социалистические и плохие — итальянские и либеральные, устроившие демонстрации. «Нельзя ставить в вину социальной демократии то, что она выражает свои симпатии к русским рабочим массам и высказывает протест по отношению к автократической форме правления в России. Это соответствует ее принципам и программе. С искренними убеждениями можно не соглашаться, но мы должны их уважать...»²¹.

Для газеты «Edinost» проблемой была не социальная демократия, а итальянский либерализм, воплощением которого она считала, прежде всего, итальянскую газету «Piccolo», деятельность которой характеризовала как «проявление дикости, бешенства, а не достойного убеждения. Это не выражение благородных чувств или возвышенного восприятия гуманизма, а выхлопы испорченных сердец, жестокой вражды и бессовестное искажение великих идеалов свободы человечества для удовлетворения первобытных инстинктов и гнусной жадности прожорливой, ненасытной расы, которая призывает к мщению, если где-нибудь — как, например, в России — поставили преграду ее хитроумным планам, ее стремлению захватить весь мир в экономическое рабство»²².

Протестующих обвиняли и в том, что они «толпа наемников», которая «устроила дерзкую и нелепую демонстрацию». Она возмутила «Edinost» еще и в связи с тем, что во время волнений в Санкт-Петербурге находились представители триестского технического управления, приехавшие, чтобы до-

²¹ Edinost. 1905.27.01. S. 1.

²² Ibid.

говориться о работе для триестских рабочих. Устроив демонстрацию, итальянские социалисты якобы показали, что их на самом деле не волнуют ни рабочие, ни их труд. В газете было написано: «Эта толпа оскорбила государство, с которым сейчас ведутся переговоры, чтобы оно дало нашему городу многомиллионный заработок!! Инициатива взбесившихся жидов — это жестокая бессердечность также по отношению к тем рабочим массам, от имени которых оскорбили русское консульство, а с ним и русское государство»²³.

Затем «Edinost» упрекнула «Piccolo» в лицемерии: будто бы в отношении революции в России газета встала на сторону угнетенных, чего не делала в тех случаях, когда угнетателями были другие государства, прежде всего, Италия. Для «Piccolo» важны права русских рабочих только из-за ее враждебности к славянам: «В действительности же имело место искажение всех этих идей, идеалов человечества. Их ужасают Россия и ее правительство. Не хотят ли они, чтобы мы им напомнили о некоторых событиях, произошедших вовсе не в варварской и авторитарической России? Почему они не устроили демонстрацию перед итальянским консульством, когда в Милане и других городах Италии проливалась кровь рабочих? [...] Почему они не организуют акции протеста перед итальянским консульством по поводу ситуации в Италии, где простые люди умирают, а министры крадут миллионы из государственной казны, добытые кровавым потом мучающегося и страждущего народа? [...]

Нет, против таких жестокостей, такого насилия и бесправия, такого пренебрежения свободой и человеческим достоинством эти еврейские защитники людей и свободы не выступают. Яд их протестов направлен только на Россию, они враждебно относятся к России, к русскому народу, к славянству, ко всем нам»²⁴.

Уже через несколько дней редакция «Edinost» получила новое доказательство того, что за провозглашаемой итальянскими социалистами солидарностью с рабочим классом кроется, прежде всего, враждебность к словенцам. Итальянские и словенские социал-демократы организовали в триестском театре

²³ Edinost. 1905.27.01. S. 1–2.

²⁴ Ibid.

«Россетти» совместное выступление против жестокости царя. Статья «Только для итальянцев» в газете «Edinost» в связи с этим событием сообщала лишь, что одного словенского социалиста освистали²⁵, когда он заговорил на родном языке, и это якобы свидетельствовало о нетерпимости итальянских левых. «Edinost» со смесью негодования и понимания насмеялась над словенскими социалистами, пытавшимися найти союзников среди итальянцев²⁶. На замечания «тетки» «Edinosti» отозвался «Rdeči prapor», который отрицал, что в театре раздавались выкрики «fora i sciavi»²⁷, но добавил, что достойно сожаления, что некоторые люди итальянской национальности, у которых «горячая кровь», высказались против выступления рабочего на словенском языке. Но, по мнению газеты социал-демократов, позаботиться о том, чтобы в будущем не происходило ничего подобного, было делом самой партии²⁸. «Edinost» больше не поднимала эту тему, а «Rdeči prapor» вернулся к ней, было очевидно, что словенцев разочаровало отношение к ним некоторых членов их собственной партии. В статьях этой газеты говорилось о том, что на съездах социал-демократии всегда можно услышать речи на многих языках, например, в Вене часто говорят по-чешски, таким образом, должно быть естественным, чтобы в Триесте, где итальянцы «смешаны со словенцами», выступления словенских и итальянских социалистов на своих языках воспринимались как равноценные. Вдобавок словенские социал-демократы решительно выдвинули требование «безусловной национальной толерантности»²⁹.

В том же номере «Edinost» была опубликована статья «У своего порога», автор которой отверг обвинения русского царизма в жестокости, выдвинутые итальянцами в связи с заключением М. Горького в тюрьму³⁰. Он выдвинул следующее возра-

²⁵ Имелся в виду помощник пекаря Будрич, его роль в словенском социалистическом движении была незначительной.

²⁶ Edinost. 1905.30.01. S. 2.

²⁷ «Славяне, прочь» (*итал.*)

²⁸ Rdeči prapor. Trst, 1905.03.02. S. 2.

²⁹ Ibid. 1905.10.02. S. 3.

³⁰ Edinost. 1905.28.01. В этом номере сообщалось об аресте Горького.

жение: русский царь либерален, ведь он разрешает Толстому высказывать свое мнение, хотя оно совершенно отличается от его собственного»³¹.

Иначе обстоит дело в Италии, где социал-демократа Энрико Ферри осудили на 14 лет тюрьмы. По этому поводу было сделано едкое замечание, что даже в Австрии редко случается, чтобы парламент возбудил против кого-нибудь судебное дело из-за политических разногласий. В дополнение к этому автор отметил: «Эй, вы, те, которые в Триесте выступают как защитники свободы и обвинители русской неволи, будьте же, хотя бы раз, последовательно либеральными и пойдите к итальянскому консульству выразить протест в связи с отсутствием свободы у итальянцев»³².

«Edinost» возлагала вину за события в России не только на враждебных славянам либералов, но и на евреев³³, причем иногда она опиралась на сообщения своих авторов, а иногда заимствовала идеи у иностранных. В одной из статей приводилась цитата из статьи в журнале «Slavenska misao» («Славенска мисао», «Славянская мысль») под названием «Долой евреев», в которой давался анализ русской революции. В ней доказывалось, что Россия, если хочет внутреннего мира в государстве, должна отделаться от евреев. «Edinost» последовательно связала евреев с интернационализмом, конечной целью которого является уничтожение славянства, и добавила: «...Речь идет о славянской России, которую они хотят погубить, чтобы хозяйничать на развалинах великой славянской империи и петь пьяные песни на славянских могилах»³⁴.

³¹ Лев Николаевич Толстой в 1905 г. был признанным корифеем русской литературы, а в русской общественной жизни он вообще занимал особое, мифическое место. Его считали гением, мудрецом, чудотворцем и даже святым, поэтому понятно, что царь предоставлял ему свободу. К тому же Толстой не считался политически неблагонадежным, ему было уже почти восемьдесят лет, он выступал за то, чтобы вести простую жизнь, как русские мужики (его идеал русской жизни был воплощен в образе Левина в романе «Анна Каренина»), и являлся противником революции. Он жил в своем поместье в Ясной Поляне и не представлял никакой угрозы для императора Николая II и его режима.

³² Edinost. 1905.30.01. S. 2.

³³ См. примечание 6.

³⁴ Edinost. 1905.01.02. S. 2.

«Edinost» уделяла внимание и анализу самой революции. При рассмотрении ряда статей становится очевидно, что у ее редакторов она вызывала страх и отторжение, но они не имели ясного понимания того, что представляет эта революция. Чаще всего ее сравнивали с Французской революцией и каждый раз вновь удостоверались, что их нельзя сравнивать, далее следовал вывод, что события в России не были революционными. Якобы дело было в том, что «простые, необразованные рабочие, мятущиеся души которых будто бы созданы для социальных потрясений, начали забастовку из-за подстрекательства некоторых безрассудных или, может, даже подкупленных личностей»³⁵. В опубликованных статьях регулярно приводились высказывания тех, кто разделял точку зрения редакции, или же их цитаты вырывались из контекста, как было показано в одном из вышеприведенных примеров. Аргументацией часто служила ссылка на «русский характер» или «русскую душу», например: «Либерализм должен был развиваться в России в нигилизм, а консерватизм — трансформироваться в самую бесцеремонную полицейскую систему; и то, и другое логично проистекает из характера русских, которые не страшатся никаких последствий»³⁶. Единственным гарантом, способным предотвратить такое развитие событий, был, по мнению «Edinost», российский император³⁷.

Еще одним, возможно, наиболее убедительным примером, раскрывающим соотношение национального и классового вопросов, явились демонстрации в театре «Верди», произошедшие во время представления пьесы М. Горького «На дне». 7 мая 1905 г. «Edinost» сообщала, что по окончании представления среди публики раздавались возгласы протеста — люди требовали положить конец царскому самодержавию, начать революцию и дать свободу Горькому, который в то время был у царя в немилости. Газета отмечала, что протестующие находились под влиянием «псевдо-социалистического итальянско-

³⁵ Edinost. 1905.21.03. S. 1–2.

³⁶ Подробнее о восприятии «русской души» или России как Иного см.: *Figes O. Natašin ples. Kulturna zgodovina Rusije. Ljubljana, 2008. S. 9–16.*

³⁷ Edinost. 1905.21.03. S. 2.

го еврейства». Отвергнув эти обвинения, триестская социалистическая газета «Lavoratore» («Лавораторе», «Рабочий») 9 мая 1905 г. решительно потребовала извинений за оскорбление социалистов. «Edinost» в ответе вновь подчеркнула, что уважает социалистов³⁸, но случившееся в театре «Верди» стало «гносной антироссийской демонстрацией господ в шелковых рубашках и во фраках», и было бы лучше, если бы они исправили «бесчисленное количество кровавых несправедливостей, которые здесь, на нашей земле, они причиняют несчастным славянским страдальцам».

В одном из абзацев редакторы газеты пояснили, почему их так раздражает отношение итальянских либералов к России, причем впервые ясно высказали то, что в предыдущих статьях читалось между строк: «Неужели “Lavoratore” осмелится утверждать, что всех этих итальянских господ во фраках и шелковых рубашках, которые устроили такую пошлую демонстрацию, [...] действительно волнует положение русского народа или судьба Максима Горького? Вовсе нет! Они хотели высказаться против России, потому что она *славянская!* [...] Им противна не только автократия в России, им противна сама Россия, они враждебны славянству [...]. Если бы Максим Горький, таков, какой он есть, жил в Триесте, если бы он жил как славянин, для них бы он был рабом, как и все мы. Мы слишком хорошо это знаем, и пусть к нам не приходят с оправданием, что такие демонстрации проходят во имя гуманности и идеалов либерализма! [...] Именно потому, что мы знаем этих сеньоров, желающих использовать социальную идею в личных целях, именно потому, что мы знаем, что они желают Италию, а не свободу для всех, и еще потому, что мы открыто стремимся к тому, чтобы социальная демократия служила идее братства, равенства и свободы индивидуума, — именно поэтому мы осуждаем такие действия социал-демократических органов, резуль-

³⁸ «Вы все должны понять, что у нас вовсе не было намерения задеть социалистическую партию и тех, кто является ее сторонником из честных убеждений. Мы никогда не скрывали и не замалчивали то, что между нами и социалистической партией существуют принципиальные отличия. Если бы их не было, и речи бы не шло о национальной и социалистической партиях, ведь тогда бы мы стали единой партией». См.: Edinost. 1905.11.05. S. 1.

тат которых — не что иное, как поддержка итальянских националистических безумцев, что умаляет авторитет и значимость социальной демократии и ее программы»³⁹.

Эти слова ясно показывают, что для «Edinost» национальный вопрос был намного важнее классового и что любые действия итальянцев, направленные против русского царя, она воспринимала как агрессию против славянства. Царь казался гарантом стабильности, славянской мощи и власти — всем тем, чего славяне в Триесте сами не могли достичь. Затем «Rdeči prapor», чье отношение к «Edinost» традиционно было презрительным, включился в эту полемику, опубликовав статью «“Edinost” снова защищает царизм», в которой резко заклеймил позицию этого органа либералов и призвал к борьбе за Горького и его свободу, а также осудил отношение *национальной* газеты к русскому народу: «Кто знает, возможно, Горький и сейчас был бы в тюрьме, если бы не могучий протест, прокатившийся по всему цивилизованному миру, — за исключением тех кругов, где царит жандармский дух “Edinost”. И этот дух они называют славянским, а тех, кто симпатизирует русским в их борьбе против эгоистичного антинародного царя, они исключают из народных рядов. И это уже не заблуждение, а просто обычная подлость»⁴⁰.

В том же номере «Rdeči prapor» очень четко объяснил, в чем его принципиальное отличие от «Edinost» и чем различаются взгляды на русскую революцию обеих газет. «Edinost» упрекнули в «по-детски наивном» отношении к царю, которое, однако, не может служить оправданием тому, что она пишет, ведь «тот, кто и сейчас еще не понимает, что всякая защита царизма является сознательным оскорблением русского народа и причинением ему вреда, не имеет никакого права профессионально заниматься журналистикой»⁴¹. Также было подчеркнуто, что «Edinost» якобы издавна прославляла тиранов, если те были достаточно хитры, чтобы провозгласить себя славянскими государствами, из чего, собственно, следовало лишь то, что они терро-

³⁹ Edinost. 1905.11.05. S. 1.

⁴⁰ Rdeči prapor. 1905.12.05. S. 2.

⁴¹ Ibid. 1905.12.05.

ризировали собственный славянский народ. Но «Edinost», когда речь идет о царе, теряет разум, поэтому она так эмоционально отреагировала на протесты в театре «Верди». Впрочем, в газете «Rdeči prapor» отмечалось, что словенские социал-демократы и сами сомневаются в «глубоких чувствах» «элегантных господ» в театре «Верди», ведь драма Горького направлена именно против них, против буржуазии. Но представление смотрел и «пролетариат, сражающийся за те же идеалы, что и Горький»⁴².

Говоря о русской революции, «Rdeči prapor» все больше упоминал о пролетариате и явно ставил на первое место классовый вопрос. Впрочем, его редакция располагала не более достоверными сведениями о самом ходе революционных событий и истинном положении дел в России, чем редакция «Edinost», обе газеты в основном черпали их из иностранной прессы и на ее основе делали более или менее самостоятельные выводы. «Rdeči prapor» уже использовал социалистическую терминологию; в нем можно прочесть, что «пролетариат — движущая сила революции», что стачка является «орудием пролетариата в современной революции», а также что революция должна быть глобальной и охватить не только Россию, но и всю Европу, и что пролетарии всех стран солидарны со своими русскими братьями: «Все стремления словенских пролетариев едины со стремлениями страждущего русского народа, и их лозунгом является лозунг русского пролетариата: “Будь проклят царизм! Победу русской революции!”»⁴³.

В ходе полемики об аресте Горького менялось отношение «Edinost» к писателю. Если в прежние годы газета всегда находила доброе слово для русских деятелей культуры, особенно для писателей, то теперь она перешла к критике и подчеркивала, что, конечно, Горький отличный писатель, но это еще не значит, что он «хороший человек». В особенности достойным сожаления, по ее мнению, было то, что писатель критиковал Россию именно тогда, когда в ней начался кризис, и она ослабела. И поэтому он понес заслуженное наказание⁴⁴. В газете постоянно утвержда-

⁴² Rdeči prapor. 1905.12.05.

⁴³ Ibid. 1905.17.02. S. 1.

⁴⁴ Edinost. 1905.19.05. S. 1.

лось, что в России свободы слова намного больше, чем в Австрии, в ней разрешено проведение митингов даже во время войны⁴⁵. Конечно, это была неправда, но у газеты «Edinost» сложилось туманное представление о российской действительности. В этом ее неоднократно упрекал «Rdeći prapor»: «“Edinost” утверждает, что испытывает чувство любви к России, ... но она любит официальную Россию, или какую-то воображаемую Россию, которую изображает так, как ей самой нравится. То, что такая любовь не имеет ничего общего с любовью к русскому народу или к народам, проживающим в России, они не понимают [...]. Русский, который любит свою родину, может желать только уничтожения современной официальной России. [...] Пришло время опровергнуть мнение, что эта заступница национализма является другом русского народа. Нет никого более враждебного ему, чем газета, для которой кнут и нагайка — символы славянства»⁴⁶.

Во второй половине 1905 г. в публикациях газеты «Edinost» прослеживается смещение идеологических акцентов, в них стали писать о том, что, возможно, русский народ и в самом деле заслуживает большей свободы и конституции, однако еще настойчивее обосновывали свою любовь к царю (ранее им никогда не приходилось из-за нее оправдываться). В одной из статей, подписанной «Национальный социалист», высказаны пожелания России: «А интеллигенция? Преобладающая часть ее мечтает о большей свободе и лучшем будущем для русского народа. Об этом же мечтаем и мы, желая, чтобы для него как можно скорее засияло больше света, чтобы он поднялся на более высокую ступень образования и просвещения, достиг лучшего социального благосостояния и широкой политической свободы. И свобода оживила бы всю мощную, но до сих пор мертвую духовную энергию русских, способную преобразовать устаревшие политические идеи западных народов точно так же, как русская литература преобразила западную.

И далее — нам кажется, что в данных обстоятельствах для России в сто раз лучше хорошая автократия, чем плохой парламентаризм.

⁴⁵ Edinost. 1905.18.06. S. 2.

⁴⁶ Rdeći prapor. 1905.26.05.

Т.е. мы монархисты, поскольку убеждены, что царизм вовсе не является наибольшим злом для русского народа»⁴⁷.

Но после того как царь провозгласил введение конституции в России⁴⁸, «Edinost» немедленно высказалась в ее поддержку, увидев в ней будущее всего славянского мира. При этом сразу же было подчеркнуто, что конституция свидетельствует не о победе революции, а о «благородстве царя Николая», который сделал лишь то, что и так сделал бы в любом случае, только подождя еще немного — ведь «любое слишком сильное лекарство вредно для слабого больного». Автор одной из статей (подпись — «Jwski») видел в парламентаризме возможность для появления партии, которая выступит за освобождение балканских славян, чего прежде не могло произойти, поскольку «у официальной России были связаны руки в вопросах славянской политики». Затем он с гордостью добавил: «И мы дождемся того дня, о котором уже давно мечтаем, когда оживет и окрепнет славянофильская партия. Тогда революционеры проклянут день 30 октября 1905 г., день, давший России свободу»⁴⁹. На этот раз автор газеты «Edinost» высказал мнение, что только конституция означала для России свободу, хотя ранее, в течение почти одиннадцати месяцев, в газете утверждалось обратное. Более того, введение конституции восприняли как надежду для всех славянских народов, о чем свидетельствует название статьи «Рассвет для славянства, ведь Россия пробудилась». Уже само это название противоречило прежним публикациям, поскольку с января 1905 г. редакция считала, что в России не может быть настоящего восстания. Очевидно, волнения и забастовки 1905 г. стали для «Edinost» признанными фактами лишь тогда, когда их, хоть и нехотя, путем провозглашения конституции признал царь. Заканчивалась статья почти восторженно: «Воодушевляясь этим обеспеченным будущим

⁴⁷ Edinost. 1905.20.05. S. 1.

⁴⁸ Нужно осознавать, что царь не давал согласия на конституцию, что сделал бы просвещенный правитель, более того, Николай даже отказался от роли конституционного монарха, поэтому мы не можем считать его просвещенным императором, принесшим России демократию. См.: *Figes O. Tragedija ljudstva*. S. 214.

⁴⁹ Edinost. 1905.01.11. S. 1.

нашей братской России, мы приветствуем ее на новом пути. Нас отделяют от нее большие пространства и государственные границы. Но мы вновь находимся совсем близко к ней, ведь нас сплавливает земля, раздробленная, но объединенная одним стремлением, земля, которая с одной стороны заселена хорватами, сербами и болгарами, а с другой — чехами, словаками и поляками. Как донныне, так и отныне прогресс России — наш прогресс. И поскольку Россия пробудилась, то и у нас — маленьких, слабых и угнетенных — наступает рассвет»⁵⁰.

После принятия российской конституции изменился и тон сообщений «Edinost» о России, и ее отношение к революции. Эта газета, как и многие другие словенские печатные органы, развернула открытую борьбу за введение всеобщего избирательного права. В ней стали появляться боевитые заголовки типа «Славяне, все на борьбу за всеобщее избирательное право!»⁵¹, причем редакторы старались, чтобы их агитация не была похожа на социал-демократическую. Несмотря на это, в ряде номеров уже прослеживаются настоящий революционный экстаз и явное воодушевление революцией. Радикальные взгляды высказывались и в серии сообщений корреспондентов «Edinost» «Письма из Праги», в них цитировались выступления чешских социалистов, например, Франтишека Скоупа, считавшего Россию революционным образцом («По примеру России освободятся все народы»)⁵². Еще несколько месяцев назад и представить себе было невозможно, что в «Edinost» будут напечатаны слова, открыто призывающие к революции: «Искры революционного пожара из России падают на соломенную и созревшую крышу убогого дома, именуемого Австрией»⁵³. Автор не ограничился метафорами, а призвал к настоящей борьбе: «28 ноября»⁵⁴ рабочие всей страны соберутся перед Думой и будут ждать ответа. Рабочие выйдут на улицы в таком коли-

⁵⁰ Edinost. 1905.01.11. S. 1.

⁵¹ Напр.: Ibid. 1905.01.11.

⁵² Ibid. 1905.11.11. S. 1, 01.12. S. 1.

⁵³ Ibid. 1905.01.12. S. 1.

⁵⁴ На этот день австрийская социал-демократия запланировала проведение всеобщей забастовки и демонстраций.

честве, что ни один народ и ни одно государство в истории не видели такого колоссального выступления многих миллионов [...]. Если рабочие не получают [...] ответа, то с неудержимой мощью разразится ужасная эпоха крови и огня, и небо над Австрией запылает алым цветом [...]. Сейчас началась новая эра, когда выступает величайшая сила в мире: пролетариат»⁵⁵.

«Edinost» стала знакомить читателей и с социалистической (марксистской) терминологией; в ней встречаются краткие примечания, разъясняющие некоторые понятия: например, слово «пролетариат» означает «слой всех рабочих, которые продают свою рабочую силу и не имеют собственных орудий производства»⁵⁶. Вместе с введением новой терминологии существенно радикализировались и взгляды газеты. В частности, в ней были опубликованы отрывки из речи, произнесенной социалистом и редактором газеты «Rdeči prapor» Этбином Кристаном на общественном митинге 26 ноября 1905 г., который подчеркнул, что социалисты «научились от русских, как делать революцию», и высказался за введение избирательного права для женщин: «Нам нужно подготовить к политической жизни и наших словенских женщин, чтобы они стали помогать нам в нашей борьбе»⁵⁷. В публикациях газеты «Edinost», как и в большей части словенской прессы, благодаря русской революции, проявился мощный освободительный импульс. Он охватил многие грани политического и общественного сознания, от идентификации пролетариата до постановки вопроса о правах женщин. В «Edinost» обе эти проблемы увязывались и с национальной борьбой; к примеру, с гордостью упоминалось, что в одном из сообщений о прошедших в Триесте манифестациях за всеобщее избирательное право, опубликованном в газете «Omnibus» («Омнибус», выходила в Пуле), говорилось, что в Триесте «начала разгораться славянская заря»⁵⁸.

Однако «Edinost» не перешла полностью на сторону революции — и тем самым, с точки зрения понимания актуальных

⁵⁵ Edinost. 1905.01.12. S. 1.

⁵⁶ Ibid. 1905.06.12. S. 2.

⁵⁷ Ibid. 1905.01.12. S. 1.

⁵⁸ Ibid. 1905.02.12. S. 2.

событий и политического анализа, ее редакторы разобрались в ситуации в России лучше, чем кто-либо другой в словенской публицистике того времени. В декабре 1905 г. они, с одной стороны, осознали силу революционных масс и потенциал пролетариата, который может помочь им также и в их национальной и политической борьбе (за всеобщее избирательное право), а с другой — не поддались полностью революционному натиску. В это время в газете было опубликовано несколько серьезных статей о России. Конечно, при их написании словенские авторы во многом опирались на материалы зарубежной прессы — прежде всего, «лондонских газет» и «*Neue Freie Presse*» («Нойе Фрайе Прессе», «Новая свободная пресса»), однако в их публикациях они выделили несколько наиболее релевантных положений, чего ранее, на протяжении всего 1905 г., им не удавалось сделать. В конце декабря в постоянной рубрике «События в России» корреспонденты газеты сообщали, что русская административная система и русская жизнь нуждались в реформах, поэтому «честь людям великого духа», которые сумели подвигнуть к восстанию «малоподвижную, апатичную, рабскую русскую душу», но при этом очень скупо упоминали о насилии и пролитии крови. Сдержанность редакции в этих вопросах проистекала не из «мягкотелости и сентиментальности», а из убеждения, что насилие станет для этого движения препятствием, которое не позволит ему достичь своей великой цели. Затем была высказана идея, которая впоследствии действительно реализовалась, — что русская революция может породить русскую реакцию, то есть что поражение революции будет означать возрождение жесточайшей реакции⁵⁹. И в самом деле, подавление московского восстания в декабре 1905 г. ознаменовало пик контрреволюции, проложившей дорогу реакции, которая на десятилетие связала путами российское общественное и политическое движение. Московское восстание «не смогло воспламенить общественную революцию, оно стало красной тряпкой для реакции»⁶⁰. С этого момента пути поли-

⁵⁹ Edinost. 1905.27.12. S. 1.

⁶⁰ *Figes O. Tragedija ljudstva*. S. 223.

тической и общественной революции разошлись, а царский режим с октября 1905 г. по апрель 1906 г. (когда была созвана Дума) обрек на смерть около 15 000 человек. Все это было известно газете «Edinost», однако, она по-прежнему оставалась на своей, насчитывающей уже десятилетия, славянской позиции: поражение русских их огорчало как «приверженцев свободы, человеколюбия и как — славян»⁶¹. Важнейшим пунктом русской политики газета всегда считала ее «славянскую миссию».

Анализ публикаций триестских газет «Edinost» и «Rdeči prapor», которые наиболее последовательно из всей словенской прессы сообщали о революционных событиях в России, ясно показывает, что их отношение к вопросу о революции осложнялось, с одной стороны, чувствами к великой русской нации и к русскому царю, а с другой стороны, их восприятием русского народа, главным образом, крестьян и рабочих. В обоих случаях в значительной мере речь шла просто о впечатлении или спекуляции, результатом которых являлись либо идеализированный образ царя, либо возвышенный образ революции. Оба образа редко были представлены объективно, последовательно или в соответствии с историческими фактами. Редакторы обеих газет не особенно стремились рассказывать о конкретных событиях в России, скорее они предлагали описания тех сегментов, которые сами считали важными, или же полагали, что они заинтересуют их читателей. Таким образом, «Edinost» интерпретировала русскую действительность в пользу национального вопроса, а «Rdeči prapor» — в пользу классового. Можно сказать, что Россия для них была чем-то отдаленным, призмой, через которую можно было проецировать собственные убеждения, скрывавшиеся под мнимо объективной оценкой событий в России.

Перевод со словенского Л.А. Кирилиной

⁶¹ Edinost. 1905.27.12. S. 1.

Ю. Перовшек

Словенская политическая пресса о войне с русскими и другими славянскими противниками в 1914–1916 гг.

J. Peroušek

Slovenian political press about the war with the Russian and other Slavic adversaries in 1914–1916

Для большинства словенцев и словенских солдат из-за их неоспоримого австрийского патриотизма противники монархии — славяне были их врагами. Такую позицию в 1914–1916 гг. поддерживала также ведущая словенская политическая пресса: католический «Slovenec» и либеральный «Slovenski narod», которые не допускали мысли о единстве словенцев и других славян. В вопросе о славянстве для них решающее значение имели линии фронта, образовавшиеся между австро-венграми и немцами с одной стороны и славянскими странами, сражающимися против них — с другой. Несмотря на отдельные статьи, в которых о славянских противниках не было сказано ничего плохого, на страницах обоих изданий размышления о славянской идентичности были запрещены. Существовало только австрийское настоящее и соответствующее ему отношение к славянству. «Slovenec» и «Slovenski narod» придерживались позиции, что словенцы, как и другие габсбургские славяне — австрийцы, а те, иные, они из другого мира. Такое отношение заложила война, которая принадлежность к славянству подчинила интересам государств, участвующим в ней.

Ключевые слова: Первая мировая война, словенцы, австрийский патриотизм, славянские противники Габсбургской монархии.

For a vast majority of Slovenians and Slovenian soldiers the Slavic opponents of the Monarchy were enemies. In the period from 1914 to 1916 such sentiments were encouraged by two Slovenian political daily newspapers catholic *Slovenec* and liberal *Slovenski narod*, whose attitude allowed no ideas about interaction between Slovenians and the other Slavic nations. Regarding the issue of

Slavic identity on the first place were front lines which ran between Austria-Hungary and Germany on the one side and Slavic countries fighting them on the other. Despite some articles in which no harsh words were shared concerning Slavic opponents, the path to considering the mutual Slavic identity was decisively closed at both newspapers. There were only the Austrian sense of self-worth and its narrow attitude towards the Slavic identity and culture. Both *Slovenec* and *Slovenski narod* significantly consolidated the position that Slovenians — just like other Slavs in the Habsburg Monarchy — were Austrians, and those who did not feel the same came from other planet. This attitude was laid by the war, subordinated Slavic interests to the interests of the states participating in it.

Keywords: World War I, Slovenians, Austrian patriotism, Slavic opponents of the Habsburg Monarchy

Мировая война, которая разразилась в 1914 г., коренным образом изменила существовавшее до того момента отношение к родине и миру. Единственный доступный в то время информационный ресурс — пресса — наполнился сообщениями о событиях на фронтах и их последствиях, оставив мало места для освещения событий в других сферах жизни. Война наложила на прессу новый, неизвестный до того, военный отпечаток¹.

Первые два года войны в словенской печати преобладали сообщения о столкновениях Австро-Венгрии и Германской империи с их славянскими противниками — Российской империей, Королевством Сербией и Королевством Черногория. Словенцы в то время входили в состав Дунайской монархии. Оказавшись на Восточном фронте, они вынуждены были сражаться с представителями других славянских народов не на жизнь, а на смерть. Пресса подобное положение освещала с различных позиций, акцентируя особое внимание на военных столкновениях словенских солдат с славянскими противниками. Об этом часто писала ведущая политическая католическая газета «*Slovenec*» («Словенец») и либеральная газета

¹ *Štepec M.* Slovenec 1914–1918 / Slovenec: političen list za slovenski narod (1873–1945): kratak pregled zgodovine ob 140-letnici njegovega izhajanja. Ljubljana, 2013. S. 19.

«Slovenski narod» («Словенски народ», «Словенский народ»). В марксистской прессе таких сообщений не было, так как во время войны она практически не издавалась. Вопрос о братоубийственной войне между славянами для газет «Slovenec» и «Slovenski narod» не содержал в себе противоречия. Подобное отношение было характерно и для большинства словенских солдат. Редко кто из них выражал недовольство борьбой против соплеменников и воспринимал войну как столкновение немцев и славян². В ведущих газетах словенцы были представлены австрийцами, которые борются против славянского противника Габсбургской монархии. Чуть меньше, чем через полгода после начала войны, «Slovenec» опубликовал статью, в которой говорилось о том, чему «учатся» австрийские славяне: «Когда армия двинулась на славянские страны (Россию и Сербию), мы ни секунды не сомневались в том, где наше место. С исконной преданностью Габсбургам австрийские славяне отправились на поля сражений для того, чтобы там проливать свою кровь и умирать за свою единую родину и свою правящую династию. Весь мир знает, что противники втайне рассчитывали на слабость австрийских славян, что они в этот критический момент отрекутся от империи. Но они просчитались, поскольку не знали нашей бескорыстной верности Австрии и императору. Славяне, и в их числе словенцы, показали свой искренний австрийский патриотизм»³.

Австрийский патриотизм наряду с католическим учением был тогда бесспорной основой жизни большинства словенцев. Истинный характер которого заключался в том, что его ощу-

² *Sluga M.* Slovenski vojaki v prvi svetovni vojni. D. 2 // Časopis za zgodovino in narodopisje. 2009. Št. 1. S. 37, 39, 41, 42–43, 49, 50, 54, 60; *Sluga M.* Op. cit. // Ibid. 2009. Št. 2–3. S. 83, 92; *Sluga M.* Op. cit. D. 3. // Ibid. 2009. Št. 4. S. 82, 97, 107–108; *Antoličič G.* Bog ohrani, Bog obvari Nam Cesarja, Avstrijo!: izbruh prve svetovne vojne v habsburški monarhiji // Studia Historica Slovenica. 2015. Maribor, 2015. Št. 2. S. 275.

³ *Slovenec.* 1914. 12. 12. Об австрийском патриотизме словенских солдат см. Ibid. 1915. 27. 02.; *Sluga M.* Op. cit. D. 1. S. 38–39, 51, 52, 54–57, 59; Ibid. D. 2. S. 87, 96, 93, 101, 102, 107; Ibid. D. 3. S. 106–108; *Jenuš G.* Slovenci in velika vojna (1914–1918): slovenska razdvojenost med zvestobo cesarju in željo po narodni avtonomiji // Studia Historica Slovenica. 2015. Št. 2. S. 307, 316. *Križaj M.* Pošta iz ujetništva // Vojnozgodovinski zbornik. 2001. Št. 6. S. 45, 48, 49.

щали вопреки военному абсолютизму, укрепившемуся немецкому национальному давлению и военной цензуре. Словенский народ «с воодушевлением приносил жизнь и кровь на алтарь родины, жизни тысяч своих лучших сынов», как в конце 1914 г. сообщал «Slovenski narod»⁴. Эти слова были связаны с тяжелыми потерями так называемых словенских полков на востоке, на русском фронте, о чем общественность также была оповещена⁵. Несмотря на это, газета выражала уверенность, что «даже сейчас в центре огромного вихря, который сотрясает земной шар, словенцы останутся непоколебимыми в своей преданности и верности родине, которая была для них путеводной звездой и в радости, и в горе»⁶. Полтора года спустя «Slovenec» к этому добавил: «Перед судом истории наш маленький народ предстанет великим. В этой войне мы полностью забыли о себе и думали о государстве. Наш народ был со своими героями всегда там, где было труднее всего»⁷. «Словенцы и хорваты, которые объединены под жезлом Габсбургов, хотят навсегда остаться самым верным императору народом»⁸.

В подобном возвышенном стиле на словенских землях прославляли и австрийские победы над славянским противником. Когда 2 декабря, в день шестьдесят шестой годовщины правления австро-венгерского императора Франца Иосифа I, австрийцы захватили Белград, люблянский жупан либерал Иван Тавчар призвал жителей Любляны вывесить флаги для прославления этого военного успеха. Призыву жупана «все с радостью последовали. Вечером два военных оркестра маршировали по городу в сопровождении людей, оживленно их приветствующих. Люблянская крепость была украшена иллюми-

⁴ Slovenski narod. 1914.24.12.

⁵ *Svoljšak P.* Prva svetovna vojna // Enciklopedija Slovenije Ljubljana, 1995. D. 9. S. 401–403; *Svoljšak P.* Poizkus ocene vojaških in civilnih izgub (žrtev) med 1. svetovno vojno // Množične smrti na Slovenskem. Ljubljana, 1999. S. 230; *Guštin D.* «Slovenski polki» na vzhodni fronti // Slovenska novejša zgodovina: od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije: 1848–1992. Ljubljana, 2005. D. 1. S. 128–129, 131. Об опыте сражения словенских солдат с русскими см. *Sluga M.* Op. cit. D. 1. S. 46, 52.

⁶ Slovenski narod. 1914.31.12.

⁷ Slovenec. 1916.26.07.

⁸ Ibid. 1916.02.03.

нацией, а в девять часов был сделан 21 залп из пушек, так что даже самые отдаленные уголки узнали об успехах, которых достигла австрийская армия в результате долгих героических боев против Сербии»⁹. На следующий день «Slovenski narod» в честь победы «вспомнил» старую народную песню «Стой, стой, там Белиград, за городом река крови, чтобы крутить три камня мельницы...», эта песня появилась после австрийской оккупации Белграда в 1789 г.¹⁰ Позднее в Любляне также будут прославлять взятие Перемышля 3 июня 1915 г., Львова 22 июня 1915 г. и Варшавы 5 августа 1915 г.¹¹ «Slovenski narod» с восторгом приветствовал взятие Брест-Литовска 26 августа 1915 г. и Цетине 14 января 1916 г.¹² Патриотический восторг был выражен и при взятии Львова¹³. «Народ» славил «любимых орлов австрийских легионов, почетные знаки габсбургских правителей, победоносные знамена имперских отрядов» и возвышал военное мастерство австрийских полководцев, которое смогло превзойти неуклюжую русскую военную силу»¹⁴. Кроме того, люблянский общинный совет на заседании 23 июня 1915 г. в едином порыве прокричал «Да здравствует армия!», произнесено это было стоя. По предложению заместителя жупана д-р Карла Триллера, либерала по политическим взглядам, после падения Львова по телеграфу было отправлено поздравление главнокомандующему армии эрцгерцогу Фридриху¹⁵. Своеобразный символ патриотической верности Австрии был создан словенскими солдатами на Балканах. Его автор — скульптор Йосип Урбан, служивший в 27-м люблянском пехотном полку. В память о сражениях на южном фронте на границах Сербии и Черногории был сооружен огромный памятник в виде австрийского двуглавого орла. Орел был водружен на двухметровый пьедестал, доставленный из боснийских

⁹ Slovenski narod. 1914.03.12.

¹⁰ Ibid. 1914.03.12.

¹¹ Ibid. 1915.04.06.; 1915.23.06; 1915.24.06; 1915.06.08.

¹² Ibid. 1915.27.08; 1916.15.01.

¹³ Ibid. 1915.23.06.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. 1915.24.06.

гор, и с этой высоты он взирал в сторону противника, а под ним «в благоговении к монарху» распростерлись холмы и долины боснийских земель. Одна его голова была повернута к Черногории, другая к Сербии. Наполовину раскрытые крылья, которые составляли около семи метров в длину, были готовы к мгновенному, стремительному полету. Это доказательство патриотической мысли, согласно газете «Slovenec», оказалось на прекрасном и заслуженном месте и подтверждало несостоятельность древнеримской пословицы «Inter arma silent Musae» («Во время войны музы молчат»). «Недвижим сидит орел на каменном пьедестале», — писал «Slovenec», — «под ним нарушают тишину стрелы, которые летят с нашей стороны и со стороны противника»¹⁶.

Из всего написанного выше мы можем сделать вывод, что принадлежность к славянам не «отягощала» сознание словенских солдат во время сражений против русских, сербов и черногорцев. Это подтверждали многочисленные сообщения и рассказы о сражениях на славянских землях. Конечно же, нужно принимать во внимание, что при их обнародовании учитывались такие факторы, как австрийская военно-политическая государственная позиция и военно-пропагандистские требования, однако настроение, с которым они были написаны, являлось весьма красноречивым. «Словенские воины — австрийцы, как мы это подчеркивали,¹⁷ против русских, несомненно, воевали. К ним относились как к противникам, это же касалось и сербов, и черногорцев»¹⁸. Об этом говорилось в рассказе под названием «В атаку», написанным раненым десятником «железного» 17-го пехотного полка (который назывался еще полком крайних Янезов) Алойзием Преком из Добровы после его возвращения с русского фронта в Люблянну в сентябре 1914 г.: «Жаль, что не подвернулся случай. Мы бы снова атаковали, едва могу дождаться того момента, когда снова пойду на них

¹⁶ Spomenik slovenske zvestobe na južnem bojišču // Slovenec. 1915.29.07. См. Domači črnovojniški pešpolk // Slovenski narod. 1915.29.07. Št. 27.

¹⁷ Slovenec. 1914.28.09. Kako so slovenski vojaki podirali lipo, na kateri je bil skrit sovražnik. См. также: *Sluga M.* Op. cit. 1. S. 52, 56.

¹⁸ *Sluga M.* Op. cit. 1. S. 36, 37, 44, 53, 54.

в штыковую»¹⁹. Карел Якомич из Мале васи при Ежици писал сестре: «...На коричневых (русских) мы шли “как волки на добычу”, по нам было видно, на что способны крайнские парни»²⁰. Иную составляющую картины столкновений с русскими описал солдат из Бовшко, рядовой 27-го домобранского стрелкового полка в Галиции: «Было дело [...] напали мы на русских. Они слышали нас, как мы на словенском говорили и кричали. Тогда один из русских сказал: “Братья, не стреляйте. Мы тоже славяне!”, но наш долг перед императором, осознание того, что мы защищаем нашу дорогую родину и своих близких — все это повелевало, чтобы мы остались глухими. В армии хитрость сильнее храбрости»²¹. Если верить армейскому священнику Леопольду Туршичу, который в конце декабря 1914 г. служил в 27-м полку, русские якобы боялись словенских солдат. Они узнавали домобранцев по серебряным нашивкам на воротнике, а из-за исключительного умения стрелять и настойчивости прозвали их: «псы с цветами», «этим наши парни очень гордятся»²². «Slovenec» еще раньше сражение словенских солдат против русских охарактеризовал следующими словами: «наши военные псы в деле»²³.

Об индифферентном отношении к славянским противникам свидетельствовали сообщения в газетах «Slovenec» и «Slovenski narod», они писали о боевитости словенских солдат, подкрепляя это похвальными сообщениями из австрийской и немецкой печати об их бесстрашии на славянских фронтах²⁴. В качестве занятного факта мы узнаем, что сын люблянского жупана Тавчара, прапорщик резерва 25-го артиллерийского полка, в 1915 г. был награжден серебряной медалью за храбрость I степени. В официальной Золотой книге армии о его заслугах было написано

¹⁹ Slovenec. 1914.07.09.; Ibid. 1914.22.10; Listek. 1914.14.11; 1915.13.03; 1914.14.11.

²⁰ Ibid. 1915.13.03; 1914.06.10. Dnevne vesti. 1915.13.02; 1915.27.02; 1915.13.03.

²¹ Ibid. 1914.12.12.

²² Ibid. 1915.26.01.

²³ Ibid. 1914.15.12.

²⁴ Ibid. 1914.10.09; 14.09; 28.09; 29.09; 01.10; 10.10; 21.10; 22.10; 15.12; 1915.05.03; 07.07; Slovenski narod. 1914.14.09, 28.09, 06.10, 09.11; 1915.14.04; 1916.08.07; Ibid. 1914.12.12. О храбрости словенских солдат см. *Sluga M.* Op. cit. D. 1. S. 41, 52–54; Ibid. D. 2. S. 85–86.

следующее: «Поручик резерва 25-го польского артиллерийского полка Франц Борис Тавчар проявил храбрость и мужество. Как командир взвода и как настоящий офицер в боях вел обстрел с редким хладнокровием, в то время как легкая и тяжелая артиллерия противника вела массированный обстрел его батареи. Его влияние на солдат было настолько велико, что солдаты под сплошным вражеским огнем продолжали свое дело. Когда мы оставили позицию, прапорщик Тавчар остался там по приказу со своим взводом и на следующий день, с великим мастерством, под огнем противника доставил взвод назад к батарее»²⁵.

Такие сообщения, способствовавшие подъему патриотического духа на родине, превосходно сочетались с первой и наиболее известной поэтической публикацией Йована Косески (Янез Весел), выразившей словенскую лояльную национальную идеологию, которая была обнародована в честь визита императора Фердинанда I 1 сентября 1844 г. в Любляну: «Дуб пошатнется и гора, верность словенца — никогда»²⁶. Раненые словенские солдаты, которые проходили лечение в больнице Линц Урфар в верхней Австрии, писали эти слова в ноябре 1914 г. в конце своих поздравлений, посланных главе провинции Крайна Ивану Шуштершичу и его супруге²⁷. Проявление патриотических чувств словенских солдат в прессе легко найти²⁸. Одновременно «Slovenec» констатировал, что словенский народ и словенский солдат в той войне прекрасно продемонстрировали свое понимание патриотизма в действии²⁹, «Slovenski narod» ссылался на текст, в котором Федор Михайлович Достоевский посредством череды парадоксов защищал войну. В газете приводилась следующая цитата Достоевского: «Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоин-

²⁵ Slovenski narod. 1915.06.08.

²⁶ Kmetijske in rokodelske novize. 1844.04.09; *Inkret A. Jovan Vesel Koseski: vprašanje literarne zgodovine*. Maribor, 1971. S. 36, 63.

²⁷ Slovenec. 1914.14.11

²⁸ Slovenski narod. 1914.11.09; Slovenec. 1914.14.11.

²⁹ Slovenec. 1914.10.10.

ства — в жертве жизнью за общее дело, за всех, за отечество»³⁰. Эти мысли сначала разделял и писатель Станко Майцен. На фронте в Галиции он отморозил ноги, и его уже в ноябре 1914 г. с наградой за храбрость отправили домой. Далее, во время реабилитации, он, в основном, выполнял легкие хозяйственные работы. В то время Майцен написал в католическом журнале о литературе и искусстве «Dom in svet» («Дом ин свет», «Родина и мир»): «В одном из октябрьских номеров “Naroda” был опубликован текст, в котором Достоевский хвалил войну. Все, что там написано, правда. Не могу передать, как меня укрепляет армия. Она дает мне ощущение, что с радостью обновляются ценности, что гаснут все те лучи, которыми освещались дела великих лгунов и мошенников, вещи приобретают свое истинное значение, ими самими predetermined, и что мир в этих лучах обретает совсем иной вид, чем прежде. Как это все утешает»³¹. От своих резких рассуждений Майцен позже отказался. В том же журнале автор Неверник в новелле, напечатанной чуть ниже, пришел к выводу, что солдат не может жить и не может умереть ради родины. «В те времена это не было патриотическим поступком, писатель выражал свой скепсис по отношению к войне. Вопрос в том, как новелла обошла цензуру, которая следила за проявлением любого малодушия»³².

Одна из рубрик газеты «Slovenec» «Из писем наших героев» демонстрировала пренебрежение к славянским военным противникам³³. Русские якобы не обладали настоящим мужеством, были плохими стрелками и сражались без душевного порыва. Пренебрежительное отношение было и к сербам, и к черногорцам³⁴. Таким образом, пропаганда, содержащая

³⁰ Slovenski narod. 1914.10.10 (Цитата исправлена по собранию сочинений Достоевского. Прим. пер. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. Апрель. Глава вторая. II. Парадоксалист // Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 т. СПб., 1994. Т. 13. С. 145).

³¹ Dom in svet. Ljubljana, 1915. Št. 1. S. 36.

³² Vogrič I. Slovenski književniki in I. svetovna vojna. Ljubljana, 2001. S. 34, 35.

³³ О пренебрежении к славянским противникам и о переоценке своих военных способностей, о которых говорили словенские солдаты, писал М. Слуга. Sluga M. Op. cit. D. 1. S. 44, 54.

³⁴ Slovenec. 1914.07.09; 17.09; 16.10; 14.11; 21.11; 12.12; 15.12; 31.12; 1915.26.01.

ся в этой рубрике, возвращала предрассудки о противнике и его неполноценности и стала важным составным элементом войны, а ее влияние сохранялось еще долго в послевоенные годы³⁵. Но упомянутое самовосхваление «словенских героев» не совпадало с реальной картиной того, что происходило на русском фронте. Летом, осенью и ранней зимой 1914 г., когда были напечатаны статьи о боеспособности русских военных частей, как мы уже говорили, словенские полки и австрийская армия в сражениях с ними понесли большие потери³⁶.

Согласно газете «Slovenec» русские являлись защитниками сараевских убийц³⁷, своей целью они поставили уничтожение Австро-Венгрии³⁸, и поэтому они были готовы воспользоваться нечестными и преступными методами ведения боя³⁹ и «кровавым» принуждением своих солдат к сражениям. По словам словенского артиллериста в Перемышле, для того чтобы заставить сражаться огромное сборище людей (то есть русскую армию)⁴⁰, ее командиры пулеметами гнали солдат в бой⁴¹. «Отчитывались ли они за это перед кем-нибудь?», — спрашивал представитель 4-й сотни 97-го пехотного полка офицер расчета Франц Лапанье. «Мне кажется, — писал он, — что после войны Россия переживет еще более страшную войну: великую, кровавую революцию»⁴². Но у русских солдат были и другие проблемы. Они были голодными и плохо обуты⁴³.

Несмотря на подобного рода сообщения, «Slovenec» оставил место для рассказов, где о русских говорилось хорошо. Так Йосип Шуштершич из Шмартно при Литии, рассказывая о гибели русских солдат в сражении 17-го пехотного полка 4 февраля 1915 г. в Карпатах, так описал конец боя: «Слышу с левой сто-

³⁵ *Štepec M. Op. cit. S. 18.*

³⁶ *Sluga M. Op. cit. D. 1. S. 44, 46, 48, 49.*

³⁷ Такие мысли были характерны для большинства словенских солдат. *Ibid. S. 37.*

³⁸ *Slovenec. 1914.31.08.*

³⁹ *Ibid. 1914.10.09.*

⁴⁰ *Ibid. 1916.28.09.*

⁴¹ *Ibid. 1914.14.11; 1915.26.01; 15.04.*

⁴² *Ibid. 1915.15.04.*

⁴³ *Ibid. 1915.13.02.; 03.05.; Sluga M. Op. cit. D. 1. S. 57.*

роны клич к наступлению: “Ура!”. Как один человек стреляем все из штыковых винтовок по противнику в страшном гневе, готовы всех заколоть. Русские усиливают огонь, после чего их еще много падает среди наших. Когда мы оказываемся совсем близко к ним, я думаю: сейчас будет страшная резня. Но это не так. Известно, что русские ничего так не боятся, как наших штыков. И сейчас тоже, как увидят штыки перед собой, бросают свои винтовки и поднимают руки вверх и кричат: “Братья! Братья!” Когда мы смотрим на них, как на своих пленных, у нас проходит вся злость, и мы протягиваем им руки и улыбаемся друг другу, мы делились с ними хлебом и другими вещами, а они с нами сигаретами и табаком. Если бы нас тогда кто-нибудь увидел, подумал бы, что мы старые друзья, которые после долгой разлуки вновь встретились. Каждый думал: вы выполнили свой долг, а мы свой; сейчас вы наши пленные, вы больше не наши противники»⁴⁴.

Шуштершич в своем письме признавал у русских наличие упрямства в бою⁴⁵. Такие, пусть и незначительные признания, делали и другие словенские солдаты⁴⁶. В газетах «Slovenec» и «Slovenski narod» можно было прочесть хвалебные слова о сражениях сербских и черногорских солдат⁴⁷. «Slovenski narod» указал на похвальное мнение о военных способностях сербов, которое сложилось в австрийских военных кругах и немец-

⁴⁴ Slovenec. 27.02.1915. О подобном опыте своему сыну Андрею Злобцу во время войны рассказал его отец, который в возрасте 45 лет воевал на русском фронте. «На поле боя я неожиданно увидел молодого русского, который находился так близко, что мы смотрели друг другу в глаза. Мирно и приветливо смотрел он на меня. Я посмотрел в черное дуло его винтовки и крепко сжал свой карабин. Мне было жаль приятного молодого человека, который оказался перед моим ружьём так же, как и я перед его. Молодой русский положил ружье перед собой в борзду и громко прошептал: «Нет, не стреляй! Я тоже человек!». Я улыбнулся ему и покачал головой. Нет, не буду стрелять! Мы чувствовали себя одинаково. Мы жить хотели, не умереть — ни за царя, ни за императора! Искренне надеюсь, что мой русский друг остался в живых. В следующий миг раздался приказ: “Огонь”. Стрелял я мимо» (*Zlobec A. V viharju prve svetovne vojne. Ljubljana, 2010. S. 84*).

⁴⁵ Slovenec. 1915.27.02.

⁴⁶ Slovenski narod. 1914.11.09.; Slovenec. 1915.03.05.

⁴⁷ Slovenski narod. 1914.30.09.; 1914.16.10.; 1916.18.01.; Slovenec. 1914.10.12.; *Ciglar J. Matija Malešič — vojni dnevnik 1914 // Vojnozgodovinski zbornik. Št. 5. Logatec, 2000. S. 44; Sluga M. Op. cit. D. I. S. 54, 59; Ibid. D. 2. S. 86–87. Слуга*

кой печати»⁴⁸. Следует упомянуть, что газеты сообщали также о терпимом и хорошем отношении русской стороны к словенским военнопленным⁴⁹. Других сообщений почти не было⁵⁰. В подобном же положении оказались словенцы и в сербском, и в черногорском плену⁵¹. Одному из них показалось, что он слышал упрек в предательстве славянства⁵². Этот же упрек «Slovenec» адресовал России, когда московская газета «Русское слово» в конце февраля 1916 г. опубликовала статью, в которой отметила, что Италия от Антанты ожидает поддержку своих территориальных претензий относительно словенского Приморья⁵³.

Сообщения о довольно благоприятных условиях, в которых жили словенские военнопленные в России, Сербии и Черногории, конечно же, были написаны с оглядкой на цензуру пленившей стороны, что было известно газетам, но их все равно печатали. Возможно для того, чтобы успокоить родственников, волновавшихся о своих близких, оказавшихся в военном плену, и способствуя тем самым более спокойному восприятию войны мирным населением. Пленение словенских солдат, очевидно,

указывает на негодование словенского офицера Янко Хацина из-за жестокого отношения австро-венгерских властей к сербским военнопленным и из-за насилия, вершившегося над сербским мирным населением. Эти новости, которые дошли до него, когда он был на русском фронте, он записал в своем дневнике: «Наши грабят и убивают в Сербии хуже, чем банда сброда, то же самое происходит и в Боснии». (Ibid. D. 1. S. 50.) В 1916 г. Хацин перебежал на русскую сторону. Русский генеральный штаб направил его в Швейцарию. Оттуда с помощью своих связей в Вене он посылал в Россию важные сведения о военных операциях и других значительных событиях. В конце 1917 г. его связь с Веней прервалась, в 1918 г. русская разведывательная служба в Швейцарии была ликвидирована (Slovenski bijografski leksikon. D. 2. Ljubljana, 1926. S. 283). О жестоком обращении с черногорскими военнопленными в своем дневнике писал дневник Матяя Малешич, служивший во 2-м взводе 22-го австро-венгерского пехотного полка (*Ciglar J. Matija Malešič — vojni dnevnik 1914*. S. 48).

⁴⁸ Slovenski narod. 1914.30.09; 14.11.

⁴⁹ Slovenec. 1914.28.10; 21.11; Slovenski narod. 1914.12.11; 21.12.; *Križaj M. Pošta iz ujetništva*. S. 47, 49; *Štepec M. «Kot teleta smo bili»: izkušnja in spomin na Galicijo // Studia Historica Slovenica*. Št. 2. Maribor, 2015. S. 368–369.

⁵⁰ Slovenski narod. 1914.31.12.

⁵¹ Ibid. 1914.02.10; 31.10; 12.11; Slovenec. 1914.14.11; 1915.16.01; 01.04; 07.04; 1916.12.02; 15.02; *Štepec M. «Kot teleta smo bili»*. S. 368.

⁵² Slovenec. 1916.12.02.

⁵³ Ibid. 1916.02.03.

не было для газет той темой, которая должна была разжигать враждебное чувство к славянским противникам Габсбургской монархии. Может быть, при этом принимали во внимание тот факт, что главное бремя сражений легло на славянские земли. На это весной 1915 г. указал «Slovenski narod», где было отмечено, что на этой стадии мировой войны больше всего тягот досталось славянским народам. Все сражения на восточном и южном полях сражений происходят на славянских австро-венгерских землях, в Галиции на польских и на русинских землях, в Буковине на русинских землях, в Карпатах на словацких землях, в Среме, и в Боснии и Герцеговине, и в Далмации на хорватских землях, в Приморье на словенских землях⁵⁴. Что касается Приморья, следует отметить, что там словенцы воевали друг против друга. На Сочанском фронте венецианские словенцы в форме итальянской армии воевали со словенцами в форме австро-венгерской армии⁵⁵.

Воспоминания о положении в русском плену сохранились у родственников Бенко из Криж при Чемшенике. Племянник словенского военнопленного Янеза Бенко, Душан Бенко в работе «Дом моего отца» сообщил следующее. Янез Бенк был взят в плен как пехотинец в Галиции, он содержался в районе Лохвицы на Украине. Там он работал в большой плотницкой компании и работал хорошо. На Украине в качестве военнопленного находился и его брат Йоже. Братья в плену наладили между собой переписку, очевидно, через домашних, которым каждый из них из своего края сообщал о своей жизни, о том, как у них обстоят дела, а домашние им отвечали. Обмен письмами с родными, находившимися дома, происходил с большими задержками, чего нельзя сказать о переписке братьев, начавшейся сразу, как только они узнали о местонахождении друг друга. Братья свои письма озаглавили «Еженедельный вестник» с подзаголовком «Для развлечения двух любящих братьев». На каждом письме был проставлен его порядковый номер и дата. Наглядно иллюстрирует ситуацию в плену письмо № 16 «Вестника» от 13 января 1917 г. Помимо новостей из

⁵⁴ Slovenski narod. 1915.19.06.

⁵⁵ *Svoljšak P.* Poizkus ocene vojaških in civilnih izgub. S. 232.

дома в нем были инструкции Йоже, как добраться до Лоховиц. Янез писал Йоже, до какого пункта ему ехать поездом и где нанять извозчика, который довезет его до него. Йоже сообщил Янезу, что хочет сбежать и присоединиться к нему, чтобы вместе отправиться домой. Янез и Йоже Бенко очевидно не ведали трудностей жизни в плену. Янез открыто, по обычной почте послал брату письмо, в котором, не скрываясь, без обиняков согласился с его намерением бежать, и дал ему указания, как до него добраться. Он его также оповестил, что «из Харьковской губернии он знает несколько пленных, которые оттуда убежали и благополучно добрались до Лохвиц. Много тех, кто менял места пребывания по своей воле. Можно прийти в комитет военнопленных и получить разрешение искать службу по собственному усмотрению. Работу получить легко». Братья, не боясь военной цензуры, спокойно переписывались и рассказывали друг другу о своей жизни в плену, без капли страха планировали, как и когда и по какому пути вернуться домой⁵⁶.

Согласно преданию семьи Бенко, во время плена в жизнь Янеза пришла любовь. В него влюбилась Евдокия Харапан, дочь хозяина предприятия, где он работал. Янез тоже был к ней неравнодушен, и огонь любви так сильно вспыхнул, что Евдокия подарила ему белый, собственноручно сотканный шарф из домашнего полотна, вышитый прекрасным орнаментом. Это был шарф жениха, который невеста дарит своему избраннику, его длина составляет два метра. Ее инициалы на кириллице были вышиты с одной стороны, а его инициалы на латинице — с другой. Жених во время свадьбы носит его на поясе или наискось через плечо. Янез Бенко так и не воспользовался им, поскольку после Октябрьской революции, вероятнее всего, весной 1918 г., с печалью в сердце покинул Россию, а шарф взял с собой. Брат Йоже, в соответствии с его указаниями, добрался до Лохвиц, и его приезд подвиг Янеза убежать вместе с братом на родину. В те беспокойные времена военнопленные часто использовали сложившуюся ситуацию и сбегали домой. Братья по возвращении из плена, прежде всего, отправились

⁵⁶ Benko D. Niša mojega očeta. Križe, 2014. S. 50–51, 53, 56.

в Юденбург, а потом на Сочанский фронт. В конце войны пешком вернулись домой. Янез не забыл о Евдокии. Позднее лукаво, вполголоса рассуждал: «Бог ведает, нет ли у моих детей какого-нибудь брата или сестры на Украине». Шарф Евдокии сохранился до сих пор, и в течение многих десятилетий семья Янеза каждый год в мае, во время цветения ландышей, этим шарфом и портретом Янеза Бенко украшала в доме икону Божьей Матери — в память о неизвестной Евдокии⁵⁷.

Образ русского (славянского) противника в политической печати создавался не только на основе частных воспоминаний, но и на базе исторических размышлений о характере русского человека. В 1915 г. в развитие этой темы внес свой вклад профессор богословия, теолог, историк и исследователь староцерковнославянского языка Франц Гривец. В католическом культурно-социологическом журнале «Čas» («Час», «Время») он опубликовал рассуждения «Русская проблема», в котором рассматривал русский характер⁵⁸. Текст, где поднимался этот вопрос, 1 мая перепечатал «Slovenec». Газета указала на акту-

⁵⁷ *Benko D.* Niša mojega očeta. Križe, 2014. S. 53–57, 158; *Smolik M.* Liturgika: pregled krščanskega bogoslužja. Celje, 1995. S. 222–223. Бенко приводит и другие примеры того, что словенские пленные жили в России в хороших условиях. Он вспоминает, что читал о том, как «как русские спрашивали австрийских и немецких пленнх во время переписи, кто они: немцы или славяне? Те, кто говорил, что они немцы, отсылались за Урал, в Сибирь, пленнх славянской крови распределяли по европейской части России. Многие из них хорошо устроились. Но не только в воспоминаниях Бенко встречается подобная информация, в повести «Тридцать один» (*Šest O. Enaintrideset in eden: knjiga o vojnem ujetništvu*. Ljubljana, 1937), которую после Первой мировой войны написал публицист и режиссер Осип Шест, говорится о группе офицеров австро-венгерской армии — словенцах, хорватах, чехах и поляках, которые уже в первый год войны оказались в русском плену и находились там вплоть до конца войны. Ничего плохого с ними не случилось. Русское командование поселило их в Рязани, жили они в большом доме с садом, в котором выращивались различные культуры. Вплоть до революции они получали пособия, гуляли по городу и его пригороду, встречались с рязанскими красавицами, делали, что хотели. Все это, несомненно, происходило под надзором охранника, с которым они были в дружеских отношениях. Большое количество свободного времени в многолетнем плену проводили как могли, многие посвятили его образованию» (*Benko D.* Op. cit. S. 58.) — Шест находился в русском плену с 1915 г. После революции работал в театре в Рязани, позднее познакомился в Москве с известным русским режиссером и теоретиком театра К.С. Станиславским. На родину вернулся в 1919 г.

⁵⁸ *Grivec F.* Ruski problem // Čas. Ljubljana, 1915. Št. 3. S. 121–137, 126–131.

альность рассуждений Гривеца, ведь русский характер «и на полях сражений представляет интерес и воодушевляет»⁵⁹.

Гривец считал, что в глубине русской сущности всегда скрываются «добродушная мягкость, гибкая мечтательность, демократичное человеколюбие и анархичное свободолюбие старорусской славянской природы», ко всему этому в ходе истории присоединились различные иноземные влияния, которые русские в себе еще не структурировали. Вместе с историческими и культурными противоречиями, им приходилось также сталкиваться с удивительными противоречиями в природе и экономике⁶⁰. «Русский должен был постоянно бороться с неприветливой природой без надежды, что сумеет ее полностью подчинить», резюмировал «Slovenec». В борьбе с ней он наталкивался на большие проблемы. Без трудностей он переносит сильный мороз и сильную жару. Неожиданные изменения, ужасающие катастрофы и несчастья его не выбивают из равновесия. Для русского характера естественны смесь силы и слабости, страстности и апатии, непробиваемой консервативности и легкой гибкости, сонливости и деятельности, твердости и добродушия, безучастности и доброты. Русский знает, что такое терпение и боль, поэтому он отличается сочувствием, милосердием, благотворительностью и идеалистической жертвенностью. Он одновременно переносил тиранию природы и тиранию абсолютистского государства, и он умеет жертвовать. Поэтому русские, которые миролюбивы и не воинственны, растят выносливых солдат, любовь к огромной родине толкает их к экспансионистской политике. «В последнее десятилетие русский народ получил возможность развить творческие способности и умения своей “широкой натуры”», — заключал «Slovenec». «Поэтому Россия неожиданно окрепла. Возможно, также окрепнет и консолидируется характер русских, и противоречия перерастут в прекрасное согласие»⁶¹.

Отрывок из рассуждений Гривеца показал понимание и симпатию к русскому человеку и смягчил преобладающий не-

⁵⁹ Slovenec. 1915.01.05.

⁶⁰ Ibid. 1915.01.05.

⁶¹ Ibid.

готивный образ противников Австро-Венгрии, который был создан газетами «Slovenec» и «Slovenski narod» в то время, когда словенцы сражались на славянских землях⁶². В значительной степени его сформировали на основе отдельных писем словенских солдат, которые регулярно публиковались. Письма в их редакции передавали разные адресаты, или же адресатами были сами газеты. «Slovenski narod» своих респондентов, вероятно, нашел и благодаря объявлению, опубликованному в конце сентября 1914 г. В нем отмечалось, что «современная война имеет для истории нашего народа и наших земель большое значение, и кто будет когда-нибудь писать хронику этого периода, тому достанется много хорошо сохранившихся воспоминаний нашего времени. Было бы хорошо и очень полезно, если бы люди записывали самые важные вещи, которые происходят сейчас, что они пережили на полях сражений, и было бы прекрасно, если бы отдельные люди писали, что они видели в своих общинах и что они пережили. Им нужно записывать все подобные вещи: личные воспоминания, представляющие интерес для этого края, рассказы солдат, пришедших с войны. Таким образом, соберется много материала, который будущим историкам сослужит добрую службу и даст им возможность создать интересную и правдивую картину событий этого великого времени»⁶³.

«Истинная» картина сражений словенцев по обе стороны фронта в 1914–1916 гг., представленная публикациями двух ведущих словенских политических газет, такова: для большинства словенцев и словенских солдат, которые были полны австрийского патриотизма, славянские противники монархии являлись и их противниками. Формированию такой позиции способствовали и ведущие газеты «Slovenec» и «Slovenski narod», которые не допускали мысли о возможности солидарности словенцев с другими славянами. В вопросе славянства решающее значение для них имели «фронтные» границы между Авст-

⁶² В качестве проявления симпатии к русским мы можем расценить публикацию рассказа А.П. Чехова «Крестьяне» в газете «Словенски народ» в сентябре 1916 г. Slovenski narod. 1916.11–16.09; 18.09; 20–22.09; 25–27.09.

⁶³ Ibid. 28.09.1914.

ро-Венгрией и Германией и воюющими с ними славянскими государствами. За исключением отдельных статей, в которых о славянских противниках не говорилось ничего плохого, тема размышлений о славянской идентичности на страницах двух газет была закрыта. Существовали только австрийские критерии по отношению к славянству. «Slovenec» и «Slovenski narod» поддерживали идею, что словенцы, как и другие габсбургские славяне — австрийцы, а те, кто не австрийцы — они из другого мира. Такое отношение породила война, которая принадлежность славянству подчинила интересам государств, участвующих в ней.

Перевод со словенского Н.С. Пилько

Л.А. Кирилина

Восприятие словенского вопроса в российских официальных кругах в 1914–1915 гг.*

L.A. Kirilina

Perception of the Slovenian issue in Russian official circles in 1914–1915

Правящие круги Российской империи стали проявлять интерес к словенцам лишь в годы Первой мировой войны в контексте вопросов дальнейшей судьбы Приморья (прежде всего, Триеста). В статье на основании материалов российских архивов и исторических исследований рассматриваются некоторые планы российских правительственных кругов, касающиеся в том числе и судьбы словенцев, а также попытки словенских патриотов вызвать у российского правительства интерес к своему народу и таким образом повлиять на его политику.

Ключевые слова: Первая мировая война, словенцы, российское Министерство иностранных дел, Триест, Лондонский договор.

The ruling circles of the Russian Empire began to show interest in Slovenes only during the First World War, and they were interested in them only in the context of common problems concerning the future of Primorye (first of all, Trieste). In the article, based on the materials of Russian archives and historical studies, are revealed some plans of Russian government circles, including the fate of Slovenes, as well as attempts by Slovene patriots to provoke the interest of the Russian government towards their people and thus influence its policy.

Keywords: The First World War, Slovenes, the Russian Ministry of Foreign Affairs, Trieste, the London Treaty.

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-000346.

В конце XIX — начале XX в. культурные и научные связи русских и словенцев развивались достаточно интенсивно¹, о достижениях словенцев в области культуры, прежде всего литературы, публиковались статьи в ряде славянофильских изданий, о наиболее важных явлениях их политической жизни сообщали в российское Министерство иностранных дел (МИД) дипломаты и тайные осведомители. Накануне Великой войны широкие круги российского общества, однако, о словенцах знали мало, либо вообще не знали ничего. В 1912–1913 гг. их внимание было сосредоточено на славянских народах, участвовавших в обеих Балканских войнах, упоминания о словенцах в русских славянофильских изданиях в этот период почти не встречались. В начале войны о судьбе этого народа кратко сообщалось в ряде изданий, но приведенные в них сведения свидетельствовали о недостаточной осведомленности авторов. Так, например, М. Михайлов в брошюре «Австрия и ее славянские народы» писал: «Невежественные, некультурные, крайне бедные словенцы стоят ниже всех других славянских народов Австрии и, если до сих пор их не уничтожили, то, быть может, только потому, что немцам нечего было у них взять»². А Б.Ф. Добрынин в брошюре «Империя Франца Иосифа» отмечал, что в Истрии, помимо далматинцев, живут и словенцы, но больше всего итальянцев. По его убеждению, и население Триеста состояло из итальянцев³.

В правящих кругах Российской империи судьбе словенцев стали уделять некоторое внимание лишь в годы Первой мировой войны, но не как вопросу, имеющему самостоятельное значение, а в общем контексте более крупных проблем, касающихся дальнейшей судьбы Приморья и движения за объединение сербов, хорватов и словенцев. В каком ключе рассматривался вопрос о будущей принадлежности Приморья (и прежде

¹ См. труды И.В. Чуркиной, прежде всего, ее книгу: *Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. М., 2017.

² *Михайлов М.* Австрия и ее славянские народы. М., 1914. Библиотека войны. Вып. 1. С. 12.

³ *Добрынин Б.Ф.* Империя Франца Иосифа. М., 1914.

всего — Триеста) в правительственных кругах России, и какие усилия предпринимали словенцы для того, чтобы донести до них свои чаяния? Попытаемся прояснить эти аспекты на основе материалов российских архивов и исторических исследований.

Статский советник А.М. Петряев, высокопоставленный чиновник МИД (в 1917 г. он стал товарищем министра иностранных дел во Временном правительстве), в конце 1914 г. справедливо отмечал, что «в то время как с эпохи русско-турецкой войны наше общество и дипломатия посвящали все свое внимание исключительно восточным славянам: болгарам, сербам, черногорцам и македонцам, западное славянство, представляемое чехами, кроатами, словаками и словинцами почти совершенно нами игнорировалось и не играло никакой роли в нашей ближней-восточной политике [...] Положение резко изменилось, как только вспыхнула настоящая война и в Австро-Венгрии зашевелились все ее славянские народности, которые стали смотреть на Россию как на свою освободительницу и обращаются к ней с ходатайствами об удовлетворении их национальных стремлений»⁴.

Надежды австрийских славян во многом основывались на положениях воззвания главнокомандующего российской армией великого князя Николая Николаевича «К народам Австро-Венгрии», составленного на девяти языках. В нем говорилось, что Русская армия несет свободу и осуществление народных желаний всем угнетенным народам Австро-Венгрии⁵. Воззвание это получило достаточно широкий отклик. Его переправляли контрабандным путем в Австро-Венгрию и распространяли среди ее славянского населения. По поручению русского Генерального штаба в распространении воззвания принял участие и словенский эмигрант в России Я. Лаврин⁶.

⁴ Записка статского советника А.М. Петряева 1914–1915 // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 293. Л. 7.

⁵ Режим доступа: http://propagandahistory.ru/books/Aleksandr-Astashov_Propaganda-na-Russkom-fronte-v-gody-Pervoy-mirovoy-voyny/2.

⁶ *Чуркина И.В.* Янко Лаврин во время Первой мировой войны // *Slovenika III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев.* М., 2014. С. 188.

В начале войны не сами словенцы, а словенские земли как разменная карта в торге с Италией стали предметом интереса правительства. Пристальное внимание стало уделяться вопросу о судьбе Приморья.

Император Николай II полагал, что распад Австро-Венгрии неминуем, это — вопрос времени. 21 ноября 1914 г. в разговоре с послом Франции М. Палеологом он высказал свои (довольно расплывчатые) мысли о будущем развитии событий: Сербия присоединит Боснию, Герцеговину, Далмацию, северную часть Албании, а Австро-Венгрии, в случае, если Италия и Румыния вступят в войну, придется пойти на территориальные жертвы⁷. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов, человек глубоко православный, являлся сербофилом. По его мнению, Сербия должна была стать центром объединения южных славян и оплотом царской политики на Балканах. Идея объединения югославянских земель вокруг Сербии им не поддерживалась из-за опасений, что католические австрийские славяне могут негативно повлиять на православных сербов.

Еще в феврале 1914 г., во время последнего приезда в Россию словенский либерал и славянофил И. Хрибар во время встречи с Сазоновым понял, что тот ничего, кроме названия, о словенцах не знает. Хрибар рассказал о своем народе. У него сложилось впечатление, что министр посчитал проблемы словенцев слишком незначительными для того, чтобы русская политика принимала их во внимание. Тогда Хрибар попытался заинтересовать его вопросом о Триесте, который «как югославянский город будет надежным оплотом русского флота в Средиземном море», и ему показалось, что он достиг в этом успеха. «Я ушел от Сазонова с твердым убеждением, что спас Триест для Югославии»⁸. Как показало время, эти надежды Хрибара оказались беспочвенными.

Италия, уже 2 августа 1914 г. объявившая о нейтралитете в начавшейся войне, немедленно вступила в переговоры с обеими враждующими сторонами, выторговывая себе либо лучшие условия для вступления в войну на стороне стран Антанты, либо

⁷ Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 170.

⁸ Hribar I. Moji spomini. Ljubljana. 1984. II. Del. S. 74–75.

компенсации за сохранение нейтралитета (в чем были заинтересованы Центральные державы). Премьер-министр Италии в 1914–1916 гг. А. Саландра обосновывал эту политику принципом «святого эгоизма». Он писал впоследствии: «Мы были убеждены в том, что не должны пропустить благоприятный случай, [...] чтобы вернуть себе всю нашу национальную территорию, [...] возвысить Италию до настоящей великой державы»⁹. Вопрос о будущей государственной принадлежности словенских земель, Истрии, Хорватии и Далмации стал одним из центральных в дипломатических переговорах Италии с обоими враждующими блоками. Австро-Венгрия уже готова была обещать Италии Южный Тироль, Трентино, земли к западу от реки Соча и Горицу, Триест же, предположительно, должен был получить статус свободного имперского города в составе Австро-Венгрии. Страны Антанты предложили больше¹⁰. Уже в сентябре правительство Италии в принципе склонилось к решению присоединиться к Антанте. Однако торговля продолжалась практически до заключения Лондонского договора в марте 1915 г.

В Петербурге подготовкой этого договора занимались российские дипломаты М.Ф. Шиллинг, А.М. Петряев, Н.А. Базили. Наиболее компетентным из них был Петряев, остальные были слабо осведомлены о славянской стороне вопроса¹¹. Россия планировала не только обеспечить вступление Италии в войну на стороне Антанты, но и усилить позиции Сербии в противовес национальным движениям хорватов и словенцев Австро-Венгрии. Интересы Англии и Франции требовали сохранения двуединой монархии. Чтобы не вступать в конфликт с ними, российское правительство предполагало либо полностью разделить Австро-Венгрию, либо уменьшить ее территорию, а часть земель отдать Сербии, чтобы упрочить влияние России на политику Белграда.

⁹ Цит. по: *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // Югославия в XX в. Очерки политической истории. М., 2011. Ч. I. Гл. 7. С. 180.

¹⁰ *Nečak D., Repe B.* Prelom. 1914–1918. Svet in Slovenci v 1. svetovni vojni. Ljubljana, 2005. S. 105.

¹¹ *Романенко С.А.* Национальные движения южных славян Австро-Венгрии 1890–1918 гг. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. М., 2014. Т. 2. С. 378.

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранится ряд проектов устройства послевоенной судьбы австро-венгерских славян, подготовленных в конце 1914 — начале 1915 г., в которых рассматривается также и вопрос о будущей принадлежности населенных словенцами территорий. Наиболее детальный из них разработал по поручению С.Д. Сазонова А.М. Петряев. Он предлагал семь возможных вариантов передела австро-венгерских земель. 1. Южный Тироль и часть Приморья — к Италии, сербо-кroatские земли — к Сербии. 2. Венгры, чехи, югославы (кроме отходящих Сербии земель) составят одно государство. Третий вариант предусматривал образование чехо-юго-славии. Шестой вариант — федерализация империи, седьмой — сохранение дуализма. Сам Петряев считал второй вариант («Чехо-Венгеро-Югославия») «наиболее целесообразной и желательной комбинацией».

Подчеркнув, что «возникновение Единой Великой Сербии или Сербо-Хорватского государства было бы самым удачным решением юго-славянского вопроса» для России, он отметил, что «это окажется возможным, если Сербия фактически завоюет территории Кроатов и Словинцев, что даст ей на них единственное неоспоримое право». Однако, по мнению Петряева, насильственное присоединение их к Сербии только ослабит ее. Он предупреждал о том, что «стремление славянских народностей, входящих в состав Австро-Венгерской монархии, освободиться, во что бы то ни стало, от ее владычества», следует рассматривать «как выражения политических взглядов лишь некоторых партий, а не всего народа». И, безусловно, в этом он был прав. Что касается словенцев, то преобладающее их большинство не помышляло об отделении вплоть до распада монархии Габсбургов, и даже наиболее влиятельные политики в словенских землях лишь в 1917 г. (со времени создания Майской декларации) стали всерьез рассматривать этот вопрос. И далее Петряев сделал следующее, опять-таки точное, наблюдение: «Есть очень много оснований предполагать, что, если вопрос об этом (об объединении с Сербией. — Л. К.) будет поставлен на решение какого либо Кроато-Словинского народного собрания, то ответ для сербов получится отрица-

тельный»¹². Бесспорно, в 1914 г. так бы и случилось, и даже в конце существования империи и сразу после ее распада многие словенские политики надеялись, что объединение бывших австро-венгерских словенцев, хорватов и сербов в Государство СХС окажется жизнеспособным, и его вхождение в конце 1918 г. в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев застало их врасплох.

Рассматривая вариант раздела словенских и хорватских земель Австро-Венгрии между Сербией и Италией, Петряев отметил, что он «окажется более выгодным второй чем первой [...]». При этом Истрийский полуостров, с Словинскими провинциями к Северу от него, а может быть, даже с частью Далмации, будут навсегда утрачены для Юго-Славян [...]

Хорватские и Сербские политические деятели [...] предпочитают оставить Кроатския и Словинския земли под властью теперешней Австро-Венгрии, чем уступить часть их Италии. По их образному выражению, первое было только “политическим рабством”, а второе — “смерть”, так как избавиться от Австрийского ига всегда оставалась бы какая либо надежда, а от Итальянского никакой».

Петряев полагал, что не исключен и вариант, когда «из южно-славянских земель придется создавать не одно, а два государства. В таком случае к Сербии отошли бы Босния и Герцеговина, Славония, Банат и Бачка, [...] а из земель словенцев (части Штирии и Каринтии, Крайны), Приморья, Истрии, Кроации и Далмации образовалось бы самостоятельное Кроатское королевство с населением около четырех миллионов при условии, конечно, что Италия откажется от своих притязаний на восточное побережье Адриатики»¹³.

Российский дипломат выделил несколько вариантов, казавшихся ему благоприятными, но не склонился окончательно ни к одному из них.

Свой проект будущего передела австро-венгерских земель представил в МИД 15 января 1915 г. генерал-майор Я.В. Чер-

¹² Записка статского советника А.М. Петряева 1914–1915 // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 293. Л. 11.

¹³ Там же. Л. 2–24.

винка из Киева, чех по происхождению. По его мнению, «самое желательное решение сербо-хорватского и словинского вопросов» — основание «Великой Сербии, которая должна быть настолько сильной, чтобы быть в состоянии удержать в своих руках главный выход к Адриатическому морю, необходимый для всего славянства». Отмечая, что «среди хорватов и в особенности словинцев преобладает католический клерикализм и, история словинцев мало имеет общего с историей православной Сербии», Червинка утверждал, что «только в виде Великой Сербии эти небольшие народности могли бы свободно развиваться, пользуясь, конечно, необходимой автономией; тогда только они могли бы служить надежным оплотом славянского мира на юге». Как видно, его представления были довольно идеалистическими, они не совпадали с точкой зрения Петряева, более верно понимавшего этноконфессиональные проблемы югославян.

Констатировав, что Италия предъявляет претензии не только на Триест, но и на Истрию, и еще на Горицу и Градишку, Червинка отметил: «Точные данные о соотношении славянского и итальянского народонаселения в этих спорных местностях доказывают, что итальянцы преобладают численно в одном только городе Терсте (где они составляют более половины жителей), между тем как вся остальная территория, которую Италия имеет в виду, бесспорно славянская». «Потеря для славян Терста и Истрии, а с ними и славянского пока Приморья, равносильна отказу от одного из ключей к Ближнему Востоку». По мнению Червинки, для славянского мира «обладание второстепенным далматийским портом Реки (Фиуме), рядом с итальянским Терстом — потеряет всякое значение [...]. Без Терста и Истрии вновь создаваемые государства: Великая Сербия, Чехия и даже Польша натолкнутся на громадные финансовые и экономические затруднения».

Червинка предложил, в крайнем случае, превратить Триест «в свободный, нейтральный порт, не отдавая его Италии». «Славянская же Истрия с Горицей и Градискской, по мнению всех зарубежных славян, была бы слишком дорогой ценой за выступление против Австрии, равносильное почти невмешательству».

Чтобы соединить северных и южных славян и отделить венгров от немецких земель Австрии, по мнению Червинки, «необходимо выделить из Венгрии, вдоль западной ее границы, узкую полосу, расположенную между венгерской государственной и мадьярской этнографической границами и населенную немцами и хорватами», и провести там железно-дорожную линию¹⁴.

Как видно, Червинка, выступая за югославянское объединение под эгидой Сербии, отстаивал необходимость включения в него словенского Приморья.

Территориальные претензии Италии на словенские территории уже в самом начале войны вызывали большое беспокойство у словенцев. Для приморских же словенцев вопрос о государственной принадлежности Триеста и всего Приморья имел жизненно важное значение. В то время Триест являлся основным деловым, транспортным и экономическим центром словенских земель. Фактически он был крупнейшим словенским городом. Хотя словенцы и составляли всего 25% его населения (в 1910 г. 56 916 человек) и принадлежали, как правило, к низшим городским слоям, в Триесте их было на 6000 человек больше, чем в Любляне с окрестностями¹⁵. Старания Австро-Венгрии добиться поддержки Италии или хотя бы ее нейтралитета в войне, готовность пойти ради этого на уступку Приморья беспокоили словенских патриотов. Еще хуже была для них вероятность (вскоре ставшая реальностью) того, что страны Антанты привлекут Италию на свою сторону, пообещав ей в случае победы еще большую часть австро-венгерских территорий, населенных словенцами и хорватами (по оценке хорватского историка Д. Шепича, опасность оказаться под ее властью угрожала почти трети словенского населения¹⁶). По справедливому замечанию словенского исследователя Й. Пирьевца,

¹⁴ Записка генерал-майора Ярослава Вячеславовича Червинка (Киев), написана в Петрограде 15 января 1915 г. // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 214. Л. 6 об–7.

¹⁵ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918.* Ljubljana, 1973. S. 238, 244.

¹⁶ *Šepić D. Slovenci i jadransko pitanje u prvom svjetskom ratu // Zgodovinski časopis.* Ljubljana, 1969. Št. 3–4. S. 262.

триестские словенцы колебались между лояльностью к Сербии и России и страхом перед Италией. К этим чувствам примешивалось и враждебное отношение некоторых из них к Австро-Венгрии. Например, словенский социал-демократ Йосип Ферфолья считал, что пусть лучше итальянцы вступят в войну и даже оккупируют Триест, лишь бы монархия Габсбургов потерпела поражение¹⁷.

Некоторые будущие члены Югославянского комитета (официально оформившегося в Париже в мае 1915 г.), собравшиеся в начале войны в Италии, энергично выступили против итальянских притязаний на Приморье. Они рассчитывали на победу стран Антанты и распад Австро-Венгерской монархии, что создало бы возможности для объединения сербов, хорватов и словенцев в единое югославянское государство. Одной из их важнейших задач было привлечь державы Антанты к проблеме будущей судьбы Триеста и заручиться их поддержкой. В предвоенный период члены либеральной Хорватско-сербской коалиции, тогда преобладавшей на хорватской политической сцене, не проявляли интереса к сотрудничеству со словенцами и к объединению с ними, и, ведя переговоры с итальянскими ирредентистами о разделении границ, соглашались на передачу Триеста и Горичи Италии, игнорируя интересы словенцев. Когда грянула война, под угрозой итальянской оккупации их позиция изменилась. Теперь они утверждали, что словенский народ не должен платить за объединение с другими югославянами частичной потерей своих территорий, поскольку это представило бы угрозу его существованию, что нарушило бы равновесие между сербами и хорватами в будущем общем государстве. Один из лидеров ХСК далматинский политик Ф. Сущило в начале ноября 1914 г. вручил российскому послу во Франции Извольскому и министру иностранных дел Франции Теофилю Делькассе меморандум с требованием включить в состав будущей Югославии Горичу, Градишку, Триест и Истрию. Признавая, что в Триесте итальянцы составляют большинство населения, он указал, что город экономически зависит от сло-

¹⁷ Pirjevec J. «Trst je naš!»: Boj Slovencev za morje (1848–1954). Ljubljana, 2007. S. 69.

венской округи, и предложил компромисс — Триест должен стать свободным портом по примеру городов Ганзейского союза¹⁸.

В защиту включения Триеста в состав будущей Югославии выступили и многие словенские патриоты. В августе 1914 г. словенский этнограф Н. Жупанич послал сербскому премьер-министру Н. Пашичу, а также представителю русского посольства и всем крупным сербским политикам меморандум, в котором подчеркнул стратегическое значение словенских земель для будущего югославского государства и необходимость включения в него Триеста, Горицы, Градишки, Истрии и Венецианской Словении. По его образному выражению, без Триеста Югославия была бы «разбитой чашей»¹⁹. Стремясь показать странам Антанты «силу югославянства в Триесте», либерал Б. Вошняк написал в Швейцарии на французском языке брошюру «Триестский вопрос» и издал ее под псевдонимом «Иллирикус». Социал-демократ Д. Густинчич издал в 1915 г. в Нише брошюру «Триест и другие итальянские претензии на нашем крайнем западе», в которой выразил решительный протест против договора Антанты с Италией²⁰.

В поддержку словенских притязаний на Триест энергично выступил и словенский социал-демократ Ф.Л. Тума, с весны 1914 г. работавший в Петербурге как представитель датской фирмы «Саламандра». Благодаря тесному контакту с хорватским эмигрантом К.Ю. Геруцем, имевшим связи со многими российскими политиками, в том числе и с сотрудниками Министерства иностранных дел, Тума получил возможность напрямую обратиться к властям. Уже в августе 1914 г. он послал С.Д. Сазонову свою «Записку о Триесте». В сопроводительном письме к ней Тума отметил, что, будучи словенцем, считает себя обязанным «в этот важный момент разъяснить вопросы возможной в будущем принадлежности Триеста с точки зрения интересов славянства вообще и словенцев в частности».

¹⁸ *Pirjevec J.* «Trst je naš!»: Voj Slovencev za morje (1848–1954). Ljubljana, 2007. S. 65.

¹⁹ *Vošnjak B.* U borbi za ujedinjenu narodnu državu. Beograd; Zagreb; Ljubljana, 1928. S. 9.

²⁰ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 67; *Густинчић Д.* Трст и остали италијански захтеви на нашем крајнем западу. Ниш, 1915.

Он подчеркнул: «Вопрос о владении этой территорией является для словенцев вопросом жизненным, так как место это является единственной годной, открытой для словенцев гаванью на Адриатическом море и представляет собой “коридор к морю”, без которого они оказываются в положении птицы, запертой в клетке»²¹.

Тума старался убедить российское правительство, что итальянское население города якобы не является коренным, это колонисты, приехавшие туда в поисках заработка. Сельское же население — славянское по происхождению. Поскольку итальянцы «превосходили словенцев знаниями и опытом», то словенцы, вынужденные выполнять все тяжелые работы, «вместе с экономической независимостью утратили и национальную самостоятельность»²².

Тума кратко описал историю развития словенского национального движения в Триесте, перечислил культурные и экономические достижения словенцев. Он с гордостью отметил, что накануне войны словенцы в Триесте имели уже более 200 союзов, собственный театр и три ежедневных газеты. Характеризуя экономическое развитие словенцев, Тума сравнил его с развитием сербов и болгар до и после освобождения от владычества турок. Народ, находящийся под чужеземным гнетом, по его мнению, «только тогда может развиваться экономически, когда он добьется политической самостоятельности. Если же словенцам удалось, несмотря на иноземное владычество, подняться экономически настолько, чтобы служить образцом для других южнославянских народов, [...] то можно ожидать от них тем больших успехов, когда у них будет собственное правительство»²³.

Италия, после объединения, сразу начала «распространять свои вождедения» на этот важный порт. Итальянские ирредентисты, подчеркнул словенский политик, считали словенцев «опаснейшим врагом» и вели ожесточенную борьбу против них,

²¹ Тума Ф.Ф. — Сазонову С.Д. 11/24 августа 1914 // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282. Л. 41–42.

²² АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282. Л. 21–22.

²³ Там же. Л. 29.

не разрешили открыть ни одной словенской школы, запретили делать надписи на словенском языке «даже на надгробных памятниках на городском кладбище». Политика итальянцев встречала у словенцев все большее сопротивление.

Перепись 1910 г., по мнению Тумы, явилась наглядным свидетельством стремления итальянцев «свести существование словенцев к нулю». Согласно официальным данным этой переписи, югославы в Триесте составляли лишь около 1/3 населения города (59 319 тыс. человек), 2/3 были итальянцами (118 959 человек). Тума утверждал, что в Триесте живет около 75 000 славян. Примерно такую же цифру (70–80 тыс.) привел и Д. Густинчич²⁴. Но Тума в примерных расчетах пошел еще дальше. Он полагал, что около 40 % австрийско-итальянского населения «происходят непосредственно от словенских родителей, владеют в совершенстве своим родным языком и отделились от своего народа только под влиянием итальянских школ или из эгоистических соображений в видах своего общественного положения и для карьеры». Если бы Триест остался «за автономным словенским государством», то они, убежден Тума, «с такою же легкостью объявили бы себя словенцами, с какою они теперь выдают себя за итальянцев». И тогда славянское население этого города составило бы уже 110 000 чел., то есть половину его населения²⁵.

По мнению Тумы, триестские словенцы выгодно отличаются от итальянцев: они «честнее, вернее, чище, трудолюбивее, здоровее, сильнее», чем итальянцы, и больше любят порядок. Тума признает лишь одно преимущество итальянцев перед словенцами. Если словенцы — «новая, недавно проявившаяся национальность, которая только теперь начинает развиваться и формироваться», то итальянцы — «народ старый, проникнутый насквозь всей утонченностью, свойственной старой культуре». Описывая достоинства словенцев, Тума не преминул подчеркнуть и их преимущества по сравнению с другими южными славянами, заключающиеся в том, «что широкие массы словенцев стоят на гораздо более высоком уровне культуры и цивили-

²⁴ Густинчич Д. *Op. cit.* С. 11.

²⁵ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282. Л. 28–29.

лизации, чем их кровные братья на востоке, и образ жизни [...] словенцев уже теперь имеет вполне европейский характер»²⁶. Из всего вышесказанного Тума сделал однозначный вывод: «Потребность словенцев иметь доступ к морю из экономических соображений, вполне доказанная способность их к конкуренции с итальянцами и тот важный факт, что Триест со всех сторон окружен компактной массой словенского населения» — все это говорит в пользу притязаний словенцев на Триест²⁷.

Обосновав справедливость притязаний словенцев на Триест, Тума выдвинул ряд доводов в доказательство того, что их поддержка выгодна для России и других стран Антанты. «Италия и итальянцы не потерпят урона от признания Триеста за словенцами, так как они владеют значительной береговой полосой на Адриатическом море, но оно сильно заденет виды и распространение немецкого господства на Средиземном море, на страже интересов которого стоит Австрия». Если Триест окажется в руках словенцев, они, получив политическую свободу, «положат предел немецкому натиску». То есть, поддержав требования словенцев, страны Антанты не нанесут существенно урона возможной союзнице Италии, и вместе с тем сильно подорвут позиции врага — Австро-Венгрии. Но не только это. Тума полагал, что, в случае присоединения Триеста к Италии, во-первых, его значение как торгового морского порта и благосостояние понизятся из-за конкуренции других итальянских городов (что и произошло впоследствии. — *Л. К.*), а во-вторых, итальянские торговля и промышленность будут доминировать. «Триест в руках словенцев будет для русских, англичан и французов открытым портом».

Таким образом, поддержав словенские требования, страны Антанты получили бы, с точки зрения Тумы, неоспоримые выгоды. Если же этого не произойдет, то «для словенцев нынешнее политическое положение выгоднее и желательнее, нежели принадлежность этого города Италии, так как австрийское правительство, несмотря на все то, что оно делает против этого

²⁶ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282. Л. 33–34.

²⁷ Там же. Л. 35.

народа, не запрещает ему, однако, вести торговлю и укреплять свое существование в Триесте»²⁸. Иными словами, словенцы предпочтут остаться в составе монархии Габсбургов.

Очерк Тумы о Триесте имел, прежде всего, пропагандистский характер, изложенные им факты по истории словенцев и Триеста далеко не всегда точны и объективны, наглядные примеры этому — его интерпретация результатов переписи населения и навязчивое стремление подчеркнуть неоспоримые преимущества словенцев по сравнению как с итальянцами, так и с другими югославянами. Поставленной цели — убедить российское правительство отвергнуть притязания Италии на Триест — Тума не достиг, все его усилия повлиять на политику российского правительства относительно будущей принадлежности Триеста были тщетны.

Пытались донести свои чаяния до российского правительства и словенцы в Приморье. Так, 9 октября 1914 г. редактор либеральной триестской газеты «Jugoslavija» («Югославия») (к тому времени уже закрытой) А. Мюних и сотрудник этой газеты католический священник Л. Ленард составили меморандум о словенском вопросе. А. Мюних отвез его российскому генеральному консулу в Венеции для дальнейшей передачи сербскому правительству. Текст меморандума, его перевод и секретное донесение консула российскому послу в Италии А.Н. Крупенскому сохранились в АВПРИ. Подчеркнув огромное значение словенских земель «для всей центральной Европы», поскольку они являются для нее «дорогой к морю и воротами в Балканы», авторы меморандума предложили соединить их «в одно целое и дать им достаточно широкую внутреннюю автономию». По мнению Мюниха и Ленарда, «все мыслящие словены, без различия партий, убеждены, что словены, хорваты и сербы есть единая народность и что они должны когда-нибудь соединиться в одно политическое и культурное целое [...] Если же теперь политическое положение не допускает такого соединения — то словены желали бы быть под покровительством Держав (Тройственного Соглашения), а, когда наступит момент, слиться

²⁸ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 282. Л. 36–39.

с другими южными славянами»²⁹. «Что же касается до возможной оккупации адриатического побережья итальянцами, — отметил российский консул в Венеции в донесении, — то эта оккупация представляется словенцам, как конечная гибель». У консула сложилось впечатление, «что само выступление словенских деятелей вызвано страхом перед предполагаемой ими оккупацией Италией адриатического побережья»³⁰.

Известен и факт непосредственного вмешательства русского правительства в принятие словенскими и хорватскими политиками важных политических решений. В апреле 1915 г. словенские и хорватские либералы провели два собрания в Триесте, достаточно подробная информация о которых имеется в донесении В.П. Сватковского, русского журналиста, осведомителя МИД, корреспондента Петроградского телеграфного агентства «Новый курс южного славянства Австро-Венгрии?»³¹. Сведения о собраниях Сватковский получил из первых рук, от участника съезда Й. Мандича, являвшегося тайным осведомителем российского МИД. Все участники первого собрания высказались за отделение от Австро-Венгрии и присоединение к Сербии, причем в их постановлении было указано, что «хорваты и словенцы видят своих защитников в России и Сербии и подчиняются последней». И — самое важное: «Все ораторы заявили, что словенцы и хорваты не могут допустить перехода части их территории и населения под власть Италии, что означало бы [...] национальную гибель славян, которые попали бы под итальянскую власть, гораздо более опасную, чем австро-венгерская». Это собрание приняло постановление, которое очень не понравилось российскому правительству: «Издать и распространить при помощи городских управлений в момент вступления итальянских войск на славянскую территорию воззвание к населению, заявляющее, что южные славяне [...] никогда не согласятся попасть под власть Италии. “Провоз-

²⁹ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 208. Л. 2–5 об.

³⁰ Там же. Оп. 474. Д. 281. Л. 20–22.

³¹ *Сватковский В.П.* Новый курс южного славянства Австро-Венгрии? Берн, 1915.18.06/01.07 // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 432. Л. 5–8.

глашаем, что считаем себя самостоятельными, провозглашаем объединение трех югославянских народов»).

Мандич немедленно доставил сообщение об этом собрании Сватковскому в Рим. Согласно директивам, полученным от МИДа, Сватковский поручил Мандичу «поспешить с возвращением в Триест и передать знакомым Сватковскому участникам съезда его опасения, что призыв к сопротивлению силой Италии порвет контакт части южного славянства с Тройственным соглашением и Россией, произведет раскол в славянстве и вообще будет вполне отвечать лишь интересам и планам Австрии».

Мандич исполнил это поручение, и 18 апреля состоялось второе собрание в Триесте. На нем было постановлено, что об уступках Италии не может быть речи, что словенские и хорватские земли представляют единое целое, частью которого является Триест. Лишить их «естественной гавани — значит задушить их». «Представители хорватско-словенского народа ожидают, что исконная защитница славян великая Россия всею своею мощью предотвратит грозящую им катастрофу». Принимая во внимание резкую реакцию России на постановления, принятые на первом собрании, текст воззвания был пересмотрен. Решено было предложить населению «отнестись к вступлению итальянцев спокойно, в надежде, что справедливая Европа не заставит южных славян прибегнуть позднее к оружию за освобождение от чужеземного ига». Сообщая о реакции южных славян на объявление войны Италией и на уступки, сделанные ей странами Антанты, Сватковский отметил: «Словенцы, более уравновешенные, чем хорваты, отнеслись к событиям, насколько можно судить по отрывочным пока данным, сдержанно». Независимых политических акций словенские либералы действительно более не предпринимали.

Следует признать справедливым вывод словенского историка Я. Плетерского, что «замысел о самостоятельном выступлении словенцев и хорватов против итальянского вооруженного нападения распался из-за прямого вмешательства российской царской дипломатии»³². Для приморских словенцев, традицион-

³² *Pleterski J. Prva odločitev slovencev za Jugoslavijo. Politika na domačih tleh med vojno 1914–1918. Ljubljana, 1971. S. 45.*

но настроенных русофильски, поддержка Россией их национальных требований была делом первостепенной важности, и, получив резкую отповедь со стороны российского представителя, они отказались от дальнейшего сопротивления.

Разочарование в политике России и ее союзников испытали и члены Югославянского комитета. На Ф. Супило, в феврале 1915 г. посетившего Петроград по поручению Югославянского комитета, гнетущее впечатление произвел разговор с Сазоновым, который в общих чертах проинформировал его о готовящемся заключении договора с Италией. Сазонов заявил, что не верит в объединение католических хорватов и словенцев с православными сербами и что Россия его не поддержит. В беседе с двумя сербскими политиками, которых Пашич послал в Петроград с особой миссией, Сазонов высказал свое отношение к словенским проблемам еще резче: «Если бы Россия должна была воевать из-за Крайны хотя бы на полдня дольше, чем это необходимо, она отказалась бы от ее освобождения»³³. Записывая в дневнике свои впечатления от встречи с Супило после его возвращения из Петрограда, Вошняк выразил полное согласие с оценкой ситуации, которую дал далматинский политик: «Сазонов и официальная Россия вели себя просто бесстыдно при заключении договора». Они препятствовали попыткам Супило «расположить к нашему делу русское общество». «У официальной России перед глазами только православие, она желает объединения балканских церквей в царградском патриархате. Она не желает объединения южных славян, не верит, что хорваты могут и хотят объединиться с сербами»³⁴.

Ряд попыток «достучаться» до русских — убедить российское правительство поддержать идею создания независимого югославянского государства, а также словенские притязания на Триест — были предприняты членом Югославянского комитета словенским либералом Б. Вошняком. 14 апреля 1915 г. он посетил в Женеве Сватковского, и у них состоялся весьма доверительный разговор о будущем объединении югославян. Сватковский высказался за заключение персональной унии между

³³ *Vošnjak B. U borbi za ujedinjenu narodnu državu. S. 51–55; Šepić D. Op. cit. S. 264.*

³⁴ *Vošnjak B. Dnevnik iz prve svetovne vojne. Ljubljana, 1994. S. 60.*

чехами и югославянами, во главе которой встал бы сербский престолонаследник Александр. Решение вопроса о будущей государственной принадлежности Триеста он ставил в зависимость от того, насколько нужна Антанте поддержка Италии. Югославянские патриоты ушли от русского журналиста с неприятным ощущением, что их «продадут».

Это ощущение только усилилось после беседы с российским послом в Париже А.П. Извольским, имевшей место 26 мая 1915 г. Извольский произвел на Вошняка впечатление «дипломата старой школы, для которого православие превыше всего». Члены Югославянского комитета покинули российское посольство с убеждением, что о малых славянских народах Австро-Венгрии Извольский мало что знал и судьбой их не интересовался³⁵.

Но не только русское правительство не учитывало словенские интересы в Приморье. В Париже и Лондоне о словенцах и их требованиях тоже почти ничего не знали. Ими были готовы пожертвовать и многие сербские и хорватские политики. Сербский премьер-министр Н. Пашич в начале войны еще плохо представлял себе словенскую этническую территорию и склонялся к установлению такой границы, которая бы устроила итальянцев³⁶. В секретном донесении С.Д. Сазонову из посольства в Риме от 15 декабря 1914 г. сообщалось о меморандуме, поданном туда далматинским сербом Л. Войновичем, в котором выдвигался план создания сербо-хорватского государства. «Словенцы не включаются в проектируемое сербское государство», что связано со сложностью вопроса о выяснении прав на обладание Триестом, в частности с тем, удовлетворят ли страны Антанты «притязания Италии на обладание этим городом». «Рядом с этим приходится считаться с совершенно определенными домогательствами словенцев, включающих Триест с Истрией в состав будущей объединенной Словенской области [...]. Дорожа главным образом сплочением всех своих земель в одно политическое целое, словенцы менее озабочены мыслью о том, в состав какого государства им будет предназначено войти по окончании войны». Таким был один из выводов

³⁵ *Vošnjak B.* Dnevnik iz prve svetovne vojne. Ljubljana, 1994. S. 44, 48–49.

³⁶ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 65, 75.

меморандума. В донесении также отмечалось, что «в некоторых сербских кругах допускают, ради осуществления великого дела объединения всех сербов и хорватов, возможность сделки с Италией на почве уступки ей Триеста с частью Истрии, если бы она, вопреки ожиданиям и надеждам, вступила в войну против Австро-Венгрии»³⁷.

В апреле 1915 г. был заключен Лондонский договор, согласно которому предусматривалась передача Италии, в случае, если она вступит в войну на стороне Антанты, Триеста, Горицы, Истрии и большей части Далмации. 23 мая 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии. Военные действия переместились на словенскую территорию. Итальянцы заняли западную часть Горицы и Посочье. Около 80 тыс. человек были эвакуированы с захваченных территорий в Крайну, Штирию, в австрийские лагеря беженцев. В августе 1916 г. итальянцы захватили всю Горицу, что словенцы восприняли как национальную трагедию. Еще в августе 1915 г. большая часть 3-го корпуса австрийской армии была переброшена на Сочинский фронт, ставший главной ареной боев с итальянской армией. В этих боях, длившихся почти два с половиной года, до октября 1917 г., погибли около 200 тыс. человек.

Уже через несколько дней после вступления Италии в войну российский дипломат Б. Я. Нишовский послал из Рима донесение в МИД об обстановке в Триесте. Он передал сведения, полученные им от итальянского генерального консула в Триесте г-на Лебрехта во время их встречи в Риме, «о подробностях из жизни в Триесте и о перемене, происшедшей в политическом направлении триестских славян».

Он констатировал, что положение жителей очень тяжелое, голод усилился. В последнее время правительство «совершенно не заботилось о материальном положении неимущих, что вызвало волнение в народе, — проявившееся особенно сильно в апреле и начале мая с.г. после нескольких случаев голодной смерти». Если в начале войны отношение австрийского прави-

³⁷ Секретное донесение С.Д. Сазонову из Рима (подпись неразборчива, от 1914.15.12.) // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 281. Л. 59–61.

тельства к итальянскому населению Триеста «было очень мягко и отзывчиво», то в конце 1914 г. оно «стало меняться к худшему». Итальянцы теперь «жестoko наказывались даже за проступки, имевшие малейший политический оттенок». По мнению Нишовского, вскоре следовало ожидать замены гражданского управления военным и «весьма сильных народных волнений».

Со славянами сложилась противоположная ситуация. В самом начале войны триестские славяне «очень неохотно приняли сведения о начале войны Австрии с Россией. Неприязненное отношение их к Австрии проявлялось часто и открыто». За три дня до объявления войны славянские полки, проходя мимо российского консульства, сняли фуражки и кричали: «Живио». Полицейские агенты-словенцы, прикомандированные триестским наместником принцем Гогенлоэ к Нишовскому, оказывали ему «услуги самого доверительного свойства с риском для себя». Со временем, однако, «отношение австрийского правительства к славянам стало изменяться: им начали разрешать митинги, многие из арестованных были выпущены на свободу, преследования ими итальянцев оставались безнаказанными, единственным славянам удавалось получать от правительства пособия». Соответственно, и отношение славян к правительству стало меняться. «Число приверженцев увеличивалось и теперь они составляют довольно большую партию, [...] которая своей деятельностью старается подчеркнуть свое расположение к Габсбургскому дому»³⁸. Нишовский довольно тонко очертил новые тенденции в политических настроениях национально мотивированных словенцев. Сочтя себя преданными Россией и другими государствами Антанты, они поневоле вновь обратили взоры к Австро-Венгрии, предпочитая по-прежнему оставаться в ее составе, нежели подвергнуться итальянской оккупации.

Уже с 1915 г. Россию упрекали в том, что, подписав Лондонский договор, она предала хорватов и словенцев. Российский исследователь В.А. Емец справедливо полагает, что Лондонский договор «нанес серьезный ущерб политическому положе-

³⁸ Б.Я. Нишовский — Михаилу Николаевичу. Рим, 1915.23.5./5.6. // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 281. Л. 144–145 об.

нию и влиянию царской России на Балканах», с ним согласен и историк С.А. Романенко, который отмечает, что политика России в южнославянском вопросе «не была последовательной и дальновидной»³⁹.

В июле 1916 г. С.Б. Сазонова сменил на посту министра иностранных дел Б.В. Штюмер, а в конце ноября эту должность занял Н.Н. Покровский. Осенью 1916 г., после ряда военных поражений, российское правительство стало уделять более пристальное внимание проблемам австрийских славян, в том числе и словенцев, рассчитывая ослабить Австро-Венгерскую империю путем развития революционного движения среди ее народов. С этой целью в Министерстве иностранных дел был создан департамент по особым политическим делам, возглавил который бывший российский генеральный консул в Будапеште М.Г. Приклонский, курировавший Австро-Венгрию. «Лишь тогда, — вспоминал Ф.Л. Тума, — русское правительство начало изучать и югославянский вопрос»⁴⁰.

А вскоре настало время стремительных перемен. Февральская, затем Октябрьская революции в России, распад Австро-Венгрии, окончание Первой мировой войны. При определении новых государственных границ словенцев постигло горькое разочарование — произошло расчленение их этнической территории между четырьмя государствами. Одной из самых тяжелых потерь оказалась для них потеря Приморья и Триеста. Согласно Рапвальскому мирному договору 1920 г., заключенному между Королевством Италия и Королевством СХС, к Италии отошли почти все западные территории Словении — треть словенских земель, на которых проживали 323 313 словенцев⁴¹.

³⁹ *Емец В.А.* Очерки внешней политики России. М., 1977. С. 224–225; *Романенко С.А.* Указ. соч. Т. 3. С. 140.

⁴⁰ *Edinost.* 1919. 07. 08. № 213.

⁴¹ *Перовшек Ю.* Развитие национально-освободительных идей и концепций словенцев в 1848–1941 гг. // *Словения. Путь к самостоятельности. Документы.* М., 2001. С. 19.

Ю. Перовшек

Отношение к Г.Е. Распутину в словенских землях

J. Perovšek

Attitude towards G.J. Rasputin on Slovenian lands

Личность Григория Ефимовича Распутина (1872–1916) была известна во всем мире, знали о нем и словенцы. Его считали человеком, с чьим именем связано ужасающее моральное разложение при русском дворе и в государственном управлении, его называли «маленьким отцом» русской революции и винили в гибели царской России. Но отмечали, что во время Первой мировой войны он выступал за мир. Прежде всего, словенцы были убеждены, что Распутин — черное пятно русской истории, не делающее чести славянам. Наряду с Моисеем, Александром Великим, Цезарем и Наполеоном его причисляли к людям, обладающим огромной жизненной силой и суггестивной мощью ветхозаветного пророка. В словенских землях наиболее глубоко изучал феномен Распутина писатель Владимир Бартол. По его мнению, сущностью Распутина была магнетическая сила, которой почти никто не мог противиться.

Ключевые слова: Григорий Ефимович Распутин, Николай II, императрица Александра Федоровна, мистицизм, политика, Феликс Феликсович Юсупов, словенцы, Владимир Бартол.

The personality of Grigory Efimovich Rasputin (1872–1916) was known throughout the world, and the Slovenes knew about him too. He was considered as man whose name is associated with a terrible moral decay at the Russian court and in the government; he was called the “little father” of the Russian revolution and was blamed for the death of tsarist Russia. But it was noted, that during the war he advocated peace. First of all, the Slovenes were convinced that Rasputin was a black spot in Russian history that did not make honor to the Slavs. Along with Moses, Alexander the Great, Caesar and Napoleon, he was reckoned as a man with the immense vitality and power. In the Slovenian lands, the writer Vladimir Bartol studied the phenomenon of Rasputin most deeply. In his opinion, the essence of Rasputin was a magnetic force that almost no one could resist.

Keywords: Grigori Yefimovich Rasputin, Nikolai II, empress Alexandra Feodorovna, mysticism, politics, Felix Felixovich Yusupov, Slovenians, Vladimir Bartol.

I

Россия уже со второй половины XIX в. привлекала пристальное внимание словенской культурной и политической общественности. Словенцы ощущали широту и многообразие русского мира, его историческую значимость, большой интерес вызывали у них судьбы и характеры выдающихся личностей, рожденных в этой стране. Одним из таких людей был умерший более ста лет назад Григорий Ефимович Распутин (Григорий Ефимович Новых, 1872–1916) — «божественный посланник», «старец-чудотворец», «крестьянский канцлер», «святой сатир» (и даже «сатана»), любимец русской императорской четы, занимавший лишь одну официальную должность — царского лампадника, некоронованный правитель России, и можно перечислить еще немало дававшихся ему характеристик¹. В переводе на язык историка, его считали лекарем-чудотворцем и провидцем, он имел славу спасителя, был доверенным советником императорской пары, личностью, обладавшей влиянием на высших представителей государства и церкви, но сверх того и человеком, преданным крестьянскому сословию и не гнушавшимся ничего мирского, известна его любовь — к вину, женщинам, цыганской музыке и деньгам.

О Распутине, его жизненном пути и гибели написано уже много, однако, несмотря на это, его личность и сейчас продолжает вызывать интерес у исследователей. В том числе и у словенских, ведь о Распутине у нас знали не меньше, чем в других странах. О нем писали еще до того, как, в результате заговора, в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. он был убит князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым. Первой обратила внимание на Распутина либеральная газета «Slovenski narod» («Словенски народ», «Словенский народ»), в которой 9 марта 1912 г. было опубликовано сообщение о «таинственном отшельнике»

¹ См.: *Fülöp-Miller R. Sveti satan. Ljubljana, 1972.*

в Петербурге. Этого отшельника — Распутина — народ считает «святым», и в высших, даже в политических, кругах он приобрел большое влияние. Говорят, что Распутин, «которому епископы кланяются и целуют руки», имеет «полностью свободный доступ во дворец к некой очень-очень высокой особе». Якобы из-за этого обстоятельства пресса не смеет публиковать о нем сообщений. Такими почестями в России не пользуются ни высшие государственные сановники, ни председатель Совета министров, только царь и его семья².

«Скорее всего, Распутин — просто мужик истерического склада, которому приписывают силу чудотворца», — писал «Slovenski narod». Вдобавок, как подозревают его недоброжелатели, он еще и сторонник одной старой секты, у которой очень странные правила, касающиеся половой жизни. Если это действительно так, то его противники собираются обратиться к Святейшему синоду (высшей церковной власти в русской православной церкви), если же он обычный развратник, попирающий законы нравственности, они будут добиваться судебного наказания для него от светской власти³.

Через месяц о Распутине написала католическая газета «Slovenec» («Словенец»). По ее мнению, у русских в крови есть что-то болезненное, так что этот народ невозможно понять. Более всего для него характерен некий патологический мистицизм, чтобы осознать это, нужно просто внимательно прочитать русских писателей, особенно Гоголя, Достоевского и Толстого. В политическом и общественном развитии русских прослеживается определенная цикличность, в нем поочередно всплывают на поверхность то просвещенный либерализм, то вновь религиозный деспотизм⁴.

«Slovenec» вспомнил об императоре Александре I, который, с одной стороны, был искренним поклонником Руссо, с другой — человеком странной русской души, около которого толпились разные «советники». Этот мистицизм сейчас проявился и у нынешнего императора. Вокруг него собрались различные

² Slovenski narod. 1912.09.03.

³ Ibid.

⁴ Slovenec. 1912.09.04.

ненормальные мистики — епископ Гермоген, монахи Илиодор и Иннокентий, «странный идиот» Митя Коляба, братья Чуриковы и «колдун» Бадмаев, а во главе всех — крестьянин Григорий Распутин, живущий при дворе императора и пользующийся его личным расположением⁵.

«В чем заключается “сила” этого мечтателя, точно не известно, — писал «Slovenec». — Он всеми способами старается выглядеть очень набожным, молится и постится, говорит о “религиозном пробуждении” и, скорее всего, занимается каким-то колдовством. Его противники называют его также преступным развратником; известно только, что у него много поклонниц, с которыми он общается очень свободно. Весь русский двор отравлен этими ложными мистическими идеями; здесь предсказывают по линиям руки, занимаются спиритизмом, читают разнообразные дьявольские книги, а некоторые даже утверждают, что распространяется настоящий культ демонов, особенно тибетских. Однако руководит всем Распутин. Ясно, что влияние этого человека на царя губительно». Далее «Slovenec» отмечал, что всех этих мистиков объединяют враждебное отношение к «западному», «языческому» и «атеистическому» парламентаризму и мечтания о «великой миссии» России, которая будто бы призвана распространить православие на весь мир. При этом Распутин сумел сильно обогатиться, что является доказательством его «рафинированности». «Вот что происходит на “святой Руси”, которая периодически воодушевляет разных славянских мечтателей, говорящих, что она принесет “спасение” славянским народам и всему миру, — сделал вывод автор статьи. — Болен не только двор, но и сам русский народ»⁶. По мнению газеты «Slovenec», высказанному двумя годами позже, эта «болезнь» нашла выражение в вере народа, что Распутин — личность необыкновенная, волшебник, пророк, человек, который все знает. «Женщины и мужчины приходили к нему за советом — это необычно для русских деревень, где у народа хватает своих советчиков, но Распутин — человек особый, он сумел своими пророчествами, своими советами подняться над

⁵ Slovenec. 1912.09.04.

⁶ Ibid.

обычными “народными советчиками”, его влияние распространилось и на русский двор»⁷.

Ни либералы, ни католики не симпатизировали Распутину, а марксисты о нем вообще ничего не писали. «Slovenski narod» сохранил критическое отношение к «известному обманщику» Распутину⁸, для редакции газеты он был человеком, который, выбравшись «из навоза одной маленькой русской деревни, за пару лет стал первым доверенным лицом при царском дворе». Успех этого «необразованного сибирского отшельника» основывается на том воздействии, которое он оказывает на суеверных людей истерического склада, особенно на женщин. «Распутин получил известность среди широких масс лишь после неудачной русско-японской войны, когда напуганные высшие круги России снова стали искать утешения у церкви, и, вследствие этого, клерикализм в Петрограде опять начал поднимать голову. Во главу духовенства тогда встал епископ Гермоген из Саратова, который вместе с монахом Илиодором оказывал влияние на правящие круги и имел наибольший политический успех. Опорой этой церковной власти и был Распутин»⁹.

«Slovenski narod» продолжал публиковать сообщения об отношениях Распутина с женщинами. Его учение, некая смесь аскетизма и разнузданности, привлекло много сторонников, есть сведения также об оргиях странного монаха и его набожной общины. Но наиболее опасно его влияние на политику царского двора, ведь, по словам лидера октябристов Александра Ивановича Гучкова, Распутин представляет угрозу чистоте не только церкви, но и престола. Того же мнения придерживался и вождь кадетов Павел Николаевич Милюков, заявивший: «Русское государство находится во власти бродяги!»¹⁰.

Словенская пресса приводила разнообразные, как достоверные, так и неточные сведения о деятельности Распутина¹¹. Среди них, прежде всего, — сообщения о покушении на него

⁷ Slovenec. 1914.25.07.

⁸ Slovenski narod. 1912.04.06.

⁹ Ibid. 1914.18.07.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. 1912.01.04; 1915.03.07; Slovenec. 1914.03.06.

в 1914 г. Хионии Гусевой, совершенном по наущению монаха Илиодора¹². Обращалось внимание и на известную антивоенную позицию Распутина, которую он высказывал как во время аннексионного кризиса 1908 г., так и в период напряженных международных отношений после сараевского убийства, и затем после начала Первой мировой войны¹³. «Slovenski narod» опубликовал также жесткие слова главнокомандующего российскими вооруженными силами великого князя Николая Николаевича. Когда Распутин, стремясь добиться мира, летом 1915 г. спросил его в телеграмме, может ли он приехать в Главную ставку русских войск, Николай Николаевич ответил: «Приди в Главную ставку, будешь повешен»¹⁴.

II

Распутин нажил себе много врагов. О некоторых из них, так же, как и о заговорах против него, сообщалось и в печати словенских земель¹⁵. Когда, в конце концов, последний заговор оказался успешным и Г.Е. Распутина убили, словенская пресса писала об этом событии в течение длительного времени. Сообщения по большей части были краткими, однако они дают

¹² Slovenski narod. 1914.15.07; 16.07; Slovenec. 1914.15.07; 16.07; 25.07.

¹³ Ibid. 1914.14.08; 1915.03.07; Slovenec. 1914.11.08; Večerna Edinost. Trst, 1914.17.10; *Grdina I. Vedno znova* Tannenberg. Ljubljana, 2015. S. 21, 36, 50. Как пишет Игор Грдина, Распутин в разговоре с французским послом в Петрограде Морисом Палеологом 24. февраля 1915 «потрясающе пророческими словами разъярял свой взгляд на планетарное столкновение и чувства простых русских людей в те беспримерно трагические дни: Слишком много мертвых и раненых, слишком много вдов и сирот, [повсюду] только руины и слезы! Подумай о несчастных, которые никогда не вернуться, и знай, что каждый [из них] оставляет за собой пять, шесть, [...] десять человек, которым остается только рыдать! Мне известны деревни, в которых каждый кого-нибудь оплакивает [...] А что сказать о тех, кто возвращается! На кого они похожи? Без ног, без рук, слепы! [...] Это ужасно! Еще двадцать лет мы будем пожинать только горе на русской земле! [...] Император Вильгельм! [...] Разве ты не знаешь, что его вдохновляет дьявол? Все, что он говорит и делает, ему нашептывает враг. Я знаю, что говорю; сам черт ему помогает. А в один прекрасный день дьявол неожиданно оставит его, поскольку так решит Бог. И Вильгельм, тоскуя, исчезнет, как старая рубашка, выброшенная на помойку» (*Grdina I. Vedno znova* Tannenberg. S. 7, 50).

¹⁴ Slovenski narod. 1915.03.07.

¹⁵ Slovenec. 1916.27.03; 12.05; 17.05; 20.05; 11.12. См. также прим. 13.

возможность составить представление о позиции словенской общественности по вопросу о смерти Распутина. Помимо публикации разных сообщений о его убийстве, более или менее точных сведений о его подготовке и «таинственных и драматических обстоятельствах»¹⁶ осуществления, о находке трупа Распутина в Неве, пресса вновь акцентировала внимание на влиянии, которое имел при дворе императора этот человек, имевший «дурную славу». По мнению птуйской газеты «Štajerc» («Штаерц», «Штириец»), он был величайшим злодеем, обманщиком, а также насильником в России¹⁷. Выдвигались и предположения, что он был убит из-за того, что выступал за заключение мира¹⁸. Немецкая газета «Leibacher Zeitung» («Лайбахер цайтунг», «Люблянская газета»), напротив, утверждала, что Распутин не выступал против войны, а стремился ее разжечь. Газета акцентировала внимание на его влиянии при дворе и выражала уверенность в том, что он был агентом британской разведки, и, в соответствии со своей пронемецкой направленностью, объявила его фанатичным панславистом. Его окончательной целью было убедить царя начать крестовый поход против немцев и достичь объединения всех православных государств под эгидой России. Из-за Распутина Российская империя приближается к колоссальной внутренней катастрофе¹⁹. До конца Первой мировой войны в словенских землях упоминали еще о некоторых новостях, связанных с именем Распутин: о прекращении расследования его убийства, затем — об уничтожении его трупа, после Февральской революции выкопанного в царскосельском парке революционными солдатами и сожженного затем в лесу²⁰.

И после окончания войны в словенских землях не забыли о Распутине. До начала Второй мировой войны о нем, как и

¹⁶ Slovenec. 1917.04.01. Štajerc. Ptuj, 1917.11.02.

¹⁷ Štajerc. 1917.11.02

¹⁸ Slovenec. 1917.03.01; 04.01; 09.01; 12.01; 16.01; 18.01; 07.02; 28.02; 02.04; Slovenski narod. 1917.04.01; 10.01; 13.01; 11.04; Edinost. Trst, 1917.06.01; 11.01; 18.01; 04.03; *Grivec F.* Ruska revolucija // Čas. Ljubljana, 1917. S. 207.

¹⁹ Laibacher Zeitung. Ljubljana, 1917.20.01.

²⁰ Slovenec. 1917.02.03; Slovenski narod. 1917.26.06.

в других странах, писали довольно много и в разных трудах вспоминали о «загадочной личности недавней русской истории», «сибирском авантюристе» и «обычном обманщике», «“святом” сластолюбце», «пользующемся дурной славой», «зломном человеке», «клеще» и «главном вредителе при дворе императора», а также о «злом духе последней царицы», который «так несчастливо влиял на бывшую царскую семью»²¹. «Мефистофеля при русском царском дворе» считали человеком, с именем которого были связаны ужасающее моральное разложение и сбой в функционировании государства, «маленьким отцом» русской революции и гибели царской России²², при этом также упоминали о том, что во время войны он выступал за мир²³. Но, главным образом, были убеждены в том, что имя «старца» Распутина «стало пятном в русской истории, невероятным фактом, который будущие поколения, возможно, поймут лучше, чем мы»²⁴. «В любом случае, это любопытный эпизод в истории славян, хоть он и не делает славянам чести»²⁵. Распутина, наряду с Моисеем, Александром Великим, Цезарем и Наполеоном, причислили к людям, известным завораживающим взглядом и гипнотической силой своих слов²⁶.

Публикации о Распутине, характерные для словенской буржуазной политической прессы (при этом католический и либеральный лагеря высказывали почти идентичные взгляды), критически оценили представители рабочего движения. Сами они не писали о Распутине ни до, ни во время Первой мировой войны, но при этом в газете коммунистов «Enotnost» («Энотност», «Единство») летом 1928 г. раздраженно отмечалось, что уже «годами [...] в прессе муssiруются рассказы об

²¹ Jutro. Ljubljana, 1924.29.05; 1929.09.04; 1933.12.01; 1933.04.03; 1933.27.12; 1935.01.01; 1935.03.04; Slovenec. 1924.22.05; 03.08; 1927.29.12; 1938.04.05; Похожие оценки см.: Edinost. 1919.01.08; 1926.24.06; 1927.05.07; 1927.10.11.

²² Iustrirani Slovenec. Ljubljana, 1930.26.04; Slovenec. 1922.20.07; Jutro. 1933.05.02; 1933.27.12; 1938.11.02. Похожие оценки см. также: Edinost. 1925.01.02; 1925.05.03.

²³ Edinost. 1925.09.04; 1926.24.06.

²⁴ Slovenec. 1928.24.06.

²⁵ Slovenski narod. 1923.08.11.

²⁶ Jutro. 1929.21.07.

убийстве Распутина»²⁷. Того же мнения придерживался немецкий актер Конрад Фейдт, воплотивший образ Распутина в фильме «Распутин — демон с женщиной». В 1932 г. он так высказался по поводу лавины воспоминаний, опубликованных друзьями, знакомыми или врагами Распутина, и статей, вышедших в мировой прессе: Распутин «будоражит сейчас мир чуть ли не больше, чем тогда, когда еще был жив»²⁸.

Замечание «Enotnost» было уместным, поскольку об обстоятельствах убийства Распутина писали все ведущие словенские периодические издания²⁹. Либеральное издание «Jutro» («Ютро», «Утро») и католическое «Slovenec» интересовали и другие сюжеты, связанные с личностью Распутина. Обе газеты публиковали сообщения о жизни его дочери Марии Григорьевны и внучек Татьяны и Марии³⁰, о судебных исках против князя Юсупова, поданных дочерью Распутина Марией в 1928 и 1938 гг. в связи с убийством ее отца³¹ и о судебных исках, которые князь Юсупов и его жена княгиня Ирина Александровна в 1933–1934 гг. подали против американской кинокомпании «Metro-Goldwyn Mayer» и немецкой кинокомпании, обвинив их в том, что те в своих фильмах о Распутине показали княжескую чету в негативном свете и погрешили против исторической истины³². Помимо этих публикаций, «Jutro» в 1927 г. сообщило об аресте в Ленинграде одного из ближайших сотрудников Распутина Ивана Зиновьевича Осипенко, а позднее «Slovenec» описал, как в одном варшавском приюте русские эмигранты избили сводного брата Распутина. Обе газеты в 1925 г. опубликовали известие о том, что в Москве на премьере драмы А.Н. Толстого о роли императрицы Александры Федоровны при русском дворе популярный актер Стефанов, с

²⁷ Enotnost. Ljubljana, 1928.27.07.

²⁸ Jutro. 1932.07.11.

²⁹ Slovenski narod. 1922.05.01; Jutro. 1924.07.10; 1927.21.01; 1933.27.12; Slovenec. 1928.18.03; 24.06; 1934.17.01; 1934.05.03; Edinost. 1925.08.02; 1925.12.02.

³⁰ Jutro. 1924.29.05; 1935.03.04; 1938.19.05; Slovenec. 1924.03.08; 1938.04.05; Ilustrirani Slovenec. 1930.26.04.

³¹ Slovenec. 1928.22.06; Jutro. 1938.26.06.

³² Slovenec. 1933.31.10; 1934.17.01; 1934.05.03; 12.03; 10.08; Jutro. 1933.27.12.

натуралистической убедительностью выступавший в роли Распутина, сошел с ума в одном из ключевых эпизодов³³.

О Распутине писали и в связи с другими событиями. В 1923 г. «Jutro» опубликовало обширную статью молодого русского ученого, преподавателя русского языка в Люблянском университете Н.Ф. Преображенского о письмах последней русской царицы 1914–1916 гг., изданных книгой в Берлине. Преображенский написал, что царица была слепым орудием в руках Распутина и выразил сожаление о том, что на русскую политику оказывали влияние такие люди. Это стало трагедией для русского государства, охватывавшего шестую часть земли, в котором солнце не заходило, а 150 миллионов его населения обеспечивало хлебом и сырьем все мировые рынки³⁴. Через три года «Jutro» перепечатало из загребской газеты «Riječ» («Риеч», «Слово») интересный очерк публициста Валериана Маркова, доказывавшего, что Распутин хитро использовал лихорадочное состояние, охватившее в то время высшие круги русского общества³⁵. Кроме того, «Slovenski narod», «Jutro» и «Slovenec» уведомяли общественность о публикациях воспоминаний разных авторов — графа А.А. Бобринского, секретаря Распутина Федора Раевского, дочери бывшего председателя Совета министров Российской империи Сергея Юльевича Витте — Веры Нарышкиной, бывшего британского посла в Петрограде сэра Джорджа Бьюкенена, последнего французского посла в Петрограде Мориса Палеолога и бывшего российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Все они писали о Распутине на основании своего опыта и наблюдений³⁶. Сообщалось также о выходе литературных произведений, исследований и очерков о Распутине — «Распутин и Россия» Б. Алмазова, «Русская революция и ее происхождение» А.К. Елачича, «Распутин» И.Ф. Наживина, «Мир рушится» Правдина, «Студенты, любовь, Чека и смерть» А. Рахмановой (словенский перевод

³³ Jutro. 1925.05.12; 1927.01.03; Slovenec. 1925.03.12; 1937.11.02.

³⁴ *Preobraženski N. Iz pisem zadnje ruske carice (1914–1916)* // Jutro. 1923.17.04.

³⁵ Jutro. 1926.17.04.

³⁶ Slovenski narod. 1920.03.01; Jutro. 1922.12.02; 1925.26.11; 1927.28.12; Slovenec. 1926.24.01.

произведения Рахмановой публиковался в «Slovenec» с октября 1933 г. по январь 1934 г.), «Распутин. Роман о демоне» Клабунда и «Святой демон Распутин» Р. Фюлёп-Миллера³⁷. Последний роман вышел в словенском переводе в 1932 г., однако отрывки из него публиковались в газете «Slovenec» еще раньше, с октября 1929 по апрель 1930 г.³⁸ Это обстоятельство вовсе не помешало редакции газеты через три года критически оценить публикацию перевода «Святого демона» либеральным издательством «Modra ptica» («Модра птица», «Синяя птица»). По мнению «Slovenec», оно «стало пропагандировать книгу более сенсационную, нежели благородную! Хотя у упомянутого издательства есть хороший выбор книг»³⁹. Отрывки из «Святого демона» с апреля по декабрь 1929 г. печатал и католический ежемесячный журнал «Družina» («Дружина», «Семья») ⁴⁰. В 1938 г. «Slovenec» приглашал своих читателей на просмотр фильма «Распутин: демон России»⁴¹.

О «таинственной, демонической личности Распутина, этого фанатичного и мистического мужика при дворе последнего русского царя» писали и во время Второй мировой войны. О нем упоминалось в газете «Jutro» в объявлении о выходе из печати романа Клабунда «Петр — Распутин: роман царя — роман демона» в декабре 1941 и 1942 гг.⁴², а также в романе «Последняя царица», печатавшемся в «Slovenec» весной и летом 1943 г.⁴³ Во время войны словенская пресса вспоминала о Распутине еще дважды. В 1942 г. «Jutro» сообщило, что в Нью-Йорке умер Великий князь Дмитрий Павлович, один из участников заговора, приведшего к убийству Распутина⁴⁴. «Razglednik Jutra» («Разгледник ютра», «Обозреватель газеты “Утро”») в декабре 1943 г.

³⁷ Slovenski narod. 1923.08.11; Jutro. 1925.10.12; 1926.13.05; 1933.05.02; 1933.01.12; 1938.11.12; Edinost. 1927.18.08; Slovenec. 1933.01.01; 07.10; 08.10. — 1934.25.01; Slovenski narod. 1922.04.04.

³⁸ Slovenec. 1929.27.10. — 1930.13.04.

³⁹ Ibid. 1933.01.01.

⁴⁰ Ob zatonu ruskega carizma // Družina. Gorica, april–avgust, oktober–december 1929.

⁴¹ Slovenec. 1938.18.09.

⁴² Jutro. 1941.16.12; 18.12; 20.12; 21.12; 24.12; 08.12; 1942.10.12.

⁴³ Slovenec. 1943.13.04. — 26.08.

⁴⁴ Jutro. 1942.15.03.

опубликовал отрывок из воспоминаний бывшего председателя российского правительства В.Н. Коковцова, умершего в начале года в Париже. В нем рассказывалось о встрече Коковцова «со злым духом Распутиным» — как назвал его «Razglednik», — «чья деятельность при дворе разрушила веру русского народа в династию и в значительной мере подтолкнула его к революции 1917 г.». Распутину не удалось пустить пыль в глаза Коковцову, которого отвратил «ужасный взгляд» его «рысьих» глаз. Он воспринимал его как «типичного арестанта из Сибири, бродягу, отщепенца, который вызубрил роль божьего слуги, в определенной степени однобокого, и разыграл ее по точно заученному сценарию. На вид ему не хватало только арестантской робы. Этот человек был способен на все»⁴⁵.

После Второй мировой войны личность Распутина не привлекала особого внимания в Словении. В 1972 г. вышел новый перевод «Святого демона» Фюлёр-Мюллера⁴⁶, а в 1996 г. публицист Рената Шрибар⁴⁷ опубликовала в журнале «Primorska srečanja» («Приморска срещанья», «Приморские встречи») письмо княгини Енсаветы Стефанишиной⁴⁸ ее подруге Анне Онегиной (осень 1909 г., Омск), хранившееся в ее семейном архиве. В нем княгиня описывает свою пламенную любовную связь с Распутиным, случившуюся летом того года: «Как ты уже верно поняла из моего последнего письма, — писала княгиня, — в последнее время моя жизнь катилась по очень неровной и ненакатанной колее [...]. Помнишь, как я, если не ошибаюсь, поздней весной, рассказывала тебе о своих снах, в которых мне привиделся великан. Так в мою жизнь вошел Григорий Ефимович Распутин. Я описала тебе также сладость дурмана

⁴⁵ [Kokovcov V. N.]. Razgovor z Rasputinom // Razglednik «Jutra». Ljubljana, 1943. S. 92–93.

⁴⁶ Fülöp-Müller. Op. cit.

⁴⁷ Изменив поле профессиональной деятельности в конце 90-х годов прошлого столетия, Р. Шрибар в 2006 г. защитила докторскую диссертацию по антропологии повседневности. Сегодня она работает в качестве преподавателя и исследователя в сфере культурной и социальной антропологии, а также социологии. Режим доступа: http://www.mizs.gov.si/fileadmin/mizs.gov.si/pageuploads/Znanost/doc/Zenske_v_znanosti/CV_komisija/WIKI-Renata_ok.pdf (дата обращения: 10. 05. 2016).

⁴⁸ Так в тексте. *Прим. пер.*

и любви, превзошедшую все ожидания, но при этом не выдавала, о ком шла речь. Теперь ты знаешь — это был Распутин. И не подумай, что я была очарована его славой. Нет, его дух тогда воздействовал на меня настолько мощно, что я не могла бы ему воспротивиться, даже если бы захотела. Позволь мне описать лишь один случай, произошедший в начале нашего знакомства. Во время дополуденного отдыха в садовой беседке я почти задремала под ласковым теплом солнечных лучей. Вдруг передо мной появился он, тогда мы были знакомы едва ли неделю. Опустился передо мной на колени, взял мою руку в свои, затем, задержав ее в своей левой руке, правой полез в карман. Вынул из него браслет, сияние которого меня ослепило, и надел его мне на руку. В растерянности я резко вскочила — только для того, чтобы взглянуться в приятную горькую пустыньность парка. Распутин мне привиделся, браслет тоже, однако [...] вокруг запястья у меня был ожог, как от раскаленного металла. С тех пор я жила с ощущением, что принадлежу ему душой и телом. Ты удивишься, что при нашем следующем свидании мы не могли разойтись, не полюбив друг друга?»

«Минули три недели, я парила меж небом и землей, — продолжила свой рассказ княгиня, — Распутин был лучшим любовником в моей жизни. [...] Думаю, пройдет еще много месяцев, прежде чем я смогу попробовать с другим то, чему научилась. А с Распутиным все закончилось, от князя и княгини М. (которые не знают о нашей связи, хотя именно они нас и познакомили) я узнала, что он обхаживает их племянницу Оню, восемнадцатилетнюю бледную девушку, витающую в облаках, которую родители в этом году впервые вывели в свет.

В тот день я приняла твердое решение больше не встречаться с ним, и послушай, мне тут же принесли его визитку. Я провела пальцами по тисненой атласной бумаге и любовалась игрой лучей света, менявших оттенки охровой краски. Это полубессознательное состояние длилось какой-то миг. Когда я очнулась, ни слуху, ни духу о визитке не было. Я встала и направилась к круглому столику в приемной проверить, правда ли это или мне пригрезилось. Слуги не было видно, поднос для писем и сообщений находился на своем обычном месте,

и солнечные лучи высвечивали еле заметный слой пыли на гладкой поверхности. Я склонилась над ним и выдохнула Распутину решительное «нет» [...]. Это было спасение от темной бездны отчаяния, в которую ввергают нас несчастные окончания наших любовных историй»⁴⁹.

III

В словенском пространстве феномен Распутина особенно внимательно изучил писатель Владимир Бартол. К размышлениям о Распутине его подвигло издание книги Фюлёпа-Мюллера «Святой демон» на словенском языке. В 1933 г. в литературном журнале «Modra ptica», он привел следующую мысль Гёте: «Однако всего страшнее становится демонизм, когда он возобладает в каком-то одном человеке ... от него исходит необоримая сила, он самодержавно властвует над всем живым, более того, над стихиями [...]». А затем он задает вопрос: «Каким же был тогда человек, которому в дни заката царской России была уготована такая важная историческая роль? Его история кажется сказкой или легендой [...]». И сам на него отвечает: «Простой мужик, крестьянин из сибирского села Покровское, приходит в Петроград, в резиденцию всемогущего царя всех русских людей, и начинает самовластно принимать решения о политике и судьбе государства. За несколько месяцев он становится влиятельнейшей личностью в России, ему кланяются князья, графини и министры, его обожают массы, перед ним трепещут враги и завистники, а царь и царица называют его “другом” и “спасителем”. И все это происходило не столетия назад, в “седой старине”, а в наше время, пятнадцать лет назад»⁵⁰.

Корни этой истории Бартол видел в растущем разложении колосса русского царизма. «По необъятным пространствам земли ходили паломники и создатели новых религиозных сект, колдуны и пророки, знахари и лекари с Востока, к которым стекался отчаявшийся народ, поработанный и замученный неспособными, коррумпированными министрами и губерна-

⁴⁹ Šribar R. Rasputin // Primorska srečanja. Nova Gorica; Koper; Idrija, 1996. S. 379.

⁵⁰ Bartol V. Rasputin // Modra ptica. Ljubljana, 1933. S. 1–2.

торами. Появлялись сильные проповедники и блестящие ораторы и живописали народу мрачное будущее, призывая его к набожности и покаянию в грехах». В этот период ужасающего беспорядка появился Распутин со своим простым крестьянским умом и захватил бразды правления. Некогда набожный паломник, затем развратник, потом пророк, возвещавший истину об очищении от грехов, чудотворец, о сверхъестественных способностях которого распространялись легенды, вдруг он стал центром политических катавасий⁵¹.

На людей оказывали воздействие взгляд и тембр голоса Распутина. Но Бартол полагал, что «намного важнее было то, как этот выдающийся человек умел общаться с людьми. Манера его поведения походила на ту, которая, согласно Священному Писанию, была присуща старым пророкам. Распутин обращался к царю и царице на “ты”, обнимал и целовал их, угрожал им и кричал на них; точно так же он вел себя с князьями и княгинями, министрами и генералами. Ему было все равно, мужик перед ним или дворянин, рабочий или министр, епископ или необразованный странник, или даже животное и любое живое существо — со всеми он вел себя одинаково просто и непосредственно. Кажется, что его сердце не знало ни лицемерия, ни притворства, которые являются следствием страха»⁵².

Бартол не верил ни в то, что Распутин был хитрым обманщиком, ни в то, что он был безумцем. «Он не скрывал от людей ни одного из своих недостатков: он был развратником, похотливцем, бабником, пьяницей, аскетом; его способность притворяться была минимальной». Сущность его была другой. Она заключалась в некой «магнетической, суггестивной силе, которую излучала его личность, и противиться ей не мог почти никто. Эта его непонятная сила оказывала такое широкое воздействие, каким обладали лишь единицы народных вождей: пророки из Священного Писания, Магомет или же Наполеон»⁵³.

⁵¹ Bartol V. Rasputin // Modra ptica. Ljubljana, 1933. S. 1–2.

⁵² Ibid. S. 2.

⁵³ Ibid. S. 2–3.

Распутин был для Бартола олицетворением хаоса, человеком, которому — согласно Гёте — редко присуща культура чувств. «Когда удивительная судьба вознесла его на высоту, он бесцельно плыл по ветру. Он пил и братался с князьями и мужиками, назначал и смещал министров, высших представителей духовенства и губернаторов, и в то же время устраивал настоящие оргии с женщинами, снова постился и калялся, излечивал больных, помогал бедным, учил своей философии очищения через грех, и тут же сплетничал со сплетниками, торговался с торговцами, подкупал и давал подкупить себя. Его существованию и деятельности не хватало твердой и определенной цели». Однако уверенность в себе у него была твердой, и она никогда его не оставляла. «Этот человек должен был знать о себе и о мире нечто такое, что не знает большинство других смертных»⁵⁴.

Что же такое он знал о себе и что внушало ему непоколебимую уверенность в себе? «Несомненно, он осознавал, что призван совершить нечто выдающееся», — утверждал Бартол. Это убеждение стало частью его существа, его личности. Он обладал интуитивным пониманием, свойственным ясновидящим, благодаря чему, «несмотря на свою необразованность и не очень развитый ум, он мог оказывать воздействие на могущественных и влиятельных людей». Способность к ясновидению в жизненных ситуациях поддерживала его уверенность в себе. А осознание огромной жизненной силы питало его веру в собственную относительную неуязвимость. «Его личность, должно быть, излучала ту ужающую силу, которую излучает, например, тигр на охоте в джунглях». И, вероятно, она настолько воздействовала на окружающих, что дала Распутину власть над императором, церковниками и светскими деятелями. «Можно рассматривать его как воплощение хаотического состояния России накануне большевистской революции»⁵⁵.

Попытка Бартола представить объективную и разностороннюю оценку личности Распутина завершила формирование его образа в Словении. Хотя его труд не изменил мнение

⁵⁴ *Bartol V. Rasputin // Modra ptica. Ljubljana, 1933. S. 1, 3–4.*

⁵⁵ *Ibid. S. 4–5.*

о Распутине, сложившегося на основе узкой, чисто политической или идеологической, а иногда и нацеленной на сенсацию интерпретации событий, происходивших в последние годы существования Российской империи, однако он открыл путь еще одному направлению изучения роли этого человека. В Словении сохранилось негативное восприятие личности Распутина, это, можно сказать, не вызывает сомнений, однако дверь, в которую вошел Владимир Бартол, осталась открытой.

Перевод со словенского Л.А. Кирилиной

Н. Зайц

**Славянский вопрос:
«На берегах российских рек»
(Александр Трушнович и другие)**

N. Zajc

**The Slavic Question:
«On the Riverbanks of the Russia»
(Alexandr Trushnovich and Others)**

В статье излагается история формирования и восприятия идеи славянства в России (от А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева и далее). Анализ сделан на основе биографических сведений («Воспоминаний корниловца») словенца А.Р. Трушновича, который во время Первой мировой войны (как военнослужащий Австро-Венгерской армии) сознательно перешел на сторону России, в армию Корнилова. Этот поступок отразился, видимо, не только на его личной судьбе (он стал православным, женился на русской и т.д.), но и на его мировоззрении. Однако после Второй мировой войны его отношение к исторической судьбе России изменилось. Трушнович сохранил в себе веру и творческие истоки православной мысли, что сближает его суждения с идеями таких радикальных русских мыслителей, как, например, Н.А. Бердяев.

Ключевые слова: идея славянства, православие, духовный подвиг, Первая мировая война, Н.А. Бердяев, А.Р. Трушнович.

The article describes the history of the creation, formation and perception of the idea of Slavdom in Russia (from A.S. Pushkin and F.I. Tyutchev and further on). The analysis was made on the basis of the biographical information (“Memoirs of the Kornilov’s Soldier”) of the Slovenian A.R. Trushnovich, who during the First World War (as a soldier of the Austro-Hungarian army) moved to the side of Russia, into the army of Kornilov. This act affected on his personal destiny (he became Orthodox, married a Russian, etc.) and on his worldview. However, after the Second World War, his attitude towards the fate of Russia changed. However, Trushnovich retained his firm faith and the most spiritually creative sources of the Orthodox thought, which was N. Berdyaev.

Key words: Slavic idea, Orthodox religion, spiritual creativeness, I world war, N.A. Berdiaev, A.R. Trushnovich.

Введение

В последние годы жизни А.С. Пушкин, вдохновленный идеей, объединившей четырех известных европейцев (помимо него — русского слависта С.А. Соболевского, французского писателя Проспера Мериме и польского поэта Адама Мицкевича) в неполитическом союзе «любителей славянской поэзии», создал «Песни западных славян». Стихотворения Пушкина вернули к жизни славянскую идею как основу христианской культуры. Разделение русской интеллигенции на славянофилов и западников, явившееся следствием долголетнего развития двух направлений, достигло пика в тот период, когда антиславянские тенденции в политике Австрии и Германии, главным вдохновителем и проводником которых был Отто фон Бисмарк¹, вызвали протест у славянофильского круга русской интеллигенции. 21 мая 1867 г. на Этнографической выставке в Москве в честь славянских гостей было прочитано стихотворение Ф.И. Тютчева «Славянам» (первоначальное название — «Австрийским славянам»), эпиграфом к которому были взяты слова австрийского министра иностранных дел Фридриха Фердинанда фон Бойста, сыгравшего решающую роль в создании Австро-Венгрии («Славян должно прижать к стене»). В стихотворении Тютчева «На взятие Варшавы» в загадочном ветхозаветном образе, взятом из Книги Иова, — образе волшебной птицы Феникс — отражена несбыточная, утопическая мечта поэта о возможности всеславянского благополучия: «Верь слову русского народа: // Твой пепл мы свято

¹ Отто фон Бисмарк в 1878 г. добился принятия закона против социалистов, и лишь по истечении двенадцати лет подпольной деятельности социал-демократическое движение было снова легализовано. Это обстоятельство сподвигло русского мыслителя П.Б. Струве решительно принять сторону социал-демократов. См.: *Pipes R. Struve, The Liberal on the Left. Cambridge, London, 1980. P. 66–67.* Политическая фигура германского канцлера и впоследствии оказывала влияние на формирование национального и интеллектуального компонентов самосознания русских. Н.А. Бердяев в 1946 г. размышлял о нем: «Характерно, что Бисмарк не был еще империалистом: он более чем осторожно относился к колониальной политике. Он создал национальную империю, завершал объединение германского народа. [...] Но Германия не империалистическая страна по своему призванию. Ее империализм — роковой для нее самой и для всей Европы». См.: *Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2005. С. 177–178.*

сбережем, // И наша общая свобода, // Как Феникс, возродится в нем!». Высказыванию германского канцлера Бисмарка о том, что Германия должна объединиться мечом и кровью, Тютчев в стихотворении «Два единства» («Из переполненной Господним гневом чаши») противопоставил новозаветный «щит» любви: «Славянский мир, сомкнись тесней... // “Единство, — возвестил оракул наших дней, — // Быть может, спаяно железом лишь и кровью...” // Но мы попробуем спаять его любовью — // А там увидим, что прочней...».

В ракурсе войны

Во время Первой балканской войны 1912 г. на балканском фронте (Черногория, Македония, Сербия и Болгария) в результате победы болгар над турками была захвачена часть европейских земель, которая включала в себя Западную Фракию, находившуюся с XIV в. под владычеством Османской империи. Во Второй балканской войне Болгария потерпела поражение, но смогла удержать Западную Фракию.

1 августа 1914 г. Германия объявила России войну. Через несколько дней небольшая группа студентов из Горицы собралась на скалистом берегу вблизи Триеста и, распевая гимн «Гей, славяне», присягнула на верность славянству. В их числе был и Рудольф Йозеф Трушнович, родившийся в Постойне 14 декабря 1893 г. 8 августа 1914 г. он закончил Военную кадетскую школу в Мариборе и стал подпоручиком 47-го пехотного полка. На фронте он искал возможность перейти на сторону русских. В 1914 г. в России патриотические чувства охватили все общество, за исключением узкой группы революционеров-интернационалистов, которую возглавил В. И. Ленин (его связи с немецкими и австрийскими спецслужбами были восприняты на родине как предательство)². В июне 1915 г., когда у Залещиков австрийская армия готовилась к нападению на русскую, Р. Трушновичу удалось перейти на сторону русских. Он стал

² Трушнович А. Р. Ценою подвига. Париж, 1955. С. 104; Журнал «Социал-демократ» («Der Sozialdemokrat»), который выходил в Швейцарии в годы антисоциалистического закона Бисмарка, был учрежден В.И. Лениным (*Pipes R. Op. cit. P. 248*).

военнопленным, а в декабре 1915 г. обратился к императору Николаю II с прошением о зачислении его в Первую сербскую добровольческую дивизию. Получив соответствующее разрешение, он отправился в Одессу³.

Всю жизнь он вспоминал слова, которыми Николай II 15 июля 1916 г. на Марсовом поле в Одессе приветствовал Сербскую добровольческую дивизию как первую славянскую армию: «Никогда мои войска не были столь сильны, как сегодня. Они ждут только моего повеления, чтобы перейти Карпаты. И вы будете первыми, кто войдет вместе с моими войсками в ваши освобожденные края. Поздравляю вас с боевым походом под начальством храбрых сербских офицеров! Россия не забудет вашу жертву»⁴.

Рудольфу Трушновичу казалось, что мечты его (словенско-славянских) предков, наконец, после долгого ожидания, станут явью. В «Воспоминаниях корниловца (1914–1934)», посвященных жене и сыну, он с гордостью писал, что это было ожидание «славянского века, вдохновленного религиозной и нравственной основой великой русской культуры». Первая сербская дивизия в составе корпуса генерала А.М. Зайончковского отправилась на фронт в румынскую Добруджу. Многие добровольцы родились в местностях на берегах рек (Савы, Рейна, Дуная), поэтому вид речных долин вызвал у них тоску по дому. Они ожидали, когда Румыния откроет им дорогу по Дунаю на Салоникский фронт, к сербским войскам. 25 августа 1916 г. их бригада, наконец, двинулась в путь, но солдаты испытывали жажду от изнуряющей летней жары. Рота Трушновича была в авангарде⁵. После кровопролитных боев из 16 тыс. добровольцев в живых осталось лишь 1400⁶.

Пока дивизия была на фронте, сербское руководство и местное русское военное начальство испросили у правительства разрешение на дополнительную мобилизацию южнославянских военнопленных. Это решение нанесло непоправимый

³ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 15.

⁴ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца (1914–1934). Москва; Франкфурт, 2004. С. 44.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 15.

удар принципам добровольческой армии. Настоящим добровольцам в 1915 г. с трудом удалось попасть в русскую армию, куда они искренне стремились, а Вторая сербская дивизия была сформирована из принудительно мобилизованных солдат. Рудольф Трушнович, считавший неприемлемым насилие, которому подвергались славяне в Австро-Венгрии, в том же ключе оценивал и принудительную мобилизацию во Вторую сербскую дивизию — по его мнению, ошибки подобного рода впоследствии привели к краху Королевства Югославия⁷.

Полицейская поддержка экономического унионизма в царской России создала благоприятные предпосылки для установления большевиками в 1917 г. контроля над русским народом⁸. Этому способствовало и открытое презрение русских к офицерам, которых считали ненадежными и реакционными⁹. Следствием политической доктрины, согласно которой государство являлось организованным злом, а армия — его главной опорой, стал «Приказ № 1» о демократизации русской армии, принятый в ходе Февральской революции. Численность Сербского добровольческого корпуса тогда резко сократилась: из 40 000 солдат и офицеров в нем осталось меньше 7000¹⁰, а в августе 1917 г. он был расформирован. Р. Трушнович вступил в русскую армию — в Корниловский ударный полк, сформированный в составе 8-й армии под командованием Лавра Георгиевича Корнилова.

В конце июля 1917 г. Временное правительство, стремившееся к продолжению войны, назначило генерала Корнилова, находившегося тогда в ставке в Могилеве, верховным главнокомандующим русской армии. В тот период хаоса русскому народу не хватало руководителя, что прекрасно понимал В.И. Ленин, а Р. Трушнович, размышляя об этом историческом моменте, написал, что тогда Россию могли спасти только Ленин или Корнилов¹¹.

⁷ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 51–53.

⁸ Pipes R. Op. cit. P. 371–372.

⁹ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 97.

¹⁰ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 53.

¹¹ Там же. С. 57.

Южные славяне прибыли в Корниловский полк в последние дни июля 1917 г., через три дня после битвы под Ямницей (Галиция), где этот полк сражался вместе с чешской бригадой. Их приветствовал капитан Генерального штаба Митрофан Осипович Неженцев, под руководством которого корниловские войска вскоре с песнями пошли в бой, закрывая прорыв фронта немцами у Тарнополя и Трёмбовля. Русские союзники — бельгийцы, французы, англичане — так и не приняли участия в сражении. Донцы, конные разведчики, сообщили корниловцам о том, что немцы их окружают, тем самым дав им возможность спастись¹².

После ареста Л.Г. Корнилова, произведенного по приказу А.Ф. Керенского, Неженцев (по инициативе Керенского) подал прошение во французскую военную миссию о переброске полка на Западный фронт. За ответом он отправил в Петроград Трушновича. И тогда словенец принял решение, что, если прошение будет одобрено, он скроет этот факт и уничтожит полученное разрешение. «Наше место было в России», — считал он¹³. Французам полк Корнилова не понадобился. Трушнович провел в Петрограде несколько дней во второй половине октября 1917 г., и его потрясло изменение облика многих людей, «нечеловеческое выражение» их лиц¹⁴.

На Волыни, в день рождения Неженцева, офицеры из разных отрядов собрались в доме деревенского священника на «последний полковой вечер Русской армии». Чехи музицировали, Неженцев произнес торжественную речь. По хозяйству хлопотали матушка (жена священника), сестра милосердия Зина, девушка-доброволец из Киева, которая вскоре погибла в бою, и еще одна сестра. На вечере исполняли также и словенские песни¹⁵.

Когда фронт сопротивления большевикам переместился на Дон, Неженцев привел Трушновича в штаб Корнилова. Произошло это незадолго до смерти генерала. Корнилов отправил

¹² Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 57.

¹³ Там же. С. 64.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 65.

Трушновича в Киев на переговоры с лидером чехов Т.Г. Масариком. Письмо для последнего вручил словенцу генерал М.В. Алексеев. Еще в 1916 г. две чешские дивизии, созданию которых оказали содействие русские, поддерживавшие славянское движение (в их числе был и Василий Витальевич Шульгин, редактор газеты «Киевлянин»), — были «сильнейшей боевой единицей»¹⁶. Белое движение искало их поддержки.

В январе 1918 г. Трушнович встретился в Киеве с Масариком и обсудил с ним потенциальную возможность объединения армии Корнилова с чешскими отрядами¹⁷. Трушнович чувствовал, что Масарик расположен к нему, но после двух недель ожидания ответа понял, что причина задержки кроется в соображениях «реальной политики». Вновь встретившись с Трушновичем, Масарик отказался от сотрудничества, ссылаясь на то, что движением на Дону руководят «реакционные» генералы, и поэтому оно обречено на поражение. Когда Масарик предложил Трушновичу присоединиться к Чешскому корпусу, молодой словенец с негодованием ответил: «Чехи отвернулись от России. История подведет итоги, и боюсь, что скоро. Сейчас с нами только Бог и трехтысячная Добровольческая армия»¹⁸.

Верность Трушновича армии генерала Л.Г. Корнилова все больше перерастала в преданность России, он перенял особый склад мышления русских, широту их души. Он написал об этом в «Воспоминаниях корниловца»: «Первая и главная наша цель была: уберечь Россию от разрушения и колонизации»¹⁹. Об отсутствии у него наивной веры в монархические идеалы свидетельствуют следующие слова: «В нашей песне были слова: “...Мы былого не жалеем, царь нам не кумир, мы одну мечту лелеем: дать России мир!”»²⁰. Воин корниловской армии, Трушнович не отступил даже после того, как узнал о смерти Корнилова в апреле 1918 г., он безоговорочно принял русскую идею как свою. В период между 1912 и 1920 г. Трушнович,

¹⁶ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 71.

¹⁸ Там же. С. 72; Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 16.

¹⁹ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 56.

²⁰ Там же.

изучив основы православия, почерпнул из них твердые принципы неревOLUTIONIONНОГО патриотизма как пути к глубинному освобождению человека, познав которое, он сможет личным примером воздействовать на более или менее широкую группу людей. Свой опыт веры он описал так: «В те дни моя душа проходила трудный путь от атеизма, закаленного в борьбе с иезуитским отрицанием живого Бога и утверждением непогрешимости главы католичества на земле, к живым источникам Евангелия и Христа»²¹.

Только в годы коллективизации, несчастий, нищеты и великого голода в России Трушнович начал осознавать, как далеко отступила советская власть от изначальных идей коммунизма. Создается впечатление, что военные поражения не изменили представлений Трушновича. Он учитывал, что прежде у словенцев не было реальной информации о России, поскольку австрийские источники передавали ее неполно и часто поверхностно. Вскоре он научился понимать духовное богатство России, уходившее своими корнями в культуру XIX в. Он писал: «Русская культура, благородная и величественно простая, постепенно пленяла нашу душу и вытесняла из нее западноевропейскую культуру, воспринятую нами разумом, а не чувствами. Мы начали узнавать Россию в ее настоящем виде, с ее светлыми и темными сторонами, и приняли ее такой, какой она была»²².

В «Воспоминаниях корниловца» всплывают исторические события, о которых словенец знал еще с юности и которые оказали влияние на политическую судьбу вечного эмигранта, идентифицировавшего себя с русским монархическим принципом Божьей помощи народу.

Духовный ракурс и преображение

В 1917 г. был созван Всероссийский церковный собор, на котором впервые был избран патриарх Московский и всея России Тихон. В трудах, написанных после Второй мировой войны, Александр Рудольфович Трушнович, к тому времени

²¹ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 287.

²² Там же. С. 46.

уже перешедший в православие, отмечал, что в период между Февральской и Октябрьской революциями авторитет государственной власти упал, страной тогда завладела анархия²³. Антицерковная позиция большевиков, победивших в Октябрьской революции, идеологически не затронула русского православия, оно продолжало развиваться в районах, отдаленных от московского центра. Например, в Омске, на территориях, находившихся тогда под властью генерала А.В. Колчака, в 1918 г. было создано Высшее церковное управление как временный представительный орган²⁴. Словенец Франц Терсеглав, бывший редактор газеты «Slovenec» («Словенец»), к тому времени уже шесть лет находился в России, он был подпоручиком полка сербов, хорватов, словенцев под руководством Благодича в Челябинске и Екатеринбурге, затем — поручиком в Сибирской армии Колчака. После восстания Чехословацкого корпуса в 1918 г. Терсеглав установил связи с русскими церковными и политическими кругами, а также с некоторыми членами антибольшевистского демократического правительства свободной России²⁵.

Тогда экономическая ситуация в России, по-видимому, улучшилась, поскольку аграрная реформа решила главный вопрос общества — земля была конфискована у помещиков и передана крестьянам, тем самым были ликвидированы пережитки феодальной системы.

Р. Трушнович в первый раз получил ранение осенью 1916 г., в бою у Кокарджи, и попал в госпиталь в Екатеринославе. За проявленное в Добрудже мужество его наградили сербской медалью Белого орла с мечами и российским орденом Св. Анны третьей степени. В госпитале он познакомился с медицинской сестрой Зинаидой Никаноровной Казакевич, на которой впоследствии женился. Свадьба состоялась в Новочеркасске 28 июля 1918 г. В декабре того же года он решил вернуться в Одессу. В битве за Ставрополь, занятый большевиками и ставший «городом-великомучеником», был убит офицер М. Мель-

²³ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 105–108.

²⁴ Terseglav F. Sveta Rusija. Ljubljana, 1920. S. 12.

²⁵ Ibid. S. 9–10.

ников, «связывавший судьбу своей родины, Галицкой Руси, только с Россией»²⁶. Вскоре, в боях на Кубани, Трушновича снова тяжело ранили²⁷. Жена спасла ему жизнь, перевезла в военный госпиталь в станице Тихорецкой²⁸. Узнав, что на обломках Австро-Венгрии образовалось Королевство сербов, хорватов и словенцев, Трушнович едва удержался от слез. Его родина освободилась. Однако он решил продолжать борьбу против большевиков за «великую Россию», в спасение которой верил²⁹. Генерал П.Н. Врангель в то время возглавил армию, а в Новороссийске к белогвардейцам присоединились и европейские союзники; первыми прибыли англичане³⁰.

В книге «Ценою подвига», написанной уже после Второй мировой войны, Александр Трушнович отметил, что Европа, за исключением Австро-Венгрии, в то время перестала помогать России³¹. Он полагал, что Первая мировая война может помочь России разрешить внутренние противоречия, возникшие под властью большевиков³². Напротив, по его мнению, вероятность того, что русский гражданин поднимется на национально-освободительную борьбу (станет «борцом за Родину»)³³, уменьшилась. Трушнович дал исторический очерк революционного движения в Европе, начиная с Великой французской революции — описав затем революцию 1831 г. в Лионе, общеевропейские революционные волнения 1848 г. во Франции, Германии, Австрии, Парижскую коммуны — и заканчивая восстанием декабристов и революцией 1905 г. в России³⁴. Он не забыл упомянуть о том, что демократические круги Америки и Англии во время революции 1848 г. в Австрии называли Россию, во главе с императором Николаем I помогавшую австрий-

²⁶ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 93, 96.

²⁷ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 16.

²⁸ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. С. 96.

²⁹ Там же. С. 97.

³⁰ Там же. С. 97–98.

³¹ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 104.

³² Там же.

³³ Там же. С. 105.

³⁴ Там же. С. 89–99.

скому императору бороться с восстанием венгров, «жандармом Европы»³⁵. В заключение Трушнович высказал мысль, что Россия может избавиться от такой плохой репутации только путем свержения коммунистической системы, и произойти это должно революционным путем³⁶. Следует подчеркнуть, что в этой книге Трушнович определил основы своей концепции национально-освободительной революции, одним из важнейших принципов которой он считал способность к братанию³⁷.

Смысл славянства — революционность

Русские издавна испытывали чувство братской привязанности к Сербии, и критическое восприятие этой страны — с учетом позиций Чехии и Польши — стало свидетельством изменения взглядов Трушновича, что нашло отражение в политических трактатах или памфлетах, написанных после Второй мировой войны. В них он сделал лишь первые шаги к разработке идеи революционности, которая, возможно, могла бы показаться анахронизмом, однако, в привязке к ситуации в России, являлась тогда реально осуществимой. Последний трактат Александра Трушновича — «Техника сопротивления» (он следовал за трактатом, адресованным немцам) — был посвящен польскому народу. Восьмая глава «Принципы гражданского восстания» осталась неоконченной, работу над ней прервала насильственная смерть словенца в 1954 г. где-то за стенами Восточного Берлина.

Сохранились лишь фрагменты текста, само название которого недвусмысленно свидетельствует о коренном изменении мировоззрения автора, произошедшем после Первой мировой войны. Бывший корниловец теперь размышлял о пути к революции. В этих эпизодах А. Трушнович высказал убеждение в том, что «народная революция не должна повторить пути коммунистической анти-революции, которая была, прежде всего, разрушительной». Хотя то, что он акцентировал внимание на развитии светлых сторон русского человека, на первый взгляд,

³⁵ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 92.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 113.

казалось, не противоречило принципам большевизма, писатель, приводя лозунги революционных вождей, призывающие свергнуть власть, понимал, что связь народа и армии является ключевым моментом для проведения успешной революционной акции. Он считал, что стратегические методы вооруженного нападения и военная техника смогут предотвратить катастрофические последствия посредством двух простых указов, охраняющих то, что придает человеку силы: связь с армией основана на знании настроения солдат и уверенности в том, что армия не станет стрелять в своих матерей и отцов, братьев и сестер, она не должна направлять оружие против своего народа³⁸.

Очевидно, что в личном словаре А.Р. Трушновича, русского эмигранта словенского происхождения, в середине XX в. преобладали экзистенциальные ценности, и были они наследием его православного опыта. После Второй мировой войны философско-политическая концепция Трушновича открывала возможности для внутреннего освобождения личности. Ему показалось, что путь в будущее, который предлагала неосуществленная идея русской славянской миссии, является душевспасительным и освободительным. Таким образом, русский опыт православия, идейно-философская основа которого сформировалась в XIX и начале XX в., показал, что может предложить творческой личности выход, заключающийся во всеобщем освобождении. Поэтому неудивительно, что Трушнович был жестоко убит где-то за пределами Восточного Берлина³⁹. Что же являлось комплексной основой вышеупомянутого преображения мировоззренческих принципов?

Русский опыт славянской идеи

Отношение русских к полякам, на формирование которого повлияло, прежде всего, обретение самостоятельности униатским религиозным движением и католической церковью в Западной Украине и Польше во второй половине XVI в., имело сложнейшую историческую подоплеку. В начале XIX в., после

³⁸ Трушнович А.Р. Ценою подвига. С. 126–127.

³⁹ См. подробнее о биографии Трушновича и об обстоятельствах его смерти: Zajc N. Aleksander Trušnovič // Med domom in svetom. Ljubljana, 2011. С. 263–279.

войн с Наполеоном, общение русских с соседним народом стало для России новым открытием пути в Европу, но отличалось оно противоречивостью. Уже позднеромантический поэт Ф.И. Тютчев в стихотворении «Современное», написанном в 1869 г.⁴⁰, ясно выразил свое представление о славянстве, которое вынуждено по-христиански и глубоко мучиться («//Только там, где тени бродят // там, в ночи, из свежих ран, // кровью медленно исходят // миллионы христиан»). В этом стихотворении Тютчев также представил свое видение мировых глубинных стремлений: «На Восток она явилась // всем на радость, не на зло // и пред нею все склонилось: // Солнце с Запада взошло!».

Таким образом, в политической поэзии Ф.И. Тютчева славянство являлось обобщающим понятием некоего универсального христианства. По прочтении поэтических произведений Тютчева ведущий русский религиозный философ XIX в. В.В. Соловьев⁴¹ пришел к важному выводу, объединяющему все вышеупомянутые парадоксы «русского не-славянства»: «Жизнь России еще не определилась окончательно, она еще двойится, увлекаемая в разные стороны противоборствующими силами [...] судьба России зависит не от Царь-града и чего-нибудь подобного, а от исхода внутренней нравственной борьбы светлого и темного начала в ней самой».

Однако, хотя такова была сущность так называемой славянской идеи в XIX в., русское православное сознание тогда еще не доросло до нее. Через полвека, в 1946 г., это отметил Н.А. Бердяев в книге «Судьба России», где он высказал свои взгляды на национализм и империализм и дал психологическую интерпретацию войны и национального вопроса. Он обратил внимание не только на особую двойственность или внутренние противоречия самой русской славянской идеи, которую должен принять прежде всего тот, кто поддерживает концепцию русского империализма, но и подчеркнул, что истинное понимание славянской идеи только постепенно начинает проникать в русскую душу. Бердяев при рассмотрении особых тем, касающихся положения России среди остальных

⁴⁰ Тютчев Ф.И. Сочинения. М., 1984. С. 377–378.

⁴¹ Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Вестник Европы. СПб, 1895. № 4.

великих европейских государств, акцентировал внимание именно на том историческом моменте, когда в XIX в. прежняя ориентация российской государственности на Римскую (идейный аспект) и Византийскую (религиозно-культурный аспект) империи могла прийти в равновесие со славянской идеей. Впрочем, славянской идее русских классических славянофилов во второй половине XIX в. не хватало понимания самой сущности славянства. Это заметил еще первый русский профессор славистики И.И. Срезневский, констатировавший, что так называемая славянская идея по мере приближения к Востоку все больше бледнеет⁴².

В книге «Судьба России» Н.А. Бердяев упомянул также о забытом и малоизвестном в России польском философе, математике и мистике периода Просвещения Йозефе Марии Хое-не-Вронском (24.08.1776 — 09.08.1853), который в трактате «Prolégomènes de messianisme ou le destin de la France, de l'Allemagne et de la Russie» («Судьба Франции, Германии и России как пролог европейского мессианства», 1843) определил Россию как страну-Богоносительницу, которой предопределено стать носителем и продолжателем Царства Божия⁴³. Такое мироощущение православные верующие в России сохранили до первых десятилетий XX в. Это отмечал Франц Терсеглав, описывая русскую религиозную жизнь, с которой познакомился во время пребывания в Екатеринбурге в 1917–1919 гг.: «У русских сохранился “хилиастический” настрой первых столетий христианства: ожидание Царства Божия на земле»⁴⁴.

Россия под предлогом коллегиального православного союза всегда стремилась достичь собственного автономного, прежде всего — господствующего — положения среди государств, исповедовавших православную веру. Православие в России одновременно и мистифицировало и раскрывало индивидуаль-

⁴² Путьевые письма И.И. Срезневского своей матери Е.И. Срезневской // Живая старина (Отделение этнографии). СПб., 1892. Вып. L. Год 2. С. 93; Ягич В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 466–467.

⁴³ Бердяев дословно упоминает следующее название: «Le destin de la France, de l'Allemagne et de la Russie comme Prolégomènes du Messianisme». См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 2005. С. 201.

⁴⁴ Terseglav F. Op. cit. S. 53–54.

ность верующего, о чем свидетельствуют слова Ф. Терсеглава, описавшего русскую религиозную идею в 1917 г. как «богоискательство», в котором «Христос видится русскому в некоем мистическом сиянии», и «вся их литература, даже самая светская, наполнена этими представлениями»⁴⁵.

Заключение

Славянская идея во многом не была подчинена православному мировоззрению. В XIX в. она определялась как объединительная и европейская, и лишь в таковом качестве — как империалистическая. В то время самостоятельное развитие получила только идея, призывающая к творчеству, как одна из глубочайших христианских идей (как требование или тайное повеление Бога человеку, чтобы не падать духом и отдать все творческие силы выполнению долга). Она воплотилась в России в достижениях науки, философии и литературы XIX в., которые тогда стали восполнять недостаточность литературных форм, характерных для европейской мысли периода Классицизма и Просвещения (и связанных с политическим и философско-религиозным пониманием государственности)⁴⁶.

Н.А. Бердяев, как и А.Р. Трушнович, в философско-политическом очерке представил сугубо личную концепцию исторических основ европейского и национального империализма, на основе которой окончательно сформировалась его индивидуальная метафизика⁴⁷. Анализ идей, высказанных в одном из последних произведений Н.А. Бердяева, а также в «Воспоминаниях корниловца» и «Ценою подвига» А.Р. Трушновича, показывает, что оба автора давали иную трактовку религиозных основ русского народа: православное мировоззрение воспринималось ими как мощный идейно-духовный импульс, который будет способствовать интеллектуальному освобождению верую-

⁴⁵ *Terseglav F.* Op. cit. S. 53.

⁴⁶ Поэтому неудивительно, что важнейшие историко-политические идеи высказывались в дневниках или личных записках русских религиозных философов и писателей XIX в. (Герцена, Хомякова, Трубецкого, Соловьева, Федорова).

⁴⁷ *Зенковский В. В.* История русской философии. Париж, 1950. Т. 2. С. 362.

щих индивидуумов после Второй мировой войны. Кажется, что их взгляды имели историческое обоснование.

Но в концепции славянства, политически и теоретически оформившейся в России в XIX в., в XX в. еще оставалась лакуна — русская идентификация среди славянских стран, которая могла бы сформироваться в годы Первой мировой войны. Однако тогда на передний план вновь вышла особая русская идентичность, определявшаяся прежде всего православным вероисповеданием. Повторный отказ от обновленных призывов к христианскому экуменизму в 1917–1920 гг. подтвердил непризнание русскими Флорентийской унии (1439) и падения в 1453 г. Византийской империи, и оказал решающее воздействие на судьбу русских славян, разделенных с европейскими. Как в XV, так и в XX в. Россия формировала свое религиозное мировоззрение, исходя из противоречивого (амбивалентного) отношения к Европе.

Перевод со словенского Л.А. Кирилиной

Ї. Пурьевец

Э. Кардель и Россия

J. Pirjevec

E. Kardel and Russia

Отношение к Советскому Союзу Э. Карделя, наиболее видного югославского идеолога в период режима Й.Б. Тито, было обусловлено тем, что он лично пережил сталинский террор во второй половине 1930-х годов. В то время молодой Кардель учился в Москве, что дало ему возможность стать свидетелем репрессий, почти уничтоживших югославскую политическую диаспору. Этот опыт не поколебал его веры в марксизм, но укрепил его в убеждении, что в Югославии его следует проводить более гуманным способом. После разрыва Сталина с Тито в 1948 г. Кардель получил возможность начать развивать свои идеи о «социализме с человеческим лицом» и сформулировать доктрину системы самоуправления, опирающуюся не только на марксизм, но и на традиции французских социалистов-утопистов. Главным его аргументом стал тезис о том, что КПСС превратилась в бюрократическую касту, которая от имени рабочего класса узурпировала власть. Эта полемическая точка зрения вызвала в Москве решительную критику югославского «ревизионизма», продолжавшуюся вплоть до смерти Карделя и Тито.

Ключевые слова: самоуправление, югославский «ревизионизм», отношения Москва — Белград, Й.Б. Тито, Э. Кардель, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев.

Edvard Kardel was the the most import ideologue of Tito's regime. His attitude towards Soviet Union was biased by his personal experience of Stalin's terror in thirties. At that time young Kardel studied in Moscow, where he become the witness of the liquidation of the large Yugoslav political diaspora. This experience did not shake his belief in Marxism, although inspired him the idea that it should be realized in Yugoslavia in a more human way. After the split between Stalin and Tito in 1948, Kardelj was able to start developping his «socialism with human face» and his doctrine of self-management, based not just on Marxism but on the traditions of the French utopian socialists too. His main point was the belief that the CPSU has degenerated into a bureaucratic caste, which

usurped power in the name of the working class. This polemical attitude provoked in Moscow a critic of the Yugoslav «revisionism», that lasted till Kardelj's and Tito's death.

Keywords: self-government, Yugoslav «revisionism», relations Moscow — Belgrade, J.B. Tito, E. Kardel, I.V. Stalin, N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev.

В 1935 г. Эдвард Кардель, как и многие молодые югославские коммунисты, принимавшие участие в борьбе против короля Александра Карагеоргиевича, уехал в Москву, отчасти для того, чтобы избежать преследований полиции, отчасти — чтобы повысить уровень образования по теории марксизма-ленинизма. В столице СССР он получил место преподавателя в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), который был открыт для групп национальных меньшинств европейской России, а также для студентов из Скандинавии, прибалтийских республик и балканских стран. Конечно, он сразу же включился в деятельность местной югославской диаспоры, где укрепил отношения прежде всего с Йосипом Брозом, который в то время тоже прибыл в Москву и был принят на работу в Балканский секретариат Коминтерна.

Период сталинских чисток, начавшийся после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г., был очень трудным и для Тито, и для Карделя, поскольку жертвами террора стали главным образом коммунисты, как местные, так и эмигранты с Запада. О том времени, когда люди боялись, что их в любой момент могут арестовать, Кардель никогда не рассказывал подробно, однако несомненно, что оно оказало решающее воздействие на его отношение к Советскому Союзу, к России и к ее народу. Поскольку по характеру он был человеком замкнутым и не шел на поводу своих эмоций, то не выказывал своего отрицательного отношения к сталинизму и бюрократизму, с которыми столкнулся в Москве, так как понимал, что это может стоить ему головы. Он был совершенно согласен со своим другом и соратником Б. Кидричем, в то время также находившимся в Советском Союзе, что в стране применяется политическая практика, все больше отклоняющаяся от истинного научного

марксизма. Кардель стремился как можно скорее уехать из Москвы и вернуться домой, но это было непросто, потому что власти не хотели выпускать из-под надзора иностранных коммунистов. На его счастье, в 1937 г. в Коммунистической партии Словении начался кризис, который мог привести к ее отделению от КПЮ. Броз, которого Кардель просил о поддержке, предложил Коминтерну доверить Карделю роль посредника, чтобы он помог урегулировать эту ситуацию¹. Тем самым он, вероятно, спас его от гибели, учитывая то, что 800–900 югославов, находившихся в то время в Советском Союзе, постигла трагическая судьба. Они были арестованы и этапированы в Сибирь, если, конечно, не оказывались перед расстрельной командой.

Несмотря на травмирующий опыт, пережитый в Москве, Кардель не отверг коммунистическую идеологию, а также не выступил открыто против режима Сталина. Он разделял точку зрения Броза, полагавшего, что этого не стоило делать в то время, когда разразилась Вторая мировая война, и невозможно было представить себе, что кто-либо, кроме Советского Союза, сможет оказать поддержку югославским народам. Алеш Беблер в воспоминаниях приводит эпизод, характерный для образа мыслей Карделя. В 1937 г. они встретились в Париже, направляясь при этом в разные пункты назначения. Беблер — отправлялся в Испанию сражаться в интернациональных бригадах против Франциско Франко, а Кардель возвращался домой. Во время этой встречи, находясь вне досягаемости прослушки, Беблер сбросил камень с души, поделившись с Карделем, как с ближайшим товарищем по партии, тягостными воспоминаниями о Советском Союзе. Он говорил совершенно открыто: 1. Сталин провел коллективизацию земли такими методами, как будто все крестьяне были врагами социализма. 2. Вся система настолько бюрократизирована, что люди отучились говорить о том, что думают. 3. Они не верят судебным процессам против инакомыслящих — ближайших соратников Ленина. 4. В отношении искусства Сталин — реак-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 11. Д. 300.

ционер. Лучшие люди, например, Мейерхольд, таинственно исчезают. 5. Что касается национального вопроса в Советском Союзе, то Сталин — великорус. 6. Но хуже всего — сталинская оценка Гитлера, которая подтолкнула КП Германии во главе с Э. Тельманом к союзу с нацистами против социал-демократов. «Я выложил все это Карделю как на духу. В России мы никогда не говорили свободно. [...] Кардель слушал с большим интересом. Не пытался убедить меня в том, что я ошибаюсь или преувеличиваю. Говорил только о фашизме с позиций последнего конгресса Коминтерна и выступления на нем Димитрова. Сталин с ним согласился, и теперь это общая линия всех коммунистов: борьба против фашизма, единый антифашистский фронт, война против открытого нападения фашистов в Испании. Возможно, мы остановим наступление фашистов!» Свой рассказ Беблер завершил загадочным, но вместе с тем содержательным замечанием: «Так мы разошлись с Карделем». Очевидно, они не только пошли каждый своим путем, но и избрали различное отношение к марксистской догме в интерпретации Сталина². Беблер ее отверг, Кардель остался ей верен, но это было обусловлено убеждением последнего: несмотря ни на что, в борьбе против фашизма Советский Союз — единственная возможная опора для словенских коммунистов. В этом он полностью соглашался с Йосипом Брозом.

Во время Второй мировой войны Кардель по-прежнему был убежден в этом и поэтому пользовался большим доверием у Коминтерна. Коминтерн уже в 1940 г. создал тайную радиостанцию в Загребе, которой руководили два его агента — Йосип Копинич (Ваздух) и его жена. Зона ее покрытия охватывала все Балканы, Италию и Среднюю Европу. Когда в июне 1942 г. Копинич был вынужден покинуть Загреб и присоединиться к словенским партизанам, он устроил новую импровизированную радиостанцию на их базе в лесах Рога в Нижней Крайне, и она поддерживала связь с Москвой³. Контролировал ее Кардель, он также выполнял функции посредника между СССР и итальянскими коммунистами, что недвусмысленно

² *Bebler A. Čez drn in strn. Spomini. Koper, 1981. S. 59, 60.*

³ *Cencič V. Enigma Kopinič. Beograd, 1983. S. 59, 60.*

свидетельствует о том, что в Коминтерне полностью доверяли Францу Эдуардовичу Бирку, как его называли в России. Это подтверждается и тем фактом, что по важнейшим вопросам его информировали одновременно с Тито. Например, Георгий Димитров 10 августа 1942 г. послал им обоим следующую телеграмму: «Называйте ваши пролетарские бригады не пролетарскими, а ударными, повторяем: ударные бригады. Попытайтесь понять: это имеет огромное политическое значение для объединения народных сил против агрессоров и их приспешников, как в самом государстве, так и в других странах. Вы руководите национально-освободительной войной, которая ведется силами рабочих, крестьян, связанных с народом интеллигентов и других патриотов, а не борьбой пролетариата. Вы всегда должны исходить из этой предпосылки. Прекращайте сами лить воду на мельницу врагов народа, которые со злорадством используют каждую подобную ошибку с вашей стороны»⁴.

Тито никак не прокомментировал эту предостерегающую телеграмму, в которой югославских коммунистов пытались предупредить, дабы они умерили революционный пыл и не возбудили на Западе подозрений, что Советский Союз пытается использовать войну для расширения своего влияния на Балканах. Бирк поддержал ее всецело и ответил немедленно: «Мы получили ваше зашифрованное сообщение. Полностью согласны с вашими указаниями и немедленно приступаем к исправлению ошибки»⁵. Эту готовность повиноваться в Москве сумели оценить. Когда через несколько месяцев в боснийском городке Бихач Тито начал подготовку первого Антифашистского вече национального освобождения Югославии (АВНОЮ), на котором он намеревался провозгласить смену власти в Югославии, Москва насторожилась. Его намерение свергнуть королевское правительство в изгнании, пользовавшееся поддержкой англичан и американцев, а также признанное и Советским Союзом, показалось Сталину слишком дерзким. Он был убежден, что западные союзники интерпретируют такую направленность как доказательство стремления Тито расширить свое

⁴ *Dimitrov G. Diario. Gli anni di Mosca (1934–1945)*. Torino, 2002. S. 494, 495.

⁵ *Ibid.* S. 495; Arhiv Slovenije (далее — AS). Fond Dedijer. T. e. 201.

влияние на Балканах. Дабы подрезать крылья амбициям Тито, Сталин через Коминтерн передал Карделю требование, чтобы коммунисты выступили против стремления Тито стать председателем Исполнительного комитета АВНОЮ. Неизвестно, последовал ли Кардель этим указаниям. Примечательно, как он прокомментировал это событие много лет спустя в разговоре с Владимиром Дедиером. Он сообщил историку, что Советы пытались вбить клин между ним и Тито, и это означает, что в назревавшем между двумя лидерами конфликте он не встал на сторону Сталина⁶. Кардель не желал стать советской марионеткой в КПЮ, что доказывает его выступление на собрании видных активистов народно-освободительной борьбы, состоявшемся в апреле 1943 г. в Словении. Он наметил направления будущего развития социализма в Югославии, причем подчеркнул мысль, что никто не знает, какой путь продиктуют дальнейшие события. «История никогда не повторяется, и мы не можем повторить опыта других (например, большевиков). Наша революция является своеобразной, совершенно новой и оригинальной формой общественной революции»⁷.

Это была смелая идея, опровергавшая тезис о единственно возможном пути строительства социализма по советскому образцу, и в ней уже содержались ключевые моменты главной теории Карделя, которую он развивал в течение многих десятилетий, вплоть до смерти. Исходя из этой позиции, Кардель в последующие годы всегда поддерживал Тито в конфликте со Сталиным и его наследниками, который начался во время войны и разросся после ее окончания. Он изменил себе только один раз, во время так называемого «триестского кризиса». С одобрения Сталина в апреле 1945 г. югославы приняли решение силами Четвертой армии, созданной именно с этой целью, прорваться в Северную Адриатику, захватить Триест и установить новую границу с Италией вместо «рапалльской границы» между государствами 1920 г. После жестоких боев с немцами их воинские подразделения действительно заняли город, что вызвало резкий отпор со стороны западных союзников, которые видели в Тито носителя

⁶ *Pirjevec J. Tito in tovariši. Ljubljana, 2011. S. 121.*

⁷ *Javoršek J. Spomini na Slovence. III. Ljubljana, 1990. S. 236.*

сталинских идей и опасались распространения коммунизма на территории, которые считали своими. Они выдвинули ультиматум с требованием, чтобы партизаны ушли оттуда, но Тито сначала решительно отверг его. Лишь когда стало понятно, что Сталин не собирается поддержать его в конфликте с англичанами и американцами, он уступил, но при этом пришел в негодование. 25 мая 1945 г., во время первого визита в освобожденную Словению, он выступил в Любляне с исторической речью, в которой подчеркнул, что новая Югославия не собирается становиться «разменной монетой» в торге между великими державами. Сталин не прислушался к этой косвенной критике, но через посла в Белграде И.В. Садчикова сделал Тито резкий выговор. В полемику вступил и Э. Кардель. Воспользовавшись подходящим моментом, он высказал советскому представителю ряд критических замечаний по поводу авторитарического поведения Тито, а также выразил свою лояльность, говоря, что Советский Союз должен «видеть в нас представителей одной из будущих советских республик, а не представителей другой страны»⁸. Никогда — ни раньше, ни позже — Кардель не заходил так далеко в своем отношении к Советскому Союзу, поэтому можно предположить, что, скорее всего, это заявление он сделал в момент плохого настроения, оно не отражало изменения его политической линии. Советы также не восприняли его всерьез, поскольку из характеристики Карделя, находящейся в архивах Коминтерна, не убрали примечания, что в конце войны он выступал за то, чтобы Югославия сохраняла нейтральную позицию между Востоком и Западом⁹.

Тито, который обычно не забывал критики в свой адрес, по словам Джиласа, не ставил в упрек Карделю тот разговор с Садчиковым, он сохранил с ним хоть и не душевные, но корректные отношения¹⁰. Обида осталась, но в последующие годы никак не проявлялась просто потому, что маршал — сначала в период в конфликта с Западом, а потом и со Сталиным — нуждался в Карделе и знал, что может на него положиться. Во

⁸ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 382.

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 9.

¹⁰ *Đilas M. Tito. Eine kritische Biographie.* Wien, 1980. S. 234.

время подготовки и проведения Парижской мирной конференции, когда велись споры о новой границе с Италией, Кардель руководил югославской делегацией и тесно сотрудничал с советским министром иностранных дел В.М. Молотовым. Советский Союз в целом поддерживал территориальные притязания Югославии, но лишь тогда, когда они не пересекались с его интересами, обусловленными необходимостью избежать чрезмерного обострения отношений с Западом. Поэтому Молотов был готов идти ему на уступки в ключевых моментах, что сильно оскорбило Карделя, воспринявшего это как предательство. В воспоминаниях Кардель писал, что народы Югославии должны быть благодарны Советскому Союзу за помощь, оказанную им на Парижской мирной конференции, однако не смог удержаться от едкого замечания, что советская делегация шла на «компромиссы [...] иногда без какой-либо нужды, или же слишком быстро, или без определенных встречных уступок»¹¹.

В течение нескольких месяцев после подписания мирного договора с Италией 10 февраля 1947 г. отношения Белграда и Москвы были очень напряженными, прежде всего, из-за вмешательства югославов в гражданскую войну в Греции, которую Сталин считал опасной авантюрой, а также из-за их переговоров с болгарями о создании федерации двух государств, которые проходили без предварительного одобрения «хозяина». О том, что в Москве недовольны югославами, свидетельствует эпизод, произошедший в начале сентября в аэропорту у польского летного городка Шклярска-Поремба, где был созван учредительный съезд Информационного бюро, организации, которая должна была стать связующим звеном между важнейшими коммунистическими партиями в Европе и согласовывать их политические действия. Когда югославская делегация во главе с Карделем и Джиласом вышла из самолета, на котором прилетела, ее никто не встретил. Обоим маститым политикам вместе с сопровождающими пришлось, спасаясь от страшной жары, провести несколько часов в тени под крылом самолета в ожидании каких-либо официальных представите-

¹¹ *Kardelj E. Spomini. Boj za priznanje in neodvisnost nove Jugoslavije, 1944–1957. Ljubljana, 1981. S. 88.*

лей. Очевидно, что это была протокольная «пощечина», такого не могло случиться из-за ошибки¹². Несмотря на этот инцидент, когда на конференции А.А. Жданов заявил, что холодная война неизбежно переродится в вооруженное столкновение между советским и империалистическим блоками, оба, и Кардель и Джилас, отличились «правотворностью» своих выступлений, что, впрочем, не смогло смягчить недовольства Сталина руководителями Югославии и их чересчур самостоятельной политикой. Его терпению пришел конец, когда в конце 1947 г. он узнал, что Тито намерен послать в Албанию армейскую дивизию якобы для защиты ее от Запада. Вооруженные силы западных стран поддерживали афинское правительство против восставших коммунистов. Вышеупомянутое решение, которое Тито принял, не посоветовавшись прежде с СССР, Сталин счел очень опасным, поскольку оно могло спровоцировать конфликт, в который был бы втянут и Советский Союз — из-за договора о взаимопомощи, заключенного с Югославией. Чтобы раз и навсегда разрешить актуальные проблемы в отношениях между государствами, «хозяин» в феврале 1948 г. созвал в Кремле заседание, на которое пригласил Димитрова и Тито. Первый послушно поспешил в Москву, второй сослался на то, что болен, и отправил туда вместе с М. Джиласом и В. Бакаричем также Э. Карделя. Последний не только стал вынужденным свидетелем приступа ярости Сталина на ночном заседании в Кремле, но и пережил один из самых травмирующих и унижительных моментов в своей жизни. Через несколько дней после заседания его неожиданно, посреди ночи, вызвали в Кремль, чтобы подписать с Молотовым двусторонний договор, согласно которому Югославия брала на себя обязательство не предпринимать никаких серьезных внешнеполитических шагов без предварительного согласования с Советским Союзом. Он был настолько взволнован, что подписал документ в том месте, где это должен был сделать Молотов, и его пришлось заново напечатать и повторить торжественное событие¹³.

¹² Fondazione Franca e Franco Basaglia. Fondo Dedijer, Vemezia; *Pirjevec J., Ramšak J.* Od Mašuna do New Yorka, 20. stoletje skozi pričevanja štirih slovenskih diplomatov. Koper, 2014, e-izdaja. pdf. S. 88.

¹³ *Kardelj E.* Op. cit. S. 119.

По возвращении на родину Кардель стал одним из главных сторонников решения Тито не склоняться перед всемогущим Сталиным. Весной 1948 г. Сталин направил обоим — Тито и Карделю — ряд писем, в которых обвинил ведущих югославских коммунистов в идеологических ошибках левого и правого уклона, даже не пытаясь убедить их покаяться. О том, что такая конфронтация делает невозможным примирение с СССР, Кардель говорил ближайшим товарищам уже в середине марта, после первого письма «хозяина»: «Я хорошо знаю русских [...]. Знаю их логику. Они даже фашистами нас объявят, чтобы морально и политически обосновать перед всем миром борьбу против нас. Они бы ликвидировали нас силовым путем, если бы могли это сделать»¹⁴. Поскольку Кардель полагал, что сопротивление диктатуре Сталина важно для развития не только югославского, но и мирового социализма, он настаивал на том, чтобы бросить ему вызов. Кардель понимал, что КПЮ — единственная партия советского блока, о которой можно сказать, что она независима от Москвы, и поэтому Сталин в определенном смысле ее опасается: «Он знал, что мы готовы дать отпор его диктатуре»¹⁵.

Осенью 1948 г., когда после исключения КПЮ из Информбюро раскол между Сталиным и Тито стал очевидным, Кардель, и ранее негласно руководивший внешней политикой Югославии, официально занял должность министра иностранных дел. Уже в новом качестве он принял участие в заседаниях Генеральной Ассамблеи и Организации Объединенных Наций, созванной в сентябре 1948 г. в Париже, а в следующем году — в Нью-Йорке. Если на первой Ассамблее он проводил очень сдержанную политику, чтобы не обострять конфликт с СССР, то на второй он отбросил всякую осторожность и критиковал его, используя весь арсенал имевшихся в его распоряжении средств. В выступлении на всемирном форуме 24 сентября 1949 г. он обвинил Советский Союз в том, что его политическая практика не соответствует возвышенным идеалам, провозгла-

¹⁴ *Dedijer V. Izgubljeni boj J. V. Stalina, 1948–1955. Ljubljana, 1969. S. 231.*

¹⁵ AS. Dedijer. Fond 1979. T. e. 201. Zabeleška o razgovoru druga E. Kardelja z Vladimirom Dedijerjem u Ljubljani, 11. oktober 1978 godine.

шаемым им на международной арене: «Конкретная позиция, которую СССР занял по отношению к Югославии, свидетельствует о том, что правительство СССР не всегда хорошо понимает современные стремления тех, кто выступает за мир и демократию. Мы уважаем позитивные и передовые выступления СССР за мир и мирное сотрудничество между народами, которые мы поддерживали и будем поддерживать впредь, в то же время следует отметить, что по ряду вопросов у СССР слова расходятся с делами, и прежде всего это проявляется в его отношении к ФНРЮ. Нельзя говорить о невмешательстве во внутренние дела других государств и при этом занимать такую позицию, какую Правительство СССР сейчас занимает по отношению к правительству независимого государства, каковым является Югославия. Нельзя говорить о миролюбии и при этом осыпать Югославию подобными угрозами, как это делает правительство СССР»¹⁶.

Благодаря этому и последующим выступлениям Карделя, в Москве его стали воспринимать как врага Советского Союза, тем более что он не ограничился критикой его внешней политики, но вскоре стал главным противником его пути к социализму. Это было болезненно в особенности из-за того, что Кардель, в сентябре 1944 г. награжденный Орденом Ленина, считался в КПСС «наиболее подкованным в марксизме югославским коммунистом»¹⁷. В противовес плановой централизованной экономике, которую ввел Сталин, он провозгласил систему самоуправления, говоря, что необходимо отвергнуть азиатскую модель общества и вернуться к европейским корням социализма. «Заводы рабочим!» — этот лозунг он выдвигал вместе с другими ведущими югославскими идеологами. Уже в начале 1950 г. он пришел к осознанию того, «что Сталина невозможно полностью отделить от Ленина [...] Сталин опирается на Ленина»¹⁸. В лекции «Социалистическая демократия в югославской практике», которую Кардель прочитал в октя-

¹⁶ *Dedijer V. Dokumenti 1948.* Beograd, 1979. Knj. II. S. 341.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 277. Д. 9.

¹⁸ *Dilas M. Jahre der Macht. Kräftepiel hinter dem Eisernen Vorhang. Memoiren, 1945–1966.* Molden-S. Seewald; München, 1983. S. 308.

бре 1954 г. в столице Норвегии Осло, куда приехал как гость местной социал-демократической партии, он, повторяя то, о чем уже говорил двумя годами ранее на VI съезде КПЮ в Загребе, заявил, что зародыши социализма можно найти в капиталистических государствах, как и зародыши капитализма — в социалистических. По его мнению, теория, согласно которой консервативный и прогрессивный лагеря якобы совпадали с границами блоков, была несостоятельной. Это отрицание черно-белого раздела мира на лагерь социализма и лагерь капитализма, а тем паче утверждение, что без демократии нет социализма, привело Советский Союз в сильнейшее раздражение. Его главный идеолог М.А. Суслов, который внимательно следил за выступлениями и статьями Карделя, оценивая вышеупомянутую речь, записал, что Кардель «по всем своим политическим взглядам [...] не коммунист и не марксист-ленинист, а социал-демократ»¹⁹.

Когда после смерти Сталина и победы Н.С. Хрущева в развернувшейся за кремлевскими стенами борьбе за власть началась «оттепель» в отношениях между Москвой и Белградом, Кардель приветствовал нормализацию отношений между двумя государствами, но не между КПЮ и КПСС, во всяком случае, в том виде, в каком ее предложил Хрущев, когда во время знаменитого «покаянного» визита в Югославию в мае 1955 г. заявил, что нет никаких причин, препятствующих тому, чтобы югославские коммунисты вновь вошли в «лагерь» и присоединились к Варшавскому договору. В отличие от Тито, который, особенно после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Сталина, стал восприимчив к «пению московских сирен», Кардель сдержанно относился к примирению на партийном уровне и не скрывал этого. В июне 1956 г. во время визита югославской делегации в Советский Союз, вылившегося в триумф Тито, Кардель держался в стороне, на протокольном уровне его также переместили во второй ряд. Даже западные обозреватели обратили внимание, что на опубликованных в прессе фотографиях, на которых, все еще по сталинскому об-

¹⁹ Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. С. 354.

разцу, политики размещались по степени их значимости, его специально отодвигали на второй план. Свои мысли о Советском Союзе Кардель смог открыто высказать только в конце 1956 г., когда в Венгрии началось антикоммунистическое восстание, которое подавила Красная армия. Хотя югославы поддерживали советскую вооруженную интервенцию как «необходимое зло», поскольку понимали, что провал коммунистического режима в Венгрии станет угрозой и их режиму, однако не смогли удержаться от того, чтобы не приписать развитие событий в соседнем государстве многолетнему воздействию сталинизма, навязанного Советами венграм. Сначала в этом ключе выступил на собрании партактива в Пуле 11 ноября 1956 г. Тито, а затем, 7 декабря в Союзной Скупщине в Белграде, и Кардель. Последний снова резко критиковал СССР, говоря, что в советском обществе утвердилась партийная бюрократия, узурпировавшая власть под лозунгом диктатуры пролетариата. Эта «каста» провозгласила себя коммунистической, в действительности же она осуществляет деспотию, препятствует прогрессу и развитию новой реальности в общественных отношениях. «Если некая партия этого не понимает, она может продолжать бить себя в коммунистическую грудь и похваляться марксизмом-ленинизмом, ссылаясь на свою ведущую историческую роль. Но, несмотря на это, она будет ставить палки в колеса социалистическому развитию. Думать, что партия гарантирует прогрессивный и демократический характер своей власти просто потому, что называется коммунистической, — серьезное антимарксистское заблуждение»²⁰.

Советский Союз с раздражением отреагировал на этот безжалостный диагноз реального положения дел, о чем свидетельствует большая, на две страницы, вводная статья, опубликованная в газете «Правда» 18 декабря 1956 г. В ней «господина» (уже не «товарища») Карделя обозвали апологетом коммунистической ереси²¹. Конечно, это не помешало Карделю по-прежнему отстаивать свои позиции. Он снова их вы-

²⁰ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 408.

²¹ *Kullaa R. E.* From Tito–Stalin Split to Yugoslavia’s Finnish Connection: Neutrality before Non-Alignment 1948–1958. Maryland, 2008. P. 218–219.

сказал на крупном торжестве в честь 50-летия Октябрьской революции, организованном в Москве. На этом мероприятии Н.С. Хрущев хотел провозгласить единство и целостность социалистического блока, которые должно было подтвердить торжественное заявление всех «коммунистических и рабочих партий», находящихся у власти. При этом он рассчитывал на приезд Мао Цзэдуна и Тито, который, по своему обыкновению, в последний момент уклонился от приглашения, сославшись на болезнь. И в этот раз, как и прежде, в 1948 г., он послал в Москву от своего имени делегацию во главе с Карделем. Между Карделем и Хрущевым произошло бурное столкновение, которое не повлияло на решение Карделя не присоединяться к вышеупомянутому заявлению. Конфликт все же настолько измотал ему нервы, что по дороге домой, недалеко от Будапешта, он потерял сознание в поезде²².

Следующий момент крайней напряженности отношений между Карделем и СССР наступил уже весной следующего года, на VII съезде КПЮ. Тот факт, что съезд был созван в Любляне, сам по себе свидетельствует о центральной роли на нем словенского политика. Именно он являлся главным автором новой программы партии, в которой окончательно сформулировал свою теорию строительства социализма. Кардель начал развивать ее еще до разрыва со Сталиным, после же него занялся ее разработкой более интенсивно и решительно. По его мнению, этот процесс не являлся исключительной прерогативой Советского Союза и тех государств, в которых после Второй мировой войны пришли к власти коммунистические и рабочие партии, в нем творчески принимали участие также и государства с политической традицией плюрализма и капиталистической организацией экономики. В Москве эту программу сочли настолько ревизионистской и вызывающей, что в ответ на нее развязали бурную идеологическую полемику, в которую вскоре включились со своими особыми мнениями даже албанцы и китайцы. Кардель не отступил, напротив, в брошюре «Социализм и война», опубликованной в августе 1960 г., он более

²² *Vlahović V. Strogo pov. Neobjavljeni rokopis. Beograd, 1955–1956. IŠ «Stručna knjiga» d. p. S. 165, 166, 197.*

остро сформулировал тезисы, отвергавшие деление мира на социалистическую и капиталистическую части, между которыми неизбежно должен начаться вооруженный конфликт. Словенский идеолог уделил пристальное внимание советскому «гегемонизму» (этим термином югославы обозначали политику Москвы, отвергающую возможность их независимого пути к социализму). Он утверждал, что война между социалистическими странами, цель которой — насильно заставить государство, подвергнувшееся нападению, принять вариант социализма агрессора, неизбежно станет «фактором реакции». Очевидно, что, высказывая это, он думал о СССР. Однако по вопросу о том, является ли неизбежной война между двумя блоками, он был согласен с Хрущевым и поддержал его политику разрядки международной напряженности, отвергнув тезис КНР, что империализм — просто «тигр из бумаги», которого не следует опасаться. Эта позиция, в сущности, отрицавшая неизбежность глобальной революции в современном мире из-за угрозы, которую представляло ядерное оружие для существования человечества, настолько шла вразрез с общепринятыми догмами, что смущала даже югославы. Показательно, что эта брошюра Карделя вскоре была изъята из обращения²³.

В последующие годы на уровне международных отношений произошло сближение Тито и Хрущева, а в области внутренней политики в Югославии начался конфликт между реформаторами во главе с Карделем и консервативными силами, идейным вождем которых был Александр Ранкович, могущественный «хозяин» тайной полиции Управления государственной безопасности. Поскольку Тито склонялся на сторону консерваторов, Кардель оказался в изоляции, существовала даже опасность, что его отстранят от политической жизни. Поскольку в 1961 г. его тяжело ранили на охоте, он стал подозревать, что Тито собирался устранить его физически²⁴. Что характерно для этой ситуации — он не поехал вместе с маршалом с государственным визитом в Москву в конце 1962 г., а отправился в Индонезию, где выступил с тезисами, противоречившими

²³ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. S. 147.

²⁴ Pirjevec J. Op. cit. S. 445–447.

тому, что говорили Тито и Ранкович в Советском Союзе. Помимо прочего, он критиковал «гегемонизм» и назвал его современной формой империализма. Антисоветскую суть этой речи невозможно было пропустить. Советы выразили протест, и это убедило Тито поручить Ранковичу отправить Карделю телеграмму, в которой его позиция подвергалась критике и даже высказывалась угроза, что его дело будет разбирать Контрольная комиссия партии²⁵. Казалось, политической карьере Карделя пришел конец. Однако произошло обратное. Тито стал опасаться слишком большой власти Ранковича и подозревать того в стремлении его свергнуть, поэтому в 1963–1966 гг. он начал поддерживать либеральное течение и дал ему возможность окрепнуть. Этот процесс достиг своей завершающей фазы в 1966 г., когда в результате тщательно подготовленного заговора Ранковича сняли со всех партийных и государственных постов и вынудили уйти на пенсию. В сообщении советского посла в Белграде своему правительству это драматическое событие описано как победа «либеральных тенденций в руководстве СКЮ, выразителем которых является Эдвард Кардель». Речь якобы шла о конфликте между сторонниками неограниченной децентрализации экономики и самоуправления с Ранковичем, требовавшим укрепления партии и государственных органов, а также — между просоветски настроенным сербом и словенцем Карделем, который ищет опору для своих «ошибочных идей» на Западе²⁶.

В течение следующих пяти лет в Югославии развернулся либеральный эксперимент, в ходе которого в ключевых республиках — Сербии, Хорватии и Словении — к власти пришли относительно молодые люди, понимавшие необходимость обновления режима для сохранения жизнеспособности федерации. Решающим для этого периода стал 1968 год, когда Пражская весна была уничтожена государствами — членами Варшавского договора (за исключением Румынии). Интервенция вооруженных сил Советского Союза и его союзников в Чехословакию,

²⁵ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 461.

²⁶ *Pirjevec J.* Iskanje socializma s človeškim obrazom. *Annales.* 2014. Ser. Hist. Sociol. 24, 4. S. 772.

где коммунистическая партия под руководством Александра Дубчека попыталась осуществить реформу, подобную югославской, очень обеспокоила Тито и его товарищей, поскольку им казалось, что тот же самый сценарий могли в любое время применить и к ним. Было понятно, что Москва не может принять успех югославского пути к социализму, ведь это означало бы, что можно достичь светлой коммунистической цели и другим, более гуманным способом, чем тот, что применялся в СССР и его блоке. Страх перед вероятной советской интервенцией и в СФРЮ с августа 1968 г. висел как Дамоклов меч над головами югославского руководства. Наряду с этим, «старая гвардия» во главе с Тито и Карделем стала опасаться «новой гвардии», что обуславливалось ее чересчур дерзким реформаторским пылом и почти не прикрытым желанием отделаться от исторических вождей, годных лишь на то, чтобы стать музейными экспонатами. Вспыхнул и конфликт поколений, вызванный непродуманной политикой хорватских руководителей во главе с Савкой Дабчевич-Кучар и Мико Триполо, которые были убеждены, что во имя достижения своих целей они смогут укротить и обуздать дикого коня хорватского национализма. Поскольку сделать это им не удалось, в конце 1971 г. Тито был вынужден вмешаться и нанести удар государственного масштаба — сместить загребскую правительственную команду и заменить ее своими людьми. Кардель полностью одобрил его авторитарный поступок, поскольку ему казалось, что Хорватия скатывается в пропасть и это ставит под угрозу сами основы социализма. В тех случаях, когда Кардель стоял перед выбором между свободно выраженной волей народа, приобретающей черты анархизма и популизма, и социализмом, даже авторитарного типа, он всегда выбирал социализм. Его восприятие демократии ограничивалось этим рубежом. Он полагал, что в Югославии любой сдвиг в направлении парламентской демократии «неизбежно приведет к победе контрреволюции». «Лучше я увижу русские танки на улицах, чем угрозу достижениям революции со стороны вашей “дубчековщины”», — резко сказал он Савке Дабчевич-Кучар в апреле 1971 г.²⁷

²⁷ Pirjevec J. Op. cit. S. 562.

Падение хорватских либералов вызвало «эффект домино»: осенью 1972 г. и весной 1973 г. от власти отстранили также сербских и словенских либералов. В Югославии воцарилась атмосфера примитивной марксистской ортодоксии, но поскольку Кардель не разделял приверженности к этим догмам, он пытался компенсировать падение «молодой гвардии» и ее либеральных стремлений путем преобразования югославского общества в соответствии со своими утопическими идеями. Последние были основаны на убеждении, что настоящий социализм основывается на прямой народной демократии, причем эта демократия должна утвердиться в рамках четко ограниченной свободы — свободы интересов самоуправления. Гарантиями ее должны были стать компартия и армия, препятствующие ее перерождению в плюрализм мнений. Хотя модель Карделя, которую он в 1974 г. постарался внедрить в новой, уже четвертой, конституции СФРЮ, по-прежнему была монистической, для Москвы она являлась неприемлемой, поскольку отвергала структуру общества, базирующуюся на плановой экономике. На конституцию Карделя, в которой, помимо прочего, провозглашался суверенитет республик в рамках федерации, Москва ответила запрещенным ударом — организацией в начале апреля 1974 г. тайного съезда КПЮ, который в противовес правительственной команде должен был объявить себя легитимным представителем революционной власти. Его собирались использовать в момент кризиса, который, как никто не сомневался, наступил бы после предполагаемой смерти Тито. Благодаря бдительности тайных служб Тито и его сторонникам удалось быстро нейтрализовать этот замысел, но они не поверили заверениям Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, что Москва не имела к нему никакого отношения. Кардель, лично занимавшийся расследованием этих закулисных махинаций, в знак протеста по поводу вмешательства Москвы во внутренние дела Югославии отказался от участия в торжественном праздновании 250-летия Академии наук СССР²⁸.

²⁸ *Pirjevec J.* Op. cit. S. 623.

Это крайне недоверчивое, если не враждебное, отношение к Советскому Союзу было характерной чертой всей политики Карделя. Уже на смертном одре он в письме к Тито прокомментировал заявление М.А. Сулова, что вся советская внешняя политика, начиная с 1917 г. — со сталинского времени включительно, — была стопроцентно правильной. Этот комментарий прозвучал как завещание политика. В нем Кардель утверждал, что вопрос о том, как уберечься от советской опасности, станет самой сложной задачей, которую придется решать не только их современникам, но и будущим поколениям югославам²⁹.

Перевод со словенского Л.А. Кирилиной

²⁹ AS. Dedijer. T. e. 111. Tipkopolis za IV. zvezek Titove biografije. S. 148.

Н.С. Пилько

Экономический путь, альтернативный советскому: Социалистическая Республика Словения в 60-е — 70-е годы XX в.

N.S. Pilko

Alternative to the Soviet economic development path: the Socialist Republic of Slovenia in the 60s — 70s. XX century

Оказавшись в изоляции, ФНРЮ пришлось искать новые пути существования. Тито и его соратники понимали необходимость создания новой экономической системы с учетом тех реалий, которые возникли после разрыва с СССР. Вплоть до смерти Тито в 1980 г. Югославия являлась плацдармом для непрерывного экономического эксперимента. Социалистическая Республика Словения, являясь одной из самых развитых республик Югославии, нередко выступала инициатором различных экономических преобразований в стране. Тезис о нежелании «тянуть на себе отсталые республики и края» стал главным в полемике с центром. Стремление получить экономическую независимость не оставляло равнодушными и интеллигенцию, которая все активнее говорила о необходимости уважения культуры и поддержания самостоятельного культурного развития народов Югославии.

Ключевые слова: Югославия, Словения, экономические реформы, национализм, независимость.

In isolation the FPRY had to look for new ways of existence. Tito and his associates understood the need to create a new economic system, taking into account the realities that arose after the break with the USSR, up until Tito's death in 1980. Yugoslavia was a springboard for an uninterrupted economic experiment. The Socialist Republic of Slovenia, being one of the most developed republics of Yugoslavia, often acted as the initiator of various economic transformations in the country. The thesis of the unwillingness to "pull back the backward republics and territories" became the

main one in polemics with the center. The desire to gain economic independence did not leave indifferent the intellectuals, which spoke more and more about the necessity of respecting the culture and maintaining the independent cultural development of the peoples of Yugoslavia.

Keywords: Yugoslavia, Slovenia, economic reforms, nationalism, independence

Ключевым моментом в формировании собственной экономической системы Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ)¹ явился конфликт с СССР. «Белград, оказавшись вне лагеря “народных демократий”, должен был выбирать между возможностью вернуться в него, но уже на условиях Москвы, либо начать самостоятельное существование во враждебном еще недавно окружении»². Тито выбрал второй путь, который был трудным и тернистым. Поиск новых союзников, налаживание отношений с западными странами, при сохранении приверженности идеям социализма, этнические, экономические и идеологические конфликты время от времени встряхивали югославское общество, несли за собой новые веяния и идеи. Отношения с Советским Союзом вплоть до смерти Сталина были холодными, что дало югославскому руководству карт-бланш для разработки собственной экономической системы, построенной на тесном сотрудничестве с Западом, но, несмотря на это, фундаментом экономики продолжало оставаться учение Маркса. После смерти Сталина отношения между странами сдвинулись с мертвой точки, и начался процесс сближения. Но Югославия продолжала придерживаться избранного ранее своего собственного пути. В одной из своих речей Брежнев отмечал, что «мы не были бы коммунистами, не были бы интернационалистами, если бы не сумели подняться над прошлым и увидеть широкие горизонты нашего времени, осознать общность наших интересов, нашу ответственность в

¹ В апреле 1963 г. была принята новая конституция, в соответствии с которой ФНРЮ была переименована в Социалистическую Федеративную Республику Югославия (СФРЮ).

² *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 304.

общей борьбе за дело мира, социализма и коммунизма»³. В 60–70-е годы XX в. контакты между странами увеличились. Подтверждением тому служили советско-югославские заявления 1965 и 1971 г., совместные коммюнике 1972 и 1973 г. В сентябре 1962 г. с официальным визитом в Югославию побывал председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев, в июне–июле 1965 г. в СССР побывал президент СФРЮ, председатель СКЮ И. Броз Тито, визит Генерального секретаря Л.И. Брежнева в Югославию в 1966 г., в 1971 г. принятое в результате последнего визита Заявление стало новой программой долгосрочного сотрудничества двух стран. В нем в частности отмечалось, что «методы строительства социализма, отражающие опыт и специфику развития отдельных стран, являются делом народов и рабочего класса этих стран и не должны противопоставляться друг другу»⁴. В своей речи Брежнев отметил, что в мире есть различные силы, которые распускают слухи, «будто Югославия — это некая “серая зона”, будто она “уходит на Запад” [...] Думаю, что не следует терять время на опровержение всех этих клеветнических измышлений»⁵. Но действительно ли Югославия оставалась верной союзницей, готовой к плодотворному сотрудничеству. Дальнейшее развитие отношений свидетельствовало о нормализации и сближении. Так в 1972 г. Тито был вручен Орден Ленина за заслуги в совместной борьбе против фашизма, значительный вклад в развитие и укрепление братской дружбы и всесторонних отношений между народами Советского Союза и Югославии, активное участие в борьбе за мир и развитие международного сотрудничества и в связи с 80-летием. За 1973–1975 гг. в СССР побывали югославские партийные руководители, ответные визиты нанесли представители Политбюро ЦК КПСС и секретари ЦК КПСС.

Увеличивалось и сотрудничество в области экономики. К 1973 г. товарооборот составлял 895 млн долл. Советский Союз занимал первое место в югославском экспорте и второе

³ Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1973. Т. 3. С. 409.

⁴ Гиренко Ю.С. Советский Союз — Югославия: традиционная дружба, всестороннее сотрудничество. М., 1975. С. 59.

⁵ Брежнев Л.И. Указ. соч. С. 410–411.

место в общем товарообмене СФРЮ с зарубежными странами. Советский Союз представлял для Югославии рынок для сбыта морских судов, холодильных установок, электротехнического оборудования, цветных металлов, красок, лаков, товаров народного потребления. Кроме того СССР предоставлял СФРЮ кредиты. За 1965–1973 гг. сумма кредитных соглашений составила 800 млн. долл.

Советский Союз смирился с особым экономическим путем, избранным Югославией, хотя некоторые аспекты и критерии вызывали непонимание и критику. В чем же заключалась особенность югославской экономической системы? Что делало ее исключительной и особенной в сравнении с другими социалистическими государствами? Наиболее развитыми республиками СФРЮ были Словения и Хорватия. Экономическое развитие этих республик во многом определило будущее Югославии, государства отягощенного историческим наследием великих империй и мировых войн. Социалистическая Республика Словения являлась передовой республикой не только в экономическом плане. Она была плацдармом для зарождения новых политических веяний и идей, была инициатором реформ, как в области экономики, так и в других сферах, среди которых одной из важнейших был национальный вопрос.

Югославия была многонациональным государством, состоявшим из народов, имевших различную историческую судьбу и связанных либо единым языком (сербы, хорваты, боснийцы и черногорцы), либо общей религией (словенцы и хорваты — католики, сербы, черногорцы и македонцы — православные). Поскольку в социалистической Югославии религия была отодвинута на второй план, главным вопросом, к которому сводились все противоречия, стал национальный. В течение десяти лет после Второй мировой войны югославское правительство не обсуждало национальный вопрос. Преобладало идеологическое клише, что этот вопрос решила югославская революция 1941–1945 гг.⁶ Однако на состоявшемся в апреле 1958 г. в Любляне VII съезде Союза коммунистов Югославии был поднят вопрос

⁶ Терзич С. Старая Сербия. Драма одной европейской цивилизации. М., 2015. С. 245.

о межнациональных отношениях. Согласно новой Программе партии, которая была принята на съезде, было решено уделить особое внимание национальному вопросу. основополагающим принципом провозглашалась индивидуальность, равноправие и право на самоопределение народов Югославии. Как отметил в своем выступлении словенский делегат: «Югославия это федерация равноправных народов и нет ничего пагубного в том, чтобы уважать самостоятельное культурное развитие всех народов»⁷. В Программе также отмечалось, что равноправие касается и вопросов экономики, при этом оговаривалась необходимость проявить заботу о слаборазвитых регионах страны.

В конце 1950-х годов руководящие посты в Социалистической республике Словения заняли представители младшего поколения политиков, которых возглавил Борис Крайгер⁸. По их мнению, наступило время, когда нужно было найти механизмы сосуществования социализма и рынка, провести децентрализацию и обеспечить свободу выбора и как можно больше открыться внешнему миру⁹. Но они считали, что бессмысленно было говорить о большей роли республики в области экономики, пока Союзное исполнительное вече посредством Народного банка Югославии и отдельных банков республик распоряжается большей частью дохода и делит его по политическим критериям. В конце 1961 г. словенское руководство, используя все возможные средства, сумело создать Общій экономический банк Народной Республики Словения, задача которого заключалась в краткосрочном кредитовании внутри республики. Особо было отмечено, что это первый шаг «к укреплению роли республики в области экономики, с которого начался путь к ее самостоятельности»¹⁰.

⁷ *Režek M.* Program ZKJ // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 991.

⁸ Крайгер Борис (Krajger Boris) (1914–1967) — югославский и словенский политический деятель, председатель Исполнительного веча Народной республики Словения. С 1963 г. — заместитель председателя Союзного исполнительного веча Югославии, министр экономики.

⁹ *Prinčič J.* Pot do slovenske narodnogospodarske suverenosti 1945–1991. Ljubljana, 2013. S. 116.

¹⁰ *Prinčič J.* V začarenem krogu. Slovensko gospodarstvo od nove ekonomske politike do velike reforme 1955–1970. Ljubljana, 1999. S. 149.

В начале 1960-х годов Югославия вступила в фазу экономического кризиса, что оживило и обострило межнациональные отношения. Пятилетний план, принятый в декабре 1960 г. не совсем отвечал словенским ожиданиям, однако со стороны других республик последовали жалобы, что именно Словения повлияла на его одобрение и что он приемлем только для развитых частей страны. Для обсуждения создавшейся ситуации в марте 1962 г. Тито созвал расширенное заседание Центрального комитета Союза коммунистов Югославии (ЦК СКЮ). Словению на нем представляли девять человек, среди них Э.Кардель, М. Маринко и Ф. Лесковшек. Заседание не принесло никаких результатов, оно только еще больше обострило противоречия внутри правящей верхушки. Некоторые республики были обвинены в стремлении к разрушению единства внутри СКЮ и в дестабилизации государства. Вскоре состоялись заседания республиканских исполнительных комитетов. В Республике Словения оно прошло в конце марта 1962 г. На заседании представители республиканского правительства заявили о неприятии вмешательства партии в общественные дела и высказались против назначения на все главные посты только ее членов. Кроме того, словенские политические верхи заявили, что их не устраивает, как в средствах массовой информации отражается роль Словении в Народно-освободительной войне, и опровергли обвинения в том, что Республика слишком ориентирована на Запад. Особо отмечалось, что все эти претензии не следует воспринимать как проявление национализма, напротив, это требование уважения законных прав¹¹.

Подобные заявления вызвали критику со стороны СКЮ. Неодобрительно к ним отнесся и Э. Кардель. На заседании Исполнительного комитета СКЮ в апреле 1962 г. Тито заявил, что в Словении разрастается национализм и стремление к отделению, хотя недовольство республики экономической ситуацией и разделом инвестиций вполне понятно. В итоге партийное руководство на IV пленуме ЦК СКЮ (июнь 1962 г.) отказалось от принятого пятилетнего плана. Тито высказался за изменение отношения к слаборазвитым республикам.

¹¹ Režek M. Spopad dveh usmeritev // Slovenska novejša zgodovina. S. 995.

Он подчеркнул, что «нельзя требовать от Словении, чтобы она оставалась на уровне 1941 г. до тех пор, пока все другие республики не достигнут того же уровня. Необходимо помочь отстающим в развитии, если мы хотим получать от них пользу. Чем больше будет иметь Словения, тем больше она сможет дать другим»¹². Для оказания помощи слаборазвитым республикам был создан специальный фонд для кредитования. Изначально планировалось, что это будет кредитное учреждение, главная проблема заключалась в том, что выделяемые средства не контролировались и не всегда использовались для хозяйственных нужд¹³.

Многие понимали, что для стабилизации ситуации в стране, в первую очередь необходимо провести значительные преобразования в сфере экономики. Новая экономическая политика ставила новые цели: достижение более высокого уровня жизни, рост экспорта, стабильный и уравновешенный внутренний рынок, рост материальной помощи слабо развитым республикам. Весной 1963 г. в Словении была создана группа из ведущих экономистов, которую возглавил Александр Байт¹⁴, ее задача заключалась в сотрудничестве с союзными комиссиями в вопросах экономики.

В мае–июне 1964 г. Союзная скупщина представила план развития отдельных отраслей промышленности. Экономическая реформа начала осуществляться в июле 1965 г. Она была направлена на постепенную ликвидацию централизованного экономического устройства с упором на упрощение рыночного механизма. В ее разработке активное участие принимали словенские политики во главе с Борисом Крайгером. Крайгер не относился к реформе как к механическому действию и сумме определенных мер, он видел в ней серьезную попытку основательных системных изменений. По его словам, Югославия в своем развитии достигла той точки, в которой экономика за-

¹² Četrtri plenum SK ZKJ. Ljubljana, 1962. S. 11.

¹³ Букови Р. Региональная проблема социалистической Югославии в 1945–1991 гг. // Вестник Мордовского университета. 2014. № 3. С. 139.

¹⁴ Александр Байт (Bajt) (1921–2000) — профессор политической экономики на Правовом факультете Люблянского университета. Основал Экономический институт правового факультета и возглавлял его с 1963 по 1993 г.

крытого югославского рынка не могла более успешно развиваться. Он отметил, что главной целью реформы должно стать значительное расширение рынка¹⁵. В целом реформа предусматривала изменения в ценовых отношениях, укрепление третичного сектора экономики, модернизацию системы отношений с заграницей с изменением курса динара, ограничительную денежно-кредитную политику, изменение налоговой системы, уравнивание расходов и доходов, постепенное создание конвертируемости динара и новое отношение к неразвитым республикам и краям¹⁶. Были также приняты следующие решения: сделать динар конвертируемым, повысить финансовую компетентность республик, банков и предприятий. Первая фаза реформ длилась до конца 1966 г. Ее последствия были весьма благоприятны. Остановился рост цен, повысились доходы населения и производительность, в промышленности началось использование новых технологий.

13 июня 1966 г. Союзная скупщина приняла новый Ответственный план экономического развития Югославии в 1966–1970 гг. Согласно плану необходимо было увеличить средства, выделяемые на модернизацию, улучшить организацию производства, увеличить импорт и производительность. Это был первый план, который давал больше свободы регионам. В Словении с воодушевлением приняли известие об изменении экономического курса. Однако трагическая гибель Крайгера в январе 1967 г. привела к тому, что реформа застопорилась и вскоре реформаторский пыл утих. К концу 1967 г. экономика оказалась перегруженной. Все чаще стали говорить о необходимости прекратить реформу, пока государство не оказалось перед глубоким экономическим кризисом. В 1971 г. она была прекращена. Словении реформа принесла больше вреда, нежели пользы. В период с 1964 по 1967 г. рост производства значительно снизился. Многие крупные промышленные предприятия после реформы 1965 г. оказались на грани закрытия. Среди них были Энергохимический комбинат Веленье и Искра, некоторые металлургические заводы продолжали

¹⁵ *Prinčič J.* Gospodarska reforma // Slovenska novejša zgodovina. S. 1046.

¹⁶ *Prinčič J.* Pot do slovenske narodnogospodarske suverenosti... S. 122.

функционировать только благодаря заказам армии. Но вскоре и комбинат Веленье был закрыт. Решение о его ликвидации приняло словенское Исполнительное вече, которое с мая 1967 г. возглавлял С. Каучич¹⁷. Он придерживался новой концепции экономического развития, которая заключалась в повышении внимания к тем отраслям промышленности, которые давали возможность быстрого оборота капитала. Он считал, что в Словении не стоит увеличивать строительство больших промышленных объектов, для которых не хватало ресурсов, а напротив особое внимание следует уделить банковским структурам, туризму, транспортной инфраструктуре, торговле, а также тем сферам деятельности, которые базируются на науке, знаниях, интеллектуальных способностях. Сюда он относил инженерные разработки, дизайнерские инновации и менеджмент¹⁸. Эта концепция не вписывалась в реалии того времени, поскольку она касалась только республиканских интересов, и практически игнорировала задачи, которые ставились перед страной как таковой. Словенские партийные функционеры некоторое время поддерживали идеи Каучича, однако восхваление рыночной экономики, его стремление установить непосредственные экономические связи между республиками, а также предложение наладить торговые отношения с зарубежьем, минуя мнение Белграда, вызвали в итоге осуждение. Что касается межреспубликанских отношений, то он полагал, что «нормальные» межнациональные отношения возможны, только если будут установлены «здоровые» экономические отношения. А это, по его словам означало, что республикам должна принадлежать та часть общественного продукта, которую внесла их экономика¹⁹.

В это же время одним из острых вопросов межнациональных отношений становится так называемый «языковой во-

¹⁷ Каучич Стане (Kavčič Stane) (1919–1987) — словенский политик. Сторонник полицентризма, экономического либерализма. 1967–1972 гг. — председатель словенского правительства (председатель исполнительного совета Скупщины СРС), 1969–1972 гг. — член президиума СКЮ.

¹⁸ *Vodopivec P. Od Pohlinove Slovenice do samostojne države: slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja.* Ljubljana, 2006. S. 377–378.

¹⁹ *Prinčič J. Pot do slovenske narodnogospodarske suverenosti...* S. 123.

прос». Особый ажиотаж вызвала банкнота в 5 тыс. динар, на которой «Словения» была написана кириллицей, в то время как на банкноте 1955 г. надпись была сделана латиницей. Данный факт вызвал нарекания словенских депутатов в Союзной скупщине²⁰. Вообще вопрос о равноправности языков во второй половине 60-х гг. стоял очень остро. Словенскую сторону раздражало, что в общественной жизни, в политике и в общих беседах с представителями политических кругов из других республик преобладал сербскохорватский язык. Особые нарекания вызывало словенское телевидение, где большинство программ, а также новости передавались не на словенском языке. В феврале 1967 г. в открытом письме, опубликованном в газетах «Delo» («Дело», «Труд»), «Večer» («Вечер») и «Nedeljski dnevnik» («Недельски дневник», «Воскресный дневник»), представители Общества словенских писателей, Института словенского языка и словенского ПЭН клуба выразили протест против этого²¹. Они требовали, чтобы как можно больше передач было на словенском языке. Их поддержал Э. Кардель. 15 апреля 1968 г. на ljubljanskом телевидении вышел первый вечерний выпуск новостей на словенском.

IX Съезд СКЮ начал работу в марте 1969 г. По мнению Биланджича, Съезд состоялся в период демократизации политической жизни. В это время происходил переход от централистско-этактистской системы к системе более свободного функционирования рынка и к более свободным отношениям с мировой экономикой²². Однако проблема распределения прибыли между субъектами Федерации продолжала стоять остро. Тито указал на то, что очень часто, когда речь заходит о распределении инвестиций, возникающая вокруг этого полемика приобретает характер межнациональных отношений. «Если появляются некие замечания относительно каких-то экономически необоснованных инвестиций, реакция на них иногда доходит до националистических выпадов. Не всегда рассма-

²⁰ Čepič Z. Federaliziranje federacije 1967–1971 / Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. S. 1053.

²¹ Ibid. S.1054.

²² Bilandžić D., Tonković S. Samoupravljanje. 1950–1974. Zagreb, 1974. S. 146.

тривается только экономическая сторона, а экономические проблемы облачают в национальные одежды»²³, — отметил он. По его мнению, негативное влияние на экономику оказывает и нездоровое соперничество между республиками. «Очень часто у нас происходит следующее: если кто-то видит, что в одной из республик какая-то фабрика в настоящее время высоко рентабельна, он сразу же хочет, чтобы в его республике была построена такая же фабрика, при этом в расчет не берется настоящее положение дел и экономическая перспектива»²⁴. Не желая видеть реалии или из-за неспособности трезво оценить современную ситуацию в стране Тито продолжал апеллировать к временам Второй мировой войны, пытаясь найти корень зла в прошлом, а не в своей политике. В частности он отмечал: «Разные националистические элементы, усташи, четники и белогардисты, связанные с остатками самых реакционных групп из церковных кругов, распространяют национализм и шовинизм, ведут открытую борьбу против социалистических общественных отношений и строительства коммунизма в нашей стране»²⁵. И далее: «Необходимо осознавать, что эти силы не успокоились, напротив, их деструктивная активность в последнее время увеличилась из-за того, что Союз коммунистов слишком много занимается собой и слишком мало ангажирован в идейной борьбе»²⁶. IX съезд прошел под знаком утверждения национального фактора в общественном развитии. Отражая существующую тенденцию превращения республик в государства в рамках Федерации, резолюция подчеркивала: «Необходимо защитить право наций, соответственно рабочих людей в социалистических республиках распоряжаться результатами своего труда. В рамках единого югославского рынка все инструменты экономической системы необходимо разработать так, чтобы они обеспечивали осуществление этого принципа»²⁷. В резолюции также отмечалось, что СКЮ нельзя рассматривать как

²³ Deveti kongres Saveza komunista Jugoslavije. Beograd, 1969. S. 75.

²⁴ Ibid. S. 76.

²⁵ Ibid. S. 51.

²⁶ Ibid.

²⁷ Bilandžić D., Tonković S. Op. cit. S. 150.

некую наднациональную организацию, которая превращает республиканские организации в своего проводника, СКЮ осуществляет творческий идейно-политический синтез взглядов, деятельность и инициативы СК социалистических республик. Очевидно для того, чтобы показать движение СКЮ вперед, на съезде был принят новый Устав партии и упразднен ЦК²⁸.

Яркой иллюстрацией всего сказанного на съезде стала так называемая «дорожная афера», которая породила волну рассуждений о месте Словении в Федерации, о ее перспективах и реалиях. Конфликт разгорелся из-за отказа центра в выделении Республике средств на строительство двух автомобильных дорог между населенными пунктами Хоче-Левец и Раздрто-Постойна. 21 июля 1969 г. информационное агентство ТАНЮГ сообщило, что Словении не будет выделен кредит на строительство этих дорог. Спустя пять дней в газете «Večer» вышла статья, в которой отмечалось, что словенцы не довольны подобным решением. 31 июля состоялось внеочередное заседание словенского Исполнительного веча, на котором было составлено письмо в адрес М. Рибичича²⁹ с требованием пересмотреть решения и учесть интересы словенской стороны. Это был первый случай, когда Республика открыто выступила против решения федерального правительства. Главным аргументом для выражения недовольства было то, что она слишком мало получала от государства на развитие инфраструктуры. Так, в частности, на тот момент Словения строила аэропорт и порт в Копере на свои деньги, в то время как другие республики получали значительную поддержку государства. В 40 словенских общинах, которые были заинтересованы в строительстве дорог прошли митинги. Политические круги и общественность осудили Словению, назвав подобные выпады проявлением национализма, который угрожает целостности Югославии³⁰.

²⁸ Съезд упразднил ЦК и создал вместо него Президиум СКЮ. Было образовано исполнительное бюро Президиума СКЮ.

²⁹ Митя Рибичич (Mitja Ribičič) (1919–2013) — югославский (словенский) политический деятель, один из руководителей СФРЮ, председатель Союзного исполнительного веча СФРЮ (1969–1971), председатель Президиума Центрального комитета Коммунистической партии Югославии (1982–1983), председатель комитета госбезопасности СФРЮ (OZNA).

³⁰ Čepič Z. Politična sprostitve // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. S. 1060.

7 августа на Бриони было созвано заседание Исполнительного бюро, на которое была приглашена и словенская сторона. Тито подверг критике действия руководства республики и Каучича в частности. После этого в политической элите Республики произошел раскол. С одной стороны были так называемые «либераль» во главе с Каучичем, с другой — «консерваторы», сплотившиеся вокруг Франца Попита³¹, которого поддерживал Кардель. Словению обвинили в том, что она стремится к привилегированному положению в стране.

Централистская политика в 1960-е годы стала основной причиной столкновения руководства республик с центральным руководством. Главной экономической причиной межнациональных споров в Югославии было то, что федеральное государство собирало огромные материальные средства и перераспределяло их по республикам на собственное усмотрение. Федеральное правительство указывало и как распоряжаться средствами, которые остались в других субъектах, экономических предприятиях, республиках и коммунах³².

В книге Биланджича и Тонковича «Самоуправление» отмечалось, что всеобъемлющая законодательная функция федерации задушила республиканскую государственность. Известно, что в природе каждого национального характера любой нации есть стремление к самостоятельному контролю над общественными отношениями и самовыражению, оформленному в виде государственного суверенитета. Централистское государство было слишком тесным для подобных стремлений³³.

В 1970 г. союзные и республиканские партийные комиссии по общественно-экономическим отношениям и экономической политике начали обсуждение вопросов финансирования в виде взносов. В ходе переговоров возникла идея, согласно которой, каждая республика вносила бы фиксированный взнос, установленный межреспубликанским договором. Каучич под-

³¹ Попит Франце (France Popit) (1921–2013) — словенский политический деятель, с 1968 по 1982 гг. — председатель ЦК СКС, с 1984 по 1988 гг. — председатель Президиума ЦК СКС.

³² *Bilandžič D., Tonkovič S. Op. cit. S. 152.*

³³ *Ibid. S. 152.*

держивал инициативу, но предложил позволить каждой республике самой решать, откуда брать деньги³⁴.

В 1971 г. была принята 20-я конституционная поправка, согласно которой Федерация определялась как посредник при договорах о совместных делах. Республика обозначалась как государство, которое базировалось на основе суверенности народа и на самоуправлении рабочего класса. Союзная скупщина к тому же приняла закон, согласно которому ликвидировался государственный капитал и закон о переносе прав и обязанностей Федерации по экономическим инвестициям на республики³⁵.

Однако, несмотря на все эти изменения, Стане Каучич продолжил борьбу за рыночные цены. На заседании республиканского Исполнительного веча 26 января 1972 г. он отметил, что в союзных органах начинаются обсуждения отмены заморозки цен, но у Словении нет средств покрывать издержки, которые появятся в этом случае³⁶.

В 1970-е годы партия начала терять свои позиции в политике и обществе. Внутри партии стали образовываться критически настроенные группы. Кроме того, те, кто находился в оппозиции, нередко апеллировали к национализму. Несомненно, подобные тенденции вызывали озабоченность Тито и он пытался нивелировать складывающуюся обстановку когда уступками, а когда резкими действиями. На 17-м заседании Президиума Союза коммунистов Югославии (СКЮ) было вынесено заключение, что «национализм — это база для сбора всех антикоммунистических сил, с тем чтобы подорвать веру в единство народов и народностей Югославии и он ведет к подрыву единства СКЮ»³⁷. 22 апреля 1970 г. при Президиуме СКЮ была создана рабочая группа по актуальным вопросам. Возглавил группу Эдвард Кардель. Он предложил дальнейшую демокра-

³⁴ *Prinčič J.* Pot do slovenske narodnogospodarske suverenosti... S. 126.

³⁵ *Ibidem.*

³⁶ *Prinčič J., Borak N.* Iz reforme v reformo. Slovensko gospodarstvo 1970–1991. Ljubljana, 2006. S. 186.

³⁷ *Bilandžić D.* Zgodovina Socialistične federativne republike Jugoslavije. Glavni procesi. Ljubljana, 1980. S. 408.

тизацию системы скупщин путем большей интеграции с самоуправленческой базой рабочих организаций и коммун, что явилось бы, по его мнению, полной противоположностью классической парламентской системе. Скупщины должны были стать центром сбора всех главных сил и оказывать влияние на сознание широких общественных масс. Они бы стали местом непосредственных переговоров с делегатами от коммун³⁸. Был очевиден конфликт самоуправленческой доктрины и монополии на власть Федерации. Любой шаг в осуществлении самоуправления был одновременно шагом к ослаблению федеральной централистской власти, а шаг к увеличению автономии республик и всех остальных субъектов вел к усилению общественной силы республиканских политических центров, которые больше не желали мириться с ролью передаточного аппарата союзного центра³⁹.

Укрепление централизма все больше стимулировало возрождение постепенно уходящих в прошлое исторических концепций. Для того чтобы хоть как-то нивелировать неблагоприятное развитие общества, Тито несколько раз в 1970 г. подчеркнул, что отношения между республиками должны строиться на новых принципах, используя так называемые чистые экономические расчеты. Летом 1970 г. он предложил разработать проект конституционной реформы Федерации.

Стане Каучич поддерживал политику чистых расчетов, только он стремился к тому, чтобы она была реализована, а не оставалась на бумаге. Он также ввел в оборот понятие национальная экономика в контексте признания за республиками права отстаивать свои экономические интересы. Подобные идеи вызвали критику ЦК и в 1972 г. он был вынужден покинуть политическую арену. Его место занял Франце Попит, который считал, что экономика не должна строиться на голом расчете, должна присутствовать политика и связанное с ней удовлетворение государственных интересов⁴⁰.

³⁸ *Ragus M.* Parlamentarne prakse socialistične Jugoslavije. Ljubljana, 2016. S. 294.

³⁹ *Bilandžič D., Tonkovič S.* Op. cit. S. 153.

⁴⁰ *Prinčič J.* Pot do slovenske narodnogospodarske suverenosti... S. 131.

В декабре 1970 г. начала работу комиссия по конституционным вопросам, в рамках которой особая роль уделялась Координационной комиссии под руководством Эдварда Карделя. Конференция СКЮ 29–31 октября согласилась с реформированием Федерации. В заключении было сказано: «Необходимо сделать следующий шаг в направлении строительства Федерации, где государственность и суверенитет каждой республики и края будут крепостью для равноправия народов и народностей Югославии»⁴¹. Конституционные поправки 1971 г. ликвидировали право Федерации на инвестирование, это имело важное значение, поскольку на монополии распределения инвестиций была построена политическая сила федеративного государства. Реформа конституции 1971 г. изменила принцип принятия решений. Появляются области, в которых Федерация не может принять решения без согласия всех республик и краев. Сюда входят: монетарная система и эмиссия денег, валютная система, кредитные отношения с границей, таможенная защита, контроль над ценами, помощь слаборазвитым регионам, финансирование Федерации⁴².

Вместе с инициативой разработки поправок к конституции Тито предложил создать новый орган — Президиум СФРЮ. В нем должны были быть представлены в равных пропорциях представители республик и краев, и этот орган должен был отвечать за все, что происходило в стране. По мнению Тито СКЮ была слишком обременена решением экономических проблем, а создание Президиума СФРЮ позволило бы несколько разгрузить партию, которая занялась бы более плотно идеологией и проблемой идеологического развития общества⁴³.

Преобразования не дали желаемого результата. Весной 1971 г. в Хорватии открыто заявили о национальных интересах, назвав Югославию «тюрьмой» хорватского народа. 4 июля Тито встретился с хорватским руководством и заявил, что подобные проявления — это вопрос классовый борьбы, в которой победит либо национализм, либо социализм. По мнению сло-

⁴¹ *Bilandžić D., Tonković S.* Op. cit. S. 155.

⁴² *Ibid.* S. 156–157.

⁴³ *Ragus M.* Op. cit. S. 291.

венского исследователя М. Рангуса, схожие настроения в Словении также присутствовали, и проявились в так называемой «дорожной афере» в 1969 г., о которой говорилось выше. На 21-м заседании Президиума СКЮ в декабре 1971 г. национализм был осужден, и Президиум получил право вмешиваться в дела республиканского руководства. 29 июня 1972 г. общая комиссия скупщины по вопросам конституции приняла решение изменить конституцию, которая была провозглашена спустя два года 21 февраля 1974 г.

X съезд Союза коммунистов Югославии состоялся в Белграде 27–30 мая 1974 г. В своей речи Тито говорил о многих политических проблемах и о недостатках экономики страны. Он отметил, что необходимо создать благоприятные условия для роста занятости, поскольку много тех, кто не может получить быстро работу, не говоря уже о большом количестве людей, работающих за границей⁴⁴. «Мы, конечно, — отметил он, — в настоящих условиях должны уважать рынок и возможности мирового рынка. Но мы не можем ключевые вопросы нашего развития предоставить стихии. Принимая во внимание объективные возможности, потребности и легальность производства, мы должны планированием, основанном на самоуправлении, направлять развитие и гармонизировать основные отношения в общественном воспроизводстве»⁴⁵. Тито не обошел вниманием и национализм, в частности, он отметил, что «мы должны постоянно энергично бороться против всех общественных и идейных источников национализма»⁴⁶. Новая конституция создала в своем роде единственную в мире федеративную систему. Равноправие и солидарность между народами и народностями основанное на социалистических самоуправленческих отношениях провозглашалось ее главной сутью⁴⁷. В социалистических самоуправленческих отношениях интересы рабочего класса становились интересами нации, а интересы нации — интересами класса⁴⁸.

⁴⁴ Deseti kongres SKJ. Dokumenti. Beograd, 1975. S. 23.

⁴⁵ Ibid. S. 34.

⁴⁶ Ibid. S. 38.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

Примечательной является и геополитическая позиция Тито, он, очевидно пытаясь сдержать сепаратистские настроения, указал на внешнюю угрозу. «Югославия в военном смысле занимает значительную геостратегическую территорию. Через нашу страну проходят важные стратегические направления, из Европы на Ближний Восток, Средиземноморье и Северную Африку. Наше приморское положение весьма значительно, и все, что может произойти на Средиземноморье, непосредственно коснется и нас. Поэтому в этой части мира постоянно присутствуют интересы империалистических и реакционных сил, и это является источником интереса к нашим землям»⁴⁹.

Однако бесконечные упоминания о заслугах революции, о ведущей роли Коммунистической партии через 30 лет уже воспринимались обществом как анахронизм. Тито превратился в символ, но он не воспринимался уже как руководитель. Те, кто стремился построить свою карьеру, принимали правила игры. Но нельзя было не заметить, что более молодое поколение хотело обновления идеологии. Партия не хотела адаптироваться к новому времени, хотя постоянно говорилось о том, что необходимо привлекать как можно активнее молодежь. «Мы еще не можем сказать, что преодолены серьезные трудности в сотрудничестве Союза коммунистов с молодежью»⁵⁰. Если мы хотим, чтобы наш Союз коммунистов был идейно и политически монолитен и силен в действии, а мы этого хотим, и этого хочет рабочий класс, тогда мы должны и дальше быть бдительны и решительны, и впредь делать невозможным проявления фракционизма, болезни, которая в нашем СКЮ чуть было не получила широкого распространения»⁵¹. Югославия — демократическая страна, и наш Союз коммунистов — демократическая, революционная, политическая организация, но для врагов нашей революции и социалистического самоуправления — нет демократии»⁵².

⁴⁹ Deseti kongres SKJ. Dokumenti. Beograd, 1975. S. 39.

⁵⁰ Ibid. S. 43–45.

⁵¹ Ibid. S. 49.

⁵² Ibid. S. 50.

Необходимость новой конституции объяснялась стремлением создать защитный механизм для социализма и социалистического самоуправления в Югославии, который должен был ликвидировать слабые места в системе самоуправления. Конституция состояла из 406 статей, где были подробно прописаны основы организации общественно-экономической жизни. Согласно ее тексту все средства производства находились в общественной собственности, предоставленной в пользование объединениям трудящихся, которые образовывали так называемые «первичные организации объединенного труда». Конституция значительно расширила права союзных республик. Республики и края превратились, по сути, в независимые государственные образования и в сфере экономики, и в сфере государственно-политических прав. Это привело к тому, что единая экономическая система в стране перестала существовать. Сокращался межреспубликанский товарооборот. Республики теперь контролировали свыше половины цен на выпускаемую продукцию и стремились продавать ее по максимально завышенным ценам, что приводило к инфляции. Существует мнение, что это была конституция, которая сделала шаг вперед в идеологическом плане по сравнению с конституцией 1963 г. и шаг назад от демократии, о чем свидетельствовал пункт 139, в котором говорилось, что «в скупщины общественно-политических содружеств направляют своих делегатов рабочие и другие трудящиеся и граждане, организованные в общественно-политических организациях, которые объединены в Социалистическом союзе трудового народа, или же являются членами организаций Социалистического союза трудового народа»⁵³. Тем самым права стать делегатом лишались все те, кто не был членом Социалистического союза трудового народа, что в свою очередь вносило некое неравенство среди граждан⁵⁴. В одной из брошюр того времени, пояснявшей смысл проведенной конституционной реформы, говорилось, что социалистические республики, из которых состоит Федерация,

⁵³ Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия. Белград, 1974.

⁵⁴ *Ragus M.* Op. cit. S. 320.

являются государствами, в которых осуществляется право народов на собственные национальные государства⁵⁵. По мнению словенского историка Боже Репе, конституция 1974 г. впервые после войны в целом удовлетворила словенцев в области межнациональных отношений, но только на десять лет, поскольку стало ясно, что призрачной Федерации не достаточно для того, чтобы обеспечить ее стабильное функционирование⁵⁶. Таким образом, федеративная структура без федеративных процессов способствовала скорее подавлению этнических конфликтов, а не их решению.

Значительный урон экономике страны нанес нефтяной кризис 1978 г. и плохой урожай. Инфляция в это время приближалась к 30%, а импорт превышал экспорт на 50%. Подрыву экономики Югославии способствовал и большой внешний долг. В начале 1980-х годов он составил 40% всех валютных поступлений⁵⁷. Все это привело к тому, что Югославия оказалась не способной окупать свои потребности в нефти и сырье. С углублением кризиса усилилось различие в уровне жизни республик. А это, в свою очередь, вело страну к новому более острому политическому кризису. Все силы были брошены на сохранение коммунистического режима, который пока не сильно, но пошатнулся. Прежде всего, его дестабилизировали те элементы, которые стремились поставить экономику Югославии на рыночные рельсы. С ними и началась главная борьба. Стремясь повысить значимость партии, югославская верхушка начала популяризировать учения Маркса. С этой целью создавались различные школы и кружки на предприятиях. В 1977 г. вышла книга Карделя «Пути развития политической системы социалистического самоуправления»⁵⁸. В книге давалось объяснение сущности и характера самоуправления. Текст книги, довольно сложный для человека не слишком разбирающегося

⁵⁵ Пашич Н. Общественно-политическая система СФРЮ. Белград, 1975. С. 21.

⁵⁶ Repe B. Slovenci in federacija v času od Titove smrti do plebiscita o neodvisnosti Slovenije // Mikužev zbornik. Ljubljana, 1999. S. 231.

⁵⁷ Vodopivec P. Op. cit. S. 382.

⁵⁸ Kardelj E. Pravci razvoja političkog sistema socijalističkog samoupravljanja. Beograd, 1978.

в политической терминологии, был непонятен. Все эти меры привели к недовольству тех слоев населения, которые усмотрели в укреплении централизма стремление к ограничению свободы. В середине 1970-х годов словенский поэт Э. Коцбек издал небольшую брошюру, в которой рассказал о своем опыте общения со словенскими партийными функционерами, а также выразил мнение относительно гражданской войны, которая разразилась на территории Словении в ходе Второй мировой войны, и о расправе с врагами Народно-освободительного движения. Книга вызвала большой резонанс. Против Коцбека развернулась информационная война⁵⁹. Все это было первыми предвестниками приближающегося краха государства. Одну из главных ролей в этом процессе сыграла интеллигенция, передовой слой общества, получивший достойное образование и умеющий мыслить не только категориями своего городка, а видящий более широко, умеющий сопоставлять факты, исторические и политические события. «Сербские и словенские интеллектуалы сыграли важную роль в объяснении государственного и общественного кризиса, который сотрясал Югославию. Их участие сводилось к серьезным историческим реминисценциям, и они стали одними из главных действующих лиц в создании нового исторического сознания, которое и привело к распаду Югославии»⁶⁰.

Таким образом, Югославия начала скатываться в кризис еще при Тито. К 1980 г. инфляция составляла 20%, югославский динар девальвировал на 30%. Банки столкнулись с проблемой выплат внешних долгов, а население — с дефицитом горючего и некоторых бытовых товаров⁶¹. Оставлял желать лучшего и не решенный до конца национальный вопрос. Особо остро он стоял в Косово, где в 1981 г. начались массовые демонстрации албанцев, которые требовали для себя таких же прав, как и у других народов СФРЮ. Главным было требова-

⁵⁹ *Vodopivec P.* Op. cit. S. 418–419.

⁶⁰ *Николић К.* Српски и словеначки интелектуалци уочи распада Југославије 1986–1989 // Токови историје. Београд Бр. 1/2016

⁶¹ *Razhajanja po Titovi smrti.* 1980–1989 // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. S. 1149.

ние наделить Косово статусом республики. Югославское правительство оценило подобные действия как контрреволюцию и решило применить репрессивные меры. События в Косово подогрели националистические настроения в других республиках.

В преддверии смерти Тито умирала и его Югославия. Ее гибель была заложена в Конституции 1974 г. С 1976 по 1980 г. ее внешний долг возрос до 20 млрд долларов. Торговый дефицит в 1979 г. составлял 7 млрд 225 млн долларов, а платежный дефицит — 3 млрд 326 млн долларов. Страна, которая относилась к разряду самых развитых европейских держав, теперь оказалась в одном ряду с Румынией, Болгарией, Албанией. В 1979 г. она уже не могла больше выплачивать иностранные кредиты, поэтому Международный банк и Международный валютный фонд начали оказывать на нее давление⁶².

В справочной брошюре «Актуальные проблемы межнациональных отношений в СФРЮ» отмечалось, что в основе национальной нестабильности в Югославии лежат специфические условия социально-экономического и политического развития отдельных национальностей на протяжении длительного исторического развития отдельных народов⁶³. Катализатором обострения ситуации в СФРЮ в сфере межнациональных отношений ряд югославских ученых того времени считал поправки к конституции СФРЮ 1968–1971 гг. и конституцию 1974 г., приведшие к дезинтеграции Сербии как федеральной единицы и по сути превратившие республики в равноправные единицы союзного государства, в союз государств⁶⁴. Таким образом, Югославия в 60-е и 70-е гг. уже не была единым целым. Более развитые республики пытались тянуть одеяло на себя, тем самым дестабилизируя государство. А попытки центра идти на уступки в плане экономики еще больше расшатывали основы Федерации.

⁶² Джуретич В. Развал Югославии. М., 2003. С. 379.

⁶³ Актуальные проблемы межнациональных отношений в СФРЮ. М., 1989. С. 4.

⁶⁴ Там же. С. 6.

III. Взаимо- действие культур

И.В. Чуркина

Журнал «Ljubljanski zvon» о русской культуре (1899–1914 гг.)

I.V. Churkina

The Russian theme in the Ljubljana Zvon (1899–1914)

В статье рассказывается о некоторых аспектах деятельности словенского либерального журнала «Ljubljanski zvon» в 1899–1914 гг. Он имел важное значение для развития словенской литературы, способствуя утверждению в ней реализма и развитию литературной критики. Журнал сыграл большую роль в ознакомлении словенской общественности с русской культурой, прежде всего, с литературой.

Ключевые слова: антиклерикализм, русофильство, А. Ашкерц, И. Приятель, русско-словенские связи.

The article describes some aspects of the activity of the Slovenian liberal magazine “Ljubljanski Zvon” in 1899–1914. It was important for the development of Slovenian literature, contributing to the establishment in it of realism and the development of literary criticism. The journal played a major role in acquainting the Slovenian public with Russian culture, primarily with literature.

Keywords: anticlericalism, Russophilia, A. Ashkerz, I. Priyatel, Russian-Slovenian relations.

Журнал «Ljubljanski zvon» («Люблянски звон», «Люблянский колокол») просуществовал 60 лет (с 1881 по 1941 г.), и все это время он являлся литературным центром словенцев. «То, чем были “Novice” для словенского языка, тем стал “Zvon” для словенской литературы», — писал Й. Томиншек в статье, посвященной двадцатипятилетнему юбилею со дня основания журнала. Отмечая заслуги издания, Томиншек подчеркивал, что он взрастил словенскую литературную критику, дает богатый материал истории словенской литературы, счастливо

объединяет на своих страницах литературу и науку»¹. С этой оценкой вполне можно согласиться, добавив, что «Ljubljanski zvon» сыграл большую роль в развитии словенского реализма, в знакомстве словенской общественности с литературами других европейских стран.

Журнал был основан в 1881 г., когда в результате победы России в войне (1877–1878 г.) с Османской империей были освобождены болгары от турецкого ига, а Сербия и Черногория официально признаны независимыми. Эти события способствовали резкому усилению русофильских настроений словенского общества, особенно ее либеральной части. Словенская либеральная газета «Slovenski narod» («Словенский народ», «Словенский народ») и новый литературный журнал «Ljubljanski zvon» активно пропагандировали на своих страницах русскую политику, русскую культуру. В 1880-е годы в журнале «Ljubljanski zvon» печатались обширные статьи Ф. Целестина и К. Штрекеля о русских писателях, многочисленные некрологи русским литераторам, ученым, политическим деятелям. В 1882 г. из-за столь активного русофильства начались гонения на словенскую либеральную прессу со стороны австрийских властей и католической церкви. Из-за них «Ljubljanski zvon» покинули католические писатели, уменьшилось количество материалов, посвященных России. Но уже в 1890-е годы журнал стал чаще обращаться к русской тематике. В это время вышло несколько рецензий на труды русских ученых. Так, анонимный автор поместил обширную рецензию на книгу П.А. Кулаковского «Иллиризм», изданную в Варшаве². Два отзыва написал молодой словенский славист В. Облак — на книгу И.А. Бодуэна де Куртенэ «Материалы по южнославянской диалектологии и этнографии», опубликованную на немецком языке в Петербурге, и на монографию Т.Т. Флоринского «Лекции по славянскому языкознанию», изданную в Киеве³. Помимо этого в журнале были опубликованы заметки о русских культурных деятелях в виде юбилейных поздравлений или некрологов: о писа-

¹ Ljubljanski zvon. Ljubljana. 1905. № 11.

² Ibid. 1895. № 3.

³ Ibid. 1896. № 2.

телях Г.П. Данилевском, И.А. Гончарове, поэтах А.А. Фете, А.Н. Апухтине, историке литературы К.Я. Гроте, композиторе П.И. Чайковском и др. В ряде номеров издания были помещены краткие сообщения о Л.Н. Толстом. Все эти статьи давали положительные оценки рецензируемым трудам и русским культурным и научным деятелям.

«Ljubljanski zvon» напечатал ряд статей познавательного характера о России. Так было издано сочинение С. Рутара «Сибирская железная дорога», в котором автор с гордостью сообщал, что она будет много длиннее самой длинной железной дороги в США, что она даст возможность русским освоить огромные пространства Сибири. И теперь русские, желавшие эмигрировать из страны, могут отправиться в Сибирь, которая является частью России. В этом их преимущество перед европейскими переселенцами, вынужденными ехать в неизведанную Америку⁴. В журнале был напечатан очерк Й. Стекласы «Григорий Александрович Потемкин». Главной его заслугой перед Россией автор считал отвоевание у турок Крыма и создание Новороссии⁵.

В конце 1890-х годов А. Ашкерц опубликовал статью о книге проф. А.И. Соболевского «Великорусские народные песни» (СПб., 1895. Т. 1). В ней он писал, что «в русских народных песнях предстает перед читателями вся мощь, вся красота, выразительность и пластичность русского языка», что «художественная поэзия просвещенных поэтов является только наследством, продолжением так называемой народной поэзии». «Русские ученые увидят, — продолжал Ашкерц, — в русских народных песнях как в большом волшебном зеркале великий русский народ и услышат, как он страдает и радуется, как плачет и смеется, как надеется и отчаивается»⁶.

Вместе с тем «Ljubljanski zvon» печатал и материалы о России с критическим уклоном. Такой была большая статья М. Мурко «Славянское обозрение», посвященная печатному органу Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Считая русских славянофилов до русско-турецкой

⁴ Ljubljanski zvon. 1896. № 8, № 9.

⁵ Ibid. 1898. № 6, № 8.

⁶ Ibid. 1896. № 3.

войны искренними людьми с самостоятельными убеждениями, которые выступали против немецкой бюрократии, современных ему славянофилов В.И. Ламанского и А.С. Будиловича Мурко охарактеризовал как людей, которые намерены разбить и ограбить Европу с помощью народов этой самой Европы. В заключение Мурко советовал словенской молодежи не читать «Славянское обозрение», а читать умеренно либеральный «Вестник Европы», слегка радикальную «Русскую мысль» и истинно русский «Русский вестник»⁷.

Таким образом, в 1890-е годы «Ljubljanski zvon» предоставлял на своих страницах достаточно места для материалов о России. И в то время размещенные в нем статьи и заметки имели не только положительный, но и критический характер.

В 1899 г. Антон Ашкерц (1856–1912) стал соредактором журнала «Ljubljanski zvon», в 1900–1902 гг. — редактором, а в 1903 г. — снова соредактором. Это был тот период в истории издания, когда русская тематика на его страницах резко увеличилась, что было связано со взглядами А. Ашкерца, одного из крупнейших словенских поэтов конца XIX — начала XX в. Ашкерц считал, что возможность успешного развития словенской культуры обеспечивается только в ее тесном взаимодействии с русской культурой. Главное средство познания России и ее культуры Ашкерц видел в русском языке. В 1901 г. он, благодаря помощи своего друга словенского либерала и русофила И. Хрибара, в то время — жупана Любляны, дважды посетил Россию. Во время первого приезда он побывал в Петербурге, Москве, Киеве, осуществив главную мечту своей жизни с юношеских лет. «Только Царьград и Рим я хотел бы посетить с такою радостью, но Москву еще больше: ведь она наша славянская»⁸. Пребывание в России наполнило поэта гордостью: «Наш братский язык господствует на всем огромном пространстве от Вислы до Тихого океана, от Ледяного моря до Индии. Мощь и власть этого языка, в чьем волшебном кругу ты находишься, как только пересекаешь русскую границу, это именно то, что

⁷ Ljubljanski zvon. 1892. № 9, № 10.

⁸ Kozak K.J. Pod egido ruskega orla ali orientalistični izleti A. Aškerca // Primerjalna književnost. Ljubljana, 2011. № 3. S. 153.

сразу должно привлечь каждого словенца»⁹. Ашкерц подчеркивал, что Россия является самой большой страной, где славянин сам себе хозяин. В том, что русские совсем ничего не знают о словенцах, он винил немцев, которых много в русских школах и учреждениях, а также абсолютизм, который «душит свободную мысль в России»¹⁰. Во время второго путешествия в Россию Ашкерц побывал в южных городах России: Одессе, Севастополе, Ялте, Керчи, Батуми, Тбилиси. Особенно сильное впечатление произвела на него поездка по Закавказской железной дороге, где он столкнулся с людьми различных национальностей: грузинами, армянами, татарами, евреями, курдами, персами и др. Общение с ними привело его к выводу, что русские много сделали для распространения европейской культуры на Кавказе. По мнению поэта, русские умнее обращались с восточными народами, чем британцы, поэтому и достигли больших успехов. Поездка по Кавказу еще более укрепила его в убеждении, что русский язык играет огромную цивилизационную роль. Этот «братский русский язык, — писал он, — объединяет духовными узами чуждые нам народы в новую семью». Вместе с тем, будучи человеком демократических убеждений, Ашкерц подчеркивал огромную разницу в образованности разных слоев русского населения. Сравнивая образованность русских простых людей со словенцами, он указывал: «Наш народ по уровню культурного развития и общего образования на триста лет опережает российский»¹¹.

Ашкерц, помимо редакторской работы, являлся и одним из авторов журнала «Ljubljanski zvon». Он опубликовал небольшую статью, посвященную столетнему юбилею со дня рождения А.С. Пушкина, в которой утверждал, что поэт уже давно принадлежит мировой литературе, и каждый образованный словенец должен уметь его читать на русском языке¹².

⁹ Kozak K.J. Op. cit. S. 159.

¹⁰ Кириллина Л.А. Восприятие России словенскими либералами в начале XX в. // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 688–690.

¹¹ Там же. С. 689; Kozak K.J. Op. cit. S. 157–164.

¹² Ljubljanski zvon. 1899. № 6.

Особое внимание Ашкерц уделял оценкам российских изданий работ, в которых он играл главную роль, а именно «Альбома Прешерна» и «Русской антологии в словенских переводах». Ашкерц с радостью сообщал в журнале об отношении русской научной общественности к «Прешернову альбому», изданному им в 1900 г. в честь столетия со дня рождения поэта. Он подчеркнул, что «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» оказали ему честь, опубликовав на своих страницах рецензию на «Альбом Прешерна». Автор рецензии русский филолог и лингвист Ф.Е. Корш, отметил Ашкерц, знает не только произведения Прешерна, его биографию и литературу о нем, но и всю словенскую литературу: «Корш очень доволен “Прешерновым альбомом”, — продолжил он, — и признает большую историческую ценность этого юбилейного сборника». Заметку Ашкерц заключил выражением благодарности Коршу за то, что он обратил внимание русских братьев на словенцев¹³. Эти слова не были пустым звуком. Еще в начале 1901 г. Ашкерц поместил в журнале «Ljubljanski zvon» обширную рецензию на книгу «Стихотворения Франца Прешерна» в переводе Корша, вышедшую в свет в Москве в 1901 г. В этой рецензии он писал об эпохальном значении данной книги для словенцев. Корш ввел Прешерна «из маленькой словенской каморки в огромный зал русской литературы, которая является мировой литературой». Ашкерц выразил надежду, что вслед за Прешерном туда войдут и другие словенцы¹⁴.

Вторая заметка Ашкерца была посвящена рецензии на «Русскую антологию в словенских переводах» А. Ашкерца и И. Весела, изданную в 1901 г. Автор рекомендовал словенцам прочесть ее ради знакомства с русскими поэтами. «Со времен Пушкина, — указал он, — русская поэзия в полном смысле этого слова — часть мировой литературы». Все знаменитые русские писатели переведены на европейские языки, и тем более их должны переводить словенцы, «истинные братья русских по племени и языку». «Русские новеллисты и романисты, — продолжил он, —

¹³ Ljubljanski zvon. 1901. № 7. S. 497.

¹⁴ Ibid. 1901. № 1. S. 53–55.

уже давно равнозначны западным неславянским писателям, а некоторые русские писатели превзошли всех других писателей мира. Кто такие Толстой, Чехов и Горький, если ни русские?! Словенцы много переводили Тургенева, Достоевского, Чехова, Толстого, Горького. Теперь они могут ознакомиться и с произведениями русских поэтов». «Братья русские, — писал Ашкерц, — пусть рассматривают нашу “Русскую антологию” как скромный ответ на переведенного на русский язык Прешерна»¹⁵. «Русской антологии» Ашкерц посвятил много сил. Создавать ее начал словенский поэт Иван Весел Косеский (1841–1900). В 1890-е годы к нему примкнул Ашкерц, который перевел для антологии 120 стихотворений русских поэтов, в том числе таких выдающихся демократов, как Н.П. Огарев, Н.А. Добролюбов, И.С. Курочкин, Д.Д. Минаев. «Русская антология» вышла в свет уже после смерти И. Весела. Ашкерц написал некролог, в котором отметил, что Весел перевел для сборника на словенский язык много русских поэтов. «Он был славянином душой и телом, — заключил Ашкерц, — и поэтому никогда не мог сочувствовать новейшему католицизму»¹⁶. (Он имел в виду фанатиков католицизма, группировавшихся вокруг А. Махничча.)

Ашкерц писал и о русских прозаиках. Так относительно заметки И. Приятеля о Чехове при переводе им сочинений русского писателя, Ашкерц указывал, что Приятель правильно сделал, издав перевод произведений Чехова, ибо он принадлежит к лучшим из ныне живущих русских писателей. На первый взгляд словенцам ближе западные писатели, однако настоящие словенцы, продолжил Ашкерц, должны интересоваться прежде всего русскими и другими славянскими писателями. Настоящему словенцу Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов должны быть ближе, чем Золя, Мопассан, Дюма, Марк Твен. «Изучая русских славян, — подчеркивал Ашкерц, — мы изучаем самих себя». Он призвал Приятеля перевести на словенский язык труды М. Горького, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого¹⁷.

¹⁵ Ljubljanski zvon. 1901. № 9. S. 642–643.

¹⁶ Ibid. № 1. S. 60–61.

¹⁷ Ibid. № 6.

Ашкерц уделил внимание и трудам о Словении известного русского этнографа А.Н. Харузина. В № 9 за 1902 г. «Ljubljanski zvon» поместил заметку некоего «А.А.», в которой тот выступил с замечаниями к статье Харузина «Национальная эволюция словенцев», опубликованной в «Русском вестнике». Автор критиковал этнографа за то, что он слишком оптимистично оценивает положение словенского языка в Крайне, утверждая, что он распространен в школах и учреждениях. Не понравилось рецензенту и предложение Харузина создать словенский университет в Триесте, а не в Любляне, как требовало большинство словенских национальных деятелей¹⁸. В следующем номере журнала Ашкерц, выражая солидарность с предыдущим автором, добавил еще ряд конкретных замечаний по этой статье Харузина. Он не согласился с опасениями относительно будущего словенцев. Во всех недостатках статьи Харузина Ашкерц винил его информаторов. Он советовал русскому ученому снова приехать в словенские земли и лучше изучить сложившееся в них положение, пользуясь сведениями таких информаторов, которые не имеют личной заинтересованности¹⁹. Эта рецензия была самой резкой из всех, которые Ашкерц когда-либо писал о трудах русских писателей и ученых. В начале 1903 г. новую статью о трудах Харузина, которая называлась «Русские и словенцы», поместил некто «-кю». В ней автор выражал удовлетворение тем, что русские стали обращать больше внимания на австрийских славян, в частности, на словенцев. В качестве примера он приводил выход в свет книги Харузина «Австрийская Крайна». «Это та моральная поддержка, — писал автор, — которую мы всегда ожидаем от наших могущественных братьев»²⁰. В 1904 г. «Ljubljanski zvon» снова напечатал отзыв на труды Харузина. Он касался двух его статей, помещенных в журнале «Живая старина», издававшемся В.И. Ламанским: «Крестьянин Австрийской Крайны» и «Жилище словенца Верхней Крайны». «Здесь гореньский дом, — отмечал автор, — точно и хорошо описан [...]. Мы, словенцы, должны

¹⁸ Ljubljanski zvon. 1902. № 9.

¹⁹ Ibid. № 10.

²⁰ Ibid. 1903. № 3.

быть благодарны Харузину за описание нашего дома, показ его на рисунках всему широкому миру»²¹.

В 1903 г. на страницах журнала Ашкерц поместил свой обширный очерк «Два путешествия в Россию»²². Также он активно печатал на страницах издания переводы произведений русских писателей, статьи о русской культуре, русской истории и т.д. Он привлекал к участию в издании русских критиков. Так, он обратился к Коршу с просьбой найти русского критика, который бы написал статью о русских литераторах. Корш передал предложение Ашкерца известному критику А.Л. Волынскому (Флексеру), присовокупив, что большой выгоды от этого сотрудничества нельзя ждать, «но тут уже речь должна быть об идее»²³.

Волынский написал для журнала «Ljubljanski zvon» два обзора: «Русская поэзия» и «Русские новеллисты». В первом очерке критик отметил, что со времен Белинского ряд его коллег (Писарев, Страхов) ругали Пушкина за недостаточное внимание к социальным моментам русской жизни. Однако открытие памятника великому русскому поэту 8 июня 1880 г. и речь на нем Достоевского показали совсем другое отношение к нему общественного мнения. Достоевский подчеркнул мировое значение и общечеловеческую ценность произведений Пушкина. Волынский также уделил внимание и творчеству Е.А. Баратынского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, А.Н. Майкова. Их он охарактеризовал как поэтов пушкинского направления, близких мировой поэзии. Второе направление русской поэзии критик связывал с М.Ю. Лермонтовым, который «настоящий великий, перворазрядный гений». Для его произведений характерен демонизм и беспокойный дух, безнадежность, печаль. Лермонтов находился в постоянной оппозиции к действительности, стремился к свободе. К лермонтовскому направлению Волынский причислял произведения Н.А. Некрасова, А.В. Кольцова, И.З. Сурикова, И.С. Никитина, изменившие в поэзии пушкин-

²¹ Ljubljanski zvon. 1904. № 10.

²² Ibid. 1903. № 5, 9, 10, 11, 12.

²³ Рыжова М.И. Письма Антона Ашкерца А.В. Суворову, Ф.Е. Коршу, А.Л. Волынскому, Д.Н. Вергуну // Литература славянских народов. М., 1960. С. 207.

скую традицию. Особенно русский критик выделил Н.А. Некрасова, бывшего феодала с инстинктами феодала, который искренне оплакивал народ, особенно крестьянство, и верил в его светлое будущее. С возрождением крестьянства Некрасов связывал и возрождение России²⁴.

Только что возникшая группа поэтов-декадентов (Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, К.Д. Бальмонт), по мнению Волынского, не пользуется особой популярностью, ибо их поэзия носит «исключительно лирический характер и не объемлет русской действительности в целом»²⁵.

В центре статьи «Русские новеллисты» находились Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский. В произведениях Толстого, подчеркивал Волынский, живет, действует и мыслит многомиллионное крестьянство, для них характерны поэзия простоты и высшей человечности. Толстой — «истинный сын крестьянского духовного элемента, его живое выражение, его язык и его психология; он трезв, ясен, он истинный трудолюбивый пахарь на ниве идей». Толстому Волынский противопоставил Достоевского. «Во главе нашей современной литературы стоят нормальный Толстой и сумасшедший Достоевский», — утверждал он. «Достоевский раскрыл до конца человеческую душу и показал неотвратимую трагедию ее существования». А.П. Чехова Волынский охарактеризовал как величайший талант современной русской литературы, который особенно прославился благодаря пьесам, поставленным Художественным театром. Одаренными писателями Волынский считал В.Г. Короленко, В.М. Гаршина. Особенно подробно остановился он на творчестве М. Горького, о котором писал как о нетерпеливом, горячем, свободолюбивом человеке. Хотя Горький считает себя марксистом, но у него силен инстинкт индивидуализма, свободолюбия, близкого к анархизму. Его творчество является новым ферментом для русской литературы. Вместе с тем босяк, введенный им впервые в русскую литературу, не кажется русским человеком.

²⁴ Ljubljanski zvon. 1901. № 8–9.

²⁵ Ibid. 1902. № 1–4.

В целом прославляя русскую литературу, Волынский холодно относился к декадентам, которые демонстрировали стремление к эстетике, оторванной от высшего идеала. По мнению критика, «декадентство является европейским семенем, занесенным в русское болото»²⁶. Возможно, русские писатели, о творчестве которых написал Волынский, благодаря ему стали популяризироваться молодым словенским переводчиком и литературоведом Иваном Приятелем, одним из главных корреспондентов газеты «Ljubljanski zvon» по русской тематике.

В 1904 г. редактором издания стал профессор Ф. Збашник, с 1903 г. являвшийся соредактором Ашкерца. Причину ухода с поста редактора журнала Ашкерц сам объяснял следующим образом: «Я чувствую, что высшему начальству мои убеждения не нравятся, так как они чересчур словенско-радикальные и чересчур панславистские»²⁷. Однако не только это заставило Ашкерца уйти из редакции. Один из корреспондентов журнала д-р Йосип Томиншек определил причину его ухода конкретнее. Во-первых, Ашкерц принимал в «Ljubljanski zvon» переводы с иностранных языков, что противоречило традициям журнала. Во-вторых, желая расширить круг сотрудников, он публиковал статьи зарубежных славянских авторов. Так, в 1900 г. публиковались статьи двух поляков и одного хорвата, а в 1901–1902 гг. публиковались статьи чехов, русских, хорватов. «Великий идеализм и благородные цели воодушевляли редактора, который с помощью своих личных связей с различными славянскими соплеменниками, заботился об этих статьях, но общество ему, боимся, было за это мало благодарно». Эти статьи, подчеркнул Томиншек, не были интересны словенцам²⁸.

После ухода Ашкерца с поста главного редактора журнала «Ljubljanski zvon» число публикаций о России в нем не уменьшилось, но они приобрели более фактологический характер. Например, в 1904 г. в нем были помещены две заметки о распространении книг в России. В первой сравнивалось число книг, напечатанных в 1887 г. (18,5 млн.) и в 1901 г. (58 292 480).

²⁶ Ljubljanski zvon. 1902. № 1–4.

²⁷ Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice. Ms. 895. M. 1.

²⁸ Ljubljanski zvon. 1905. № 12.

В таком бурном росте количества напечатанных книг автор видел огромный прогресс России. Во второй заметке были представлены результаты опроса о чтении литературы, проведенного среди учеников русских гимназий, семинарий, высших женских школ. На основании полученных 1 000 ответов были выявлены следующие данные: «Воскресение» Л.Н. Толстого прочли 621 человек, сочинения М. Горького — 586, Ф.М. Достоевского — 494, А.П. Чехова — 480, И.С. Тургенева — 478, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.К. Толстого — каждого более 100²⁹. «Ljubljanski zvon» старался показать успехи России в просвещении простого народа. В заметке «Народные библиотеки в России» указывалось, что в стране действуют более 20 тыс. библиотек и читален, в большинстве своем бесплатных. Помимо того имеется 10 тыс. бесплатных читален в «Чайных заботы о народной трезвости»³⁰.

Двадцатипятилетний юбилей победы России над турками был отмечен большой статьей проф. В. Безеншека. Он описал праздник, проходивший на Шипке 26–30 сентября 1902 г. «Это был великий день славянского побратимства, — отметил он, — славное проявление братской любви и общественное выражение благодарности освобожденных болгар освободителям русским». Безеншек был убежден, что разногласия славян не являются прирожденными, но их взрастили их враги. Церковь, построенную на Шипке, в стиле русских церквей XVII в., Безеншек воспринимал как символ братства всех славянских народов. Все колокола для нее были отлиты в России. Самый большой из них получил имя «Россия», следующий за ним — «Болгария», а остальные десять колоколов тоже были названы в честь одного из славянских народов, в том числе, с гордостью отметил Безеншек, там был и колокол «Словения». Вокруг Шипки расположен сад, построены богословская семинария с библиотекой и музей. Все это сделано в честь победы славянских героев, изгнавших турецких варваров. Безеншек подчеркнул, что в празднике приняли участие болгарский царь и наместник русского царя, а также много народа. Произносились

²⁹ Ljubljanski zvon. 1904. № 2.

³⁰ Ibid. 1905. № 3.

речи, был проведен парад, встретились русские и болгарские ветераны русско-турецкой войны³¹.

Главным корреспондентом журнала «Ljubljanski zvon», публиковавшим в нем материалы по русской тематике, был Иван Приятель. Первой его заметкой, помещенной в журнале, была рецензия на «Русско-словинский словарь с краткой грамматикой русского языка», написанный М.М. Хостником и напечатанный в 1898 г. в Горице. О нем журнал сообщал в 1897 г., еще до его публикации, и рекомендовал образованным словенцам купить его. В следующем году «Ljubljanski zvon» поместил рецензию на словарь И. Приятеля, который подчеркнул в ней, что русский язык имеет большое значение для всех славян, особенно для словенцев. «Будем учиться русскому языку, — призывал он, — особенно в настоящее время, когда нас хочет поглотить чуждое море, теперь, когда чужие “ученые” отказывают нам во всяком праве на будущее». Помимо этого русские писатели пользуются мировой славой: Толстой, Тургенев, Достоевский, Пушкин, Лермонтов «сверкают в рядах духовных великанов всех времен и народов». Труд Хостника Приятель оценивал как замечательный³².

В следующем 1899 г. Приятель опубликовал очерк «Русский роман и новейшая французская литература», который начинался пересказом статьи З.А. Венгеровой о влиянии русского романа на французскую литературу (Вестник Европы. 1899. Февр.). Относительно статьи Приятель сделал вывод: «Это исследование интересно, т.к. оно показывает нам, как русский роман завоевал одну из наиболее развитых литератур». Вместе с тем Приятель указал, что французские писатели не поняли эстетику русского романа и пытаются создать новый французский роман на основе русской морали и французского адюльтера³³.

В 1900 г. вышла большая статья Приятеля «Толстой и его роман “Воскресение”». Эта статья была им написана по просьбе Ашкерца, который в письме от 6 января 1900 г. предложил ему

³¹ Ljubljanski zvon. 1902. № 11.

³² Ibid. 1898. № 8.

³³ Ibid. 1900. № 2.

дать в журнал очерк о романе³⁴. Словенский литературовед Ф. Задравец, исследовавший труды Приятеля по русской литературе, считает, что в числе первых исследований Приятеля по этому предмету указанная статья занимает наиболее заметное место. Ученый также подчеркивает, что толкование Приятелем сочинений Толстого и особенно романа «Воскресение» оказало влияние на словенских модернистов (в частности, на И. Цанкара) и способствовало их переходу от позитивистской доктрины к «правде души»³⁵. Столь же высокую оценку этой статье дала советский историк литературы М.И. Рыжова. «Работа Приятеля, — написала она, — содержит немало свежих, оригинальных мыслей, собственных наблюдений и заключений, возникших в результате тщательного изучения молодым литературоведом творчества великого русского писателя. При этом автор статьи широко использует и критическую литературу своего времени»³⁶.

В статье Приятель утверждал: «Такая литература могла появиться только в России, [...] поскольку именно там было осознание огромности, вечности мира сильнее, чем где бы то ни было [...]. Всю жизнь Толстой искал истину [...] Сотни раз он падал и сотни раз опять вставал за правду и истину [...] Толстой нашел мир для своей души». Русская душа Толстого ищет бога и только в нем находит свое удовлетворение. Уже в 24 года Толстой пришел к мысли, что человек должен стремиться к нравственному самоусовершенствованию. В статье Приятель коснулся многих трудов Толстого: «Казачьи», «Война и мир», «Хаджи Мурат», но на «Воскресении» он останавливается особенно подробно. В среде политических заключенных, отмечает Приятель, происходит «воскресение» Нехлюдова и Катюши. «Русские писатели, — продолжил Приятель, — всегда отвечали на то, что спрашивали читатели [...] Толстой — великий апостол, воспитатель народов и социолог с далеко идущи-

³⁴ Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice. Ms. 595. M. 1.

³⁵ Zadravec F. Ivan Prijatelj in ruska literatura // Prijateljjev zbornik. Ljubljana, 1975. S. 168, 169.

³⁶ Рыжова М. И. Русская литература в журнале «Люблинский звон» // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 141.

ми целями». Он подчеркнул, что в «Воскресении» присутствует «голая, открытая человечность, не требующая никакой нивелировки»³⁷.

Приятель опубликовал большую статью о Н.В. Гоголе. Он остановился на его повести «Тарас Бульба», увидев в ее герое выражение широкого размаха русской души, упомянул и его «Шинель». Но основное внимание Приятель уделил знаменитому роману Гоголя «Мертвые души». «В нем он размышлял о России, — писал Приятель, — что она представляет собою в действительности. И эти его размышления стали грандиозной и страшной картиной, доходящей до самого сердца». Приятель сожалел, что Гоголь не смог написать вторую и третью части своего романа, где он хотел показать новую Русь. Гоголь «нецивилизованный, но полнокровный славянин. В нем все — чувство и фантазия и ничего — от разума». Приятель пришел к выводу, что все русские реалисты многое почерпнули у Гоголя: Тургенев воспринял от него заботу о России, Достоевский — патологическую религиозность, Л. Толстой — неверие в свое дело и сомнения, Салтыков Щедрин — смех сквозь слезы»³⁸.

Приятель поместил в журнале небольшой очерк о А.П. Чехове. Он был посвящен выходу в свет на словенском языке его сборника «Моменты». «Рассказы Чехова кратки, — отметил словенский критик, — кратки его моменты, но это моменты духовности [...]. Душа же всеобъемлюща, бесконечна и вечна. И поэтому на кратких мгновениях лежит печать вечности». После небольшого предисловия о Чехове Приятель представил свой перевод рассказа русского писателя «Дама с собачкой»³⁹.

В том же году он опубликовал в журнале «Ljubljanski zvon» перевод рассказа М. Горького «Двадцать шесть и одна», переварив его пересказом биографии писателя, которую тот опубликовал в русском журнале «Жизнь» в 1900 г.⁴⁰

Из русских деятелей культуры Приятеля прежде всего интересовали славянофилы. Большую статью он посвятил А.С. Хо-

³⁷ Ljubljanski zvon. 1900. № 4–7; 9–11.

³⁸ Ibid. 1902. № 5.

³⁹ Ibid. 1901. № 5.

⁴⁰ Ibid. № 1.

мякову. В первой части этой работы Приятель дал картину развития русского общества конца XVIII — первой половины XIX вв. Вплоть до войн с Наполеоном в нем господствовали идеи французов, суть которых в провозглашении индивидуализма. После победы над Францией в 1812 г. в России стали распространяться идеи немецких романтиков и Гегеля. В 1830-е годы в среде молодой русской интеллигенции велись споры о Гегеле. Иван Киреевский, по мнению Приятеля, занял в этих дебатах русскую позицию, заложив тем самым основы славянофильства. Он указал на отличие России от Европы, вокруг него сформировался кружок славянофилов: братья Киреевские, Хомяков, братья Аксаковы, Самарин и др. Наряду со славянофильским кружком вокруг Н.В. Станкевича образовался кружок западников. Славянофилы были убеждены, что западная культура не нужна русским, поэтому они выступали против реформ Петра I и Екатерины II. Выражение русского духа они видели в формуле «самодержавие и православие». Хомяков, по мнению Приятеля, являлся истинным сыном темного русского коллективизма. Хомяков — горячий приверженец православия, он враждебно настроен против католичества и протестантизма, он уверен, что Россия никогда не примет буржуазной конституции. Вместе с тем он выступал за свободу личности, любил свой народ и отдал ему всего себя. Славянофилов, считал Приятель, уже больше нет, но остается их призыв пробуждать народный дух и мысль — в 1860-е годы его подхватили просвещенные позитивисты, в 1870-е годы — народники-субъективисты, в 1890-е годы — марксисты. Никто уже не преклоняется перед невежеством народа, но продолжают народ изучать⁴¹.

Из русских культурных деятелей «Ljubljanski zvon» проявлял особый интерес к А.Н. Пыпину. Журнал отметил празднование 70-летнего юбилея ученого, которого он представил как знаменитого русского критика и историка русской литературы. В начале 1906 г., уже после смерти Пыпина появилась обширная статья о нем Приятеля. Словенский ученый показал влияние на Пыпина русских революционных демократов Н.Г. Чер-

⁴¹ Ljubljanski zvon. 1904. № 6, 7.

нышевского, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, отметил интерес к славянам, который возбудили в нем лекции И.И. Срезневского и В.И. Григоровича. Пыпин преподавал в Петербургском университете, но проработал там только год и вынужден был уйти из него из-за поддержки волнений студентов. После этого историк активно сотрудничал в журналах «Современник» и «Вестник Европы». Пыпин издал несколько книг, в том числе «Общественное движение в России при Александре I», «История русской этнографии» и др. Особенно подробно Приятель остановился на книге «История славянских литератур», вышедшей в свет в 1879–1891 гг. Польский раздел для этой книги написал В.Д. Спасович. Приятель подчеркнул, что Пыпин не является славистом, поэтому его очерк нужно рассматривать не как научную работу, а как факт русской современной истории, как полемику, направленную против славянофильства. Пыпин доказал в своем сочинении: 1) проблематичность единства славян, ибо каждый славянский народ бьется за существование сам; 2) славянская культура слишком слаба, чтобы заменить собою романо-германскую культуру. Не выступая против этих выводов, Приятель отметил их излишнюю резкость, не соответствующую действительности. Далее Приятель рассказал о своих встречах с Пыпиным, который ему подарил эту книгу с надписью «Г. Ив. Приятелю, молодому будущему историку славянских литератур особенно русской, на добрую память от старого историка. А. Пыпин». Приятель видел в Пыпине представителя славной когорты шестидесятников, которые явились вспышкой, слегка приоткрывшей русскую реальность. Пыпин же исследовал движение идей в России, начиная с прихода на Русь от южных славян церковнославянской литературы и заканчивая Пушкиным, который был для русской литературы тем же, чем Шекспир для английской и Гете для немецкой. С удовольствием Приятель отметил, что исследования Пыпина «поддержаны и утверждены учеными, занимающимися историей литератур». В последней части статьи о Пыпине он подчеркнул: «Всю жизнь он трудился, чтобы приблизить Россию Европе, доказать разным теоретикам географическую, историческую и культурную истину, что Россия принадлежит Европе и что ей должны светить те же путеводные звезды, что

и Западу». Но при этом Приятеля удивлял тот факт, что во время их встреч Пыпин ни слова не сказал о Западе, «только Россия и славянство у него на уме». Вывод словенского ученого был таков: «И все же этот человек русский всей душой и любит свою родину истинно русской любовью». Перед своими он ругает ее за отсталость, но если это сделает иностранец — встает на ее защиту. «Эту русскую особенность я замечал повсюду среди русских. Но больше всего она меня удивила у двух известных западников: у московского профессора западных литератур Алексея Веселовского и Пыпина». Пыпин говорил Приятелю, что западные славяне презирают Россию, поскольку свои представления о ней они черпают от немцев, даже русскую литературу знают по немецким переводам. Некоторые из них приезжают в Россию не для того чтобы изучить ее, а чтобы ее судить. В пример Пыпин привел словенца М. Мурко и чеха Холечека.

Встречи с Пыпиным привели Приятеля к заключению, что бессмысленно расхвалить все русское. Нужно провести сравнение культур западных и восточных славян и определить, что у них осталось общего, чтобы сделать это основой реального единения. «Ведь это единственный путь открыть некую более осмысленную и крепкую культурную связь, чем сами по себе языковые подробности и представления о русском могуществе, на которые опиралось прежнее западное русофильство». Западные славяне должны брать себе из русской жизни все то, что может им пригодиться⁴².

Во время встреч с Приятелем Пыпин высказал мнение о различных писателях. Из русских писателей он особенно хвалил Салтыкова-Щедрина и Глеба Успенского, Горького считал талантливым, хотя и слишком мрачным, высоко оценивал Достоевского, Л. Толстого, однако отмечал и их недостатки. Он резко высказывался против идей модного в то время немецкого философа Ницше, так как был убежден, что человек, который презирает доброту и милосердие по-русски называется не «Übermensch» (сверхчеловек), а негодяй, «ведь только сочувствие сделало человека человеком»⁴³.

⁴² Ljubljanski zvon. 1906. № 4.

⁴³ Ibid. № 1–4.

Таким образом, статья Приятеля о Пышине стала не только рассказом о русском ученом, но и в определенной степени выражением кредо словенского ученого относительно славянской идеи в то время. Стоит отметить, что, в отличие от других словенских рецензентов, Приятель рассматривал труд Пышина «История славянских литератур» не как историческое сочинение, а как политическое, направленное против славянофильского понимания идеи славянской взаимности.

Приятель активно сотрудничал с журналом «Ljubljanski zvon» и после ухода Ашкерца с поста его редактора. Об этом свидетельствует и представленная выше статья о Пышине. В том же году Приятель опубликовал обширную рецензию на книгу Б. Вошняка о России «На рассвете»⁴⁴. Отметив, что Вошняк изучил общину, артель, быт купечества и босяков, дал прекрасное описание петербургских улиц и Московского Кремля, Приятель наряду с этим подчеркнул, что тот, кто захочет познать русскую культуру и русскую душу, найдет в книге лишь материал для этого. Вошняк ничего не написал о русской истории, о громадных архивах проектов, о русском земстве, которое заботилось об открытии школ в России. Он не рассказал о борьбе народников и марксистов, о положении рабочих и крестьян, что дало бы возможность читателю понять, «почему Россия идет через рабочие забастовки и крестьянские волнения к рассвету». Не затронул Вошняк положение инородцев. По мнению Приятеля, Вошняку не следовало бы становиться на точку зрения современных славянофилов — Комаровых, Будиловичей, Кулаковских и Саблеров. Вошняку следует снова поехать в Россию и изучить ее по-настоящему. Все же Приятель считал, что книга Вошняка — лучшая из вышедших у словенцев книг о России⁴⁵.

Приятель написал рецензию и на книгу М. Говекаръевой «Русский модерн. Горький, Андреев, Скиталец, Бунин, Чириков. Новеллы и очерки. Любляна, 1905». О выходе в свет этой книги «Ljubljanski zvon» сообщил в начале 1906 г. Приятель указал, что эти авторы известны и на Западе, и у них надо

⁴⁴ *Prijatelj I. Vogumil Vošnjak: Na razsvitu // Ibid. 1906. № 5.*

⁴⁵ *Ibid; Кирилина Л.А. Словенский политик Б. Вошняк о России. 1904–1917 гг. // Вопросы истории. М., 2015. № 2. С. 100–101.*

учиться изображать жизнь. Россию в последнее время сотрясают бои, и хорошо, что у нее есть более крупные писатели, чем Горький и его окружение. Приятель писал, что Говекарьева не права, считая указанных писателей последователями Гоголя, Тургенева, Достоевского. Они являются последователями Г.И. Успенского, В.А. Слепцова, Н.Г. Помяловского, так как ограничивает круг русского модерна только указанными литераторами, не включив в него и поэтов. Приятель, например, предпочел бы, чтобы вместо Скитальца (С.Г. Петрова) автор выбрала А.И. Куприна и Л.Н. Андреева. Вместе с тем ее переводы произведений русских писателей Приятель хвалил⁴⁶. Вторая рецензия Приятеля на переводы Говекарьевой появилась в журнале в начале 1907 г. И снова Приятель высоко оценил ее перевод «Власти тьмы» Л.Н. Толстого, и вновь посчитал ее введение к нему слабым⁴⁷.

Для материалов о России, представленных Приятелем, характерны глубина, прекрасное знание предмета, обоснованность выводов. Следует отметить, что он — один из немногих авторов, писавших о России в то время, — упомянул о революционных событиях 1905–1907 гг. В 1905 г. в журнале было опубликовано его краткое сообщение о том, что в России запрещены произведения М. Горького, поскольку власти расследуют его участие в последних революционных событиях⁴⁸.

«Ljubljanski zvon» публиковал не только статьи и переводы с русского языка, сделанные Приятелем, но и рецензии на них. Так в рецензии на книгу, изданную Л. Пинтаром, «Сборник научных и поучительных статей» рецензент особо остановился на статье Приятеля «Пушкин в славянских литературах». Отметив, что часть этой статьи вышла в 1900 г. в России, он подчеркнул вывод Приятеля, что не все то, что полезно для русских, может быть полезно для словенцев, поэтому нужно переводить на словенский язык лишь то, «что отвечает нашему вкусу и так, как этого требует наш язык». В этом отношении Приятель ставил в пример переводы В. Левстика и Ашкерца⁴⁹.

⁴⁶ Ljubljanski zvon. 1906. № 7.

⁴⁷ Ibid. 1907. № 4.

⁴⁸ Ibid. 1905. № 3.

⁴⁹ Ibid. 1902. № 9.

При Ашкерце и сменившем его Збашнике в журнале «Ljubljanski zvon» нередко публиковались сведения о русских художниках и композиторах. Чаще всего это были восторженные оценки тех русских деятелей, о которых шла речь. В некрологе, посвященном И.К. Айвазовскому, отмечалось, что он был гениальным художником, не имевшим себе равных в изображении моря и основавшим русскую школу маринистов. Автор некролога подчеркнул, что нет ни одной галереи в Европе и Америке, где бы ни имелись его картины⁵⁰. Словенский художник Иван Вавпотич в обзоре всемирной художественной выставки в Париже хвалил портрет Л.Н. Толстого, написанный И.Е. Репиным, и картины В.В. Верещагина. Особый интерес у него вызывало творчество А. Васнецова, который для него был «выразителем типичного русского национального искусства», а также К.Е. Маковского, в картинах которого он увидел «социалистические черты». Несколько ранее Вавпотич поместил заметку о скульпторе М.М. Антокольском. «Что Антокольский один из величайших скульпторов, если не самый великий, — писал он, — об этом знает почти весь мир»⁵¹.

Несколько раз со статьями о русских художниках выступил в журнале художник П.С. Жмитек. В 1902 г. он посетил в Петербурге выставку русских художников акварелистов, где ему понравились картины Р.А. Бергольца, а также выставку художника Ю. Крачковского, который большинство своих картин посвятил Кавказу⁵². Но наибольшее впечатление на Жмитека произвела выставка передвижников, посвященная 30-летию существования товарищества. «30 лет уже, — писал Жмитек, — товарищи-художники неутомимо трудятся над развитием своей национальной живописи и распространением ее в России». Жмитек подчеркивал роль передвижников в создании русской национальной живописи. Более других Жмитеку понравились портреты, написанные Репиным, картины А.М. Васнецова («Весна приближается», «Прошлое Великого Новгорода» и др.). Об-

⁵⁰ Ljubljanski zvon. 1900. № 6.

⁵¹ Ibid. 1901. № 1, № 2; 1900. № 8.

⁵² Ibid. 1902. № 5, 6. Возможно, имеется в виду пейзажист И.Е. Крачковский, посвятивший большую часть своих картин Крыму.

зор выставки передвижников автор закончил пожеланием, чтобы их деятельность продолжалась еще многие тридцатилетия⁵³.

Жмитек написал обширную статью, посвященную И.Е. Репину. Указав на успех русского искусства, автор подчеркнул, что теперь уже можно говорить о существовании такого искусства, которое выражает русскую национальную индивидуальность. Среди тех, кто сделал это возможным, Жмитек выделил Верещагина, Васнецова, Маковского, Антокольского, Айвазовского и прежде всего — Репина. «С этим именем, отмечал автор, — связано понятие национального, чисто русского художника». Репин входил в общество передвижников и сыграл огромную роль в развитии русской живописи, его целью было изучение родины и распространение художественной культуры. Жмитек перечислил те картины Репина, которые произвели на него наибольшее впечатление: «Бурлаки на волге», «Запорожцы», «Царевна Софья в Новодевичьем монастыре», «Иван Грозный и его сын Иван» и др. Это были картины, посвященные истории России, но у Репина имелись и картины, отображавшие революционное движение: «Нигилисты», «Не ждали», «Могила коммунаров на кладбище Пер Лашез». Вывод Жмитека гласил: Репин в русской живописи то же самое, что Л.Н. Толстой в русской литературе⁵⁴.

В 1904 г. в журнале был опубликован некролог, посвященный В.В. Верещагину. Автор характеризовал его не только как художника, но и как гуманиста, который показывал страшные картины войны, чтобы человечество навсегда от нее отказалось. «С Верещагиным, — писал он, — русская и славянская живопись потеряли своего знаменитого представителя, друга мира, великого идеалиста и отважного мученика»⁵⁵.

После 1900 г. на сцене словенского театра неоднократно ставились пьесы русских авторов, в которых играли или русские гастролеры, или местные артисты. Рецензии на них обычно писал новый редактор «Ljubljanski zvon» Ф. Збашник. Так, он опубликовал обширный отзыв на постановку люблянской

⁵³ Ljubljanski zvon. 1902. № 9.

⁵⁴ Ibid. № 12.

⁵⁵ Ibid. 1904. № 5.

труппой пьесы М. Горького «На дне». Отметив успех ее у горожан, автор подчеркнул, что герои Горького, хотя и находятся на самом дне, но и в них есть искра человечности. Поэтому драма потрясает как «Фауст» Гете⁵⁶. В 1905 г. Збашник поместил в журнале отзыв на выступление на люблянской сцене русского хора Надин Славянской, представившей две постановки: «Жизнь за царя» и «Свадьба русских бояр». Збашник довольно сдержанно охарактеризовал обе постановки, отметив только, как приятно было слышать со сцены русскую речь: «Она казалась нам родной и как она нам была мила»⁵⁷. В том же году на сцене люблянского театра были поставлены опера «Евгений Онегин» и драма Л.Н. Толстого «Власть тьмы». Збашник написал отзыв на постановку пьесы Л.Н. Толстого. Он указал, что его произведения и особенно «Власть тьмы», в которой он изучил человека как никто другой, оказали огромное влияние на мировую литературу. Вместе с тем игру актеров Збашник оценил невысоко⁵⁸. В конце 1905 г. он поместил в журнале заметку о постановках опер на люблянской сцене. Всего за сезон 1904/1905 г., отметил он, было поставлено шесть опер, из них три раза шла опера Чайковского «Пиковая дама»⁵⁹.

После аннексии в 1908 г. Боснии и Герцеговины испортились отношения между Австро-Венгрией и Россией. Надежды на то, что они смогут стать союзниками, которые питали неослависты и другие славянские деятели, окончательно исчезли. И уже в последующие годы в журнале «Ljubljanski zvon» резко уменьшилось количество публикаций о России. Это уже не были полноценные статьи, а чаще всего сообщения о книгах, журналах и выставках. Исключений было немного. Так в 1909 г. была помещена заметка о журнале «Славянский мир», выходившем в Петербурге в 1908–1911 гг. под редакцией словенского эмигранта Я. Лаврина. В заметке говорилось, что цель этого журнала — рассказывать о литературе, искусстве, идейном движении среди славян. «Причиной издания этого журна-

⁵⁶ Ljubljanski zvon. 1904. № 12.

⁵⁷ Ibid. 1905. № 1.

⁵⁸ Ibid. № 4.

⁵⁹ Ibid. № 11.

ла послужило сознание, что для общего дела славянских народов необходимо прежде всего их взаимное ознакомление друг с другом». В заметке указывалось, что в журнале публикуется перевод на русский язык повести И. Цанкара «В доме Марии заступницы» и статья о творчестве писателя⁶⁰.

«Ljubljanski zvon» регулярно извещал о выходе в свет переводов русской литературы на словенский язык. Так сообщалось об издании повести И.С. Тургенева «Первая любовь», сочинения Л.Н. Андреева «Красный смех», сборника десяти произведений М. Горького и отдельного издания его же повести «Фома Гордеев», романа Ф.М. Достоевского «Записки из мертвого дома» и др. Более подробно Й.А. Глонар остановился на переводе «Евгения Онегина» Пушкина Приятелем. Он подчеркнул, что Приятель проявил себя как ученый и как поэт. В переводе, по мнению Глонара, «Приятель — конгениальный переводчик, который полностью углубился в источник и раскрыл его с чарующей сердечностью»⁶¹.

В рассматриваемый период «Ljubljanski zvon» активно знакомил читателей с русской культурой. В разные периоды размеры и содержание публиковавшихся в журнале материалов о России были различны, они зависели во многом от отношений Габсбургской монархии с Россией. Когда они более или менее были лояльными, журнал помещал на своих страницах более обширные и квалифицированные материалы не только словенских, но и русских культурных деятелей. Наиболее ярким и интересным было время, когда редактором журнала являлся Антон Ашкерц. Но и в тот период, когда отношения между Австро-Венгрией и Россией не отличались благожелательностью, «Ljubljanski zvon» находил возможность знакомить читателей с культурными достижениями России. К русской тематике обращались многие словенские деятели культуры. Особенной глубиной и обоснованностью отличались труды И. Приятеля, который именно в то время начинал плодотворную научную деятельность в качестве историка литературы.

⁶⁰ Ljubljanski zvon. 1909. № 1.

⁶¹ Ibid. 1910. № 3.

Ю.С. Мерецкая

Влияние педагогического метода А. Ажбе на развитие живописи в Российской империи в конце XIX — начале XX в.

Y.S. Meretskaya

Anton Ažbe's pedagogical method's influence on the stylistic development of Russian Empire painting in the late XIX — early XX century

Антон Ажбе, словенский художник и педагог, в 1891 г. открыл в Мюнхене знаменитую частную художественную школу, которая в течение 14 лет привлекала множество молодых художников со всего мира. Педагогический метод А. Ажбе сыграл важную роль в стилистическом развитии искусства Восточной Европы и России в конце XIX — начале XX в. Благодаря удачному сочетанию открытости новым идеям и наличию мощной технической базы, педагогический метод Ажбе развивал индивидуальные творческие наклонности студентов, которые смогли найти себя в различных направлениях авангарда. Цель данной статьи — на конкретных примерах показать влияние педагогического метода Ажбе на стилистическое развитие творчества его учеников из Российской империи — представителей различных национальных школ живописи.

Ключевые слова: педагогический метод А. Ажбе, российские ученики А. Ажбе, Мюнхен, импрессионизм, экспрессионизм, абстракционизм.

Anton Ažbe, a Slovenian artist and teacher, at 1891 opened a famous private art school in Munich, which attracted lot of young artists from all world during fourteen years. Ažbe's pedagogical method played an important role in the stylistic development of Eastern Europe and Russian art in the late XIX — early XX century. Due to the successful combination of openness to new ideas and the presence of a strong technical base, Ažbe's pedagogical method developed individual creative inclinations of students, who were

able to realize their potential in different areas of Avant-garde. The objective of this article is to show on concrete examples the Ažbe's pedagogical method's influence on the art' stylistic development of his students from the Russian Empire — natives of various national painting schools.

Keywords: Anton Ažbe's pedagogical method, Anton Ažbe's Russian students, Munich, impressionism, expressionism, abstract art.

Педагогический метод Антона Ажбе (1862–1905) — художника словенского происхождения, в конце XIX в. открывшего в Мюнхене частную художественную школу, оказал значительное влияние на живопись Восточной Европы и России конца XIX — нач. XX в. Разработанные Ажбе педагогические принципы не только повлияли на стилистическое развитие живописи реалистического направления, но и заложили основу для ряда новаторских направлений в искусстве раннего авангарда.

Школа Ажбе была широко известна в России и Европе в конце XIX в. и оценена по достоинству в российских академиях художеств, однако, на сегодняшний день на русском языке выпущены всего две публикации об А. Ажбе. Это монография Н.М. Молевой¹ и Э.М. Белютина² «Школа Антона Ажбе»³ 1958 г. издания и книга В.И. Барановского и И.Б. Хлебниковой «Антон Ажбе и художники России»⁴, вышедшая в 2001 г.

Зарубежными исследователями опубликовано значительно больше работ о словенском педагоге. Среди них упомянем следующие издания, имеющие непосредственное отношение к теме данной статьи: сборник «Антон Ажбе и его школа» под редакцией К. Добиды⁵, книга американской исследователь-

¹ Н.М. Молева (1925) — известная российская писательница, искусствовед, историк и жена Э.М. Белютина — имеет словенские корни (семья Mole), а одним из ее научных руководителей во время обучения в МГУ был И.Э. Грабарь.

² Э.М. Белютин (1925–2012) — советский художник-авангардист, педагог, теоретик искусства и создатель студии «Новая реальность». В 1962 г. работы Э.М. Белютина и участников его студии, экспонировавшиеся на выставке «XXX лет МОССХ», подверглись резкой критике Н.С. Хрущева.

³ Молева Н.М., Белютин Э.М. Школа Антона Ажбе. К вопросу о путях развития художественной педагогики на рубеже XIX–XX века. М., 1958.

⁴ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Антон Ажбе и художники России. М., 2001.

⁵ Anton Ažbe in njegova šola. Katalog in zbornik. Ljubljana, 1962.

ницы творчества В.В. Кандинского П. Вейсс «Кандинский в Мюнхене»⁶, статья американского искусствоведа П. Моррина, изучающего наследие Х. Хоффманна⁷, сборник-каталог «Путь к модерну и школа Ажбе в Мюнхене» сербского искусствоведа К. Амброжич⁸, монография словенского живописца, педагога и художественного критика М. Тршара «Антон Ажбе»⁹ и книга «Игра линий» современного американско-сербского искусствоведа А. Новаков¹⁰.

Таким образом, педагогический метод Ажбе был подробно рассмотрен в ряде исследований. Однако, цель данной статьи несколько иная и заключается в том, чтобы на конкретных примерах показать влияние его педагогического метода на стилистическое развитие творчества его учеников из Российской империи — представителей различных национальных школ живописи в ее составе, в том числе на украинскую, армянскую и осетинскую школы живописи.

Антон Ажбе родился 30 мая 1862 года в семье не крупного землевладельца вместе со своим братом-близнецом Алойзием в Доленчице в Крайне. Когда мальчикам было всего семь лет, их отец умер от туберкулеза (в возрасте 40 лет)¹¹ и по причине душевной нестабильности их матери братья попали к опекуну. Из-за физических дефектов и слабого здоровья Антон, в отличие от брата, не был способен полноценно заниматься ведением хозяйства. Поэтому после окончания народной школы опекун решил отправить его в г. Целовец (нем. Клагенфурт, Австрия) в ученики к торговцу.

Проработав пять лет у торговца, Ажбе оказался в Любляне, подробности этого переезда до сих пор точно не известны¹².

⁶ Weiss P. Kandinsky in Munich. The formative Jugendstil Years. Princeton, 1979.

⁷ Morrin P. Some remarks on resent Ažbe Scholarship // Slovene Studies Journal. Princeton — New Jersey, 1979. № 1.

⁸ Ambrožič K. Wege zur Moderne und die Ažbe-Schule in München // Pota k Moderni in Ažbetova šola v Münchnu. Weisbaden–Ljubljana, 1988–1989.

⁹ Tršar M. Anton Ažbe. Ljubljana, 1991.

¹⁰ Novakov A. Play of Lines: Anton Ažbe Art Academy and the Education of East European Female Painters. San Francisco, 2011.

¹¹ Novakov A. Op. cit. P. 26.

¹² Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Указ. соч. С. 11.

Там он и начал обучаться живописи, по воле случая попав в ученики к Янезу Вольфу — ведущему словенскому художнику второй половины XIX века, оказавшему сильнейшее влияние на молодого Ажбе¹³.

Осенью 1882 г. Ажбе был принят в Венскую академию художеств. Там он проучился два года, но остался недоволен методом обучения. По этой причине будущий живописец решил закончить образование в Мюнхене, куда переселился в 1884 г. Там он около семи лет обучался в Академии художеств. Ажбе часто корректировал работы своих сокурсников, особенно ценились его правки, касающиеся строения человеческого тела¹⁴.

По предложению словенских друзей Ф. Весела и Р. Якопича весной 1891 г. Антон Ажбе начал преподавать для них, а также для узкого круга молодых художников. Уже через два месяца из-за большого наплыва желающих он открыл свою собственную частную художественную школу¹⁵, пользовавшуюся неизменной популярностью в течение почти 15 лет вплоть до смерти художника в 1905 г.

С 1891 по 1905 г. через школу Ажбе прошли около 150 учеников со всех концов света, разного уровня подготовки и с различными мотивациями к обучению. Школа была интернациональна, в ней обучались представители более 20 народов¹⁶. Кроме того, студия Ажбе была одной из немногих школ, открытых для женщин, в отличие от Академии художеств и других художественных организаций, восполняя тем самым пробел в женском художественном образовании. В школу принимались женщины разного возраста из разных стран, также были ученицы и из Восточной Европы¹⁷.

¹³ *Ivanović N. Ažbe, Anton (1862–1905) [Electronic resource] // Slovenska biografija. Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Znanstvenoraziskovalni center SAZU, 2013. Режим доступа: <http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi132240/> (дата обращения: 14. 05. 2015).*

¹⁴ *Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Указ. соч. С. 14*

¹⁵ *Ambrožič K. Op. cit. S. 199.*

¹⁶ *Ibid. S. 212.*

¹⁷ *Novakov A. Op. cit. P. 39.*

По сведениям из разных источников ежедневно в школе Ажбе занимались по 80¹⁸–100¹⁹ учеников, которые обычно проводили там целый день. Часто места в студии не хватало на всех желающих, и Ажбе оставлял на занятии тех, кто раньше пришел²⁰. Известная сербская художница Н. Петрович — ученица Ажбе — сравнивала школу с «Ноевым ковчегом» из-за многонациональности и обилия учеников²¹.

Примечательно, что в школе Ажбе особенно талантливые учащиеся полностью или частично освобождались от оплаты²². Так, совершенно бесплатно у Ажбе учились российские художники К. С. Петров-Водкин²³, братья Владимир и Давид Бурлюки²⁴, хорватский художник Й. Рачич²⁵ и другие талантливые художники. Более того, по воспоминаниям чешского живописца Э. Пацовского²⁶ Ажбе всегда носил с собой определенную сумму денег и давал нуждающимся ученикам по просьбам, причем средства нередко к нему так никогда и не возвращались. В этом проявлялась удивительная доброта и бескорыстность художника, отмечаемая всеми его учениками и современниками.

Интересна взаимосвязь школы Ажбе и Мюнхенской академии художеств, которая советовала поступающим подготовиться в студии словенца перед поступлением. Немаловажно, что это учебное заведение даже заверяло своей печатью дипломы школы Ажбе²⁷.

Словенский педагог пользовался уважением и в России. Его школу часто рекомендовали художникам профессора Пе-

¹⁸ *Mesesnel F. Anton Ažbe // ZUZ. IV. letnik. Št. 1. Ljubljana, 1924. S. 2.*

¹⁹ *Ambrožič K. Op. cit. S. 200.*

²⁰ *Барановский В. И., Хлебникова И. Б. Указ. соч. С. 38.*

²¹ *Ambrožič K. Op. cit. S. 200.*

²² *Mesesnel F. Op. cit. S. 2–3.*

²³ *Петров-Водкин К. С. Хлыновск. Пространство Евклида. Самаркандия. Л., 1970. С. 394.*

²⁴ *Барановский В. И., Хлебникова И. Б. Указ. соч. С. 96.*

²⁵ *Bečić V. Josip Račić pri Ažbetu // Anton Ažbe in njegova šola. Katalog in zbornik. Ljubljana, 1962. S. 91.*

²⁶ *Ambrožič K. Op. cit. S. 200.*

²⁷ *Ibid. S. 200, 216. Op. 48.*

тербургской академии художеств И.Е. Репин и П.П. Чистяков. Педагогическая система последнего имела много точек соприкосновения с принципами Ажбе. Художники, обучающиеся в Московском училище живописи, ваяния и зодчества также приезжали к Ажбе по рекомендации В.А. Серова, который, уже будучи признанным в России и Европе мастером, неоднократно сокрушался, что ему не хватает школы Ажбе²⁸.

Мюнхен на рубеже XIX–XX в. был средоточием культурной жизни Восточной Европы. Богатая событиями художественная среда баварской столицы оказала влияние на формирование А. Ажбе и как живописца, и как педагога. Также она, безусловно, в известной степени стимулировала творческий поиск учеников Ажбе. Так, на выставке художественного общества «Kunstverein»²⁹ 1904 г. ученики Ажбе познакомились с произведениями П. Сезанна, В. Ван Гога, П. Гогена. Живопись постимпрессионистов произвела сильное впечатление чистотой красок и ярко выраженной индивидуальностью творческих решений³⁰. Нужно отметить, что А. Ажбе тоже оказался под впечатлением от произведений постимпрессионизма. Вместе с учениками он был открыт новейшим течениям современной ему живописи. Как мудрый педагог, Ажбе умел постигать новое и подчас учился этому у своих студентов, использовал их достижения для обновления своего творческого метода и педагогической системы.

Разработанный Ажбе педагогический метод оказался стимулом для дальнейшего развития его учеников в самых разных творческих направлениях. Таким образом, значительная часть учеников Ажбе из Российской империи, овладев в его школе навыками реалистической живописи, увлеклась импрессионистической живописью, экспрессионизмом и абстракционизмом. Формируя у студентов профессиональную базу

²⁸ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Указ. соч. С. 7.

²⁹ *Kunstverein* (с нем. «художественное общество») — негосударственные, общественные организации, оказывающие поддержку современному искусству. См.: Козлова О. Кельнский скандал // Художественный журнал, 1999. № 23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx23/x2317.htm> (дата обращения: 12. 06. 2018)

³⁰ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 214.

технических приемов рисунка и живописи, Ажбе не ущемлял их самостоятельных творческих устремлений. Показательно письмо его сербской ученицы Н. Петрович, которая обучалась в Мюнхене параллельно у А. Ажбе и И.Э. Грабаря. Она писала родным, что оба учителя довольны ее работой, однако, Грабарь пытается умерить ее творческий пыл, призывая к постепенному освоению живописных задач, а Ажбе, напротив, радуется ее смелым, хотя подчас и неумелым, художественным решениям³¹.

Переход учеников Ажбе от реализма к импрессионизму, экспрессионизму и абстракции стал возможен благодаря таким элементам метода Ажбе, как разработанные им «принцип шара» и «принцип кристаллизации краской».

Первый педагогический принцип Ажбе — «принцип шара» («Kugelprinzip») являлся своеобразным «фирменным знаком» школы. На входной двери студии Ажбе на Георгенштрассе, 16 висела надпись с названием принципа³², а его олицетворением считалась живописная работа словенца «Негритянка».

Вращаясь в художественном кругу и будучи знаком с общеевропейскими импрессионистическими веяниями искусства, Ажбе по-своему интерпретировал их в педагогическом методе. Он трактовал картинное пространство как окно в воображаемую глубину. Изображение формы, находящейся за этим окном, должно было совпадать с реальными наблюдениями художника. Признавая необходимым для художника следовать зрительным впечатлениям в соответствии с общими требованиями времени, он считал, что предварительно все же необходимо разобраться в устройстве изображаемого и свести его к простым формам. В этом и заключался один из основополагающих принципов школы Ажбе — «принцип шара». Определив крупную простую форму и проведя светотеневую моделировку, ученик должен был постепенно перейти к малым формам и найти пропорциональные соотношения между ними.

Таким образом, «принцип шара» предполагал формирование навыков отбора формы, умения вычленять главное —

³¹ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 214.

³² *Ibid.* S. 199.

«большую линию» и «большую форму», о которых в воспоминаниях много писали российские художники М.В. Добужинский³³ и И.Э. Грабарь³⁴, т. е. мыслить объемными конструкциями, обобщать и упрощать форму. Этот принцип требовал от учеников Ажбе ухода от простого копирования натуры и от реалистического рисунка, приводил к изысканной линейности модерна, свободе экспрессионистического понимания формы и конструктивной четкости абстрактного толкования формы. Лаконичные, стильные гравюры российско-немецкой художницы и скульптора Е.К. Лукш-Маковской (1878–1967), дочери известного русского живописца К.Е. Маковского, — яркий пример переработки «принципа шара». Художница нашла «большую линию» и остановилась на этапе плоскостного выделения форм, не придавая им объема, как того требовало искусство модерна. Остановка на этом этапе привела М.В. Верёвкину, российскую художницу, работавшую большую часть жизни в Германии и Швейцарии, к экспрессионизму, поражающему своим эмоциональным накалом на ее полотне «Трагическое настроение» (1910 г., Городской музей современного искусства, Аскона). Упрощение формы, культивируемое у Ажбе, вероятно, подтолкнуло В.В. Кандинского к предельной лаконичности линейного образа, который в какой-то момент стал распадаться и лишаться некоторых своих частей. Так в работе «Лирическое» (1911 г., Музей Бойманса ван Бёнингена, Роттердам) лошадь с наездником сохранили лишь часть своих очертаний, почти готовые рассыпаться в абстрактный набор линий и пятен.

Ученики Ажбе должны были хорошо видеть, чувствовать цвета, так как умение передать цветом форму — это живопись отношений, которая требовала работу несмешанными красками, легшую в основу второго наиважнейшего педагогического принципа Ажбе — «принципа кристаллизации красок». Этот принцип также отражал общеевропейское видение искусства и отчасти был близок импрессионизму. Ажбе учил накладывать краски сразу на холст, не смешивая их предварительно

³³ Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С. 149.

³⁴ Грабарь И.Э. Моя жизнь. Автобиография. М.; Л., 1937. С. 126–127.

на палитре. «В глазу зрителя они сами смешаются, но, по крайней мере, дадут чистую расцветку, а при размазывании на палитре получается одна грязь», — говорил он [Ажбе], демонстрируя свою мысль на палитре и холсте. В этих репликах и советах заключалась целая система, близкая к системе импрессионистов, которых он очень высоко ставил»³⁵, — вспоминал И.Э. Грабарь. Такой подход позволял писать яркие, живые работы сочными чистыми цветами.

Однако словенский искусствовед М. Тршар, более подробно разъясняя «принцип кристаллизации красок» Ажбе, указывает и на его отличие от импрессионистической манеры. Следуя принципу Ажбе, нужно было одной и той же кистью набрать несколько необходимых для мазка красок с палитры и, не перемешивая их на ней, сразу нанести на холст. В итоге на самом холсте они все же смешивались непредсказуемым образом. Импрессионисты же каждый раз брали кистью только один цвет³⁶.

Тем не менее, «принцип кристаллизации красок» Ажбе, хотя и отличался технологически от импрессионистической манеры, часто давал тот же эффект трепещущего мазка и торжества света. Таким образом, живописный принцип художника подготавливал идеологическую и техническую базу для перехода его учеников к импрессионизму, в рамках поэтики которого функционировала студия Ажбе. Полотно «Хризантемы» (1907 г., Государственный Русский музей, Санкт-Петербург) И.Э. Грабаря демонстрирует бликующую пастозность мазка и увлечение светом, характерные для импрессионизма.

Работая в живописной технике «принципа кристаллизации красок», ученики Ажбе иногда произвольно перемешивали краски в процессе нанесения на холст, что привносило в их работы элемент случайности, спонтанности и даже драматичности, свойственных экспрессионизму³⁷. Более того, сам Ажбе, чувствуя общеевропейский вектор развития искусства, советовал ученикам передавать красочное видение мира как

³⁵ Грабарь И.Э. Указ. соч. С. 128.

³⁶ Tršar M. Op. cit. S. 138.

³⁷ Ibid. S. 138.

свое личное переживание и самовыражаться таким образом, что было путем в предэкспрессионизм³⁸, ведущий к экспрессионизму и абстрактной живописи. В драматически тревожной работе М. Верёвкиной «Вихрь любви» (1917 г., Собрание Кармен и Диего Хагманн, Цюрих) можно наблюдать характерные для «принципа кристаллизации красок» комплексные мазки, содержащие сразу несколько красок.

Примечательно, что уходу от реализма служили не только явные достоинства педагогического метода Ажбе, но и, казалось бы, его недостатки. Так, недостаточная настойчивость Ажбе на четком пропорциональном построении форм учениками с помощью измерения натуры карандашом сослужила хорошую службу студентам — они не заикливались на натуре и впоследствии задались вопросами поиска нового формального языка³⁹.

Кроме того, как отмечают российские исследователи Н.М. Молева и Э.М. Белютин, «положения, основанные на светотеневом рисунке, иногда приводили к известной оторванности цвета от тона»⁴⁰. Некоторые ученики, передавая цветом форму предмета, уходили от светотональных решений, т. е. от тона. Из-за этого происходил разрыв, и художники работали скорее краской, чем цветом, таким образом, цвет отделялся от реальной формы. В этом отрыве от реальности нужно искать предпосылки будущих стиливых исканий учеников Ажбе, приведших их к экспрессионизму и абстрактному искусству.

Для понимания значения школы Ажбе и влияния, оказанного основными живописными принципами педагога на творчество его учеников из Российской империи, необходимо ознакомиться с художественными направлениями, которых они придерживались, а также с их работами. Одни нашли себя в реализме (Д.Н. Кардовский), другие — в импрессионизме (И.Э. Грабарь, М.Ф. Шемякин), третьи — в экспрессионизме (М.В. Верёвкина, А.Г. Явленский), четвертые — в абстракции (В.В. Кандинский), а некоторые даже в модерне

³⁸ *Ambrožič K.* Op. cit. S. 214.

³⁹ *Morrin P.* Op. cit. P. 32.

⁴⁰ *Молева Н.М., Белютин Э.М.* Указ. соч. С. 71.

(Е.К. Лукш-Маковская), который был чужд самому Ажбе и его методам, но царствовал в Мюнхене.

В школе А. Ажбе обучались около 50 российских художников, однако стоит учитывать, что в их число входили не только русские, но и представители других народов, входящих в состав Российской империи. Поэтому для более ясного изложения материала информация об учениках будет условно сгруппирована по национальному признаку, т. е. разделена на национальные школы. В рамках же каждой школы будут рассмотрены и отдельные стилистические направления, ей присущие. Кроме того, будут упомянуты, конечно, не все ученики Ажбе, а только те, которые внесли наиболее значительный вклад в развитие того или иного стилистического направления или национальной школы живописи. Также будет рассмотрено творчество российских художников, покинувших страну, и, таким образом, оказывавших влияние на искусство Европы и всего мира.

Немаловажно, что многие ученики Ажбе стали не только прекрасными художниками, но и замечательными педагогами. Некоторые из них взяли за основу именно педагогические методы Ажбе. Таким образом, они транслировали педагогические идеи Ажбе не только посредством своего творчества, но и педагогической деятельностью, передав их следующему поколению художников, что позволяет говорить о продолжении дела словенского педагога в России, Восточной Европе и даже в США.

Интересно проследить, как росла известность школы Ажбе среди художников Российской империи в конце XIX — начале XX в. Если в 1896 г. ученики И.Е. Решина И.Э. Грабарь и Д.Н. Кардовский попали к Ажбе совершенно случайно, по совету знакомого, то уже в 1900 г. М.Ф. Шемякин был направлен туда своим учителем В.А. Серовым. Можно предположить, что в 1901 г. и другой его ученик — К.С. Петров-Водкин выбрал школу Ажбе также по его рекомендации. М.В. Добужинский, не обучавшийся в российских академиях художеств, пришел к словенскому педагогу, следуя совету профессора Мюнхенской академии Гизиса, что еще раз свидетельствует о высокой оценке школы Антона Ажбе в академических кругах Мюнхена.

Российская школа живописи

Многие российские ученики Ажбе после окончания обучения вернулись на родину, где продолжили творческую деятельность сначала в Российской империи, а затем и в СССР. Среди них отдельно остановимся на тех учениках, которые оказали наибольшее влияние на развитие российского искусства.

Первыми, в 1896 г., оказались в мюнхенской школе Ажбе И.Э. Грабарь и Д.Н. Кардовский, ученики И.Е. Репина в Санкт-Петербургской академии художеств. Они стали одними из любимейших учеников Ажбе и высоко ценили его педагогический метод, что, безусловно, отразилось на их творчестве.

Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) долгое время был старостой школы и с готовностью помогал новичкам, объясняя им живописные принципы словенского педагога⁴¹. Более того, в 1899 г.⁴² Ажбе предложил Грабарю совместно с ним преподавать в мастерской. Школа Ажбе была переименована в школу Ажбе и Грабаря, а для отделения Грабаря на той же улице была арендована дополнительная мастерская. Совместное учреждение успешно функционировало около года, пока в 1900 г. Грабарю не поступило выгодное предложение от обеспеченного российского ученика — князя С.А. Щербатова, предполагающее его индивидуальное обучение. Благодаря этому у Грабаря появилось время для собственного творческого развития, которого совершенно не хватало из-за преподавания. Российский художник с теплотой вспоминал о периоде совместной работы с Ажбе: «Мы дружески и славно поделили наши “сферы влияния”. Ни разу за все наше совместное существование между нами не было ни малейших поводов для взаимного недовольства или трений»⁴³.

После ухода из школы Ажбе Грабарь пробыл в Мюнхене до 1901 г. и все это время не прекращал общения с педагогом.

⁴¹ *Грабарь И.Э.* Указ. соч. С. 128.

⁴² Дата уточнена В.И. Барановским и И.Б. Хлебниковой. См.: *Барановский В.И., Хлебникова И.Б.* Указ. соч. С. 43.

⁴³ *Грабарь И.Э.* Указ. соч. С. 137.

В России он благодаря своей неутомимой деятельности стал одним из ведущих художников и педагогов, членом академий наук и художеств, занимался искусствоведением, реставрацией и музейной деятельностью. Он входил в существовавшее с 1903 по 1923 г. общество «Союз русских художников», во многом основанное на традициях русской живописи XIX в., а также испытывающее сильное влияние импрессионизма⁴⁴.

Вероятно, именно «принцип кристаллизации красок» подготовил Грабаря к импрессионистической живописи, которой отмечена большая часть его произведений, например, раннее полотно «Мартовский снег» (1904 г., Государственная Третьяковская галерея, Москва). Искрящийся, переливающийся снег «покрывает» больше половины холста, не создавая при этом ощущения пустоты или неполноты, и, быть может, выступает в роли «главного героя» этого произведения, притягивая внимание зрителя. Не смешивая краски на палитре и нанося их отдельными мазками, Грабарь, к тому же, написал снежный покров густыми, рельефными мазками, что придало еще больше реалистичности изображению.

И.Э. Грабарю также была свойственна и реалистическая живопись. В более поздней работе «Зимой» (1934 г., Государственная Третьяковская галерея, Москва) продемонстрировано привитое в мастерской Ажбе чувство формы и цвета.

Дмитрий Николаевич Кардовский (1866–1943) в 1900 г. вернулся в Россию и продолжил художественную деятельность, которая в целом была близка реализму. «Принцип шара» Ажбе создал прочную основу для его творчества. Однако, полотно «Мостик» (1906 г., Государственная Третьяковская галерея, Москва), написанное через семь лет после окончания обучения, тем не менее, близко по технике исполнения «принципу кристаллизации красок» Ажбе.

Через много лет, уже будучи признанным живописцем и педагогом, Д.Н. Кардовский включил Ажбе в число трех учителей, оказавших сильнейшее влияние на формирование его

⁴⁴ Майорова Н., Скоков Г. Шедевры русской живописи: 10-е годы XX века. М., 2007. С. 44.

как художника⁴⁵. Он подробно описал «принцип шара», называя его необходимой основой для создания художественного произведения. Важно, что Кардовский действительно взял за основу методы обучения Ажбе. М.В. Добужинский так писал о Д.Н. Кардовском и его учениках: «Верный ученик Ашбе Д.Н. Кардовский именно сангинную технику, ставши профессором, ввел в Петербургскую Академию [...] Все трое — Кардовский, Яковлев и Шухаев — переработали по-своему принципы Ашбе, на которых и воспиталось целое поколение русских художников. Таким образом, что, кажется, не отмечалось, наш “неоакадемизм” имеет начало в мюнхенской школе»⁴⁶.

Российский художник **Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957)** попал в школу Ажбе в 1899 г. Он высоко ценил «принцип шара», отмечая освежающее действие большой линии и большой формы, но совершенно не принимал живопись по системе Ажбе, считая, что она лишена тона. Причина такого неприятия, скорее всего, крылась в том, что М.В. Добужинский больше тяготел к линии, нежели к работе с цветом. Его произведения отличаются утонченной графичностью и четкостью.

На созданном в ученический период «Автопортрете» (1900/1901 г., Государственный Русский музей, Санкт-Петербург) можно наблюдать живописный эксперимент в технике «кристаллизации красок». Однако, стоит заметить, что художник не добился необходимого цветового эффекта — колорит картины несколько мрачноват. В его работах по оформлению журнала «Мир искусства» в 1902 г. прослеживается влияние графиков «Симплициссимуса»⁴⁷, немецкого сатирического еженедельного журнала, издававшегося в Мюнхене. Более поздняя графическая работа «В ротах. Зима в городе» (1904 г., Государственный Русский музей, Санкт-Петербург), выполненная Добужинским в его собственном стиле, приятно поражает четкостью линий и сочными цветами локальных заливок.

⁴⁵ Лобанов В. «Мои открытия». (Из признаний художника) // Кардовский Д.Н., Делла-Вос-Кардовская О.Л. Сб. статей. М., 2010. С. 17.

⁴⁶ Добужинский М.В. Указ. соч. С. 151.

⁴⁷ Лапина Н. Мир искусства: очерки истории и творческой практики. М., 1977. С. 141.

Мстислав Добужинский пробыл за границей до 1901 г., переходя от Ажбе к венгерскому педагогу Ш. Холлоши и обратно. В России он был членом объединения «Мир искусства» и профессором Академии художеств, занимался художественной и педагогической деятельностью. Соединив лучшие стороны методов обоих педагогов, М.В. Добужинский, обучал студентов «большой форме» Ажбе в комплексе с детальным рисунком Ш. Холлоши⁴⁸.

Ученик В.А. Серова *Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878–1939)*, взяв отпуск в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, в 1901 г. поступил в мастерскую Ажбе. После завершения образования Петров-Водкин много и плодотворно работал в Советской России как художник и педагог. В десятилетиях XX в. он создал свою особую художественно-теоретическую систему⁴⁹, основанную на принципе «сферической перспективы», подразумевающим изображение природы в ракурсах сверху и сбоку, которой обучил множество учеников. Эта система не предполагала использования живописной техники «кристаллизации красок» Ажбе, однако, метод, введенный Петровым-Водкиным в послереволюционной Академии художеств в Санкт-Петербурге, отдаленно перекликался с ней. Студентам выдавались три основные краски — желтая, красная и синяя, и они должны были писать, не смешивая их, без белил⁵⁰.

Можно предположить, что именно развитое в стенах мюнхенской школы благодаря «принципу шара» чувство формы и выявление крупных масс помогало Петрову-Водкину достигать необходимого визуального эффекта, который можно наблюдать на одном из его поздних полотен «1919 год. Тревога» (1934 г., Государственный Русский музей, С.-Петербург).

В 1900 г. после окончания Московского училища живописи, ваяния и зодчества по совету В. Серова в школу Ажбе поступил замечательный самобытный московский художник *Михаил Фёдорович Шемякин (1875–1944)*. Он отметил, что в этот

⁴⁸ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Указ. соч. С. 161.

⁴⁹ Майорова Н., Скоков Г. Указ. соч. С. 114.

⁵⁰ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Указ. соч. С. 160.

период мастерская Ажбе «пользовалась очень большой популярностью чуть ли не во всем мире»⁵¹.

За два года М.Ф. Шемякин успешно овладел курсом рисунка школы Ажбе, его финальной работой был рисунок «Голова католического монаха» (1901–1902), свидетельствующий об отличном усвоении «принципа шара».

Примечательно, что с этой работой связана любопытная история, рассказанная сыном М.Ф. Шемякина — Михаилом Михайловичем. Он вспоминал, что рисунок висел в столовой в квартире И.В. Гржимали — тестя художника и известного в то время музыканта. Однажды к Гржимали пришел Федор Шаляпин, все приготовились приветствовать его, но он, подойдя к рисунку, долго молча смотрел на него. Когда артист оглянулся, все «увидели двух “Монахов”: одного на рисунке, а другого великолепно [...] “сыграл” Шаляпин! Раздались дружные аплодисменты». Шаляпин поинтересовался авторством рисунка, а затем выразил Михаилу Шемякину свое искреннее восхищение. Художник тут же хотел подарить работу артисту, но тот отказался, сказав: «Что за [...] манеры: понравилось гостю, значит — дарить. Это — Ваше, и должно принадлежать Вам».⁵²

Удивительно, но живописные работы Шемякина, созданные после возвращения в Россию, светлы и импрессионистичны, и как будто следуют «принципу кристаллизации красок» Ажбе, хотя художник и не осваивал курс живописи в мюнхенской школе. Полотна «Мать и дитя» (1905 г., Государственная Третьяковская галерея, Москва) и «Пионеры на отдыхе» (1939 г., Нижнетагильский муниципальный музей изобразительных искусств, Нижний Тагил) являются отличным тому примером.

По возвращении в Россию М.Ф. Шемякин много и плодотворно трудился. Также он увлеченно занимался педагогической деятельностью, взяв за основу живописные принципы Ажбе.

⁵¹ Молева Н.М., Белютин Э.М. Указ. соч. С. 85.

⁵² Агеева М.В. Художник своего времени Михаил Федорович Шемякин // Русское искусство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russiskusstvo.ru/themes/museum/a1331/> (дата обращения: 05.02.2016).

Таким образом, И.Э. Грабарь, Д.Н. Кардовский, М.В. Добужинский, К.С. Петров-Водкин и М.Ф. Шемякин частично или полностью использовали в своей педагогической деятельности принципы Ажбе, равно как российские живописцы И.Я. Билибин, Д.А. Щербиновский и В.В. Кандинский. Они воспитали не одно поколение художников, что позволяет говорить о влиянии педагогического метода Ажбе на российскую школу живописи.

Василий Васильевич Кандинский (1866–1944) — мастер мирового значения, оказавший влияние не только на российскую и украинскую школы живописи, но и на все искусство XX в.

В.В. Кандинский прибыл в школу Ажбе в 1897 г., резко оборвав юридическую карьеру. Несмотря на прекрасное отношение к Ажбе как к личности, художник ненадолго задержался в его школе. Кандинскому было свойственно неприятие природы как таковой, именно этим обусловлено специфическое восприятие художником педагогических принципов Ажбе. Вот как он писал о «принципе шара»: «Они старались [...] построить всю голову “в принципе шара” и не задумывались, как мне казалось, ни минуты над искусством»⁵³. Однако, преодолев неприятие, Кандинский счел необходимым изучать анатомию, а затем, уже став педагогом, полагал обязательным для художника любого направления пройти определенный путь, начинающийся с постижения природы⁵⁴.

Кандинский был невероятно энергичным человеком, его общественная и педагогическая деятельность повлияла на искусство России, Украины и Европы. В Москве художник с 1918 г. был главным мастером Свободных государственных художественных мастерских, а с 1920 г. — руководителем мастерской во ВХУТЕМАСе. В 1921 г. Кандинский уехал в Германию и начал преподавать в Баухаузе.

Творческий путь В.В. Кандинского пролегал от реализма к экспрессионизму, а далее в чистую абстракцию. Ранний реалистичный портрет «Габриэль Мюнтер» (1905 г., Городская галерея

⁵³ Кандинский В.В. Ступени. Текст художника. М., 1918. С. 38.

⁵⁴ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Указ. соч. С. 158.

рея Ленбаххауз, Мюнхен), вероятно, выполненный с применением живописной техники Ажбе, приятно поражает мягкостью и свежестью. Увлечение экспрессионизмом Кандинского нашло отражение во многих его работах, таких как «Картина с лучником» (1909 г., Музей Соломона Гуггенхайма, Нью-Йорк), «День всех святых I» (1911 г., Городская галерея Ленбаххауз, Мюнхен) и других. Позже развитое в стенах школы Ажбе чувство цвета и формы и уход от природы в итоге привели художника к абстракционизму. Созданная в 1913 г. «Композиция № 7» (Государственная Третьяковская галерея, Москва) — яркий пример беспредметной живописи Кандинского.

В 1911 г. в Мюнхене Кандинский сформировал художественное объединение «Синий всадник»⁵⁵. Члены этой, в основном русско-немецкой, группы работали в стиле экспрессионизма. В выставках «Синего всадника» принимали участие и несколько других учеников Антона Ажбе — М.В. Верёвкина, А.Г. Явленский⁵⁶ и братья Бурлюки.

Художники российского происхождения М.В. Верёвкина и А.Г. Явленский приехали в Мюнхен в 1896 г., где обучались в школе Ажбе⁵⁷. **Марианна Владимировна Верёвкина (1860–1938)** высоко ценила Ажбе как личность и как педагога и глубоко переживала его преждевременную кончину. Художница нашла свой стиль и пришла к экспрессионизму уже в зрелом возрасте после большого перерыва в творческой деятельности. Обратимся к ее «Автопортрету I» (1910 г., Городская галерея Ленбаххауз, Мюнхен). Полотно написано контрастными разнородными мазками в свойственных экспрессионизму ярких, сложных цветовых сочетаниях, не имеющих отношения к действительности. Четким контуром очерчен общий силуэт портрета и выделены черты лица художницы — найдена «большая форма».

⁵⁵ Турчин В.С. По лабиринтам авангарда [Электронный ресурс] / М., 1993. С. 37. Режим доступа: http://bookscafe.net/read/turchin_v-po_labirintam_avangarda-163486.html#p37 (дата обращения: 29.12.2015).

⁵⁶ Толстая Н. Марианна Верёвкина. Женщина и художник // Третьяковская галерея. 2010. № 3. С. 105.

⁵⁷ Там же. С. 103.

Такое же умение выделить конструктивную основу можно наблюдать в «Портрете Александра Сахарова» (1909 г., Городская галерея Ленбаххауз, Мюнхен) кисти **Алексея Георгиевича Явленского (1864–1941)** периода его увлечения экспрессионизмом. Фигура портретируемого дана ярким локальным пятном без каких-либо светотеневых моделировок и обрисована черной широкой линией. Лицо, фон и волосы выполнены в той же, отличной от «принципа кристаллизации красок», живописной манере.

В 1903 г. в школе Ажбе учились талантливые художники братья Бурлюки, успехами которых педагог был очень доволен и позволил им учиться бесплатно⁵⁸. **Давида Давидовича Бурлюка (1882–1967)** Ажбе даже называл «прекрасной дикой степной лошадей»⁵⁹, как поделился сам художник в воспоминаниях. Возможно, художественные навыки, приобретенные в том числе и в студии Ажбе, помноженные на незаурядный талант и новаторские стремления братьев Бурлюков, позволили им встать в ряд выдающихся живописцев начала XX в.

Д.Д. Бурлюк пробовал себя в различных стилевых направлениях, но главной чертой практически всех его полотен является яркий, жизнеутверждающий цвет и смелая работа с формой. Картина «Лошади» (1908 г., Государственный русский музей, Санкт-Петербург) благодаря насыщенным бурлящим краскам, широким темным контурам, но при этом довольно гармоничным сочетаниям цветов балансирует на грани фовизма с экспрессионизмом.

Д.Д. Бурлюк был активным участником художественной и поэтической жизни Москвы и Санкт-Петербурга, экспонировался на многих выставках, а также участвовал в их организации — в 1907 г. «Стефанос» в Москве, в 1909 г. «Венок-Стефанос» в Петербурге, в 1910 г. «Бубновый валет» в Москве и многих других.⁶⁰

⁵⁸ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Указ. соч. С. 96.

⁵⁹ Бурлюк Д.Д. Воспоминания отца русского футуризма. Минувшее // Исторический альманах. Paris, 1988. № 5. С. 28.

⁶⁰ Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях / Автор-составитель А.Д. Сарабьянов. Тексты Н.А. Гурьяновой и А.Д. Сарабьянова. М., 1992. С. 10–12.

Владимир Давидович Бурлюк (1886–1917), младший брат Давида, — одаренный, подающий большие надежды живописец, погиб при Салониках в Первую мировую войну. По мнению художника М.В. Матюшина, Владимир творчески был даже талантливей брата⁶¹. Его полотно «Ганцовщица» (ок. 1910 г., Городская галерея Ленбаххауз, Мюнхен) демонстрирует практически полный уход от натуры, умение абстрактно мыслить большими формами и тревожную, экспрессивную цветовую палитру.

Украинская школа живописи

Ученики школы Ажбе В.В. Кандинский, братья Бурлюки также оказали сильное влияние и на украинскую школу живописи. Кроме них в мюнхенской студии Ажбе обучались и другие украинские художники — А.А. Маневич, А.А. Мурашко и Т.Б. Фраерман.

Своей неумолимой деятельностью Кандинский во многом повлиял на зарождение южноукраинского авангарда. Художник часто приезжал в Одессу, в 1898–1910 гг. входил в Товарищество южнорусских художников и участвовал в его выставках, общался с такими видными деятелями одесской школы живописи как П.А. Нилусом, К.К. Костанди. Наиважнейшим фактором в деле привнесения нового искусства в художественные центры Украины было активное участие В.В. Кандинского в 1909–1911 гг. в грандиозных «Салонах» скульптора В.А. Издебского — передвижных международных выставках современного искусства. Начиная с 1914 г. Кандинский экспонировался в ряде выставок одесского «Объединения независимых»⁶².

Д.Д. Бурлюк принимал активное участие в художественной жизни Одессы, в 1906–1907 гг. экспонировался вместе с братом Владимиром на выставках Товарищества южнорусских художников, в 1908 г. организовал вместе с А.А. Экстер выставку «Звено» в Киеве⁶³, в 1909–1910 гг. участвовал в «Сало-

⁶¹ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Указ. соч. С. 95.

⁶² Лиманская Л.Ю. Южноукраинский авангард между Европой и Россией: история и современность // Неофициальное искусство в СССР. 1950–1980-е годы. М., 2014. С. 98–118.

⁶³ Неизвестный русский авангард. С. 10.

нах» Издебского⁶⁴. Кандинский, будучи в 1910 г. в Одессе, где в это время в Художественном училище оканчивал образование Д.Д. Бурлюк, увлек молодого художника и новаторски настроенную одесскую молодежь идеями нового искусства. Это были предпосылки для начавшейся вскоре связи братьев Бурлюков с Мюнхеном и участия в объединении «Синий всадник».

В 1905 г. в школе Ажбе учился **Абрам Аншелович Маневич (1881–1942)** — украинский, белорусский и американский художник, работавший в стиле, близком модерну. Его уличные сценки зрелого периода творчества, например, «Весеннее солнце» (1913 г.) носят след мюнхенского югендстиля⁶⁵, немецкого варианта модерна, но при этом залиты искрящимся светом, что придает им неизъяснимое очарование. Зато более ранняя работа «Зимний пейзаж с церковью» (1905 г., Национальный художественный музей Украины, Киев) импрессионистична по духу и не имеет четких контуров. Можно предположить, что на ее создание оказал влияние «принцип кристаллизации красок» Ажбе.

В 1917 г. А. А. Маневич стал одним из организаторов и профессоров Киевской академии художеств. В 1921 г. художник эмигрировал в США, а в 1972 г. 48 его работ переданы по его завещанию в Государственный музей украинского изобразительного искусства⁶⁶.

Александр Александрович Мурашко (1875–1919) в 1901 г. поступил в школу Ажбе, уже закончив к этому времени Петербургскую академию художеств (работал в мастерской Репина)⁶⁷. На его светоносную живопись, с отпечатком импрессионизма, не могли не повлиять живописные принципы Ажбе. Картина «Продавщицы цветов» (1917 г., ГМИИ Украины, Киев) поражает яркостью и жизнелюбием и демонстрирует виртуозное умение художника работать с формой, цветом и светом.

⁶⁴ Деменок Е. Бурлюк Давид Давидович (1882–1967) // WCO & Okm, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://odessa-memory.info/index.php?id=109> (дата обращения: 12.08.2016).

⁶⁵ Асеева Н.Ю. Украинское искусство и европейские художественные центры: конец XIX — начало XX века. Киев, 1989. С. 60.

⁶⁶ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Указ. соч. С. 126–127.

⁶⁷ Там же. С. 127.

А.А. Мурашко оказал сильнейшее влияние на украинскую школу живописи. В 1913 г. он открыл собственную студию вместе с А.А. Крюгер-Праховой и А. Б. Козловым, педагогическая система которой во многом продолжала методы Ажбе. Среди его учеников были такие художники, как А. Осмеркин, И. Рабинович и А. Петрицкий⁶⁸. В 1916 г. Мурашко был одним из основателей «Киевского товарищества художников».

Примечательно, что дядя А.А. Мурашко — Николай Иванович Мурашко (1844–1909 гг.) — основатель Киевской художественной школы, встретив Ажбе с группой учеников в Венеции, уговаривал их приехать к нему в Киев, чтобы построить там систему обучения по методу Ажбе⁶⁹.

В самом начале XX в. у Ажбе некоторое время учился **Теофил Борисович Фраерман (1883–1957)** — украинский художник, сыгравший важную роль в развитии одесского авангарда⁷⁰. Его творчество отличается графичностью, некоторой декоративностью, даже временами лубочностью образов. Полотно «Вечер» (1918 г.) символично и загадочно, ясно очерчены объемные формы, цвета будто приглушены черной патиной. Т.Б. Фраерман был профессором живописи Одесского художественного училища Грекова и обучил таких прекрасных живописцев, как Ю.Н. Егоров, О.А. Соколов, Д.М. Фрумина, Е.А. Кибрик и Н.А. Шелюто.

Армянская и осетинская школы живописи

Среди учеников Ажбе были также и выходцы из Армении и Осетии. В начале XX в.⁷¹ замечательный осетинский художник **Махарбек Сафарович Туганов (1881–1952)**, не закончив Петербургскую академию художеств, где учился у И.Е. Репина, П.П. Чистякова, Г.Г. Мясоедова, поступил в мюнхенскую школу Ажбе, где занимался довольно продолжительное время.

⁶⁸ Асеева Н.Ю. Указ. соч. С. 138–139.

⁶⁹ Грабарь И.Э. Указ. соч. С. 129.

⁷⁰ Лиманская Л.Ю. Указ. соч. С. 98–118.

⁷¹ Предположительно до 1905 г., точная дата неизвестна. См.: Цориева И.Т. «Преданный рыцарь искусства...» // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. II. № 3. С. 3–4.

Художник близко воспринял идеи импрессионизма и экспрессионизма, что наглядно продемонстрировано на его позднем полотне «Чермен» (1928 г., Художественный музей им. М. Туганова, Владикавказ). Яркие, порой дисгармоничные, мазки змеятся и закручиваются в экспрессивном вихре, не разрушая при этом формы, работу с которой М.С. Туганов освоил в школе Ажбе. «Принцип шара» был незаменим и при создании графических и живописных работ на тему народного эпоса — главной темы творчества художника. Картина «Пир нартов» (ок. 1925 г., Художественный музей им. М. Туганова, Владикавказ) динамична, экспрессивна и тревожна, но при этом графична и подробна до мелочей.

М.С. Туганов оказал сильнейшее влияние на развитие художественной культуры Осетии. После возвращения из Мюнхена он открыл во Владикавказе художественную студию для одаренных детей, в которой обучил много талантливых художников. Его ученики особенно отмечали его мягкость, умение поддержать и развить индивидуальность начинающего художника, что вызывает ассоциации с подходом Ажбе к обучению⁷².

Вслед за М.С. Тугановом по его настоянию в Мюнхен приехал **Акоп Карпетович Коджоян (1883–1959)** — в будущем известный армянский живописец и график. А.К. Коджоян поступил в школу Ажбе и проучился там примерно два года⁷³. Его «Автопортрет» (1907 г., Дом-музей А. Коджояна, Ереван) носит отпечаток школы Ажбе — тот же широкий, как будто небрежный, мазок, интерес к цвету и свету, чувство формы. В графических работах Коджояна чувствуется влияние модерна — акварель «Ахалцихские женщины» (1922 г., частное собрание, Ереван) поражает изысканной утонченностью образов. Художник был одним из соавторов герба Первой республики Армении (1918–1920 г.), легшего в основу современного герба

⁷² Бигулаева И. Махарбека Туганов — талантливый педагог // Официальный информационный портал Республики Южная Осетия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://south-ossetia.info/maxarbeka-tuganov-talantlivyj-pedagog/> (дата обращения: 09.06.2016).

⁷³ Цориева И.Т. Указ. соч. С. 4.

страны⁷⁴. А.К. Коджоян стал крупнейшим мастером книжной графики и внес неоценимый вклад в развитие армянского искусства.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что студия Ажбе и его педагогические методы оказали сильнейшее влияние на российскую, украинскую, армянскую и осетинскую национальные школы живописи.

Некоторые ученики Ажбе из Российской империи — среди них М.В. Добужинский, А.А. Маневич, Д.Д. Бурлюк — в разное время эмигрировали в США в поисках более спокойной жизни. Все они, несомненно, в разной степени повлияли на развитие американского искусства, что позволяет задуматься о продолжении жизни педагогических принципов Ажбе в поистине международном масштабе. Например, творчество А.А. Маневича высоко ценил А. Эйнштейн⁷⁵.

Таким образом, можно констатировать, что под влиянием культурной среды Мюнхена и педагогического метода Ажбе его ученики из Российской империи получили техническую и идеологическую базу для дальнейшего развития своего творчества. Многие из них нашли себя в новейших стилистических течениях, таких как модерн, импрессионизм, экспрессионизм и абстракционизм, что было обусловлено комплексным воздействием как явных достоинств, так и недочетов метода Ажбе. Став художниками и педагогами, российские ученики Ажбе привнесли его живописные принципы в искусство России, Восточной Европы и даже США.

⁷⁴ Правительство Республики Армения: Общие сведения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.am/ru/official/> (дата обращения: 09.09.2016).

⁷⁵ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Указ. соч. С. 127.

Б.О. Бабкин, М.Л. Бершадская

Воеслав Моле и Юрий Верховский. Двойной портрет на фоне Гражданской войны

B.O. Babkin, M.L. Bershadskaya

Voeslav Mole and Yuri Verkhovsky. Double portrait on the background of the Civil War

Статья посвящена дружеским и творческим контактам словенского искусствоведа, поэта и эссеиста Воеслава Моле (1886–1973) и видного русского поэта, литературоведа и переводчика Юрия Верховского (1878–1956). В 1914 г. призванный в австрийскую армию Моле попал в плен и почти шесть лет провел в Сибири. В 1919 г. в Томске он познакомился с Верховским, который перевел несколько его стихотворений и опубликовал их в своем сборнике «Солнце в заточении» (1922). «Другу — поэту Юрию Ник. Верховскому» посвящено одно из стихотворений сборника Моле — «Tristia ex Siberia» (1922).

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, Гражданская война в Сибири, филологический факультет Томского университета, поэзия, символизм, неоклассицизм, перевод.

The article focuses on the friendly and creative relations between the Slovenian art historian, poet and essayist Vojoslav Mole (1886–1973) and the Russian prominent poet, interpreter, literary historian and theorist Yuriy Verhovskiy (1878–1956). Being recruited to army in 1914 Mole got captured almost at once and spent practically six years in Siberia. In 1919 in Tomsk he met Verhovskiy, who translated several of his poems and published them in his book «Sun in captivity» (1922). One of the Mole's poems in «Tristia ex Siberia» (1922) is devoted «To the friend — poet Yuriy Nik. Verhovskiy».

Keywords: The First World War, prisoners of war, civil war in Siberia, Philological faculty of Tomsk University, poetry, symbolism, neoclassicism, poetic translations.

*Так принимал ты посох дорожный, о вечный скиталец,
 Ныне на темной земле осени хмурый поэт.*

Ю. Верховский

Уже более двадцати лет судьбы словенцев, оказавшихся в период Первой мировой войны в России, привлекают внимание словенских и русских исследователей¹. В последние годы участился интерес ученых к тем представителям словенской культуры, для которых пребывание в России оказалось в значительной степени судьбоносным, определило характер их творчества. Так Т.И. Чепелевская в работе «Павел Голиа в России (1914–1917)»² написала о судьбе поэта, драматурга и переводчика, много лет руководившего Словенским драматическим театром. Один из авторов данной статьи в свое время также писал о жизни и творчестве Голиа³ и поэтому в полной мере может оценить всю трудоёмкость предпринятой исследовательницей работы. Чепелевская использовала самые разные источники: материалы газет и журналов, документы из личного архива писателя, хранящиеся в рукописном отде-

¹ См.: *Švajncer J.* Vojna in vojaška zgodovina Slovencev. Ljubljana, 1992; *Švajncer J.* Svetovna vojna 1914–1918. Slovenci v avstro-ogrski armadi. Maribor, 1988; *Svoljšak P.* Prva svetovna vojna in Slovenci. Opis slovenske zgodovinske, publicistične in spominske literature o prvi svetovni vojni // *Zgodovinski časopis*, 47/1993. S. 263–287; *Luthar O.* O žalosti niti besede. Uvod v kulturno zgodovino velike vojne. Ljubljana, 2000; *Новак-Попова И.* «Забытые» словенские свидетельства о Великой войне // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 312; *Slovenica* III. Первая мировая война в политике и культуре русских и словенцев. К столетию начала Первой мировой войны. М., 2014; *Бершадская М.Л.* Веточка с могилы Льва Толстого // Российская газета. № 51. 12.03.2015. С. 5; *Она же.* Россия периода Первой мировой войны в дневниках и воспоминаниях словенских военнопленных // *Stephanos*. 2017. № 1(21) С. 201–210; *Она же.* Первая мировая война и гражданская война в России в творчестве В. Моле // Седьмые и восьмые Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи. Сборник статей по материалам XLIV и XLV Международных научных конференций. СПб., 2016. С. 22–27.

² *Чепелевская Т.И.* Павел Голиа в России (1914–1917) // *Slovenica*. СПб, 2011. Вып. 1. Исторические основы и перспективы российско-словенских отношений. С. 145–154.

³ *Бершадская М.Л.* Словенский театр 1918–1941 гг. и русская культура // Русская литература и зарубежное искусство. Сборник исследований и материалов. Л., 1986. С. 189–215.

ле Национальной университетской библиотеки в Любляне, а также документы, касающиеся литовского поэта Ю. Балтрушайтиса, друга Голия, который ввел его во МХАТ. На основе этого архивного материала исследовательница убедительно доказала, что «знакомство с Ю. Балтрушайтисом, несомненно, помогло молодому словенскому поэту не только ощутить атмосферу литературной Москвы (литературных вечеров, встреч, дискуссий о новых направлениях и интенциях в литературе и искусстве), но и узнать многое о развитии самого театрального дела. А беседы с Ю. Балтрушайтисом, посвященные созданию нового репертуара нового театра новой России, не могли не давать пищу для размышлений о будущей работе у себя на родине»⁴.

О Павле Голия, а также Иосипе Видмаре (1895–1992), выдающемся словенском теоретике, критике, переводчике, президенте Словенской академии наук и искусств (1952–1976) и известном театральном режиссере О. Шесте говорится в статье К.Я. Козака «Контрапункт преданности и презрения: русские актеры в Словении в межвоенный период». «Всех этих выдающихся деятелей словенской культуры объединяет одно: будучи призванными в австрийскую армию, они — как и многие другие словенцы — не захотели воевать со своими славянскими братьями и добровольно перешли на сторону русских. Для тех кто сумел дезертировать, это означало несколько относительно спокойных лет, которые они — по крайней мере те, о ком идёт речь в нашей статье, — пишет К.Я. Козак — посвятили изучению языка, работе в библиотеках, сотрудничеству в сфере иностранного искусства и, прежде всего, знакомству с русской литературой и мировыми литературными именами»⁵.

Однако не ко всем словенским военнопленным судьба была столь же благосклонна, как к Голия, Видмару и Шесту. Среди тех, кто в полной мере испытал все тяготы пребывания в плену, был искусствовед, поэт, прозаик и переводчик Воеслав Моле.

⁴ *Чепелевская Т.И.* Павел Голия в России (1914–1917). С. 150.

⁵ *Козак В.Я.* Контрапункт преданности и презрения: русские актеры в Словении в межвоенный период // *Slovenica II. Славенский межкультурный диалог в понимании русских и словенцев.* М., 2011. С. 285.

Моле родился в 1886 г. в маленьком, но очень живописном городке Канал. Литературой увлекся еще на гимназической скамье. Его первые стихотворные и прозаические опыты были опубликованы в журнале «Omladina» («Омладина», «Молодежь»), издававшемся обучавшимися в Вене словенскими студентами, и на страницах журнала «Ljubljanski zvon» («Люблянски звон», «Люблянский колокол»).

В 1906 г., окончив гимназию, Моле поступил в Венский университет. В 1907–1908 гг. отслужил в австрийской армии, после чего продолжил образование в Кракове и Риме. В 1910 г. вернулся в Вену, где изучал историю искусств и археологию. В 1912 г. защитил диссертацию и получил стипендию для годичной стажировки в Италии. Вернувшись из Италии, работал в бюро по охране памятников в г. Сплит.

В годы учебы он активно занимался литературой, публиковался в газетах и журналах, а в 1910 г. вышел его первый авторский сборник «Когда цвели розы», отмеченный ощутимым влиянием французского символизма и итальянского неоклассицизма⁶. Сборник, посвященный польской студентке Эле Брумер, с которой поэт познакомился во время учебы в Кракове, носит исповедально-любовный характер. Лирический сюжет сборника раскрывается как история первой встречи с возлюбленной, тоски по ней на чужбине, переживания счастья и грусти любви. В «Эпиллоге» поэт возвеличивает это чувство, перед которым бессильна даже смерть.

Будучи широко образованным и эрудированным автором, Моле стремился максимально использовать ассоциативные возможности слова, обращаясь к мотивам и образам разных культур, в первую очередь, к античным истокам и античной мифологии. В его стихах фигурируют нимфы, фавны, грации, Купидон, Пан, Леда, вакханки и окружающая этих персонажей природа с ее красотой и гармонией. Чаще всего живописным фоном служат южные пейзажи с аллеями кипарисов и платанов, полями цветущих маков и тюльпанов, освещенных солнцем или зыбким светом луны. «Стиль всех стихов сборни-

⁶ Mahnič J. Obdobje moderne. Zgodovina slovenskega slovstva. V. Ljubljana, 1964. S. 212.

ка является подчеркнуто высоким. В них снова и снова возникают любимые поэтом цвета: багряный, серебряный, золотой и снежно-белый. Часто используются авторские составные прилагательные: чудодальный, чудотайный, чудотаинственный, чудотихий, солнечносный, солнечнотихий, осенненемой»⁷, — пишет словенская исследовательница Я. Житник в обширном исследовании о творчестве Моле.

Следует отметить, что одной из характерных особенностей раннего творчества Моле было стремление соединить в одном произведении живопись или архитектуру с поэтическим словом, дать вербальную репрезентацию визуального образа. В сборнике «Когда цвели розы» мы встречаем описание трех произведений великих итальянских художников: «Аполлона и Марсия» Рафаэля, «Моны Лизы» Леонардо и «Любви небесной и любви земной» Тициана. Экфрасис занимает значительное место в творчестве Моле и используется поэтом, как для непосредственного описания визуального артефакта, так и для передачи его собственного состояния, собственных взглядов и эмоций⁸.

Мир в поэзии Моле предстает во всем многообразии красоты, молодости и радости бытия, при этом поэт совершенно не интересуется общественной стороной жизни. По его мнению, «искусство имеет только одну задачу — эстетическое воздействие, основанное на совершенстве формы»⁹. Это сказывается на поэтической технике сборника — форма у Моле крайне культивирована. Он часто употребляет стансы, сонеты и терцины, отнюдь не пользовавшиеся популярностью в словенской поэтической культуре 1910-х годов и в большей мере характерные для парнасцев и символистов. Почерпнув у символистов веру в особое значение ритма, музыкальности стиха, «Моле часто оказывается в ситуации, когда главная мысль, главная идея

⁷ *Žitnik J. Vojeslav Mole: Ob stodeseti obletnici rojstva // Dve domovini. 1996. Št. 7. S. 174.*

⁸ Подробнее об этом см.: *Simonšek R. Vojeslav Mole kot pesnik ekfraise // ARS & HUMANITAS. XVI. Ekfrazis. Exphrasis. Ljubljana, 2017.*

⁹ *Zdravec F. Zgodovina slovenskega slovstva. V: Nova romantika in mejni obliki realizma. Maribor, 1970. S. 59.*

полностью подчиняется диктату формы, чаще всего — музыкальности стиха. Моле и сам признавал, что некоторые строки у него “звенят” так, что поэтическая мысль становится жертвой музыки»¹⁰.

Однако полностью отгородиться от реальной жизни даже такой поборник чистого искусства, как Моле, не смог. «В таких произведениях сборника, как “День перед битвой” или “Возвращение побежденного войска” Моле, столь преданный темам любви, красоты и искусства, оказался первым среди словенских лириков, в чьем творчестве проявились мотивы приближающейся мировой катастрофы»¹¹.

Напророченная Моле война четыре года спустя настигла его в Сплите. Он был молод, полон сил и творческих планов. Ожидал приезда невесты — в сентябре должна была состояться свадьба. Но 1 августа 1914 г. Моле призвали в австрийскую армию. А спустя всего месяц после мобилизации 2 сентября в бою на люблинском направлении он был ранен и взят в плен русскими войсками.

Из люблинского лазарета его отправили в Москву, а оттуда — эшелонам в Сибирь. Так началась сибирская одиссея поэта. За годы, проведенные в Сибири (около шести лет), он побывал как в крупных сибирских городах (Новониколаевске, ныне Новосибирске, Барнауле, Томске, Омске, Тюмени, Красноярске, Иркутске), так и в захолустном городке Тара, а зиму 1915 г. провел в деревне Борки под Томском.

Условия жизни в большинстве случаев были крайне тяжелыми. Пленных содержали в лагерях, где царила скученность, антисанитария и холод. О скудном, однообразном питании и говорить не приходится. Эпидемии в таких условиях являлись обычным делом: сыпной тиф выкашивал пленных тысячами. Угнетали пленных не только отвратительные бытовые условия, но и невозможность хотя бы на короткое время оказаться в одиночестве, выйти за стены лагеря без особого разрешения

¹⁰ *Bole D.* *Vojeslav Mole: Ko so cvele rože.* http://slo.slohost.net/cgi-bin/stran.pl?id=6&izris=izpisiNovico&st_pod=7&jezik=slo&templ=1.

¹¹ *Slodnjak A.* *Slovensko slovstvo. Ob tisočletnici Brižinskih spomenikov.* Ljubljana, 1968. S. 354–355.

начальства и без следующего по пятам конвоира. Письма из родных краев приходили крайне редко или не приходили вовсе. Помимо бытовых неудобств и ощущения несвободы жизнь в лагере отравляли многочисленные национальные и политические конфликты.

Некоторые пленные, не выдержав тягот лагерного существования, сходили с ума или кончали жизнь самоубийством. Для самого Моле, временами находившегося на грани отчаяния, спасительным оказалось его решение вступить в 1-й Югославянский добровольческий полк, дислоцировавшийся в Томске. В обязанности Моле входило просвещение личного состава полка и чтение лекций, поэтому ему выдали официальное направление в библиотеку Томского университета. Там он познакомился с преподавателями историко-филологического факультета П. Г. Любомировым, М. М. Хвостовым, С. И. Гесенем, Б. А. Кржевским и сразу нашел с ними общий язык. «В плену, — написал Моле в мемуарах “Из книги воспоминаний”, — я имел возможность поближе узнать только русских солдат [...]. В Томске я сблизился с живыми людьми без мундира. Конечно, это было избранное общество — интеллигенция [...] я встретил их и узнал в исключительных условиях, во время войны и революции, когда всем им было тяжело, их дни заполняла борьба за существование, за хлеб насущный. И все же это была настоящая жизнь ... Собирались мы чаще всего у Гвоздева¹², петроградского профессора западноевропейских литератур [...]. Он был хорошим знатоком музыки, сам играл на скрипке и рояле. Когда я впервые был у него [...], я почувствовал себя так, как давно этого не случалось. Я почти забыл, что нахожусь в Сибири — был очарован, когда за музыкой Глазунова последовала оживленная беседа. Разговор этот пробуждал воспоминания и, в то же время, давал почувствовать огромное противоречие между миром этих интеллектуалов и реальной ситуацией там, за окнами, где все еще раздавался крик: “Долой грамотных!”»¹³

¹² Имеется в виду Алексей Александрович Гвоздев (1887–1939).

¹³ *Mole V. Iz knjige spominov.* Ljubljana, 1970. S. 249–250.

За стенами гвоздевской квартиры действительно было неспокойно. То и дело по ночам раздавались выстрелы и невозможно было понять, кто стреляет: то ли солдаты Колчака, охотящиеся за членами подпольного ревкома большевиков, то ли эсеры, не желающие признавать власть Верховного правителя России, то ли обыкновенные бандиты. Днем на улицах Томска можно было встретить представителей войск Антанты или американского Красного креста, солдат чехословацкого корпуса.

Моле трудно было разобраться в этой круговерти событий, для него главное, что он свободен (хотя бы относительно!) и может вернуться к творчеству. В лагере он почти не писал стихов, большинство стихотворений сибирского цикла датируются 1919 — началом 1920 г. — временем его службы в полку. В лице русских друзей поэт нашел благодарных слушателей и ценителей его творчества, один из них, Юрий Никандрович Верховский, перевел несколько стихотворений Моле на русский язык.

Верховский родился в 1878 г. в селе Гришнево Смоленской губернии в отцовском имении Щелканово. В 1898 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1899 г. его стихотворения появились на страницах «Вестника Европы». В 1902 г. Верховский защитил кандидатскую работу по вульгарно-латинской поэзии, которую писал под руководством А.Н. Веселовского, и по окончании курса был оставлен им при университете для продолжения академической карьеры. В этот период Верховский принимал активное участие в работе Неофилологического общества, которое было своего рода трибуной передовых идей Веселовского. Список участников насчитывал порядка 300 человек, среди них — будущий академик В.М. Жирмунский, а также И.Ф. Анненский и Д.С. Мережковский — ярчайшие представители Серебряного века. С ними Верховского связывали хорошие приятельские отношения.

В 1904 г. Верховский вместе с М.А. Кузминым принял участие в издании «Зеленого сборника», объединившего под своей обложкой шесть авторов. Блок в своей рецензии выделил из них Верховского как «умеющего разнообразить размеры и владеющего стихом лучше всех»¹⁴. Личное знакомство с Блоком,

¹⁴ Блок А.А. Зеленый сборник [рец.] // Вопросы жизни. 1905. С. 218.

включившим впоследствии Верховского в список своих «добрых приятелей»¹⁵, состоялось годом позже.

Результатом «Зеленого сборника» стало приглашение начинающего автора к сотрудничеству в один из ведущих символистских журналов — «Весы», где в 1906 г. вышла подборка стихов Верховского, а также написанный им некролог памяти академика Веселовского¹⁶. В 1908 г. увидел свет первый авторский сборник поэта «Разные стихотворения». Второй сборник — «Идиллии и элегии» — увидел свет спустя два года.

Отношение к литературному творчеству Верховского со стороны современников в этот период оставалось двояким: в нем одновременно видели «прилежного библиофила»¹⁷, «поэта-реставратора»¹⁸, изысканного стилизатора, чья «лира сама собой подстраивается на несколько старомодный лад»¹⁹, и в то же время ставили «в упрек [...] его подражание манере письма поэтов пушкинской эпохи, приводящее его, в конце концов, к подражанию Бенедиктову»²⁰. Кроме того, Верховского упрекали в подражании «“старшим богатырям” символизма»²¹. Доставалось ему и за «чуждые» модернистские опыты²², и за следование моде «Аполлона» — одного из ведущих символистских журналов — моде, по выражению Городецкого, «на ужимки, парики, мантии и тоги и вообще на все, что давно уже погребено жизнью»²³.

¹⁵ Блок А.А. Записные книжки. М., 2000. С. 309.

¹⁶ Весы. М., 1906. № 12. С. 13–20; 43–45.

¹⁷ Ауслендер С.А. Новые книги // Речь. 1910. № 320. С. 3.

¹⁸ Гиттис В.В. Юрий Верховский. Идиллии и Элегии // Новая жизнь. 1911. № 4. С. 259.

¹⁹ Ауслендер С.А. Указ. соч.

²⁰ Гумилёв Н.С. Ив. Бунин... Ю. Верховский [и др.] // Полное собрание сочинений. В 10 т.: М., 2006. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. С. 78.

²¹ Иванов-Разумник Р.В. Старинное (Поэзия Ю. Верховского) // Заветы. 1914. № 2. С. 48.

²² О «чуждости» Верховского модернизму см.: Соловьёв С.М. Б. Садовский [и др.] // Весы. 1909. № 3. С. 88–91.

²³ Городецкий С.М. Под маской жеманности / Известия книжных магазинов М.О. Вольфа по наукам, литературе и библиографии // Вестник литературы. 1910. № 10. С. 309.

С 1911 по 1915 г. Верховский состоял профессором по кафедре Всеобщей литературы на Высших женских курсах в Тбилиси, печатался в газете «Кавказское слово», однако все еще продолжал появляться в петербургской и московской печати: знаковый 1914 г. был отмечен обширной публикацией в «Русской мысли» цикла элегических дистихов в духе античной антологии под общим заглавием «Сельские эпиграммы».

В 1916 г. поэт успешно сдал магистерский экзамен в петроградском университете. О дальнейших событиях в жизни Верховского сегодня известны лишь самые общие сведения. В письмах М.О. Гершензону Верховский рассказывал своему другу о трудностях материального порядка, о том, как успел защититься и прочитать пробные лекции «еще перед бурей», что устроиться в Петрограде не представляется возможным, и о том, что свои надежды поправить дела он связывает с провинцией.

Провинцией, приютившей Верховского на целых три года, стала Пермь. Только открывшийся на тот момент Пермский университет в первый год существования еще имел статус филиала Петроградского университета. Однако возлагаемые на Пермь ожидания не оправдались: общая неустроенность жизни, аресты преподавательского состава и голод едва ли способствовали научной и творческой практике.

О тяжелых условиях быта в большевистской Перми в полной мере свидетельствуют воспоминания знакомого Верховскому профессора Пермского университета Н.В. Устрялова: «Продовольственное положение ухудшается с каждым днем, и трудно, — впрочем, вернее, нетрудно предвидеть, куда мы идем»²⁴. Несмотря ни на что, интеллигенция не теряла присутствия хотя и трагической, но всё-таки бодрости духа: «Так вот и живешь: от государственного права к милой конине, от конины к Ленину и т.д. От Ленина, впрочем, опять к конине, муке и картошке [...] O tempora!»²⁵.

Оторванность от Москвы и Петрограда угнетала едва ли не в большей мере, чем непрестанная забота о хлебе насущном.

²⁴ Устрялов Н.В. Былое — Революция 1917 г. (1890-е — 1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи. М., 2000. С. 187.

²⁵ Там же. С. 192.

Верховскому, горячо привязанному к друзьям и коллегам по символистскому цеху, это испытание давалось с трудом.

24 декабря 1918 г. Сибирская армия Колчака вошла в Пермь. Город радостно встречал освободителей: «Светлый праздник. Был на улицах, в университете. Везде радуются. Освобождение, большевиков нет, все окончательно изгнаны»²⁶. Однако уже в июне 1919 г. Красная армия перешла в контрнаступление, фронт рухнул, и под угрозой взятия Перми началась эвакуация университета в белый тыл — Томск.

Здесь, в Томске, Верховский и познакомился с Моле. У них было много общего. Для мировоззренческой и эстетической позиции обоих авторов характерен определенный культуроцентризм, в их произведениях элементы символизма сочетаются с неоклассицизмом. Оба совмещают научную и критическую деятельность с поэтическим творчеством. Все это, а также личное обаяние Верховского, о котором писали все знавшие поэта, способствовало их сближению. Вот как описал Моле встречу с русским коллегой: «Среди гостей Гвоздева как-то вечером появился русский поэт Юрий Верховский, во всех отношениях очень интересный и оригинальный человек — высокий, с бородой и обликом Тургенева, очень близорукий. Он был профессором русской словесности в университете в Перми, но вынужден был вместе с другими коллегами спешно покинуть город; власти не дали им даже времени взять все необходимое. Остальные нашли какой-то выход из положения, а Верховский, по натуре слишком рассеянный, не сумел своевременно и быстро сделать, что нужно, и даже забыл на письменном столе очки, и это оказалось для него настоящей катастрофой.

Как поэт, Верховский был символист — утонченный, нежный, ощущающий во всём истинную красоту и глубину мысли и чувства. Иногда он нам читал или декламировал стихи современных русских поэтов — Александра Блока, Валерия Брюсова, Максимилиана Волошина, Андрея Белого и др., а также свои стихи, а к концу моего пребывания в Томске — и переводы моих стихов, которые позднее напечатал в сборнике «Солнце в заточении»²⁷.

²⁶ Устрялов Н.В. Указ. соч. С. 211.

²⁷ Mole V. Op. cit. S. 251.

Воспоминания Моле о встрече с Верховским интересны еще и тем, что они проливают свет на некоторые факты, неизвестные биографам русского поэта.

О том, что происходило в жизни Верховского с июля 1919 г. по апрель 1920 г., то есть вплоть до того, как и Томск, вслед за Пермью, перешел под контроль советской власти, до недавних пор можно было судить лишь по нескольким беглым абзацам из его автобиографии. Вот сведения, которые сообщает сам Верховский в первом, датированном 1926 г., варианте: «Избранный весной (1918 г. — *Б. Б.*) профессором Пермского университета по кафедре новой русской литературы я состоял им три года (1918–1921), из которых один (1919–1920) пробыл в Томске, вследствие эвакуации туда Пермского университета»²⁸.

Во втором варианте, датированном 1944 г., память Верховского оказывается избирательной, в ней уже не находится места для Томска: «Избранный весной [1918 г. — *Б. Б.*] профессором Пермского университета по кафедре новой русской литературы, состоял им 3 года (1918–1921). В 1921 году возвратился в Петроград»²⁹.

Для того, чтобы лучше понять причину, по которой Верховский в 1944 г. предпочел не вспоминать о восьми месяцах своей жизни в белом тылу, следует вновь обратиться к мемуарам Моле. «Хотелось бы мне знать, — писал он, — какова дальнейшая судьба Верховского. Знаю только, что большевики, взявшие власть в Томске, привлекли его к суду из-за короткого стихотворения, которое он должен был написать и опубликовать в “Сибирской жизни” по приказу властей Колчака, и осудили его на “презрение трудового народа”. Приговор был крайне мягким, возможно, они знали, что он был несуразным и наивным как в жизни, так и в политике»³⁰.

Что в действительности стоит за приговором, о котором вспоминал Моле, сейчас судить трудно. С одной стороны, «мягкость» приговора могла объясняться характером стихотворных текстов, хотя и опубликованных на страницах антибольше-

²⁸ *Верховский Ю.Н.* Струны. Собр. соч. СПб., 2008. С. 506.

²⁹ Там же. С. 736–737.

³⁰ *Mole K.* Op. cit. S. 251.

вистской «Сибирской жизни», но лишенных идеологического пафоса, — с другой, — несуразность Верховского, его бескорыстие и простота были действительно известны многим, в том числе и Вячеславу Менжинскому, с которым Верховский познакомился еще в начале 1900-х годов, когда они оба, будучи начинающими литераторами, вместе пробовали свои силы на литературном поприще. Менжинский был одним из шести авторов, опубликованных в упоминавшемся нами ранее «Зеленом сборнике». «Зеленый сборник» больше не издавался. Все же представляется, что знакомство с Менжинским не прекратилось, и этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения. Во время суда над Верховским Менжинский был особоуполномоченным Особого отдела ВЧК, а в 1928 г. стал преемником Ф. Э. Дзержинского на посту председателя ОГПУ.

С Томском — помимо знакомства с Верховским — связано еще одно, очень важное для Моле событие. Убедившись в высоких профессиональных знаниях словенского искусствоведа, русские коллеги предложили ему преподавать историю искусств и выступить с докладом, который даст ему право на получение звания доцента, поскольку документов о защите в Венском университете у него с собой нет. Моле с радостью откликнулся на это предложение, посвятив свое выступление венецианской живописи XVI столетия. Ученый совет факультета единогласно признал работу успешной и присудил докладчику звание доцента по истории западноевропейского искусства. Уникален сам факт защиты диссертации без предварительного сбора документов, без публикации научного труда, в условиях Сибири, охваченной пламенем Гражданской войны. Он является ярким подтверждением единения гуманитариев разных стран, понимающих, что в условиях войн и революций миссия интеллигенции заключается в том, чтобы сохранить накопленные человечеством знания и культуру — духовную преемственность бытия. Постановление Ученого совета было направлено министру просвещения в Омск, но ответа на это письмо Моле не дождался, так как вынужден был отправиться в Нижнеудинск, куда был передислоцирован полк. Из Нижнеудинска Моле перебрался в Иркутск, где

встретил Новый 1920 год и стал свидетелем эсеровского переворота, ликвидировавшего власть адмирала Колчака.

Сибирские скитания Моле закончились 26 февраля 1920 г., когда американский транспортный корабль Шеридан, на борту которого находился Моле, покинул Владивостокскую гавань.

Сборник «*Tristia ex Siberia*» вышел вскоре после возвращения поэта на родину и представляет собою лирический дневник, запечатлевший пребывание поэта в Сибири и его путешествие в Триест через Японию, Филиппинские острова, Сингапур и Аден. Как и в первом сборнике, во втором — семьдесят два стихотворения и, так же как первый сборник, он посвящен Эле, ставшей его женой. Тоска поэта по родным и близким людям, мечта о возвращении на родину является основной темой книги. Многие стихотворения говорят о неисчислимых потерях и страданиях, которые принесла с собой война.

Важную роль играют описания природы тех мест, куда поэта забросила судьба. Он восхищается красотой застывшего под снегом Байкала, «шумом речных неспешных вод» Енисея. Уже в первой пейзажной зарисовке мы встречаем метафорические образы, которые лежат в основе изобразительной системы «сибирского» раздела сборника: зима—снег—холод—лед—вихрь—метель—мрак—смерть—ворон—могила—ночь. Снежная метель символизирует у Моле восставшую, разбушевавшуюся народную стихию. Особенно ярко это проявляется в стихотворении «В тайге», где на фоне разбушевавшейся метели нападающие останавливают поезд. «Кроваво шутит русская свобода»³¹, — завершает это стихотворение Моле, прекрасно знающий, что остановка поезда (отрядом белочехов, семеновцев или просто шайкой бандитов) означает для пассажиров верную смерть от холода, голода или от пули вооруженных мародеров. С наибольшей определенностью свое отношение к революции Моле высказал в стихотворении «Свобода». По его мнению, время Прометеев уже миновало, происходящее объясняется тем, что раб похитил с небес искру огня и швырнул ее в мир, и теперь мир охвачен пламенем пожаров. Мрачной «сибирской» части

³¹ *Mole V. Tristia ex Siberia*. Ljubljana, 1920. S. 77.

сборника противостоит его вторая часть «На океане», проникнутая восхищением экзотической природой и радостью предстоящего свидания с родиной и возлюбленной.

Реакция критики на сборник Моле оказалась в основном негативной. Тон задал редактор журнала «Ljubljanski zvon» Й. Глонар. Назвав поэзию Моле «приятным брэнчанием», критик завершил рецензию следующей тирадой: «Тем, кто безусловно отдается “бесконечной мелодии”, звучащей в стихах Моле, для кого стихотворение — это всего-навсего некая акустическая мозаика, составленная из отдельных звуков и чувств, мало связанных между собой, тем сборник Моле понравится. Другим же захочется, чтобы Моле с его мастерством занялся чем-то большим, например, перевел на словенский язык “Пана Тадеуша”»³². Только один критик выступил в защиту Моле. Это был искусствовед Ф. Стеле³³, вместе с которым Моле учился в Вене и с которым дважды встречался в Сибири, поскольку Стеле тоже был военнопленным. Однако поддержка Стеле не повлияла на твердое решение Моле отказаться от литературного творчества и посвятить себя научной деятельности.

В 1920 г. Моле стал доцентом, а в 1924 — профессором Люблянского университета. Осенью 1925 г. он вместе с семьей переселился в Краков, где с 1926 г. руководил кафедрой истории искусств славянских народов в Ягеллонском университете. В научных работах он уделял очень большое внимание связям в сфере искусства между славянскими народами, опубликовал монографии о русском искусстве³⁴ и искусстве южнославянских народов³⁵, теоретический труд об искусстве³⁶. Многие сделал Моле и для того, чтобы познакомить поляков со словенской литературой и искусством, а словенцев — с польской культурой. Помимо этого он выступал в печати с критическими статьями

³² *Glonar J. Mole Vojeslav. Tristia ex Siberia. Ljubljana, 1920 // Ljubljanski zvon. 1. 1921. Letnik XLL. S. 57.*

³³ *Stele F. Mole Vojeslav. Tristia ex Siberia. Ljubljana, 1920 // Dom in svet. 1921. XXXIV. 1–2. S. 54–56.*

³⁴ *Mole V. Ruska umetnost do leta 1914. Ljubljana, 1957 (на польск. языке — 1955).*

³⁵ *Mole V. Umetnost južnih Slovanov. Ljubljana, 1965 (на польск. языке — 1965).*

³⁶ *Mole V. Umetnost, njeno obličje in izraz. Ljubljana, 1941.*

и переводами. Переводил польских романтиков, а также Бодлера и Ибсена. В 1947 г. Моле стал академиком Польской академии искусств в Кракове, в 1961 г. — членом-корреспондентом Словенской академии наук и искусств.

Вся жизнь Моле была наполнена скитаниями, которые не прекратились и после переезда в Краков. В 1939 г., после нападения фашистов на Польшу, Моле оказался во Львове, откуда перебрался в Люблян, где оставался до конца войны. В 1946 г. вернулся в Краков. В 1966 г., после внезапной смерти сына, супруги Моле переехали в США к дочери. Там Моле написал свою «автобиографию гуманитария» «Из книги воспоминаний» (1970), там в 1973 г. и закончились его земные странствия.

Что до упомянутого ранее сборника «Солнце в заточении» — своеобразного итога сибирских скитаний и творческих исканий двух десятилетий, — то здесь Верховский предстает уже не как незадачливый эпигон, но как самобытный и сложившийся автор. Его лирический герой больше не ставит своей целью низвержение собственной души до последних глубин «родимого хаоса» (Тютчев), как в «Разных стихотворениях», и отказывается от чрезмерно индивидуалистических требований к жизни, свойственной «Идиллиям и элегиям». Сборник оказывается практически полностью лишенным присущей символизму мистики и субъективизма. В нем поэт обращается к внешнему миру, жизненным и бытовым связям между людьми, при этом сохраняя, возможно, главную особенность своей лиры — поэтику обращенности. Верховский как бы вступает в диалог с культурой, обращаясь то к Державину, то к Вяземскому, то к Жуковскому и многим другим. Среди адресатов и Воеслав Моле. Примечательно, что посвященное ему стихотворение выдержано в античной форме, имитирует Алкееву строфу — строфу, берущую начало в конце VII — начале VI в. до н. э. Помимо послания к Моле, в сборнике представлены и несколько переводов его стихов. Сам Верховский не комментировал ни включения этих переводов в оригинальный сборник, ни факта своего знакомства с Моле.

Это привело к тому, что В.В. Калмыкова, автор комментариев к стихотворениям Верховского, включенным в «Струны», посчитала сонет, посвященный М.А. Кржевской, оригинальным,

а не переводным произведением³⁷. Однако автором этого сонета является Моле, опубликовавший его в сборнике «Tristia ex Siberia» без посвящения Кржевской под заглавием «Моя эпитафия».

В связи с ограниченным объемом статьи у нас нет возможности дать анализ опубликованных в «Струнах» переводов. Скажем только, что они свидетельствуют о высоком уровне переводческого мастерства Верховского и его глубоком понимании художественной структуры стихотворений Моле.

В 1924 г. Верховский перебрался в Москву, где занимался в основном преподавательской и переводческой деятельностью. Как переводчик он известен в первую очередь благодаря своим переводам Бальзака, Бокаччо и Петрарки. За дважды изданную антологию «Поэты Возрождения» ему без защиты была присуждена докторская степень *honoris causa*.

Последний прижизненный поэтический сборник «Будет так» вышел в 1943 г. В послевоенные годы хорошо знавший Верховского Б.Л. Пастернак готовил к публикации итоговый сборник поэзии Верховского, однако издание не состоялось. Ю.Н. Верховский скончался в Москве в 1956 г.

Сходство биографий обоих авторов, при явном совпадении их программных установок, тематики, жанровых и стилевых особенностей поэтики, лишь отчетливее выявляет магистральные тенденции и общие закономерности первой трети XX в. Это, в свою очередь, позволяет не только вписать те или иные художественные произведения и, шире, творчество Моле и Верховского в общий историко-литературный контекст, но и понять те факторы, которыми обусловлены характер и направление их творчества в сложной соотнесенности и взаимодействии с эпохой. Однако этому вопросу еще предстоит стать темой будущих изысканий.

³⁷ Верховский Ю.Н. Указ. соч. С. 836.

Другу-поэту
Юрию Ник. Верховскому

*Ах, как приятно самовар поет!
Там, за окном, — пурга, мороз жестокий,
Прочел профессор Теогнита строки,
повеяло теплом иных широт...*

*Как будто из Парижа он сейчас,
Сосед о Лувре говорит, вздыхая,
В сердцах мечта возникла золотая,
Джоконды прелесть излилась на нас.*

*Соната Глазунова. Пианино
Несет душе бездонные глубины
Звучаний. Утонуть в них с головой!*

*А вы ? — «Кто? Я?» — И словно пробуждаясь.
Я говорю, о чем томлюсь, терзаюсь —
О побережье Адрии родной.*

(Перевод М.И. Рыжовой)

Воеславу Моле

*Твои созвучья нежны и сладостны,
Томленье духа в них просветляется —
И льются ясными струнами
На душу песни души согласной.*

*Само страданье силою дышит в них,
Смятенье стынет — образ изваянный,
Мгновенно обретает стройность
Мысль, облеченная словом строгим.*

*Порою сам ты словно заслушался;
О нет, разнежен долго не будешь ты:
Душа звучит, — но чистой сталью;
Блещет она, — но булатом твердым.*

*Неси же улыбкой песню-печаль свою
К отчизне милой, матери пой ее.
Иди к единой цели. Руку
Дай мне пожать, о, поэт, от сердца.*

Г. Задникар

Словенские периодические издания о русской эмиграции в 1920-е годы

G. Zadnikar

Russian emigration in Slovenian periodicals in the 1920s

После Октябрьской революции мощь русской культуры проявилась с необычайной силой в эмиграции, в культурных столицах жили и творили выдающиеся представители русской интеллигенции. Русские эмигранты, которые оказались в Словении, несмотря на тяжелые условия, с которыми они столкнулись после приезда на свою новую родину, были достойно встречены представителями культуры и науки Словении. Они оказали значительное влияние на еще молодую университетскую жизнь и способствовали развитию различных художественных направлений у словенцев.

Ключевые слова: русские эмигранты, искусство, культура, наука, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Словения, средства массовой информации.

After the October Revolution, the power of Russian culture manifested itself in emigration. Prominent representatives of the Russian intelligentsia lived and worked in world cultural capitals. Russian emigrants, who found themselves in Slovenia, despite the difficult conditions that they faced after coming to their new homeland, were met with dignity by representatives of Slovenian culture and science. They had a significant impact on the still young university in Ljubljana and contributed to the development of various artistic trends among the Slovenes.

Keywords: Russian emigrants, art, culture, scholarship, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians, Slovenia, media report.

*Почему мы приехали в Любляну?
Сам не знаю, что ответить на этот вопрос.
Несомненно, двигались мы по пути
наименьшего сопротивления. А во-вторых, у нас были
невероятные трудности с получением паспортов.*

V. Isajević. Velika setev
(«Jutro», 6 januar 1926)

В. Исаевич. Большой посев
(«Jutro», 6 января 1926 г.)¹

Первые большие организованные группы русских эмигрантов приехали в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) в 1921 г.; среди городов, в которых осело наибольшее количество представителей русской эмиграции, были Белград, Загреб, Ниш, Скопье, Мостар, Осиек, а также Любляна². Представители русской эмиграции деятельностью и творчеством на новой родине после 1920 г. весьма успешно способствовали развитию культурной и научной жизни Словении. В 1926 г., после того, как в Королевство СХС прибыли первые большие группы русских эмигрантов, газета «Jutro» («Ютро», «Утро») в ознаменование «братской любви»³ (как было написано) напечатала много объемных обзорных статей, в которых давалась их характеристика и описывалась их деятельность в Словении.

Исключительно плодотворная культурная деятельность на нашей территории представителей русской эмиграции, как было особо подчеркнуто заголовком одной из публикаций, оказалась представленной двумя главными направлениями; первое касалось работы русских ученых (и студентов) в Люблянском университете, а второе было связано с деятельностью русских артистов на словенской театральной сцене. Действительно, в тот период обе эти темы были самыми важными из тех, что поднимали словенские газеты, когда публиковали материалы о русской эмиграции в Словении.

¹ Isajević V. Velika setev // Jutro. Ljubljana, 1926.06.01. Letnik 7. Št. 4. S. 9.

² Brglez A., Seljak M. Rusija na Slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letih 1920–1945. Ljubljana, 2008. S. 43.

³ V znamenju bratske ljubavi // Jutro. 1926.06.01. S. 8.

Русские эмигранты в Словении: бегство, жизнь и творчество в изгнании

В 1926 г. газета «Jutro» опубликовала всего 178 заметок, главной темой которых стала русская эмиграция в Словении; в газете «Slovenec» («Словенец») было напечатано 111 подобных статей и чуть меньше в газете «Slovenski narod» («Словенский народ», «Словенский народ») — 85 статей. Среди публикаций газеты «Jutro» о русской эмиграции почти половину составили статьи из области культуры — в первую очередь, о деятельности русских артистов и их влиянии на культурную жизнь Словении, при этом особое внимание уделялось театру и балету; а в 1926 г. в центре интересов словенской публики оказались также конкретные люди, прежде всего актриса Мария Наблоцкая и Павел Холодков, в прошлом известный баритон, солист Московской оперы. Газета «Jutro» часто писала и об успехах, лекциях и другой деятельности русских академиков (так часто называли ученых и профессоров из России. — *Прим. пер.*), а также русских студентов. Этой теме было посвящено почти десять процентов от всех статей на тему русской эмиграции; чаще всего в них говорилось о докторе Николае Михайловиче Бубнове (1858–1943), бывшем профессоре Киевского университета, ставшем ординарным профессором Люблянского университета⁴, который был одним из выдающихся представителей русской эмиграции в Словении; а также о докторе Николае Федоровиче Преображенском (1893–1970), многие годы преподававшем русский язык, а позже также ставшем экстраординарным профессором русского языка и древнерусской литературы в Люблянском университете. Наряду с этим, более половины всех статей, напечатанных газетой «Slovenec» о представителях русской эмиграции в 1926 г., касались их культурной деятельности. В том же году «Slovenec» регулярно публиковал обстоятельные

⁴ Ординарный профессор — преподавательская должность в дореволюционной России для обозначения профессора, занимающего кафедру. Экстраординарный профессор — в дореволюционной России сверхштатный сотрудник в учебном заведении, экстраординарный профессор не заведовал кафедрой и не являлся членом ученого совета факультета (*прим. пер.*).

статьи Франа Гривеца⁵ о России, частыми были объявления и сообщения о лекциях, посвященных русской культурной жизни, о новых театральные веяниях в России, также заметки о Л.Н. Толстом, о русской революции и о развитии русской живописи. Во всех трех периодических словенских изданиях, включая газету «Slovenec», регулярно анонсировались как ставший традиционным Татьянин вечер Союза русских академиков с концертом и праздничной вечеринкой для избранной русской публики в люблянском Народном доме, так и «День русской культуры», который ежегодно отмечался представителями русской эмиграции в Словении в день рождения А.С. Пушкина. В 1926 г. Народный университет в Мариборе организовал курсы русского языка, которые вела бывшая учительница гимназии Александра Андреевна Захарова, и сообщения о них регулярно появлялись на страницах газет «Slovenec», «Slovenski narod» и «Jutro». В Любляне курсы русского языка под руководством университетского преподавателя Н.Ф. Преображенского устраивала Русская матица⁶. «Интерес к русскому языку у нас растет, — написал в феврале 1926 г. один из авторов газеты “Slovenec”, — когда же возникает желание купить русскую книгу, ситуация оказывается другой»⁷. «Должно очень повезти, чтобы в местных книжных магазинах обнаружить какую-либо русскую вещьцу на интересующую тебя тему»⁸, — добавляет автор статьи. И в газете «Slovenski narod» почти половина всех статей о русской эмиграции касалась именно участия ее представителей в культурном развитии или представляла собой более общие сообщения о русской культуре у словенцев.

⁵ Фран Гривец (Fran Grivec) (1878–1963) — словенский историк-славист, католический богослов, специалист по истории Восточных Церквей, одной из основных тем его научных исследований была Кирилло-мефодиевская проблематика (*прим. пер.*).

⁶ Русская матица была создана в Любляне в 1924 г., ее первым председателем стал профессор Люблянского университета доктор А. Билимович. Задачей этой организации, членами которой являлись несколько русских профессоров (д-р Копылов, д-р Спекторский, д-р Маклецов и др.), была культурная работа среди русских эмигрантов и педагогическая деятельность, направленная на воспитание детей из эмигрантских семей (*прим. пер.*).

⁷ Mariborske knjigarne in ruske knjige // Slovenec. 1926.25.02. S. 5.

⁸ Ibidem.

В январе 1926 г. «Jutro» напечатало развернутый очерк о деятельности люблянского отделения Общества русских ученых в Королевстве СХС, который написал специально для газеты известный представитель русской эмиграции в Словении доктор Н.М. Бубнов⁹. Так, большая часть русских ученых, которые эмигрировали в Югославию, уже в 1921 г. объединились в союзы. В 1926 г. таких союзов, как сообщает Бубнов, было три: Общество русских ученых в Королевстве СХС (в 1924 г. в нем состояли 82 члена, 11 из которых проживали в Любляне); Академическое общество в Белграде, которое включало 30 человек, и Академическое общество в Загребе, в которое входили 17 членов. Кроме того, уже в 1921 г. было учреждено люблянское отделение Общества русских ученых (или академиков) в Королевстве СХС. Это Общество организовывало многочисленные лекции, а его главной задачей было, продолжал Бубнов, способствовать урегулированию недоразумений, возникающих по вопросам уровня образования русских студентов и преподавательской карьеры русских профессоров. Дело в том, что наличие в России разнообразных и многочисленных средних школ и высших учебных заведений требовало посредничества общества или его членов для прояснения вопросов о положении студентов и профессоров в университете. Поэтому по просьбе руководства Философского факультета Бубнов в 1922 г. составил перечень русских средних школ и высших учебных заведений, который послужил основой оценивания уровня образования русских студентов, у которых часто отсутствовали все необходимые документы. Наряду с этим общество играло важную роль и при выдаче удостоверений о среднем или высшем образовании русских эмигрантов, принятых на работу в государственные учреждения. Эти удостоверения выдавались на основе ознакомления с российскими документами. Общество русских

⁹ Николай Михайлович Бубнов (1858–1943) — один из ведущих представителей русской эмиграции в Словении, ординарный профессор Люблянского университета на пенсии, ранее в течение длительного времени также был заслуженным профессором Киевского университета, занимал должность декана историко-филологического факультета. Подробнее о деятельности Н.М. Бубнова в Словении см.: *Brglez A., Seljak M. Rusija na Slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letih 1920–1945*, Ljubljana, 2008. S. 127–129.

академиков способствовало также взаимодействию между студентами и Государственной комиссией в Белграде по вопросу об определении степени успешности в учебе русских студентов, получавших стипендию. Дело в том, что большинство русских студентов получали стипендии Государственной комиссии, но с 1922 г. она начала назначать стипендии новым студентам только в Белграде, Суботице и Загребе. Это ощутимо снижало число приезжающих в Любляну русских студентов, а многие из них вообще уехали из страны. В мае 1923 г., как отмечал Бубнов, в Любляне было 147 студентов из России, из которых 113 получали стипендии, а уже летом 1925 г. стипендии получал только 71 студент.

По примеру русских ученых в 1921 г. свое общество создали также русские студенты, которые намеревались продолжать в Любляне прерванное революцией обучение. Общество предлагало своим членам как моральную, так и финансовую поддержку. На общем собрании русских студентов в Люблянском университете, прошедшем в ноябре 1921 г., был принят свод правил, а само общество получило название «Союз русских студентов Люблянского университета». Условия, в которых в Любляне жили и работали эти студенты, были крайне тяжелыми. В газете был приведен наглядный пример сложившейся в то время ситуации: сорок студентов, которые приехали в Любляну из Белграда, с большим трудом смогли получить неотопливаемую комнату в одном из бараков вблизи железнодорожного вокзала, где они спали на полу. «Днем они ходили на занятия, а ночью занимались при свечах в холодных комнатах»¹⁰. Студенческий Союз, как сообщалось в «Jutro», вначале объединил 110 членов: большинство из студентов обучалось на техническом факультете, несколько человек — на философском, медицинском и юридическом факультетах. Поддержку студентов из России осуществлял местный Совет поддержки русских студентов, которым руководила Терезия Енко¹¹. Именно благодаря усилиям Совета студенты из Рос-

¹⁰ Kratek pregled «Življenja ruskih študentov na ljubljanski univerzi» od leta 1921 // Jutro. 1926.06.01.S. 10.

¹¹ Терезия Енко вместе с мужем, доктором Людевитом Енко (1841–1912), в конце 1890-х гг. организовала в Любляне бесплатные курсы по изучению русско-

сии получили четыре комнаты в Люблянском замке, в которых поселились 85 человек. Также это общество предлагало некоторым учащимся бесплатные обеды и ужины. 25 января 1922 г., в традиционный Татьянин день и день основания Московского университета «Союз русских студентов» подготовил свой первый Татьянин вечер. Заработанные благодаря этому мероприятию средства пошли на создание русской библиотеки и восстановление кассы взаимопомощи, которая позднее во многом поддерживала членов Союза в период учебы. В 1923 г. Союз имел наибольшее число членов — 170 человек. Большинство тех, кто вышел из его состава, переселились во Францию, некоторые — в Чехословакию, Бельгию и Северную Америку, даже в Австралию. В 1923 г. благодаря финансовым средствам представителя фонда Американской помощи европейским студентам¹² Союз организовал собственную столовую для учащихся. В 1925 г. первым русским выпускником Люблянского университета стал студент электротехнического отделения Технического факультета Четвериков. Таким образом, как отметил в заметке, напечатанной в «Jutro» в 1926 г., секретарь организации, цель существования Союза была достигнута, его члены завершали свое университетское обучение; в самой организации в тот период было 70 человек.

Русская эмиграция в изгнании в Любляне

Наряду с академиком и студентами «страшный переворот в русском государстве, словно катастрофический по своей разрушительной силе морской вал, разнес по Европе также

го языка, которые в ноябре 1899 г. были преобразованы в кружок любителей русского языка. В нем помимо преподавания языка много внимания уделялось пропаганде русской литературы и культуры. Впоследствии благодаря усилиям супругов Енко подобные кружки были учреждены и в других словенских землях: Каринтии, Штирии, Приморье. После смерти мужа Т. Енко продолжила культурно-просветительскую деятельность, а также участвовала в организации помощи русским студентам (*прим. пер.*).

¹² Имеется в виду американская организация «АРА», или «Американская администрация помощи» (American Relief Administration — АРА), формально негосударственная организация в США (1919 г. — конец 1930-х гг.), наиболее известна своим участием в оказании помощи СССР в ликвидации голода 1921–1923 гг.; под ее эгидой действовали до 15 различных религиозных, общественных и национальных организаций США (*прим. пер.*).

труппы русских театральных актеров», — эта запись поэтично вводит читателя в развернутый обзор деятельности русских артистов-эмигрантов в Словении. Как подчеркивает корреспондент газеты «Jutro», таким образом, вал русской революции перенес нескольких русских артистов в Любляну. Белград у словенцев слишком рано забрал необыкновенную Елену Полякову, балерину и хореографа Императорского Мариинского театра в Петербурге¹³; в 1926 г. автор статьи в газете «Jutro» посетовал, что в то же самое время гениальную балерину Алису Никитину¹⁴, которая уже в 1920-е годы выступала в Любляне, теперь Берлин принял как свою, ею восхищаются Лондон и Париж. Никитина, которую в Любляне едва заметили и спокойно отпустили, стала сенсацией в крупнейших культурных центрах, добавлял тот же автор. Как отмечалось в газете «Slovenski narod», русские артисты балета в 1920 г. сильно укрепили позиции словенского балета¹⁵. «Один из одиноких лучей петербургского балетного солнца случайно озарил Любляну», — писал автор подробной статьи о балете, предварительно сообщив, что Полякова уже 12 лет танцует и воспитывает новых балерин¹⁶. Полякова способствовала «неслыханному триумфу Императорского русского балета в Европе», прежде чем «к счастью и чести нашего балета», убегая от террора больше-

¹³ Елена Дмитриевна Полякова (1884–1972), балерина, хореограф, педагог. Карьеру она начала на родине в России, затем гастролировала по Европе, позже работала в эмиграции, также в Любляне, но обосновалась в Белграде, где помимо прочего руководила балетной школой при Национальном театре; считается одной из ключевых фигур в развитии сербского балета.

¹⁴ Алиса (Alice) Никитина (1900–1978), балерина и педагог, перед самым выпуском из Императорской балетной школы вынуждена была покинуть Россию. Невольное изгнание сначала привело ее в Любляну, позже она уехала в Берлин, а в 1923 г. присоединилась к балетной труппе Сергея Дягилева «Русский балет». См.: *Nikitina A. By Herself. London, 1959.* Газета «Jutro» в 1921 г. в одной из статей так описывала ее выступление на русском художественном вечере в Люблянской Опере: «Никитина в своих лирических номерах настолько эротична и легка, что в них музыка и танец сливаются в романтическом единстве» // *Ruski umetniški večer // Jutro. 1921.17.04. S. 2.*

¹⁵ «Будущий сезон для нашего балета обещает большой прорыв. Помимо уже имеющихся четырех прим-балерин получили ангажемент выдающиеся русские актрисы: госпожа Полякова и мадмуазель Никитина». См.: *Balet Narodnega gledališča v Ljubljani // Slovenski narod. 1920.28.08. S. 3.*

¹⁶ *Balet // Slovenski narod. 1921.19.06. S. 1–2.*

виков, задержалась у нас. С ней вместе приехала ее «прекрасная, одаренная коллега» Алиса¹⁷.

Балетное искусство словенцы начали развивать только после Первой мировой войны и именно в рамках Национального театра, как писал в специальной статье корреспондент газеты «Jutro», анализируя ситуацию, сложившуюся в балете. «На первом этапе балет создавался как некий дополнительный реквизит для оперы и имел абсолютно декоративный характер»¹⁸. В период театрального сезона 1920/1921 г. в Любляну, как уже было сказано, приехали балерины Елена Полякова и Алиса Никитина. Полякова, которая была одной из лучших танцовщиц Императорского Мариинского театра, оставалась в Любляне короткое время. Однако и «этого оказалось достаточно, чтобы развитие нашего балета приняло правильное направление, в рамках которого развивался, освобождаясь от закостенелых французских форм, свободный русский балет», писала газета «Jutro». Под профессиональным руководством Никитиной — по убеждению автора словенского издания — словенский балет поднялся на уровень балетных трупп в Загребе и Белграде. Дело в том, что Никитина со своим незабываемым танцем умирающего лебедя сделала шаг вперед по сравнению с Поляковой, которая, представляя русский классический балет, не смогла в создаваемых ею образах достичь полной раскрепощенности¹⁹.

В 1926 г. в Любляне в качестве примы-балерины и педагога «на поприще нашего скромного балета», как сообщала газета «Jutro», выступала также Тулякова²⁰, молодая танцовщица

¹⁷ Balet // Slovenski narod. 1921.19.06. S. 1–2. Несмотря на профессиональную подготовку и одаренность, обе актрисы в Любляне с большим трудом добывали средства к существованию, поскольку не имели достаточно предложений для выступлений. Последнее подтверждает «Slovenski narod»: «Весьма жаль, что в прошедшем сезоне у них было так мало возможностей очаровывать нас своим искусством. Поскольку без них мы пребывали и пребываем в состоянии дилетантства...». Ibid. См. также: «Poljakova in Nikitina, dve zvezdi v mraku» // Slovenski narod. 1921.21.06. S. 1.

¹⁸ Slovenski balet // Jutro. 1926.31.01. S. 11.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Тулякова Мария Александровна. В 1925 г. была приглашена в Любляну в качестве солистки балета и преподавателя кордебалета, а также выступала как хореограф при постановке опер и оперетт. В 1927 г. переехала на работу в Белград.

с серьезными творческими амбициями, обладающая высоким профессионализмом и незаурядными педагогическими способностями. Если еще добавить имя режиссера Осиповича²¹, работавшего в Драматическом театре, а также обладающего приятной внешностью Головина²² и некоторых членов оперной труппы и оркестра, мы увидим, что «наши» русские имеют заслуги также перед словенским театром, которые и ныне оцениваются как значительный вклад в историю словенской культуры. «Наши» русские артисты, как не раз отмечалось в газете, оказали исключительно благотворное влияние на словенский репертуар, который обогатился новыми драматическими и оперными шедеврами.

Когда в 1920 г. в Люблянскую приехала русская театральная группа Муратова²³ и подготовила несколько превосходных постановок, среди лучших в труппе сразу же был выделен Борис Путята. Руководство Люблянского театра предложило ему ангажемент, и Путята за короткое время прекрасно освоил словенский язык. О том, насколько хорошо он писал по-словенски, свидетельствуют и его фельетоны для театральной рубрики газет «Gledališki list» («Гледалишки лист») и «Jutro»²⁴. На сцене Люблянской Драмы Путята проявил себя как исключительно одаренный актер, каких, как отметило «Jutro», после

²¹ Вероятно, речь идет о Николае Осиповиче Массалитинове (1880–1961), русском и болгарском театральном деятеле, актере, режиссере, педагоге, народном артисте НРБ (1948). В 1924 г. группа артистов Московского Художественного театра под руководством М.О. Массалитинова и М.Н. Германовой побывала с гастролями в Югославии (в том числе в Любляне) и Болгарии. С 1925 г. Н.О. Массалитинов вместе с семьей поселился в Софии по приглашению Министерства просвещения Болгарии, которому были подведомственны все театры страны, и приступил к работе режиссера драматической труппы Национального театра (с 1925 г. — главный режиссер труппы) (*прим. пер.*).

²² Головин (Грессеров) Петр Сергеевич (1894–1981) — артист балета, режиссер, хореограф; в 1924–1928 гг. выступал в балетной труппе Словенского национального театра оперы и балета, а позже до 1946 г. руководил ею (*прим. пер.*).

²³ Муратов Михаил Яковлевич (1885–1944) — бывший актер Московского Малого театра. После Октябрьской революции в 1919 г., находясь в Константинополе (Стамбуле), он пришел к мысли о необходимости создания русского театра в изгнании. М. Муратову удалось собрать труппу и совершить с ней гастроль по Балканским государствам (*прим. пер.*).

²⁴ Например: *Putjata B. Ali je res gledališče umetnost? // Jutro. 1926.06.01. S. 10.*

Борштника²⁵ у нас больше не было. «Он был великим артистом в русской драме и французской комедии. Как режиссер воспитывал молодых актеров и за почти четыре года сыграл более 20 крупных ролей. При этом также поставил “Идиота” и “Анну Каренину”»²⁶. С 1922 г. на сценах словенских театров начала выступать Мария Наблоцкая, «прекрасная русская актриса, которая в “Идиоте” пережила свой первый триумф, а позже в роли Анны Карениной заняла первое место среди актрис, выступавших на словенской сцене», — продолжала газета свои дифирамбы русским актерам-эмигрантам, оказавшимся в Словении. «Госпожа Наблоцкая-Путята всегда интересна, сильна, современна как исполнительница, она преподносит все свои роли, и в первоначальном, и в переработанном виде, с психологическими и реалистическими максимально тонкими подробностями»²⁷. Как писали авторы статей в «Jutro», мы, словенцы, действительно можем гордиться, что она была у нас, и лишь жалеем, что ее репертуар не дал ей достаточно возможностей для полной реализации всех ее способностей.

Опера также стала полем деятельности для замечательных русских певцов и певиц. Незабываемая Ада Полякова, которая гастролировала в Любляне и, особенно в заглавной роли оперы «Мадам Баттерфляй», представила образ идеальной красоты. Александр Балабан, обладавший баритоном прекрасно-го певческого и драматического качества, вошел в ансамбль оперных солистов, став одним из столпов молодой словенской оперы. В 1925 г. Балабан работал уже в Белградском оперном театре, а его место занял превосходный русский баритон Борис Попов, «исключительно симпатичный артист внушительной силы голоса и артистизма, певец, каких и вправду было мало в истории словенской оперы», — с воодушевлением писал автор статьи в «Jutro». И снова — его забрал Белград. После отъезда Балабана, — сообщает он далее, — мы в Словении удостоились особого счастья обрести еще «баритона Холодкова и обладате-

²⁵ Борштник Игнаций (1859–1919) — словенский актер, режиссер и драматург.

²⁶ Ruski umetniki v Ljubljani // Jutro. 1926.06.01. S. 10.

²⁷ Ibidem.

ля драматического тенора Орлова»²⁸. Некогда первый баритон Московской оперы Павел Холодков²⁹ воодушевлял словенскую общественность своей «блестящей школой, звенящими высокими нотами, выразительной характерностью пения и игры, а также образами, достойными самых лучших сцен»³⁰, а тенор Дмитрий Орлов как начинающий певец обещал блестящее будущее.

* * *

Русская эмиграция и ее деятельность в области культуры и науки оставила колоссальный след в европейских странах их пребывания, несомненно, и на словенской земле сохранился ее нестираемый отпечаток. Большинство русских, приехавших в Королевство СХС после 1921 г., жили в условиях материальных лишений и неустроенности. Периодические издания регулярно сообщали об их тяжелом социальном положении, гуманитарных акциях, направленных на их поддержку; их судьбы часто становились темой «черной» (криминальной) хроники. В подобных условиях художественная деятельность и творчество, безусловно, не могли быть легкими. Однако, несмотря на это, в своей профессии они были исключительно успешными и оставили значительный след в памяти словенцев. «Наши русские артисты» и «наши русские ученые», как их часто называют в газетных статьях, были в Словении достаточно хорошо приняты, несмотря на то, что они, будучи чужаками, иногда подвергались нападкам критиков — во всяком случае, это случалось в начале их пребывания на словенской земле. Культурная и научная деятельность русских эмигрантов в словенских землях была разносторонней, она необычайно освежила еще молодую университетскую жизнь и способствовала развитию ряда научных и художественных дисциплин. Вот почему один из авторов газеты «Jutro» без колебаний признал, что «их на-

²⁸ Ruski umetniki v Ljubljani // Jutro. 1926.06.01. S. 10.

²⁹ «Г-н. Холодков — любимец люблянской публики, который также с огромным успехом выступал в Загребе и Белграде». См.: Koncert «Ruska pesem» na Ljudski univerzi // Jutro. 1926.02.02. S. 9.

³⁰ Ruski umetniki v Ljubljani // Jutro. 1926.06.01. S. 10.

циональная трагедия» была для словенцев действительно «к счастью». Во всяком случае, двадцатые годы XX в. стали тем временем, когда и в Словении очень сильно ощущались сила и влияние русской эмиграции. Сразу же после Октябрьской революции и переезда на новую родину среди эмигрантов еще сильна была надежда, что на чужбине они оказались лишь временно и скоро вернуться домой. Эта уверенность, несомненно, придавала их деятельности и творчеству необычайный импульс, даже черты особой «миссии» — сохранения культуры той России, которая уходила в небытие.

Перевод со словенского Т.И. Чепелевской

T. Rant

Русские артисты в Словении после Октябрьской революции

T. Rant

Russian artists in Slovenia after the October revolution

В статье говорится о русских артистах театра, оперы и балета, выступавших, начиная с 1920 г., на театральной сцене Любляны. Рассматриваются судьбы русских театральных актеров, артистов балета, певцов, хореографов и педагогов, которые своей деятельностью привнесли на словенскую почву достижения 200-летней русской культурной традиции и своими достижениями способствовали успешному развитию словенского театра, оперы и балета.

Ключевые слова: русские балерины, русские театральные актеры, русские хореографы, русские оперные певцы, Путята, Наблоцкая, Севастьянов, Полякова, Никитина.

This article presents selected Russian artists in theater, opera and ballet, which have been working in Ljubljana Theater since 1920. In the article are presented Russian actors, dancers, singers, choreographers and teachers who brought to the Slovenian land two hundred years old traditions of Russian culture and contributed to the success of Slovenian theater, opera and ballet.

Keywords: Russian ballet dancers, Russian actors, Russian choreographers, Russian opera singers, Putjata, Nablocka, Poljakova, Nikitina.

В период после Октябрьской революции и до конца 1920-х годов миграционные волны перенесли огромное число русских в различные европейские города. Среди самых притягательных центров общественной и культурной жизни (для русских эмигрантов в годы между двумя мировыми войнами) первенствовали три: Берлин, Париж и Прага, где росло число весьма значимых эмигрантских организаций и отдельных представителей русской эмиграции. На территории прожива-

ния славян наибольшее количество русских приняли Белград и Загреб. Несмотря на то, что Любляна не была достаточно притягательным местом в художественном отношении, а еще меньше в финансовом плане, на словенской территории работали и творили великие русские актеры и актрисы.

Словенский драматический театр

Словенский театр, который в годы Первой мировой войны был закрыт, вновь распахнул свои двери в 1918 г. Несмотря на поддержку словенской культурной общественности, все же вскоре оказалось, что государство не смогло обеспечить финансовой стабильности артистов театра. Возрождение театра, которому недоставало актерского персонала, сильно зависело также от гастролирующих артистов, часто приглашавшихся для исполнения ведущих ролей¹. Очень важными стали первые гастроли прославленной в то время театральной труппы Михаила Яковлевича Муратова², прошедшие в сентябре 1920 г. Люблянская публика и дирекция театра были так довольны выступлением великолепной русской театральной труппы, что руководство театра сразу же предложило многим ее членам ангажемент; из них в Словении остались: Борис Путята, Сергей Куратов и супружеская чета Ченгери³. Дольше всех из них в Словении прожил Борис Путята.

Борис Владимирович Путята (1871–1925)

Значительную роль в истории развития словенского театра сыграл Борис Путята. Он родился 11 ноября 1871 г. в Швейцарии, где прожил до 12 лет. Позже, уже в Москве, он окончил гимназию и получил профессию адвоката. До русско-японской войны 1904–1905 гг. работал по своей первой специальности, а после войны стал артистом и много раз выступал вместе с труппой Муратова, в составе которой в 1920 г. покинул родину. Из Севастополя через Константинополь они приехали в Юго-

¹ *Koblar F.* Dvajset let slovenske drame. I. 1919–1930. Ljubljana, 1964. S. 8.

² См. сн. 23 к статье Г. Задника.

³ *Moravec D.* Slovensko gledališče od vojne do vojne. Ljubljana, 1980. S. 81, 82.

славию, где после выступления в Любляне руководство театра сразу же предложило ему ангажемент.

В течение почти пяти лет, периода его работы в словенских землях, он с самого начала привлекал к себе внимание многогранной манерой игры. Благодаря гастролям артистов Московского Художественного театра в начале 1921 г. его партнеры, руководство и, не в последнюю очередь, словенская публика воочию увидели профессиональный уровень русской театральной школы. Перед Б. Путяттой стояла тяжелая задача, поскольку словенская театральная культура едва начинала свое развитие, в то время как он на словенскую почву переносил достижения двухсотлетней русской традиции. В самом начале, действительно, были случаи, когда в критических отзывах на спектакли его игру характеризовали как непонятную и чуждую для словенской публики⁴. Негативную оценку мы обнаружили лишь в заметке о постановке «Ревизора» Н.В. Гоголя: в ней было отмечено, что из пьесы он как режиссер создал «скорее фарс, чем сатирическую комедию, а как актер — из роли городничего — карикатуру, что не совпадает с авторским замыслом [...]»⁵. Однако ситуация вскоре изменилась в пользу Б. Путятты, это произошло именно тогда, когда он стал посвящать больше внимания режиссуре, чем актерской игре. Сначала отметили его прогресс в словенском языке, затем привыкли к новому взгляду на театральное искусство и признали в нем хорошего актера⁶. Русский стиль актерской игры стал открытием для словенской культурной общественности.

Борис Николаевич Путятта сыграл на словенской сцене ряд ролей: Отелло (*У. Шекспир*), Цезарь в «Цезаре и Клеопатре» (*Б. Шоу*), Рогожин в «Идиоте» (*Ф.М. Достоевский*), городничий в «Ревизоре» (*Н.В. Гоголь*), Вронский в «Анне Карениной» (*Л.Н. Толстой*), Наполеон в «Мадам Сан-Жен» (*В. Сарду*) и Бонавентура в «Веронике Десеницкой» (*О. Жупанчич*)⁷. Во

⁴ Slovenski narod. 1921.05.06. S. 1, 2.

⁵ *Moravec D.* Slovensko gledališče od vojne do vojne. S. 102.

⁶ Jutro. 1923.11.01. S. 5.

⁷ Режим доступа: <http://www.slovenska-biografija.si/oseba/sbi477442/> (дата обращения: 16.09.2016).

время представления драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов» (режиссером спектакля был Б. Путята), «публика воодушевленно хлопала, вновь и вновь вызывая актеров на поклон»⁸. Другими успешными постановками Б. Путяты стали спектакли по знаменитым эпическим произведениям русской классики того времени — «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Идиот» и «Дядюшкин сон» Ф.М. Достоевского. Из произведений менее известных словенцам русских авторов он поставил: «Свадьбу Кречинского» А.В. Сухова-Кобылина, пьесу «Ню» О. Дымова и в 1923 г. — впервые на словенской сцене — «Вишневый сад» А.П. Чехова.

Помимо актерской игры и режиссерской работы он проявил себя как отличный педагог. Его учениками были Иван Левар, Янез Цезар, Цирила Медведова, а одной из самых выдающихся его учениц стала Мария Наблоцкая, с которой они начали совместную жизнь еще в Москве. Когда Путята обосновался в Любляне, он пригласил ее приехать к нему.

Мария Николаевна Наблоцкая (Бориславская) (1890–1969)

Таким образом, Путята «привез» к словенцам будущую приему словенского театра Марию Наблоцкую. Мария Николаевна Бориславская родилась 14 июля 1890 г. в Астрахани в богатой семье. До революции она обучалась пластике, жесту и мимике у Лидии Гейтен, драматическому искусству ее учили Борис Путята и Николай Синельников. Она играла в маленьких «заводских» театрах⁹ в различных городах России, а затем ушла от первого мужа, бросила семью и в 1922 г. приехала в Любляну, где работала в Национальном театре вплоть до 1956 г. Мария Наблоцкая очень быстро выучила словенский язык и уже благодаря своей первой большой роли Настасьи Филипповны в «Идиоте» прославилась настолько, что руководство Люблянской Драмы сразу же предложило ей ангажемент.

⁸ *Slovenec*. 1921.04.10. S. 3.

⁹ Дирекции фабрик раз в неделю организовывали для рабочих театральные постановки. В первых рядах сидели представители дирекции и администрации, а за ними — рабочие, которые как правило были очень воодушевлены представлениями. См.: *Mahnič M.* Marija Nablocka: Izpovedi. Ljubljana, 1959. S. 51.

До Второй мировой войны Мария Наблоцкая являлась одной из ведущих актрис словенского театра. Благодаря своему юмору, иронии и хорошо продуманным нюансам она умела создавать запоминающиеся образы даже из небольших ролей. Больше всего ей удавались психологические и реалистические роли в трагедиях, а также создание трагикомических женских образов. Она была неповторима, и уже само ее появление на сцене было чем-то неординарным. Незабываемыми стали ее выступления прежде всего в ролях из русских пьес.

После постановки «Анны Карениной» Л.Н. Толстого, трагической любовной истории, в словенской прессе появились следующие отзывы: «Ее радость неподдельна, ее грусть, страсть, отчаяние, раскаяние и героический итог собственной жертвенности — это переживания, никак не игра»¹⁰. И еще: «То, как эта актриса умеет сохранять напряжение на всем протяжении диалога, это высочайшее искусство русской школы. Поскольку она также была красива и произносила словенский текст столь ясно и внятно, как мы еще не слышали в ее исполнении, естественно, что она имела огромный успех»¹¹.

«Много творческих открытий представила она нам: начиная с маленького “Сорванца”, сильной стороной Наблоцкой стало исполнение ею ролей женщин, имеющих моральные проблемы. Когда Наблоцкая приехала в Люблян, она была здесь экзотическим явлением, таковым и останется. Словно цветок из дальних краев, пересаженный на нашу почву. Она стала нашей, ей хорошо на своей родине, и мы рады, что она у нас есть»¹².

В мае 1956 г. состоялось ее прощальное выступление, за которым последовал уход на пенсию. Она выступила в главной роли в пьесе «Безумная из Шань» Ж. Жироду. Несмотря на веселый нрав, она не смогла скрыть переживания во время торжественной церемонии в Люблянской Дrame. Ей не хотелось прощаться с театром, ведь игра ей доставляла огромную радость. Актриса пробовала свои силы даже в словенском кино, сыграв роль мадам Лили в художественном фильме «Выскачки».

¹⁰ Jutro. 1924.16.04. S. 5.

¹¹ Ibidem.

¹² Marija Nikolajevna Nablocka // Ženski svet. 1932. Letn. 10. Št. 9. S. 258–259.

Великую словенскую актрису русского происхождения похоронили 5 октября 1969 г. на Люблянском кладбище в Жалах рядом с актерами Антоном Веровшекком, Игнацием Борштником, Иваном Леваром, Михаилом Скрбиншекком и Стане Севером.

*Сергей Куратов, Владислав
и г-жа Ченгери*

Этих актеров мы объединили в одну группу по простой причине: в Словении они были недолго, и о них сохранилось слишком мало сведений.

Сергей Куратов и Владислав Ченгери, как и Борис Путята, приехали в Словению вместе с труппой М. Муратова. Когда руководство театра предложило работу нескольким ее членам, Куратов, а также господин и госпожа Ченгери остались в Любляне, как и Путята.

В газете «Gledališki list» («Гледалишки лист», «Театральная газета»), где помещались сообщения о каждом спектакле на текущую неделю, расписывались все роли и исполняющие их актеры, можно увидеть, что в течение театрального сезона 1920/1921 г. в числе русских актеров выступала также госпожа Ченгери¹³. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, правда, не дают возможности установить точно, была ли актриса супругой актера Ченгери, его сестрой или другой родственницей, даже имя ее не известно. С учетом того, что упоминание о Ченгери было обнаружено лишь в газете «Gledališki list», а о Куратове помимо этого сообщалось еще в одной газетной статье, можно сделать вывод, что этот актер оставался в Любляне дольше, чем госпожа Ченгери.

О Сергее Куратове известно, что он был «прекрасным актером, обладающим глубоким басом»¹⁴, и что у него были некоторые сложности со словенским языком. Актер Фран Липах записал как анекдот один из примеров, призванных продемонстрировать молодым артистам, что театр — это серьезная и тяжелая работа. «Видели бы вы, как он во время репетиции стал спорить с Путятой! Следовало бояться самого страшного.

¹³ Gledališki list. Sezona 1920/21. Št. 8. S. 4.

¹⁴ Ibid. Sezona 1939/40. Št. 21. S. 151.

И Куратов, молодой, большой, мускулистый человек — плакал. Но он плакал от обиды, когда понял, что прав не он, а Путята. Видели бы вы, как позже они оба весело смеялись, почти обнимались с юношеской искренностью, словно вдвоем ягоды собирали, словно в кустах грибы нашли! Непринужденно болтали и вежливо кланялись друг другу, словно влюбленные голубки»¹⁵.

Василий Митрофанович Ульянищев
(1887–1934)

В.М. Ульянищев, художник и театральный сценограф, родился 30 января 1887 г. в г. Бобров под Воронежем. Сначала он изучал химию в Петербурге, а затем посвятил себя живописи, поступив в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Вплоть до 1920 г. он работал художником-декоратором в Воронеже. Затем вместе с армией Врангеля попал в Югославию, сначала в Сараево, спустя какое-то время оказался в Сплите, Осиеке, Загребе, а позже в Любляне.

До 1930 г. он работал в Новисадско-Осиекском национальном театре, затем переехал в Любляну, где получил должность сценографа. В Люблянском театре ему удалось, несмотря на скромные финансовые возможности, применить свои умения в области техники и театрального искусства для хорошей организации сценических драматических и оперных постановок. «Я не диктую, диктует сам сюжет, замысел, идея и конечно бюджет [...]. Да, вот что бы я сказал, бюджет — это наша высшая сила, ведь вы знаете, каковы наши дела в этом отношении — всегда жесткое ограничение. Вот почему мы должны поступать в соответствии с ним. Однако общество этого, скорее всего, не понимает. От нас всегда требуется многое — но из ничего мы в реальности не умеем создавать», — рассказал он в беседе об опере «Снегурочка»¹⁶.

Словенский балет

После Первой мировой войны благодаря приезду русских театральных деятелей улучшилось качество постановок не

¹⁵ Gledališki list. Sezona 1948/49. Št. 7. S. 187.

¹⁶ Slovenski narod. 1931.04.04. S. 3.

только в Люблянском театре, но и во всей Югославии. Танцовщики и танцовщицы, выступавшие ранее на сцене Императорского русского балета, в значительной степени повлияли на развитие оперного и балетного искусства в Югославии. Любляна привлекла одних артистов в большей, других — в меньшей степени, но настолько, что они остались.

Для некоторых столица Словении стала временным прибежищем, откуда потом они уехали в Загреб, Белград, Скопье или в другие европейские города. Причиной того, что русских эмигрантов — артистов балета и оперы — было намного больше, чем театральных актеров, явилось то, что в двух первых сферах владение языком не было главным. Профессиональные умения были важнее. Примечательно, что балет у словенцев создавал некий «дополнительный реквизит для оперы»¹⁷.

1918 год знаменует рождение профессиональной словенской балетной группы в Любляне, в тот год словенский театр вновь открыл свои двери. Между тем как в Мариборе балет начал развиваться только после Второй мировой войны, когда там был возрожден словенский театр¹⁸.

Петр Сергеевич Головин (Грессеров) ***(1894–1981)***

Петр Сергеевич Грессеров (сценический псевдоним Головин) родился 1 апреля 1894 г. в Москве, он был вторым из трех сыновей в семье. Его отец Сергей Петрович Грессеров служил поручиком в Троице-Сергиевском батальоне и был членом Императорского русского музыкального общества¹⁹. Действительно, среди русских эмигрантов в Словении П.С. Головин был одной из самых выдающихся фигур. Артист балета, хореограф, знаток балета и режиссер. Будучи исключительно одаренным, он в течение восьми лет учился балету в Москве, затем в Словении окончил курс по электротехнике на Техническом фа-

¹⁷ Jutro. 1926. Št. 25. S. 11.

¹⁸ *Neubauer H.* Obrazi slovenskega baleta: biografski leksikon. Slovensko komorno glasbeno gledališče. Ljubljana, 2008. S. 6; *Neubauer H.* Razvoj baletne umetnosti v Sloveniji. I. Društvo baletnih umetnikov Slovenije. Ljubljana, 1997. S. 41.

¹⁹ Arhiv Slovenskega gledališkega inštituta. Personalna mapa Peter Gresserov-Golovin. Uslužbeniški list.

культете Люблянского университета, в 1924–1928 гг. выступал как танцовщик в балетной труппе Национального словенского театра оперы и балета в Любляне, а затем до 1946 г. руководил ею. В 1944 г. П.С. Головин основал балетную школу и воспитал первое поколение словенских артистов балета. В качестве педагога он также работал в оперной школе консерватории Музыкальной Матицы, или Музыкальной академии в Любляне. Он являлся хореографом многих оригинальных балетных постановок и более 140 опер и оперетт.

Значимость его вклада безгранична, ведь благодаря его заслугам, несмотря на финансовые проблемы, балет в Любляне сохранился и утвердил свое место в словенской культуре.

Вскоре после окончания войны завершилась долгая и богатая событиями эпоха Головина в Любляне. В начале 1947 г. он вынужден был уехать в Марибор для возрождения местной оперы. Здесь он набирал солистов, хор, оркестр и в рамках Оперного театра начал также создавать вторую словенскую профессиональную балетную труппу²⁰.

В 1951 г. государственные отношения между тогдашними СФРЮ и СССР были восстановлены, и было принято решение о возвращении всех представителей белой эмиграции в Россию. После быстрой процедуры оформления документов он с семьей переселился в Канаду, где в 1981 г. умер.

В 1971 г. за свой вклад в развитие словенского балета П.С. Головин (Грессеров) был удостоен Ордена СФРЮ «За заслуги перед народом» II степени с серебряной звездой²¹. Он написал также книгу воспоминаний «Моя любимая Словения», в которой представлены многочисленные свидетельства русских эмигрантов о жизни в Словении после Октябрьской революции.

Елена Дмитриевна Полякова
(1884–1972)

Необычайно талантливая балерина Е.Д. Полякова родилась 7 мая 1884 г. в Рыбинске. Она училась в Санкт-Петербургской балетной школе, была ученицей Клавдии Михайлов-

²⁰ *Neubauer H. Razvoj baletne umetnosti v Sloveniji. S. 224–247.*

²¹ *Neubauer H. Obrazi slovenskega baleta. S. 21.*

ны Куличевской. После окончания обучения в 1902 г. была принята в Императорский Мариинский театр столицы. Во время мирового турне в 1909 г. она познакомилась с Владимиром Николаевичем Седиковым²² и вскоре вышла за него замуж. Через несколько лет у них родилась дочь Людмила. Профессиональная карьера Елены Дмитриевны развивалась весьма успешно. В 1910 г. в Париже в труппе известного театрального и художественного деятеля С.П. Дягилева она была избрана ведущей солисткой. Танцовщицей первого ряда она стала в 1913 г. и тогда же награждена серебряной медалью на Владимирской ленте²³.

Когда в России начались беспокойные времена, Красный крест помог супругам оформить паспорта, и в 1920 г. на корабле через Черное море они добрались до Любляны, где прошли их первые годы эмиграции. С ними приехала также ученица Е.Д. Поляковой Алиса Никитина.

Е.Д. Полякова выступала как балерина и как хореограф балета, а ее муж, хотя был адвокатом по профессии, шил балетные пуанты по образцу тех, что жена привезла из Санкт-Петербурга. С успехом Полякова выступала в балетах «Сильфида», «Шехерезада» и в наиболее выдающемся из них как по танцевальному исполнению, так и по режиссуре балете «Танцевальные легенды», в котором исполняла главную роль Музы. Об успехе представления сообщала газета «Jugoslavija» («Югославия»): «публика с воодушевлением приняла постановку, и автор, а также исполнительница главной партии г-жа Полякова много раз выходили на поклон под бурные аплодисменты»²⁴.

В большей степени, чем балет, Е.Д. Полякову привлекала педагогическая деятельность. В театральном сезоне 1920/1921 гг. она открыла частную школу балета и современного танца. В ней она давала уроки классического, характерного и современного танца, обучала искусству пластики, жес-

²² *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре: художественное творчество русских на Балканах (конец XIX — начало XXI века). М., 2010. С. 288.

²³ *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М., 2007 (режим доступа: http://zarubezhje.narod.ru/texts/Kosik_Mostovye_Belgrada08.htm).

²⁴ Jugoslavija. 1922.14.02. S. 3.

та и мимики. При этом она конечно не оставила работу и в качестве балерины, режиссера и хореографа. Более того, как отметил «Gledališki list», и в этом сезоне вместе с А. Никитиной Е.Д. Полякова «способствовала более быстрому развитию нашего балета»²⁵.

Балерина Алиса Никитина

Алиса Никитина родилась в Санкт-Петербурге в 1900 г. в богатой интеллигентной семье. С детских лет она буквально жила танцами и пением. Училась в столичной Императорской балетной школе, где ее преподавателями были Ольга Преображенская, а также Елена Полякова, Леонид Леонтьев и Николай Легат. В Любляне в 1920 г. Никитина дебютировала как балерина и своим выступлением вместе с Еленой Поляковой привлекла внимание публики. В каких бы постановках Люблянского балета ни танцевала Полякова, в них была занята и Никитина. В статье Рада Крегара из газеты «Jutro» («Ютро», «Утро») мы узнаем о ней больше:

«Балетные вечера с “Шехерезадой” и “Сильфидой” были отмечены высоким уровнем балетного искусства. Уверен, что под профессиональным руководством мадмуазель Никитиной наш балет мог бы подняться до уровня балетных трупп Загреба и Белграда. Необычайно одаренная ученица, воистину природенная балерина, такой во всех отношениях была нежная мадмуазель Никитина. В профессиональном развитии она продвинулась на шаг вперед от Поляковой. Та была представительницей русского классического балета и не могла придать своим движениям более свободного размаха. Никитина была более современной и своим танцем привнесла в это искусство жизнь, разнообразие палитры и свободу, которые базировались на совершенной технике, истоки которой в творческой художественной силе. Ее выход на сцену был всегда свежим, уверенным и вместе с тем сдержанным. Незабываемым стал ее “Танец лебедя”»²⁶.

²⁵ Gledališki list. Sezona 1956/57. Št. 2. S. 20.

²⁶ Jutro. 1926.31.01. S. 11.

В театральном сезоне 1922/1923 г. А. Никитина уже танцевала в Берлине вместе с Б. Романовым и знаменитой балериной Мариинского театра Е. Смирновой, а оттуда уехала дальше в Голландию²⁷.

Мария Александровна Тулякова

И еще одна балерина, занесенная к нам русским ветром. В 1925 г. ее из Осиека в Люблян у пригласил Мирко Полич²⁸. Она была ангажирована как солистка балета и преподаватель кордебалета, обучение которого она построила на основе строгой дисциплины. В 1925 г. она ставила хореографию в «Пряничном сердце» К. Барановича, «Приглашении к танцу» К. Бебера, в пантомиме-бурлеске «Ночь Фавна» А. Сигетинского; а в 1926 г. работала над хореографией для опер: «Женитьба Фигаро» Моцарта и «Еврейка» Галеви²⁹. Она стала известна и своими танцевальными постановками для оперетт. К работе М.А. Тулякова относилась весьма серьезно и молодым артистам передала «крепкие основы балетной техники»³⁰. В 1927 г. Тулякова по непонятным причинам уехала в Белград.

Балерина Вера Кальченко

В 1922 г., еще будучи студенткой, Вера Кальченко вместе с мамой Софьей Андреевной и Петром Головиным (Грессеровым) приехала в Люблян. В России она посещала школу балета, и тогдашний директор Люблянской Оперы Ф. Рукавина³¹ сразу предложил ей ангажемент. Она была определена на службу с 1 декабря 1922 г., некоторое время танцевала на сцене На-

²⁷ Gledališki list. Sezona 1922/23. Št. 24, 25. S. 22.

²⁸ Полич Мирко (Polič Mirko) (1890–1951) — дирижер и композитор, лауреат премии имени Ф. Прешерна (1951). В 1925–1939 гг. и в 1945–1947 гг. был дирижером и руководителем оперной труппы словенского Национального театра в Любляне (*прим. пер.*).

²⁹ Косик В.И. Русские краски на балканской палитре. С. 308.

³⁰ Gresserov-Golovin P. Moja ljuba Slovenija. Spomini na moje delo v slovenskih operah od 1924 do 1951. Ljubljana, 1985. S. 38.

³¹ Рукавина Фридрих (Rukavina Fridrik) (1883–1940) — дирижер, в 1918–1925 гг. был дирижером и руководителем оперной труппы словенского Национального театра в Любляне (*прим. пер.*).

ционального театра в Любляне, а одновременно поступила на французское отделение Философского факультета Люблянского университета. Так, например, вместе с Головиным она танцевала на одном из Татьянинных вечеров, которые организовывали в Любляне русские студенты. 11 апреля 1924 г. в возрасте 21 года внезапно умерла в одной из провинциальных больниц.

Оперный театр

Когда после Первой мировой войны словенский театр вновь поднялся на ноги, это послужило импульсом для обновления и словенской оперы. На люблянской сцене, прежде всего, ставились одна за другой французские и итальянские оперы, но и славянским и словенским оперным произведениям также уделялось внимание.

Павел Федорович Холодков (1888–1967)

Он был обладателем баритона, в прошлом выступал на московской оперной сцене, затем пел на сценах национальных театров в Белграде и Загребе, а в ноябре 1921 г. участвовал в концерте, прошедшем в здании Люблянской Оперы. В феврале 1924 г. он гастролировал, выступая как исполнитель отрывков и арий из опер, а уже в следующем театральном сезоне его имя можно было найти в списке членов коллектива Люблянской Оперы. Павел Холодков работал в Любляне еще в сезоне 1927/1928 гг., затем он был на гастролях во Франции и получил международную известность. В любом случае, следует отметить, что как русский эмигрант он сделал успешную карьеру и был особенно ценным артистом для Белградской Оперы, многие годы являясь одним из ее ведущих солистов.

Василий Сергеевич Севастьянов (1875–1929)

Оперный певец и режиссер Василий Сергеевич Севастьянов родился 1 января 1875 г. в Тамбовской губернии России. Он окончил Харьковский технологический институт, а позже в 1908 г. уехал в Милан, где учился оперному вокалу у профессора Цезаре Росси и Пауло Видала. Он выступал в Одессе, Ни-

колаеве, Киеве, Ростове, в 1901–1905 гг. был солистом Большого театра в Москве. К этому времени Севастьянов стал одним из лучших русских теноров. У него был гибкий голос необычайной красоты и силы и исключительно широкого диапазона звучания³². Сергей Юрьевич Левик в своей книге «Записки оперного певца», вспоминая события, относящиеся к опере «Кармен», написал и о Севастьянове: «И когда у зрителей начинали шевелиться волосы на голове от надвигавшейся грозы, Севастьянов–Хосе вдруг выпускал Кармен из рук и, схватив себя за голову и широко раскрыв почти безумные глаза, таким страшным голосом произносил: “Скорее с жизнью я расстанусь, но тебя другому не отдам”, — что освобожденная Кармен не рисковала сдвинуться с места. Севастьянов застыл неподвижно вплоть до фразы “Прощай, но я еще вернусь” и наделял ее таким леденящим звуком, что зритель после его ухода не без удовольствия встряхивался от этого впечатления»³³.

В.С. Севастьянов был артистом московских и петербургских театров. С 1920 г. работал в Югославии, сначала был ангажирован как оперный режиссер в Загребе, затем в Осиеке. Во время сезона 1922/1923 гг. работал режиссером в Любляне, затем ему предложили место режиссера в Белградском театре, куда он, после прощального концерта в Любляне, и уехал.

В разные годы своей жизни он записал несколько грампластинок с пятнадцатью оперными композициями, некоторые из которых хранятся в Центральном музее музыкальной культуры в Москве³⁴. Эти редкие сохранившиеся записи бесценны.

Борис Павлович Попов (1888–?)

Оперный певец, баритон, впервые выступил в Любляне в сезоне 1923/1924 гг. в партии Фигаро в «Севильском цирюльнике» и затем получил постоянный ангажемент на два сезона.

³² Режим доступа: <http://forgottenoperasingers.blogspot.si/2011/08/vasili-sevastyanov-1875-1929.html> (дата обращения: 16.09.2016).

³³ Левик С.Ю. Записки оперного певца. 2-е изд-е, перераб. и доп. М., 1962. С. 371–372.

³⁴ Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/110873/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 16.09.2016).

Он пел в русских и итальянских операх: «Царская невеста», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Фауст», «Тоска», «Травиата», «Трубадур» и «Риголетто». В конце 1926 г. он был приглашен в оперную труппу театра «Комедии Франсез» в Париже, откуда позже вернулся в Белград.

Оперный режиссер
Борис Филимонович Кривецкий
(1883–1941)

Б.Ф. Кривецкий до приезда в Люблянскую оперу работал как оперный режиссер в Загребской Опере. В Словению он приехал по приглашению руководства театра и принял на себя режиссуру словенской оперы «Черные маски» М. Когоя³⁵. Он родился на Украине, в Киеве, «окончил режиссерский курс в театре Музыкальной драмы в Петербурге, затем перед войной работал режиссером Театра на Кр. Виноградах в Праге³⁶ и, наконец, стал оперным режиссером в Загребе»³⁷.

Среди русских эмигрантов, работавших в Люблянской Опере были также Деметрий Орлов, педагог по пению Александр Павлович Руч и Михаил Иванович Игнатов, который обучался пению у профессора Руча. Сохранилось несколько фотографий Д. Орлова в Словенском театральном институте в Любляне, но других материалов о нем, кроме сообщений в газете «Gledališki list», не удалось обнаружить, поэтому исследование, на наш взгляд, следует продолжить.

В данной статье не затронута тема еще одной сферы искусства — живописи. На этом поприще в Словении работали два русских художника: Игорь Бондаренко и Николай Борисов, изучение деятельности которых еще требует особого исследо-

³⁵ Когой Марий (Kogoj Marij) (1895–1956) — югославский (словенский) композитор, окончил Венскую консерваторию, в 1922–1932 гг. — хормейстер Люблянской Оперы. Когой примыкал к группе югославских композиторов-экспрессионистов. Опера «Черные маски» (по Л.Н. Андрееву) была поставлена в 1929 г. (*прим. пер.*).

³⁶ Имеется в виду Театр Винограды (Divadlo na Kr. Vinohradech), один из самых авторитетных театров Праги, был основан в начале XX в. в одном из старейших районов города Королевские Винограды (*прим. пер.*).

³⁷ Jutro. 1929.03.05. S. 4.

вания. В настоящее время картину Бондаренко можно увидеть в помещении Министерства иностранных дел Словении.

После Октябрьской революции русские эмигранты принесли новые представления и новое понимание искусства в различные европейские города. Именно они стали на своей второй родине в большинстве своем ведущими оперными певцами, артистами балета, хореографами и режиссерами. Это значит, что в словенском культурном пространстве они расширяли свои эстетические представления и влияли на направленность программ развития драматического, оперного и балетного театров.

Перевод со словенского Т.И. Челелевской

В.И. Косик

**Ксения Грундт-Дюме и ее коллеги
на словенской сцене в начале 1930-х гг.
(по неопубликованным мемуарам
русской балерины)**

V.I. Kosik

**Ksenia Grundt-Dumet and her companions
on the Slovenian scene in the early 1930s
(according to the unpublished memoirs
of the Russian ballerina)**

Текст посвящен русским мастерам балета, выступавшим на словенских сценах, прежде всего, Ксении Грундт-Дюме, ее гастроям в 1931 г. Представлен репертуар артистки, отзывы на ее выступления.

Ключевые слова: балет, Словения, русская балерина Ксения Грундт-Дюме, рецензия, воспоминания.

A text devoted to Russian masters of ballet who has performed on Slovenian stages, first of all, Xenia Grundt-Dumet, her tour in 1931. Represented the artist's repertoire, reviews for her performances.

Keywords: ballet, Slovenia, ballerina is Kseniya Grundt-Dumet, review, memories.

«**О**сновной принцип классического балета — преодоление чувства тяжести. Вся балетная техника,работанная вековой традицией, стремится к освобождению от земного притяжения»¹.

Этот принцип был блистательно продемонстрирован русскими балеринами в Словении. Со словенской балетной сценой связаны имена нескольких замечательных русских артисток и артистов балета.

¹ *Слонимская Ю.* Карсавина вечер // Златогор, 1922. Март–апрель. Кн. 3–4. С. 243.

Балетная знаменитость Елена Полякова, прежде чем покорить Белград, немного поработала на столичной словенской сцене, в частности поставила хореографию в опере Л. Делиба «Лакме» (1922 г.)². Небольшой штрих: ее муж также был близок к балету, если можно так сказать: он шил пуанты, взяв за образец те, которые были у жены³. С 1 декабря 1922 г. в балетной труппе Народного театра в Любляне стала танцевать Вера Кальченко⁴, творчество и жизнь которой на балетной сцене все еще требует своего исследователя.

И, конечно, нельзя не назвать имя упоминаемого в тексте воспоминаний партнера моей героини Анатолия Михайловича Жуковского (1906, Седлец (Польша) — 05.10.1998, Менло Парк, штат Калифорния), балетного танцора, солиста, хореографа, режиссера, шефа балета Народного театра в Белграде 1925–1943 гг. Судя по воспоминаниям Ксении Грундт, «он был очень хороший товарищ» в гастрольных поездках⁵.

Из хореографов в Словении звездой первой величины был Петр Сергеевич Грессеров (псевдоним — Головин) (01.04.1894, Москва — 09.08.1981, Торонто), танцовщик, педагог, хореограф, балетмейстер.

В историю Словенского балета, наряду с П.С. Грессеровым-Головиным, вошло имя замечательного балетмейстера Марии Александровны Туляковой, ранее работавшей в Осиеке. Упомяну, что в 1925 г. она ставила хореографию в «Лицитарском сердце» К. Барановича, «Приглашение к танцу» К. Вебера, в пантомиме-бурлеске Т. Сигетинского «Ночь фавна». А в 1926 г. — в «Испанском каприччио» Римского-Корсакова⁶. В том же году работала над операми Моцарта «Свадьба Фигаро» и Галеви «Жидовка»⁷. Известна ее хореография и в опереттах, например, в «Марице» И. Кальмана (1926 г.)⁸. П.С. Грессеров-Голо-

² Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967. Popis premier in obnovitev. Ljubljana, 1967. S. 211.

³ *Gresserov-Golovin P.* Moja Ljuba Slovenija. Spomini na moje delo v slovenskih operah od 1924 do 1951. Ljubljana, 1985. S. 24.

⁴ *Ibid.* S. 25.

⁵ Балетные воспоминания Ксении Грундт. Париж (Рукопись, копия). С. 205, 206.

⁶ Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967. S. 216, 218.

⁷ *Ibid.* S. 218, 219.

⁸ *Ibid.* S. 218.

вин, вспоминая ее, писал, что М.А. Тулякова дала молодежи «твердые основы балетной техники» и ее вклад в становление словенского балетного искусства велик⁹.

И, наконец, имя зеленоглазой и рыжей «с чудными быстрыми ножками» Маргариты Фроман. Много сделавшая в области хореографии для оперы и балета в Хорватии, она в 1931 г. выступила как режиссер и хореограф в «Коштане» П. Коньовича¹⁰. Грессеров-Головин с гордостью писал, что Фроман лестно отзывалась о его ученицах, заметив, что словенки в два раза быстрее овладели сложностями фольклорного танца, нежели ее загребчанки¹¹. В 1937 г. гостя поставила (режиссер и хореограф) «Шехерезаду»¹². На сцене Словенского народного театра некоторое время выступал и ее брат Валентин.

Еще одно имя — звезда балета Ольга Дмитриевна Орлова (в замужестве Наумова) (07.05.1903, Киев — 23.12.1993, у Т.В. Пушкиадия-Рыбкиной указано 25.12.1991 г., Риека), учившаяся хореографии у жены Нижинского — Ромолы. Ольга Орлова навсегда связала свою жизнь с Хорватией, но тем не менее ее имя в свое время было известно как автора хореографии к опере «Ифигения в Тавриде», поставленной ею в 1953 г.¹³

Обязательно надо назвать имя Ольги Михайловны Соловьевой (1900, Одесса — 12.12.1974, Цавтат, близ Дубровника), искусство танца которой было известно ценителям Терпсихоры в Азии, Европе и Америке. Она танцевала в русском балете в Нью-Йорке и в Филадельфии у Михаила Фокина, в Канаде у Михаила Мордкина, в Чили, Бразилии и других странах, континентах, в центрах цивилизации и в глухих углах вроде Тринидада. В 1929 г. ее искусство можно было увидеть в 1931 г. — в словенском Мариборе¹⁴.

Внимания заслуживает и искусство танца изумительной Ксении Федоровны Грундт-Дюме, о творчестве которой сохра-

⁹ *Gresserov-Golovin P.* Op. cit. S. 38.

¹⁰ *Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967.* S. 228.

¹¹ *Gresserov-Golovin P.* Op. cit. S. 72.

¹² *Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967.* S. 238.

¹³ *Ibid.* S. 262.

¹⁴ *Arsenjeva A.* Ruska emigracija u Dubrovniku // *Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata* Rubovi Memorija. Zagreb, 2006. S. 71–75.

нились лишь мимолетные наброски в прессе. Год ее рождения было трудно установить, пока она в своих воспоминаниях не отметила, что является ровесницей Анатолия Жуковского, о котором писали, что он моложе Ксении. Этой «неправдью», разумеется, нельзя было перенести. Отсюда можно заключить, что Ксения родилась в 1906 г. Известно, что в 1930 г. русская балерина, солистка Народного театра в Белграде, после стажировки в Лютеции под руководством всемирно известной Ольги Преображенской восхитила, надо полагать, привезенными отсюда танцами всех «направлений и стилей от классических до гротесков и характерных и индусских танцев»¹⁵ и словенских ценителей искусства Терпсихоры.

Воспоминания Ксении Грундт-Дюме, хранящиеся в одном из архивов в США, и послужили основой для настоящего моего очерка, связанного с гастролями балерины в 1931 г. в Словении. Ее искусство, судя по одной концертной программе, было весьма разнообразно, я бы сказал, впечатляюще:

1. «На балу», муз. Й. Штрауса (постановка Ольги Преображенской бывшей прима-балерины Царского театра в Петрограде, также шефа балетной школы в Париже). Танцует Ксения Грундт.
2. Классическая вариация из балета «Раймонда», муз. Глазунова, танцует Анатолий Жуковский.
3. «Мазурка» — Шопена (хореография О. Преображенской), танцует Ксения Грундт.
4. «Prelude», муз. Шопена. Исполняет Д. Конради.
5. «Украинский танец» из балета «Конек Горбунок», муз. Пули (хореография Маргариты Фроман). Танцуют: Ксения Грундт и Анатолий Жуковский.
6. «Elégie», муз. Рахманинова. Исполняет Д. Конради.
7. «Паяц» (Кукла), муз. Дриго. Хореография О. Преображенской. Танцует Ксения Грундт.
8. «Огонь», муз. Грече-Соболевской (хореография О. Преображенской). Танцует Ксения Грундт.

¹⁵ Новое время. 1930.09.10. № 2838. С. 3; Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными 1928–1938 / Публ., вступ. ст. и примеч. В.В. Иванова // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2004. С. 259.

9. «Moment musical», муз. М. Регера. Исполняет Д. Конради.
10. «Humoresque», муз. М. Регера. Танцует Ксения Грундт.
11. «Danse de Sorcières de Tailla». Исполняет Д. Конради.
12. «Русский танец», муз. Чайковского (хореография А. Фортунатто). Танцует Ксения Грундт.
13. «Испанский танец», муз. де Фалья (хореография М. Фроман). Танцует Анатолий Жуковский.
14. «Цыганский танец», муз. Сен-Санса. Танцует Ксения Грундт.
15. «Неизвестное божество», муз. Кальас (постановка Жанны Рам(н?)сай, шефа балетной школы восточных танцев в Париже), (танцует Ксения Грундт).
16. «Роème», муз. Скрябина. Исполняет Д. Конради.
17. «Фантазия на индусскую песнь», муз. Римского-Корсакова. Танцуют Ксения Грундт и Анат. Жуковский.
18. «Индийские народные песни». Исполняет Д. Конради.
19. «Индусский танец», муз. К. Жакет. Хореография Жанны Рам(н?)сай. Танцует Ксения Грундт.
20. Марш из Трех апельсинов. Муз. Прокофьева. Исполняет Д. Конради.
21. «Матросская любовь» (комический танец), танцуют Ксения Грундт и Анатолий Жуковский¹⁶.

Теперь после «прозы» объявлений позволю себе немного комического с лирикой.

*Супруг — инженер,
Она — в тени балетных сфер,
Ее манит в широкий свет
Преображенской пируэт.
Супруг печально ей поет:
«Балет дохода не дает,
Конечно, в танцах — красота,
Но с дефицитом все счета!»
Какая смесь на этот раз:
Балет, вода, и свет, и газ...
Но усмирим страстей мы бунт,
Балетный слишком скользок Грундт.*

«Вили Пенкин»

¹⁶ Балетные воспоминания Ксении Грундт. Париж (Рукопись, копия). С. 198–201.

Это стихотворение появилось в ежемесячном русском сатирическом журнале: «Бух!». Его автором, по-видимому, был Сергей Страхов, сменивший в должности импресарио Ксении журналиста Алексея Ивановича Ксюнина. В определенной степени оно отражало грусть Страхова, что поездки не давали дохода¹⁷.

Первое выступление Ксении Грундт со своим напарником Анатолием Жуковским прошло с успехом, с которым Ксению незамедлительно поздравил директор театра¹⁸, охарактеризованный ею как «огромный [...], хорошо организованный».

Рисуя свой портрет, Ксения Грундт характеризовала себя как бессеребренницу, которую сборы тогда «мало интересовали»¹⁹. «Я, — писала она, — хотела танцевать как можно лучше, на хорошей сцене (без дыр и гвоздей!), при хорошем освещении, и цифры меня ничуть не интересовали. Изредка я спрашивала своего импресарио: “ты себя не обидел? На твой гононар я натанцевала?” Если он меня успокаивал — то все было в порядке, но все чаще скромный и застенчивый Сережа стал мне говорить: “Единственно кому есть смысл ездить на эти концерты — это Жуковскому — я вынужден платить ему фикс, есть у нас сбор, или нет. Как ты знаешь — твой муж меценатом быть не желает, но я ведь должен все оплатить и привезти тебя в целости домой, не можешь ли ты упразднить Толю? Танцуй одна. Танцует ведь Арусентина, Терезина и другие без партнеров! Хватит того, что неизбежно нужно платить пианисту, но это необходимое зло, а твой Толя, очень мил, но без него ты отлично можешь танцевать. Мне надоели осложнения из-за него. Вечно надо числа менять, ни одного турне нельзя сорганизовать, т. к. он прикреплен к театру”»²⁰.

Но зрителей он, как и Ксения Грундт, очаровывал. В письме из Любляны, помещенном в качестве рецензии в газете «Правда» за № 145 от 26 мая 1931 г. были такие строки: «Вторая половина месяца апреля прошла в гастролях в Люблянской Опере. Первая гастроль была Ксении Грундт и г-на Анатолия

¹⁷ Балетные воспоминания Ксении Грундт. Париж (Рукопись, копия). С. 201–202.

¹⁸ Там же. С. 205.

¹⁹ Там же. С. 206.

²⁰ Там же. С. 206, 208–209.

Жуковского, солиста Белградской Оперы. На этом балетном вечере было четырнадцать номеров из которых девять — г-жи Грундт, два — г-на Жуковского и три — вместе. Г-жа Грундт и на этот раз показала свою большую технику, гибкость, ритм и пластику своего красивого тела, что в особенности выявилося в “ориентальной фантазии” и “индусском танце”. Г-н Жуковский элегантный, изящная фигура [...] с большим темпераментом и знанием, очень хорошо исполнял свои “соло”[...].

В комическом дуэте: “Матросская любовь” он показал себя как хороший атлет и акробат отличной техники»²¹.

И в тоже время «бессеребренница», знающая сербский, хорватский, но меньше словенский языки, позволяла себе в воспоминаниях иронично отзываться о некоторых своих коллегах, например о пианисте Д. Конради, вместе с Ксенией выступавшем в концертной программе по Словении, и изводившем ее своими жалобами на звучание инструмента, типа «Божественная — в этом джаз-банде (пианино) 3 клавиши не действуют! Я себе пальцы переломаяю! Нет я не могу играть Скрябина, оно на ½ тона ниже, и “Ла” вообще нет и т. д. и т. п.»²². «Божественной» для него была Ксения, которой в таком обращении виделась вульгарность, пошлость. Для нее такой эпитет мог быть применим только к Анне Павловой²³. Не забывала Ксения упомянуть такие мелочи, как «щели в полу сцен, кольца на трапах и валяющиеся всюду гвозди!»²⁴ И что в итоге, иронически вопрошала себя Ксения: муж по возвращении домой всегда спрашивал с иронией: «Ну что — миллионы привезла? И охота тебе таскаться по всем этим дырам! Я всегда жду, что ты явишься без руки или без ноги» (он не упоминал о голове, т. к. вероятно интимно считал, что у меня давно ее не было). Надо было иметь много воли и фантазии, чтобы все же в полном душевном одиночестве продолжать работать: Страхов жаловался, Конради ныл, муж язвил. А критики иногда такое писали, что неизвестно нужно ли плакать или смеяться!»²⁵

²¹ Балетные воспоминания Ксении Грундт. Париж (Рукопись, копия). С. 211–212.

²² Там же. С. 214.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 215.

Так, в одной из словенских рецензий автор похвалил из девяти соло шесть, что совсем недурно. Был похвален и Жуковский, но в итоге критик вынес суждение, что он «ничего особенного не показал». Но больше всех получил «на орехи бедный Конради»: «мученик на скандально расстроенном и разбитом рояле», который «лучше бы сделал, если бы ограничился только аккомпанементом». При этом критик все же тактично отметил: «Публики было много, и она живо аплодировала». «Мы, — с возмущением писала в своих воспоминания Ксения Грундт-Дюме, — бисировали, и нам казалось, что мы имеем успех, что публика довольна и что у нас с ней есть контакт, а оказывается, что мы зря старались, потели и ехали так далеко, т. к.: “ничего нового мы не привезли” и “балетный вечер мы не можем приписать к, бог знает, каким удачным выступлениям”»²⁶.

Несколько странной была для нашей героини рецензия в газете «Slovenec» («Словенец») от 16 апреля 1931 г. Все сольные номера («Паяц», «Огонь», «Неизвестное божество») были встречены критиком «благосклонно и с интересом». Но с дуэтами, он, по выражению Ксении Грундт-Дюме, «попадает что называется: пальцем в небо!» С его точки зрения «Ориентальная фантазия была акробатическим куском с обнаженностью и несколькими скользкими позами (рискованными)». А «Матросская любовь» была «пародией на сексуальный акт» («sirov seksus») ²⁷. В газете «Slovenski narod» («Словенски народ», «Словенский народ») от 16 апреля 1931 г. критик додумался, что «“ориентальная фантазия” — ритуальный танец, а “Матросскую любовь” отнес туда куда ей и полагалось — в комические дуэты. Но зато ему показалось, что я в начале была не готова, не растанцевалась (!), а потом разошлась и “izrazito do veljave, zlasti v dobro konstruiranih duetih, kjer sta oba plesalca operirala tudi z znatno porcijo akrobatike»²⁸. Эта операция с порцией акробатики нас долго забавляла»²⁹.

²⁶ Там же. С. 216–217.

²⁷ Там же. С. 217.

²⁸ «Выразительно, особенно в хорошо составленных парах, где оба танцора использовали много элементов акробатики» (сл.).

²⁹ Там же. С. 218.

И здесь я остановлю плотный поток воспоминаний стихами:

*Один прыжок — любовь, другой — разлука,
Как все математически точно.
В одном движенье — горечь, боль и скука,
И рвется то, что было так прочно.*

*Движенья в танце — как слова у пьесы,
Нам смысл понятен в полной тишине.
Нет драматургу места, поэтессе,
Есть место чувству, музыке, весне.*

*Балет, балет. Искусство все же вечно,
Ничто его не сможет поломать.
И танец жив, и муза бесконечна,
И зрителей овации звучат.*

Н.Н. Старикова

**Об одной русскоязычной публикации
Э. Коцбека
(словенский след в журнале «Континент»)**

N.N. Starikova

**About one Russian-language publication
of E. Kocbek
(Slovenian trace in the magazine “Continent”)**

В статье представлены ранее неизвестные переводы на русский язык стихотворений Э. Коцбека, словенского поэта и общественного деятеля, одного из первых борцов с тоталитарной системой в Словении, опубликованные в парижском журнале русских эмигрантов «третьей волны» «Континент» в 1976 г.

Ключевые слова: словенская поэзия XX века, журнал «Континент», эмиграция, инакомыслие, поэтический перевод.

The article presents previously unknown Russian translations of poems by E. Kocbek, Slovenian poet and public figure, one of the first fighters against the totalitarian system in Slovenia, published in the Parisian magazine of Russian political emigrants of the “third wave” «Continent» in 1976.

Keywords: Slovenian poetry of the twentieth century, magazine «Continent», emigration, nonconformity, literary translation.

*Чтобы вполне понять какого-либо поэта,
надо его прочесть переведенным на все языки*

Н. Гумилёв

Эдвард Коцбек (1904–1981) — знаковая фигура словенской литературы и культуры XX в., литератор, политик, мыслитель, активный участник народно-освободительного движения, видный государственный деятель¹. В 1942–1946 гг. был

¹ См. Созина Ю.А. Коцбек Э. // Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 198–199.

вице-председателем Исполкома АВНОЮ, министром по делам Словении в югославском правительстве, вице-председателем Президиума Скупщины Народной Республики Словения. В своих художественных и документальных произведениях именно Коцбек первым в словенской литературе сделал попытку показать военную действительность глазами христианина и гуманиста. Книга его партизанских дневников «Товарищество» (события мая 1942 — декабря 1943 гг.), вышедшая в 1949 г., — одно из самых достоверных свидетельств о словенской национально-освободительной борьбе и ее руководителях. Соединив документальный материал с личными впечатлениями, философские рассуждения с лирическими отступлениями, автор показал всю трагическую для словенцев противоречивость военного противостояния, поднял вопрос о роли и месте национальной интеллигенции во Второй мировой войне. Проблема моральной ответственности человека за свои поступки, по какую бы сторону фронта он ни сражался, интерпретируется в его рассказах из сборника «Страх и мужество» (1951) с позиций христианского экзистенциализма. Страх, так же, как и мужество, может быть одинаково присущ и героям-антифашистам, и врагам. Вера в Бога и абсолютный гуманизм — такова, по мысли Коцбека, нравственная основа поведения и выбора человека. Позднее он писал, что найти нужный ракурс ему помогла правда о войне, увиденная в книге В. Некрасова «В окопах Сталинграда», переведенной на словенский язык в 1947 г.² К подобной позиции была не готова не только партийная верхушка, но и само общество — рассказы Коцбека критики называли «плевком» на идеалы освободительной борьбы, их публикация была признана ошибкой, а автор, обвиненный в искажении образа партизана и религиозном мистицизме, около десяти лет пробыл в политической и литературной изоляции. В сборник вошли четыре новеллы — «Темная сторона луны», «Блаженная вина», «Огонь» и «Черная орхидея», в которых на первый план выдвигаются экзистенциальные и нравственные проблемы человека на войне — свобода, смерть, судьба, правда, вина. Авторский угол зрения заявлен в самом названии сборника, а

² *Kocbek E. Svoboda in najnost. Ljubljana, 1974. S. 117.*

также в выборе в качестве эпиграфа цитаты из книги пророка Исаии о тьме и страхе. Герои рассказов — молодые антифашисты, с оружием в руках защищающие родину от захватчиков. Они образованны, изучали философию, литературу, музыку, интеллектуальный уровень и культура выделяют их среди других партизан. В отличие от последних, герои-интеллигенты способны сомневаться в безусловности исторической необходимости. Впервые после войны получила резонанс и одна из больных тем недавнего военного прошлого — роль Католической церкви в расколе словенского общества в период оккупации. Переживания, сомнения, напряженная мыслительная деятельность человека, оказавшегося перед лицом нравственного выбора, составляют основу повествования. Художник большой эрудиции и культуры, Коцбек через прямые упоминания, аллюзии, ассоциативный ряд, цитаты вводит в текст не только национальный, но и широкий мировой историко-культурный и литературный контекст, в котором соседствуют Ф.М. Достоевский и Р.М. Рильке, Ф. Ницше и В.И. Ленин, И.Ф. Стравинский и М. Равель. Художник, не побоявшийся «в период директивной политической и идеологической ограниченности выбрать свободу творчества»³, стал для молодого поколения писателей образцом нонконформизма, его этическая позиция во многом определила роль национальной литературы в грядущих в республике общественно-политических трансформациях. Важнейшим шагом к демократизации словенского общества стала и публикация в 1975 г. сборника «Эдвард Коцбек — свидетель нашего времени», подготовленного писателями А. Ребулой и Б. Пахором. Содержащееся в книге интервью с поэтом, в котором тот предал гласности одну из запретных для социалистической системы тем — массового истребления ополченцев-домобранцев в 1945 г., по сути братоубийства, — получило в Словении широкий резонанс. Стало очевидно, что в обществе назрела необходимость сказать правду о войне, переосмыслить, а, порой, и полностью переоценить некоторые ее страницы. Литература первой сделала попытку показать истинное лицо существую-

³ *Virk T. Pomen zbirke Strah in pogum // Kočbek E. Strah in pogum. Ljubljana, 1996. S. 36.*

щей политической системы, пробуждая у читателей желание ее изменить. О неослабевающем интересе к личности и творчеству «поэта эпохи» свидетельствует вышедшая в 2011 г. монография видного словенского литературоведа Андрея Инкрета «И столетье покраснеет. Коцбек, жизнь и творчество»⁴, высоко оцененная критиками⁵.

Коцбек-поэт известен в русскоязычном пространстве благодаря усилиям Александра Даниловича Романенко, одного из первых ценителей, переводчиков и пропагандистов словенской поэзии в СССР. Благодаря ему увидели свет сборники О. Жупанчича («Пробуждение», 1961 и «Лирика», 1978), лирические стихи современных словенских поэтов (сборник «Земля и мужество», 1981), первая русскоязычная антология современной словенской лирики «Поэзия Словении. XX век» (1989). В книгу «Земля и мужество»⁶ вошли стихотворения пяти выдающихся и на тот момент действующих словенских поэтов: Э. Коцбека, Й. Удовича, М. Бора, Т. Павчека и Я. Менарта. В предисловии, названном автором «Мужество современника», Романенко объяснил свой выбор желанием показать разнообразие и потенциал словенской поэзии, поэтому в сборник вошли и «стихи крупнейших поэтов Словении старшего поколения, чье творчество в течение почти полувека во многом определяло движение и развитие поэзии республики», и произведения «гораздо более молодых [...] новаторов в области стиха»⁷. Каждый из поэтов представлен в среднем пятьюдесятью стихотворениями, что дает возможность почувствовать особенности индивидуально-стиля и поэтики каждого. Стихотворения Коцбека представлены в переводах А. Романенко, Г. Кружкова, Г. Плисецкого, В. Бурича и Ю. Левитанского. Впоследствии произведения из этого сборника вошли в первую антологию современной сло-

⁴ *Inkret A.* In stoletje bo zardelo. Kocbek, življenje in delo. Ljubljana, 2011.

⁵ См.: *Paterni B.* Inkretov Kocbek. Prijemljiva podoba Kocbekove osebnosti // Delo, Književni listi, 16.03.2011. Режим доступа: <http://www.modrijan.si/slv/Knjizni-program/Knjizni-program/Knjige/DO-70/In-stoletje-bo-zardelo> (дата обращения: 28.04.2018).

⁶ Земля и мужество. Современная словенская поэзия. Сборник. Пер. со словен. М., 1981.

⁷ *Романенко А.* Мужество современника // Земля и мужество... С. 7.

венской лирики «Поэзия Словении. XX век»⁸, также составленную А. Романенко.

В ходе исследования автором данной статьи истории переводов словенской поэзии второй половины XX в. на русский язык выяснилось, что публикации 1981 г. предшествовал более ранний перевод четырех стихотворений Коцбека: «Теперь», «Руки», «Моя партизанская кличка»⁹, «Понт», который был сделан поэтом, переводчиком и литературным критиком В.П. Бетаки для журнала «Континент» (шестой номер за 1976 г.)¹⁰. Первые три стихотворения вошли также в обе вышеупомянутые советские книги.

Печатное издание «Континент» с подзаголовком «Литературный, общественно-политический и религиозный журнал» было основано в Париже в 1974 г. как орган свободной русской мысли, российского и общеевропейского антикоммунистического освободительного движения представителей «третьей волны» русской эмиграции. Одним из идейных вдохновителей этого замысла выступил писатель, литературовед и критик Андрей Донатович Синявский (1925–1997). С 1974 по 1992 г. «Континент» выходил в Париже, с 1992 по 2016 г. — в Москве. Его основатель — русский писатель Владимир Максимов (настоящее имя Лев Самсонов, 1930–1995), романы которого «Карантин» и «Семь дней творенья», не принятые ни одним издательством, широко ходили в советском самиздате. За них автор в 1973 г. был исключен из Союза писателей, помещен в психиатрическую больницу и в следующем году был вынужден эмигрировать. За 17 лет его бессменного редакторства «Континент» завоевал мировую славу как самый авторитетный журнал вольного русского слова за рубежом. Журнал собрал вокруг себя цвет русской, восточноевропейской, западной культуры, среди членов его редколлегии были четыре лауреата Нобелевской премии по литературе: Александр Солженицын, Генрих Бёлль, Чеслав Милош и Иосиф Бродский, а также Сол Бел-

⁸ Поэзия Словении XX век. Пер. со словен. / Предисл. Т. Павчека; сост. и справки об авторах А. Романенко. М., 1989.

⁹ В книге «Земля и мужество» название стихотворения звучит по-другому: «Мое партизанское имя».

¹⁰ Коцбек Э. Стихи // Континент. 1976. № 6. С. 147–150.

лоу, Милован Джилас, Роберт Конквест, Эжен Ионеско, Виктор Некрасов, Наум Коржавин, Александр Галич и др. Можно без преувеличения сказать, что в тяжкие годы застойного безвременья «Континент» спасал честь и достоинство русской интеллигенции и русской культуры, показав всему миру, что существует не только продавшее душу режиму холуйское псевдоискусство слова, но и мужество открытого ему противостояния. Журнал стал ведущим литературным органом русской европейской эмиграции, обращенным к насущным проблемам и задачам освободительного движения. Здесь безцензурно, в режиме открытой дискуссии формулировались позиции и выражались различные мнения о жизни и литературе, о прошлом, настоящем и будущем России. В Советский Союз номера журнала попадали с большими трудностями, подпольно, за его распространение и хранение можно было получить реальный срок заключения.

В разные годы в «Континенте» публиковались прозаики В. Аксенов, Ю. Алешковский, Г. Владимов, В. Войнович, Ф. Горенштейн, С. Довлатов, Вен. Ерофеев, В. Некрасов, поэты Д. Бобышев, И. Бродский, А. Галич, Н. Горбаневская, Б. Кенжеев, Т. Кибиров, Н. Коржавин, В. Кривулин, Ю. Кублановский, Э. Лимонов, С. Липкин, И. Лиснянская, Л. Лосев, Г. Плисецкий, Г. Сапгир, Б. Чичибабин, публицисты, правозащитники, критики, мемуаристы А. Авторханов, М. Агурский, Л. Алексеева, А. Безансон, В. Бетаки, Н. Бетелл, И. Бирман, В. Буковский, М. Геллер, Т. Горичева, П. Григоренко, М. Джилас, А. Зиновьев, Э. Кузнецов, Ю. Мамлеев, Й. Миндсенти, А. Михник, М. Муравник, Э. Неизвестный, Ж. Нива, Б. Парамонов, Л. Плющ, Г. Померанц, К. Сапгир, А. Сахаров, А. Солженицын, В. Суворов, А. Терц, Ю. Фельштинский, Л. Чуковская, Е. Эткинд и многие др. В мемориальном отделе впервые были опубликованы фрагменты романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», проза Ю. Домбровского, письма Б. Пастернака, миниатюры В. Розанова, заметки А. Тарковского, сочинения и письма Н. Бердяева, Л. Шестова и др. На страницах «Континента» увидели свет многие из созданных в застойные годы произведений русской литературы и публицистики, вошедших впоследствии в золотой фонд русской культуры.

Журнал, как пишет в книге, посвященной Виктору Некрасову, его пасынок В. Кондырев, «держался [...] на подвижничестве Максимова, главного редактора. Но приводился [...] в движение и воплощался в реальность двумя невообразимыми трудягами — Таней Максимовой и поэтессой Наташей Горбаневской»¹¹. Вскоре работать в редакции начали эмигрировавшие во Францию в начале 1970-х годов Бетаки и его жена Вета Хамармер¹². Василий Павлович Бетаки (1930–2013) обладал большим поэтическим вкусом и, несмотря на нелегкую судьбу, искрометным чувством юмора. Сын художника-футуриста Павла Бетаки, он мальчиком пережил блокаду Ленинграда, во время которой погибли родители, в 1948–1949 гг., в самый разгар борьбы с «безродными космополитами», учился на Восточном факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ) и был свидетелем травли элиты советского востоковедения, был отчислен за неуспеваемость, в итоге в 1960 г. заочно закончил Литературный институт, где его наставниками были Павел Антокольский и Татьяна Гнедич. Первая книга стихов Бетаки вышла в 1965 г. в Ленинграде. Он успешно переводил английскую, американскую и немецкую поэзию, в 1971 г. стал победителем конкурса перевода трех «главных» стихотворений Эдгара По («Ворон», «Колокола», «Ulalume»). С 1973 г. жил во Франции, около двух десятилетий проработал на радио «Свобода» и в журнале «Континент», был одним из организаторов переправки в СССР запрещенных русских книг, изданных на Западе. Во Франции выпустил восемнадцать книг стихотворений, книгу статей о современных русских поэтах и восемь книг переводов. С 1989 г. снова начал публиковаться в России, был постоянным автором журнала «Звезда». В мемуарах он так описывает свое трудоустройство у Максимова: «Однажды Марья Синявская¹³, поначалу работавшая в редакции “Континента”,

¹¹ *Кондырев В.* Всё на свете, кроме шила и гвоздя. Воспоминания о Викторе Платоновиче Некрасове. Киев — Париж. 1972–87 гг. М., 2011. С. 338–353. Режим доступа: <http://nekrassov-viktor.com/Friends/Maksimov-Vladimir.aspx> (дата обращения: 28.04.2018).

¹² Вета Хамармер (псевд. Виолетта Иверни), род. 1937 — театровед, поэтесса.

¹³ Мария Васильевна Розанова (р. 1929) — русский литератор и публицист, издатель, жена А.Д. Синявского.

предложила мне перевести для четвёртого номера журнала “несколько сонетов” чешского поэта Ярослава Сейфферта и пообещала принести подстрочник. Я тут же попросил ее достать мне и чешский текст, считая, что как-нибудь, хоть отчасти, но в чешском тексте разобраться можно, а никакой подстрочник не может дать поэтической сути. В данном случае, русский подстрочник был очень тщательно сделан чешским физиком Франтишеком Яноухом, жившим тогда в Стокгольме. Это оказалась заглаженная, старательно отредактированная проза. Когда Марья принесла чешский текст, я открыл стихи и увидел, что речь идет не о “нескольких сонетах”, а о венке сонетов под названием “Праге”. По подстрочнику этого понять было нельзя, поскольку его “залитературенный” русский язык пренебрегал “всякими повторениями”. Я к этому времени запасся хорошим чешско-русским словарем, так что радостно ухватился за задачу — перевести венок венком! Кажется, переводных венков в русской поэзии еще не было¹⁴. Причем, случилось так, что этот венок был *впервые* опубликован в моем переводе — а по-чешски по цензурным причинам его не печатали еще несколько лет! Через несколько дней после выхода четвёртого номера “Континента” Сейфферт позвонил из Праги в редакцию, узнал мой телефон и, перезвонив мне, на прекрасном и сочном русском языке благодарил в таких выражениях, которые, несмотря на всю мою хвастливость, я все же приводить не буду [...]. Скажу только, что я и до сих пор считаю, что этот венок — одна из моих главных удач, наряду с Эдгаром По и Сильвией Плат, которую я перевел уже в конце девяностых годов. [...] Видимо, Сейфферт сказал что-то хорошее про меня и Володе Максиму, потому что Володя при встрече отвесил мне несколько неуклюжих комплиментов на эту тему. А вскоре он пригласил нас с Ветой работать в редакции. [...] [После того как автор похвалил мой перевод венка сонетов “Праге”, [...] Володя решил,

¹⁴ Это предположение Бетаки не соответствует действительности — первым венком сонетов на русском языке был «Венок сонетов» Ф. Прешерна в переводе Ф. Корша. Об этом подробнее см.: Старикова Н.Н. Поэзия Прешерна в русских переводах и литературной критике // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 284–292.

что поэтические подюорей¹⁵ мы будем составлять в очередь с Натальей Горбаневской [...], что я и делал следующие двадцать лет»¹⁶. Из вышеприведенного отрывка ясно, что за поэтическое «лицо» журнала отвечал человек профессиональный и заинтересованный. Каким образом в поле его зрения попали стихи Э. Коцбека, выяснить не удалось, можно лишь предположить, как это могло произойти. «Соседями» Коцбека по шестому номеру оказались А. Сахаров, А. Солженицын, И. Бродский, В. Гроссман, М. Джилас и ряд других авторов. Возможно, на фигуру Коцбека обратил внимание Бетаки именно Джилас, с которым у этого политика и писателя на почве несогласия с генеральной линией развития югославского общества было много общего. Оба принадлежали к поколению, сыгравшему ключевую роль в освобождении народов Югославии от фашизма, оба занимали высокие посты в руководстве молодой страны, оба использовали свой литературный талант для выражения инакомыслия¹⁷. Во всяком случае, краткая биографическая справка об авторе, которой снабжена публикация, несмотря на фактические неточности, не оставляет сомнений в его несогласии с титовским режимом: «Коцбек Эдвард — словенский поэт, родился в 1904 году. Учился в Берлине и Лионе. Во время Второй мировой войны участвовал в антигитлеровском партизанском движении. Был министром культуры в правительстве Тито. В 1952 г. снят со всех политических постов. В настоящее время живет в Любляне»¹⁸.

Милован Джилас (1900–1995), коммунист с 1937 г., после войны министр по делам Черногории, секретарь Исполнительного бюро ЦК КПЮ, один из вице-президентов Югославии, а затем председатель Союзной народной скупщины, с 1950-х годов открыто выступал с критикой правящей верхушки и подвергался за это преследованиям властей. Широкий резонанс

¹⁵ Подборки.

¹⁶ Бетаки В. Снова Казанова. Режим доступа: <http://bolvan.ph.utexas.edu/~vadam/betaki/memuary/V00.html> (дата обращения: 28.04.2018).

¹⁷ О позиции Джиласа-литератора см.: Ильина Г.Я. Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. М., 1995. Т. 1. 1945–1960. С. 326.

¹⁸ Коцбек Э. Стихи // Континент. С. 150.

получила его книга «Новый класс», вышедшая в 1957 г. в США и оказавшая существенное влияние на «делегитимизацию югославского режима»¹⁹. Его гражданская позиция, положение в СФРЮ и мировая известность полностью отвечали идейному замыслу Максимова, о котором упоминает, например, Н.Е. Горбаневская: «Путеводную мысль, которая руководила его (журнала «Континент». — Н. С.) созданием, Владимир Максимов изложил мне еще в Москве, незадолго до своего отъезда в Париж. Он сказал: «Мне предлагают делать на Западе журнал. Но я не хочу, чтобы это был еще один журнал русской эмиграции. Я соглашусь только при условии, что там будет объединена вся восточноевропейская оппозиция»²⁰. Джилас вполне мог порекомендовать перевести стихи Коцбека, уже вышедшего из официальной опалы и вновь оказавшегося в центре внимания, благодаря сборнику Пахора и Ребулы. Важно также, что к этому моменту его поэзия широко переводилась на сербскохорватский язык²¹, в том числе стихотворения из сборника «Ужас» (1963), вышедшего после протяженной творческой паузы (дебют поэта — сборник экспрессионистской направленности «Земля» — состоялся в 1934 г.). В своей послевоенной книге, как отмечает литературовед И. Новак-Попов, автор с позиции «биоцентрической метафизики» «ведет диалог с парадигмой партизанской поэзии»²². Четыре стихотворения из подборки Бетаки, ранее уже были опубликованы в Сербии и Хорватии: «Руки» — в белградской газете «Дело» («Труд») в 1965 г.²³, «Теперь» и «Понт» — в загребском журнале «Forum» («Форум») в 1968²⁴, «Мое партизанское имя» — в белградской газете «Политика» в 1969 г.²⁵. Их публикация в «Континенте»

¹⁹ Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011. С. 687.

²⁰ Горбаневская Н. Солидарность: немного истории // Новая Польша. 2001. № 9. Режим доступа: <https://novpol.org/ru/rjsghezujZ/SOLIDARNOST-NEMNOGO-ISTORII> (дата обращения: 28.04.2018).

²¹ Mitrović M. Edvard Kocbek v srbskih/hrvaških prevodih // Recepcija slovenske književnosti. Obdobja 33. Ljubljana, 2014. S. 302.

²² Novak Popov I. Paradoksi v Kocbekovi poezije // Slavistična revija, 1992. Letnik 40. Št. 4, oktober–december. S. 478, 480.

²³ Kocbek E. Zbrano delo. Druga knjiga. Ljubljana, 1995. S. 556. Оригиналы цитируются по этому изданию.

²⁴ Ibid. S. 306, 307.

²⁵ Ibid. S. 313.

снабжена подзаголовком «Вольный перевод со словенского», нельзя исключить, что, работая с оригиналом, Бетаки, помимо подстрочника, мог использовать и тексты на сербскохорватском языке. В задачу автора данной статьи не входит анализ качества проделанной Г. Кружковым, А. Романенко и П. Бетаки работы, но разница в их подходах очевидна. Первые два переводчика подходят к воспроизведению поэтики парадокса, присущей Коцбеку, с максимальной скрупулезностью, иногда даже в ущерб универсальности метафор и звукописи стиха. Бетаки же более склонен ритмически и рифмически облагородить, поэтически гармонизировать тревожную, полемически острую интонацию Коцбека, для которой характерен как раз отказ от рифмы и метра, приближение стиха к афористичной прозе. Однако при всей свободе манипуляций с оригиналом, обусловленной, в том числе и недостаточным знанием контекста жизни и творчества словенского поэта, Бетаки стремился к главному: отождествить свое «я» с мироощущением автора — «услышать вещь у истока» (М. Цветаева²⁶) и найти краски ее адекватного звучания на другом языке. Это показывают приведенные ниже тексты оригиналов и переводов.

«Руки» (первоначальное название «Кровавые руки»²⁷) — одно из программных для Коцбека послевоенных стихотворений, в котором воплощена вся амбивалентность экзистенциальной ситуации человека, судьба которого зависела от исторических катаклизмов XX в.

ROKE

*Med svojima rokama sem živel
kakor med dvema razbojnikoma,
nobena izmed njiju ni vedela,
kaj je počejala druga,
levica je bila nora od srca,
desnica pa pametna od spretnosti,
ena je jemala, druga izgubljala,
druga pred drugo sta se skrivali
in opravljali polovična dela.*

²⁶ Цит. по: Белкина М. Скрещение судеб. М., 2005. С. 160.

²⁷ Коцбек Е. Zbrano delo. Druga knjiga. S. 555.

*Ko sem danes bežal pred smrtjo
in padal in vstajal in padal
in se plazil po trnju in skalovju,
sta mi bili roki enako krvavi.
Razpel sem ju kot žrtvena ročaja
velikega tempeljskega svečnika,
ki z enako vnemo pričujeta.
Vera in nevera sta bili en sam plamen,
vzdigoval se je visok in vroč.*

РУКИ

*Между двумя своими руками я жил,
как между двумя разбойниками, и ни одна
из них не ведала,
что затевает другая.
Левая была безумием заражена
от сердца, а правая была разумна вполне,
потому что умела ловчить.
одна все время брала,
а другая все время теряла*

*Но когда я сегодня от смерти бежал,
Спотыкался, и падал, и вновь подымался,
и продирался сквозь терн,
и карабкался по камням,
обе руки одинаково я окровавил.
Я раскинул их в стороны,
Как две ручки большого светильника в
храме
в одинаковом их усердии. Сомненье и вера
стали одним горящим огнем,
он взымался буйно и жарко.*

(перевод Г. Кружкова)

*Так и жил я между собственных рук:
Две руки — как два бандита с двух
боков...*

*Ни одна из них не знала,
Что другая вытворяла!
Ох, сбежал бы я от них — и был таков!
Правой, ловкой и расчетливой, везло.
Левой жизнь была — одна беда.
Та берет, а та — теряет, как на зло...
И не мог я помирить их никогда...*

*Но однажды я от смерти бежал,
Камни с шумом осыпались из-под ног,
Сквозь терновник продирался,
Лез на скалы, вновь срывался,
И упал я и подняться не мог..
И тогда я руки к небу*

*простер,
Окровавленные руки в огне,
И пылал над ними звездный
костер,*

*И шуршали облака в тишине.
Словно храмовый светильник —
изгиб*

*Двух дрожащих, двух плавающих рук...
И неверие и вера — в виски
Плеском пламени ударили вдруг...*

(перевод В. Бетаки)

Стихотворения «Мое партизанское имя», «Теперь», и «Понт» имеют прямые коннотации с эпизодами человеческой и творческой биографии Коцбека.

MOJE PARTIZANSKO IME

*Nič ti ne pomaga, Pavle,
zate ni nobene krogle,
zate ni nobenega drevesa
in nomenega mlinskega kamna,
obsojen sin na življenje,
boj se samega sebe, Pavle.*

*Nič ti ne pomaga,
gleženj so ti zlomili
in oči napolnili z žerjavico,
jezik so ti zapleli
in te pustili v Diogenovem sodu,
boj se samega sebe, Pavle.*

*Nič več ti ne pomaga,
zate ni niti črnega konja
niti belega velbloda
niti oral na rdečem nebu,
obsojen sin na nesrečno zemljo,
boj se samega sebe, Pavle.*

*Nikjer ni zidu objokovanja
in velikih kijevskih vrat,
tuji maček pije materino mleko
in prijatelj Hamlet dobiva trebuh,
obsojen si na pošast, veseli se samega sebe, Pavle.*

МОЕ ПАРТИЗАНСКОЕ ИМЯ

*Нет тебе помощи, Павле,
нет для тебя пули,
нет для тебя дерева,
не найдется и жернова,
жить ты осужден –
самого себя бойся. Павле.
Нет тебе помощи,
ноги тебе сломали,
и глаза наполнили углем,
и губы замкнули –
барахтайся в Диогеновой бочке,
самого себя бойся, Павле.*

*Нет тебе помощи больше,
черного скакуна нет для тебя,
нет и верблюда белого,
и орла в небе багровом,
осужден ты жить на несчастной земле,
самого себя бойся, Павле.
Нет нигде стены плача
и великих киевских врат,
чужой кот молоко материнское лижет,
и наш Гамлет жирком обрастает,
осужден ты чудовищем быть,
радуйся самому себе, Павле.*

(перевод А. Романенко)

МОЯ ПАРТИЗАНСКАЯ КЛИЧКА

*Это тебе не поможет,
Смерть обойдет стороной.
Ничто тебе не поможет,
Ты предан судьбе иной:
Для тебя – ни пули, ни дерева,
Ни жернова – ничего!
Павел, на жизнь осужденный,
Бойся себя одного!
Это тебе не поможет...
Павел, настанет час,
И алыми углями выжгут
Живое свечение глаз,
Язык твой узлом завяжут,
И не будет вокруг никого.
Живи в диогеновой бочке,
Бойся себя одного!
Это тебе не поможет –
Жизнь твою сохраняют.
Ни белый верблюд, ни черный конь
Тебя не доставят в ад.
И даже зловещие грифы
Не тронут зрачка твоего...
Обреченный бесплодной пустыне –
Бойся себя одного!
Не увидишь ты Стену Плача –
Для тебя ее в мире нет!
Золотые Ворота Киева?
И к ним потерялся след...
Кот чужой и зловещий
Пьет молоко матерей,
И жиреет приятель Гамлет,
Забыв о судьбе твоей...
Бойся себя, Павел, бойся себя...*

(перевод В. Бетаки)

ZDAJ

*Kadar sem govoril,
so rekli, da sem nem,
kadar sem pisal,
so rekli, da sem slep,
ko pa sem odšel od njih,
so rekli, da sem hrom.
In ko so me klicali nazaj,
so ugotovili, da sem gluh.
vse čute so mi zmešali
in presodili, da sem blazen.
Zdaj sem srečen.*

ТЕПЕРЬ

*Когда я говорил,
сказали, что я немой,
когда я писал,
сказали, что я слепой,
когда я ушел от них,
сказали, что я хромой.
А когда меня позвали назад,
узнали, что я к тому же глухой.
Смешались все чувства мои,
и тогда рассудили, что я не в себе.
я счастлив теперь.*

(перевод А. Романенко)

*Когда я кричал во всю глотку,
Сказали, что я немой.
Когда я ушел и плюнул –
Сказали, что я хромой,
Писал я черным по белому –
Меня объявили слепым,
И мысли мои переделали,
Как захотелось им,
Назвали конного пешим,
Смешали добро и зло,
И я же еще помешаный!
...Вот как мне повезло!*

(перевод В. Бетаки)

PONT

*Tu, kjer sem, je Pont.
Pont je izgnanstvo.
Izgnanstvo spominja na raj,
toda raja se ne morem spomniti,
kajti gonivec se je izognil,
izginil je v neznano,
izgnanci smo ostali sami.*

*Poslušamo drug drugega
in se komaj le razumemo,
ko obdelujemo polja
in gradimo nasipe rekam,
naše navade so jalove
in naša bolečina je prazna,
velikega gonivca ni več.*

*Izgnanstvo je postalo svoboda,
nič resničnega ni več v meni,
postajam izgubljenec, začenjam
razumevati, da nič ne razumem
razen tega, da izgnanstvo ni več
resnično, ampak nujno. Samo
to nesrečno vrednost imam.*

ПОНТ

*Эвксинский понт. Изгнание... Овидий...
Потеря Рая...
О райских кушах, коих я не видел,
Не вспоминаю:
В тот день, когда себя изгнал гонитель,
В безвестность канув,
Мне мысль о Рае — золотые нити
Для обезьяны...*

*А все, кто был в изгнание отправлен,
Живут, как прежде...
Нельзя того, кто временем отравлен,
Вернуть к надежде,
Зачем-то строим и зачем-то пашем,
Грызём каменья,
Не зная, для чего страданья наши,
К чему уменье...*

*Изгнанье обернулось,
Изгнанье обернулось бы свободой —
Да в пору злую
Я угодил, и вот все эти годы
Не существую...
И не понять мне, что само изгнанье
Подобно дыму,
Теперь оно, как смысл существованья,
Необходимо.*

(перевод В. Бетаки)

В архиве Коцбека сохранился черновой рукописный вариант, в котором «Теперь» и «Понт» объединены в одно стихотворение²⁸.

Публикация стихов Коцбека, одного из первых в Словении борцов с тоталитарной системой в журнале «Континент», издании, противопоставившем себя этой системе, издании, заместителем главного редактора которого был русский писатель Виктор Некрасов, глубоко уважаемый словенским поэтом, — не просто стечение обстоятельств. Это еще один выход словенской поэзии «за пределы своей истории в иной, для нее почти недоступимый простор»²⁹, открывающий иностранному читателю новую грань национального поэтического сознания.

²⁸ *Kocbek E. Zbrano delo. Druga knjiga. S. 306.*

²⁹ *Павчек Т. Словенская поэзия XX века // Поэзия Словении XX век. С. 16.*

A.H. Красовец

Neue Slowenische Kunst (Новое словенское искусство) и его связи с Россией

A.N. Krasovets

Neue Slowenische Kunst and its links with Russia

В статье рассматривается деятельность художественного коллектива Neue Slowenische Kunst, возникшего в 1984 г. в Словении, являющейся в тот период одной из республик СФРЮ. Мировую известность оно получило во многом благодаря политической составляющей своего искусства, нацеленного на формирование альтернативного гражданского общества. Одним из ключевых компонентов творчества групп, входящих в состав коллектива, является обращение к наследию русского авангарда (к таким именам, как К. Малевич, А. Крученых, В. Хлебников, В. Татлин, В. Мейерхольд, М. Ларионов, Н. Гончарова и др.) и творческие акции, проведенные в России (посольство NSK в Москве в 1992 г., перформансы в Звездном городке в 1991, 2005 г.).

Ключевые слова: Neue Slowenische Kunst, Новое словенское искусство, NSK, политическое искусство, искусство Югославии, русский авангард.

This article examines the activities of the artistic collective Neue Slowenische Kunst, which arose in 1984 in Slovenia, at that time one of the republics of Yugoslavia. NSK gained international fame largely due to the political component of its art, aimed at the formation of an alternative civil society. One of the key components of the group's creativity is the reference to the heritage of the Russian avant-garde (to such names as K. Malevich, A. Kruchenykh, V. Khlebnikov, V. Tatlin, V. Meyerhold, M. Larionov, N. Goncharova, etc.) and creative events held in Russia (the NSK Embassy in Moscow in 1992, performances in Star City in 1991 and 2005).

Keywords: Neue Slowenische Kunst, New Slovenian art, NSK, political art, Yugoslav art, Russian avant-garde.

Коллектив «Neue Slowenische Kunst» (нем., «Новое словенское искусство», NSK) был основан в 1984 г. тремя группами — музыкальной и мультимедийной группой Laibach (осн. 1980, г. Трбовлье), театральной труппой «Театр сестер Сципиона Назики» («Gledališče sester Scipion Nasice», GSSN, 1983–1987; ее членами были Эда Чуфер, Миран Мохар и Драган Живадинов; в 1987 г. проект после самоупражнения был трансформирован в космокинетический театр «Красный летчик» («Rdeči pilot»), а в 1990 г. в «Космокинетический кабинет Ноордунг» («Kozmokinetični kabinet Noordung»)) и группой художников IRWIN (осн. 1983). В дальнейшем в рамках движения также были учреждены отдел дизайна под названием «Новый коллективизм» («Novi kolektivizem», осн. 1984), подразделения «Кино» («Film», осн. 1984), «Строители» («Graditelji», осн. 1985), «Петровидение» («Retrovizija», осн. 1987), занимающееся созданием фильмов и видео, и «Отдел чистой и прикладной философии» («Oddelek za čisto in praktično filozofijo», осн. 1987), возникший по инициативе Петера Млакара в Гамбурге и посвятивший себя работе по теоретическому обоснованию деятельности NSK, а также сопровождению концертов группы Laibach «метафизическими» вступлениями.

Коллектив в отношении своего творчества выделил несколько ключевых принципов, которые тут же сделали из него уникальное образование, ставшее немаловажным фактором в социокультурном и политическом поле Югославии 1980-х годов. Тесная связь движения с контекстом свершавшихся изменений в пространстве государства накануне своего трагического распада, раскрывает всю сложность взаимоотношений государственной идеологии и искусства. NSK, как неотъемлемая часть словенской субкультуры, нацелило свою деятельность на внесение фундаментальных изменений в существующую систему и на формирование альтернативного гражданского общества с независимой медийной базой. При этом методы, к которым оно обращалось, оказались новы и непривычны, и вызвали неоднозначную реакцию, вплоть до обвинений в симпатии фашизму. Вместо прямой критики политического устройства движение обратилось к стратегии сверхидентификации, приняв на себя ценности режима, в частности идею коллективизма, и в рам-

ках существующей идеологии без иронической дистанции разрабатывало сферу политического искусства. NSK представляет собой уникальный альянс, сформированный на принципах самоорганизации и представляющий собой институцию нового типа, иную систему, отличную от всех уже существующих. Коллапс Югославии и провозглашение Словенией независимости, крушение системы, против которой выступал коллектив, не повлекли за собой прекращения его деятельности. Созданная им собственная экономика и свой комплексный художественный язык, оперирующий амбивалентными заимствованиями из, казалось бы, несовместимых традиций, таких как коммунизм, нацизм, капитализм, реалистическое и авангардное искусство, поп-культура, Восток и Запад и пр., обращение к таким приемам как ретрометод, отстранение, апроприация, коллаж, — говорят об универсальности разработанного подхода, который позволяет на эстетическом уровне артикулировать все самое неоднозначное в обществе, все его скрытые противоречия, делая их очевидными, высвечивая крупным планом и подвергая их тем самым неизбежной рефлексии. Три с лишним десятилетия творческой деятельности NSK не только не потеряли своей актуальности, а, напротив, получают сегодня особо острое и злободневное звучание, доказательством этому может служить прошедшая в 2016 г. в московском музее современного искусства «Гараж» выставка, посвященная наследию NSK. «NSK: от «Капитала» к Капиталу» («NSK: OD KAPITALA DO KAPITALA») представляет собой первую масштабную экспозицию словенского художественного коллектива, организованную Зденкой Бадовинац, директором Музея современного искусства в Любляне. В Словении первый показ выставки прошел с 11 мая по 18 августа 2015 г. и был сопряжен с международной конференцией, проекциями и лекциями, посвященными явлению NSK, а также звуковым перформансом группы Laibach. Экспозиция прослеживает решающие события 1980–1992 гг. — выставки, концерты, театральные постановки, перформансы, публичные выступления и подпольные акции, связанные с деятельностью основных групп, вошедших в состав NSK¹.

¹ NSK: ОТ «КАПИТАЛА» К КАПИТАЛУ. Путеводитель по выставке. Garage. М., 2016. С. 7.

Название коллектива на немецком языке — заданная провокация на конфликтный характер отношений между словенцами, австрийцами и немцами, указание на более чем тысячелетнее немецкое культурное и политическое преобладание на территории современной Словении и, в первую очередь, обращение к этой долго подавлявшейся травме, которая раскрывает сложные отношения внутри самого словенского общества. Жесткая полемика в Словении, возникшая по этому поводу, является тому дополнительным подтверждением.

Основополагающим манифестом группы Laibach, которая послужила импульсом к образованию движения NSK, стали «Десять пунктов конвента» («Deset točk konventa»), вышедшие в 1983 г. в литературном журнале «Nova revija» («Новая ревия», «Новый журнал»). Документ был написан членами группы за год до этого и представлял собой их художественную программу, которая заключала в себе основные положения творческой деятельности всего коллектива NSK, среди которых было следование принципам индустриального производства, коллективизма, тоталитаризма, анонимности участников, анализ отношений между политикой, идеологией и культурой, применение манипуляций и провокаций, отрицание оригинальности идей и нового в искусстве, проблема идентификации с идеологией. Протицируем несколько пунктов «Конвента»:

1. LAIBACH работает в команде (коллективный дух) по образцу индустриальной продукции и тоталитаризма, что означает: говорит не отдельная личность, говорит организация. Наша работа — индустриальная, а язык — политический.
2. LAIBACH анализирует отношение между идеологией и культурой позднего периода, представленное посредством искусства. Напряженность между ними и существующая дисгармония (социальные беспорядки, индивидуальные фрустрации, идеологические противостояния) LAIBACH сублимирует и тем самым элиминирует какую-либо прямую идеологическую и системную дискурсивность. [...]
3. Любое искусство подвержено политической манипуляции (непосредственно — сознание; опосредованно), кроме того, которое говорит языком той же самой манипуляции. Гово-

речь языком политического выражения значит открыть и признать всеприсутствие политики. Роль самой гуманной формы политики — преодоление разрыва между реальностью и духом при помощи мобилизации масс. Идеология занимает место аутентичной формы общественного сознания. В современном обществе субъект, признавая эти факты, превращается в политизированного субъекта. LAIBACH открывает и выражает объединение политики и идеологии с индустриальной продукцией и непреодолимый разрыв между этим объединением и духом.

4. Триумф анонимности и безличности посредством технологического процесса обострен до абсолюта. Упраздняется всякое индивидуальное отличие автора, стирается всякая индивидуальность. [...]

LAIBACH в своей работе перенимает организационную систему работы индустриального производства и идентификацию с идеологией. Согласно этому каждый член лично отказывается от своей индивидуальности и тем самым выражает отношение формы производственной системы и идеологии к индивидууму. [...]

6. [...] Материал манипуляции LAIBACH: тейлоризм, бруитизм, нацистское искусство, диско [...]
8. LAIBACH практикует провокацию на бунт отчужденного сознания (которое должно обязательно найти противника) и объединяет бойцов и противников в выражении крика статичного тоталитаризма. Он действует как креативная иллюзия строгой институциональности, как соцтеатр популярной культуры, и коммуницирует лишь при помощи некоммуникативности, некоммуникации².

В этом же номере журнала «Nova revija» был впервые представлен организационный план Laibach Kunst, который содержал схематическое изображение принципов координации и деятельности группы. Специально для всех текстов под общим заголовком «Действие во имя идеи» («Akciija v imenu ideje») была, по требованию художников, введена рубрика «Тоталитаризм» («Totalitarizem»). Публикация открывалась репродукцией «Рабо-

² Laibach. Deset točk konventa // Nova revija. 1983. Št. 13–14; цит. по: Do roba in naprej: slovenska umetnost 1975–1985. Ljubljana, 2003. S. 98–99. *Здесь и далее перевод со словен. мой.* — А. К.

чего-металлиста» («Metalec», 1980) и двумя цитатами — Гитлера («Искусство — возвышенная миссия») и, перефразированной, Сталина («Художники — инженеры человеческих душ»), таким образом Laibach с первых же шагов приравнял сталинизм к гитлеровскому фашизму, указывая на один и тот же механизм функционирования двух тоталитарных систем.

Группа IRWIN сначала появилась под названием RROSE IRWIN SÉLAVY, затем «деконструировала» последнее в R IRWIN S и, наконец, — в IRWIN. В группу входят художники Душан Мандич, Миран Мохар, Андрей Савски, Роман Урьянек и Борут Вогелник. Их ведущей концепцией становится так называемый ретро-принцип, функционирующий с опорой на тот факт, что история живописи — это история повторения. Свойственный эстетике группы эклектизм плотно стыкуется с ретро-принципом и провозглашается в качестве базисного в программном тексте «Was ist Kunst»: речь идет «о тотальном консерватизме» и в то же время об абсолютно новом, даже о провокативности иконографии, которая привязана к Laibach»³. Картины IRWIN по сути являются классической живописью (масло на холсте в раме) и представляют собой в первую очередь монтажное повторение «измов», которые составляют современную словенскую историю искусства, а именно соцреализм и модернизм шестидесятых годов XX в. Художники включили в свои работы также мотивику группы Laibach: образы рабочего, рогов, оленя, орла, барабана, зубчатого колеса, черного креста Казимира Малевича и др. Однако речь идет не о простом «цитировании», «переписывании» и «дописывании» истории искусства, а о процессе конструкции и деконструкции посредством «художественной практики»: «IRWIN устанавливает репрезентативные конструкции истории словенского изобразительного искусства как “истории, которая помнит” — выделяют, объясняют и интерпретируют *подавленные* точки предписанной истории словенского искусства в отличие от *симуляции*, которая “начинается с подмены понятий” (Ж. Бодрияр) и опирается на принципы нейтрализации и неопределенности. [...] В случае с группой IRWIN речь также не идет о какой-либо *ностальгии*

³ Gržinič M. Was ist Kunst // Ekran. 1985. Št. 3–4. Цит. по: Do roba in naprej. S.162.

по прошлому, которая устанавливается отделением истории искусства от референта и представлением ее событий в форме *фикции*⁴. Для художников оказывается важна не только форма, но и «стратегия презентации» своих проектов, которые зачастую выставляются на частных квартирах, посмотреть их могут лишь специально приглашенные, тем самым проблематизируется «приватность» и «закрытость» места, а также повторяется идеологический фон всего проекта — запрет на публичные выступления группы Laibach⁵.

Выше уже была отмечена установка группы Laibach на эклектизм, что распространяется на всю деятельность NSK, отсылки к различным явлениям мирового искусства представлены поистине в огромном изобилии. Из вышеупомянутого словенского искусства наиболее часто заимствуются изобразительные мотивы макета «Словенского парламента» архитектора Йоже Плечника (NSK называет его «Словенским акрополем»), образ сеятеля, который являлся излюбленным образом словенских импрессионистов (Иван Грохар «Сеятель», 1907), парафраза картины «Пьющая кофе» («Kofetarica», 1888) словенской художницы Иваны Кобильцы и др., наравне с этим члены коллектива активно используют иконографию и приемы мирового, в первую очередь русского, авангарда: конструктивизм, супрематизм, биомеханика, Малевич, Лисицкий, Татлин, Мейерхольд, итальянский трансавангард, Марсель Дюшан, Баухаус, Де Стил, монтажи Гросса и Хартфильда, Дада, кинетическое искусство — все это благополучно смыкается с нацистским официальным искусством, массовой культурой, соцреализмом, национальными мифами, православными иконами, французской живописью XIX в. (в частности Курбе и Делакруа), Жилем Делёзом, Антоненом Арто, Яном Фабром, Ансельмом Кифером, Йозефом Бойсом, Энди Уорхолом и др.

⁴ *Gržinić M.* Was ist Kunst // Ekran. 1985. Št. 3–4. Цит. по: Do goba in naprej. S.162.

⁵ С июля 1983 по февраль 1987 г. группе было запрещено использовать название Laibach и проводить публичные выступления, причиной запрета послужило скандальное интервью 23 июля 1983 г. в программе «Телевизионный еженедельник» («TV Tednik»), во время которого участники группы появились в югославской военной униформе, фоном же им послужили работа «Рабочий-металлист» и плакаты с изображением съезда Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

Этот весьма хаотичный и обширный список говорит о том, что NSK представляет собой весьма сложное и богатое явление, ни в коем случае его нельзя ограничить лишь одним заигрыванием с тоталитарными символами. Таким образом NSK, взяв на вооружение приемы постмодернизма, в частности интертекстуальность, выходит далеко за рамки простой эстетической провокации и «богохульства». Александр Флакер об одном из проектов IRWIN под названием «Словенские Афины», посвященном репродукции и реинтерпретации импрессионистского образа «сеятеля», указал на то, что речь в первую очередь идет «о признании того, что модели длительны и что мы не можем сказать ничего нового, поэтому и варьируем старые образцы, из которых, в конце концов, все же выводим всегда новые значения»⁶. К уже существующим отсылкам следует, однако, добавить культурный контекст 1980-х годов, в котором особое место получила альтернативная молодежная субкультура, далекая от симпатий со стороны официальных властей, неотъемлемыми составляющими которой стали рок и панк-музыка, индастриал, электронная музыка, «Новая волна», искусство граффити, все это сопровождалось особым стилем в одежде, эклектично сочетающим в себе авангардные 1920-е годы, стиль милитари, псевдоуниформу, байкерскую одежду, элементы садо-мазохистской эстетики, специфический макияж, прически, все это дополнялось значками, бляхами, пуговицами, булавками, металлическими заклепками, красными звездами и другими отличительными коммунистическими символами. Так внешний облик становится сферой социального и творческого самовыражения, способом продемонстрировать свой протест, как против существующего режима, так и против патриархальности, гнета локального, выступить за сексуальную эмансипацию. Панк и рок-культура действительно вписываются в нео-авангардную струю современной массовой культуры с ее новыми медийными средствами, ярким доказательством последнего стало первое независимое молодежное радио в Европе «Radio Študent» («Радио Штудент», «Радио Студент»), открывшееся в

⁶ *Flaker D. Estetska provokacija ali intertekst // Slovenske Atene 1991–1997. Ljubljana, 1991. Без пагинации.*

Любляне в 1969 г. и ставшее важным фактором в формировании альтернативной политической культуры, к нему присоединились еженедельники «Mladina» («Младина», «Молодежь») и «Tribuna» («Трибуна»). Таким образом, гражданское общество в Словении в 1980-е годы начало говорить на так называемом «ретрогардном» языке словенского нео-авангарда, в чем немаловажная заслуга принадлежит NSK. Франц Ксавер описывает данную матрицу следующим образом: «Проблематика развития рок-культуры, развития панк-идеологии и ее метаморфоз, вопрос ангажированности в искусстве, отношения между китчем и авангардностью, проблема определения китча в изобразительном искусстве, роль массовой культуры и средств коммуникации в художественной продукции, а также роль шока в ангажированном искусстве»⁷.

Контекст 1980-х годов указывает в свою очередь и на принципиальный момент относительной свободы югославского общества, СФРЮ не является тоталитарной страной, здесь нет гонений и репрессий против диссидентов, хотя и активного выступления они не могут себе позволить (следует, однако, упомянуть ряд арестов деятелей панк-движения, подозреваемых в неонацизме)⁸. Сложно выделить четкую оппозицию существующей системе, которая имела бы организованный протест, речь скорее идет о бытующей атмосфере. Ключевым событием для Югославии, символизирующим для ее жителей конец коммунизма, стала смерть Тито в 1980 г., снявшая жесткое табу с преследуемых до этого форм национализма. Этот процесс затронул и Словению, члены NSK ставили своей задачей указать на этот скрытый лицемерный характер активно происходящих процессов в обществе. Коллектив в последние годы жизни югославского социализма показывал ему его же отражение в призме искусства. Если традиционное искусство в таком случае прибегало к критике, сатире, иронии, эзоповому языку или открытому протесту, то группа Laibach делала это посредством мимикрии, копирования властвующего идеологического

⁷ Ljubljana, Ljubljana. Osemdeseta leta v umetnosti in kulturi. Ljubljana, 1991. S. 92.

⁸ Более подробно см.: *Tomc G. The Politics of Punk // Jill Benderly, Evan Kraft. Independent Slovenia: Origins, Movements, Prospects. New York, 1994.*

дискурса, в этом также заключалась их оригинальность. Его методом, который был затем перенят NSK, было опрокидывание, первертирование властвующих идеологических представлений, распатывание принятых понятий о мнимой правильности предпринятого пути, обманным образом убеждающего, что все в наилучшем порядке, что «система хорошая, но еще не работает так, как должна была бы»⁹. Отсюда же обращения коллектива к тоталитарному искусству, в частности, к примерам эстетизированного классицизма, который наравне с историческим авангардом начала прошлого века утратил свое провокативное значение, сохранив лишь эстетическое. Поколению художников, рожденных в 1960-е, Вторая мировая война представлялась в черно-белых образах идеологического толкования. Для них было важно сперва пошатнуть ту историческую почву, на которой основывалась данная идеология, затем достичь такого же эффекта посредством первертирования самого языка, который изобрела и которым пользовалась самоуправная система. Применение того же политического языка в художественной форме неизменно создавало эффект «отчуждения», тем самым совершалось необходимое удаление от мира, в котором человек живет и который ему слишком близок, чтобы он мог критически его оценить. В тексте «Was ist Kunst» с отсылкой на Славоя Жижека такого рода новая стратегия смыкается с вопросом: «каким образом группе Laibach удастся подорвать тоталитарный идеологический ритуал — тем, что он его лишь *повторяет* в его дословности. Группа Laibach выступает как непристойная субверсия тоталитарного ритуала посредством самой формы собственного выступления, являющейся той, которая определяет, дефинирует то, что мы имеем дело с субверсией — наше ожидание разочаровано над “содержанием”, вместо критической дистанции, насмешки и т. д. мы получаем повторение тоталитарного ритуала»¹⁰.

В качестве знаменательного примера данной стратегии NSK следует упомянуть так называемый плакатный скандал, разразившийся в 1987 г. Дизайн-студия «Новый коллекти-

⁹ Ljubljana, Ljubljana. Osemdeseta leta. S. 90.

¹⁰ Gržinič M. Was ist Kunst // Do roba in naprej. S. 162.

визм» по случаю Дня молодежи представила на конкурс свой эскиз плаката, который был выбран государственной комиссией и напечатан несколькими югославскими газетами. Вскоре выяснилось, что комиссия выбрала эскиз, основой для которого послужила нацистская картина «Третий рейх» 1936 г. художника Рихарда Клайна, изображение, однако, было подвержено нескольким манипуляциям: вместо нацистского флага был флаг Югославии, вместо немецкого орла — голубь мира, вместо факела в руке мужчины — конический купол из проекта здания Словенского парламента Плечника, в качестве фона послужила гора Триглав. Тем самым IRWIN стремились показать, что выбранный Югославией «третий путь» самоуправного социализма точно так же принуждает людей к конформизму и бессознательной идеологизации всех сфер общественной жизни, что с ним происходит нечто похожее на то, что случилось с другими идеологиями тоталитаризма, хотя в Словении и без репрессивных мер, которые были характерны для тоталитарных систем XX столетия. В этот же ряд можно поставить использование NSK, а также Laibach на их концертах, мифологических и национальных символов, демонстрирующих словенскую национальную консолидацию или «воинственный патриотизм» («militantno domoljubje»), как называет это явление журналистка издания «Mladina» Мелита Зайц, последний в конце восьмидесятых заявил о себе, в том числе и в Словении¹¹.

Другой словенский философ Младен Долар в статье «Психоанализ у власти. О фашизме, марксизме и афере с плакатом», опубликованной все в том же издании «Mladina» (1987), дает следующий анализ нацистским переключкам коллектива: «Отсутствие содержательного анализа фашизма можно объяснить тем, что в преобладающем взгляде на югославское недавнее прошлое фашизм, прежде всего, воспринимался как стихийное бедствие, которое пришло извне и затопило наши границы. [...] Перед фашистским символом нечего понимать, следует, напротив, реагировать, и как можно быстрее и как можно мощнее — действие должно заступать вместо слова, реагирование вместо анализа. Насколько фашизм средудирован

¹¹ Ljubljana, Ljubljana. Osemdeseta leta. S. 115.

на демоническую внешнюю силу, настолько он может быть сре-дуцирован лишь на свой символ, оторванный от содержатель-ной почвы. Фашизм таким образом сохраняется и репродуци-руется прежде всего в качестве травмы, которую невозможно проанализировать. То, что переносится на новые и новые поко-ления, таким образом, в первую очередь не определенное осоз-нание фашизма, не возможность его анализа, а прежде всего определенные образцы аффективного реагирования на трав-му, репродуцирование его мистифицированной демонической составляющей. В этом направлении, вероятно, следует также искать ответ на вопрос, откуда в работе молодого поколения оживает потребность в оперировании определенными фаши-стскими символами. В ней, по всей вероятности, мы не можем видеть простое забвение прошлого, как об этом гласит всеоб-щий упрек — забвение ужасных жертв, борьбы, страдания — а скорее, наоборот, требование исторической памяти, которая не опиралась бы на постоянное репродуцирование нерелфлек-тированной травмы»¹².

NSK и Россия

Участники коллектива Нового словенского искусства, как уже было отмечено выше, в своем творчестве во многом бази-руются на обращение к русской культуре, в первую очередь речь идет об искусстве русского авангарда. Это объясняется несколькими принципиальными моментами: среди течений европейского исторического авангарда, именно русский его ва-риант вызывает наибольший интерес у молодых художников в связи, во-первых, со схожестью социально-политического юго-славянского и советского, а также шире славянского контекстов, а, во-вторых, с повышенным интересом к данному явлению в 1980-е годы в Югославии. Попытки вернуться к словенскому довоенному авангарду, в частности к творчеству Августа Чер-нигоя, Антона Подбевшека и Сречко Косовела, к влиянию, ко-торому они подверглись со стороны того же русского авангарда, приводит деятелей группы NSK к многоплановому пересмотру

¹² Dolar M. Psohoanaliza na oblasti. O fašizmu, marksizmu in aferi s plakatom // Mladina. 1987. 13. 03.; цит. по: Do roba in naprej. S. 358.

целостного феномена, которое они называют термином «ретроавангард». Последнему они дают следующее обоснование: «Ретроавангард — основной художественный прием Neue Slowenische Kunst, опирающийся на принцип того, что травмы, которые из прошлого обуславливают настоящее и будущее, можно преодолеть лишь возвращением в исходное положение. Современное искусство еще не побороло конфликт, к которому привела быстрая и эффективная ассимиляция исторического авангарда в системы тоталитарных государств. Всеобщее восприятие авангарда как основного феномена искусства XX в. отягчается страхами и предрассудками. С одной стороны, этот период наивно историзируется и мифологизируется, а с другой — с бюрократическим педантизмом пересчитываются злоупотребления, компромиссы и неудачи как напоминание о великом заблуждении, которое было бы бессмысленно повторять. Neue Slowenische Kunst реактуализирует травму авангарда, идентифицируясь с ней в стадии ассимиляции, как Искусство в образе Государства. Самая важная и в то же время самая травматичная составляющая движений авангарда — их деятельность и созидание в рамках коллектива. Коллективизм — узловое пересечение, где непримиримым конфликтным образом встречаются и смешиваются прогрессивная философия, теории социального вопроса и милитаризм современных государств»¹³.

Упомянем основные переклички с деятелями русского авангарда, которые сопровождают ключевые проекты словенского движения. Главной фигурой для NSK здесь, безусловно, становится Казимир Малевич и разработанное им течение супрематизма, представляющее собой одну из разновидностей абстракционизма и базирующееся на доминировании чистого цвета и геометричности форм, безусловно, отсылающем к идее универсального надиндивидуального творческого начала. Супрематический крест Малевича становится логотипом коллектива, его же они носят в качестве повязки на руке — двусмысленность этого, по сути, христианского символа, примененного как военизированный атрибут, изначально задает провокацион-

¹³ Čufer I., E. NSK Država v času // Do roba in naprej. S. 368.

ный тон. Одним из проектов NSK стала в марте 1986 г. в Любляне «Последняя футуристическая выставка» («Zadnja futuristična razstava») за подписью самого Малевича. Последняя представляла собой реконструкцию одноименной выставки, которую представил великий русский супрематист в Петрограде в 1915–1916 гг. В сентябре 1986 г. в журнале «Art in America» тот же самый мистифицированный Малевич (с припиской Белград, Югославия) опубликовал письмо: «Когда я вслепую вешал на стену свои маленькие супрамати́ческие картины, даже во сне я не мог вообразить, что фотография этой инсталляции станет такой известной и будет напечатана в тысячах книг и газет. Не помню точно, кто это фотографировал, но это всего лишь одна черно-белая фотография. Без цвета. У меня ощущение, что эта фотография стала даже важнее моих супремати́ческих картин. Это послужило главной причиной, почему я годы и годы думал о том, чтобы заново сделать ту же выставку»¹⁴. Отправной точкой выставки, однако, не было желание показать разницу между оригиналом и копией, а указать на то, что копирование в искусстве 1980-х представляется одной из его самых аутентичных черт¹⁵.

18 сентября 1991 г. состоялась последняя постановка Космокинетического театра «Красный летчик», которая представляла драму-обсерваторию «Капитал», построенную на интеграции принципов супрематизма и конструктивизма с теми пространственными и физическими изменениями, которые повлекли за собой современные технические достижения в области космонавтики. Спектакль являлся художественно-научным диалогом между первой футуристической оперой М. Матюшина и А. Крученых «Победа над Солнцем» (1913), в связи с которой впервые появился «Черный квадрат» Малевича, и трудом одного из пионеров космонавтики, австро-венгерского инженера, словенца по национальности, Германа Поточника (Ноордунга) — «Проблема путешествия в мировом пространстве» («Das Problem der Befahrung des Weltraums», 1928–1929).

¹⁴ Malevič K. Pismo // Art in America. 1986. Цит. по: Ljubljana, Ljubljana. Osemdeseta leta. S. 130.

¹⁵ Ibid. S. 131.

«Из форм декораций Малевича для “Победы над Солнцем” были сделаны зигзагообразные стены из белых, черных и серых крестов, которые можно было разъединять, подчеркивая тем самым неустойчивость отношений между наблюдателем и наблюдаемым, пространством внутри и снаружи»¹⁶.

Следующим важным оммажем творчеству Казимира Малевича стала одна из ключевых акций IRWIN, в сотрудничестве с Майклом Бенсоном, под названием «Черный квадрат на Красной площади» («Black Square on Red Square»), которая прошла в Москве 6 июня 1992 г. между 14.00 и 15.00. Группа из пятнадцати художников, критиков и кураторов из бывшей Югославии и России расстелили кусок ткани размеров 22x22 м на Красной площади, дав тем самым еще один живительный импульс культовому произведению мировой живописи. Милиционеры и сотрудники госбезопасности не препятствовали совершению акции, они спокойно беседовали с ее участниками, слившимися с толпой москвичей и туристов. По истечении получаса художники сложили ткань, отнесли ее на край площади, где их ждал автобус, и уехали. Все произошедшее было задокументировано на видео и фото, эти кадры и представляются на выставках NSK¹⁷.

Русский авангард, в частности его послереволюционный период, вдохновил также одно из самых знаковых представлений «Театра сестер Сципиона Назики» — ретроградное событие «Крещение под Триглавом» («Krst pod Triglavom»), состоявшееся 6 февраля 1986 г. в Цанкаревом доме и возрождавшее идею Gesamtkunstwerk, тотального произведения искусства; в работе над спектаклем задействовались все группы NSK. Спектакль был поставлен по лирико-эпической поэме Франце Прешерна «Крещение при Савице» («Krst pri Savici», 1835), его начало было ознаменовано декоративным появлением башни Татлина (или Памятника III Интернационала), а в заключении на сцене появились супрематические элементы в духе

¹⁶ NSK: от «Капитала» к Капиталу. Путеводитель. С. 39.

¹⁷ *Irwin*. Black Square in Red Square (Črni kvadrat na Rdečem trgu/kvadratu), 1992/2004. Video na podlagi akcije v sodelovanju z Michaelom Bensonom, posnetki Ruske televizije in Kinetikon Pictures, montaža Igor Zupe // Ljubljana, Ljubljana. Osemdeseta leta. S. 385.

Малевица. Театральная труппа наряду с режиссерскими находками современных драматургов вроде Роберта Уилсона и Яна Фабра во многом вдохновилась методом Всеволода Мейерхольда¹⁸. Спектакль стал настоящей сенсацией и поистине переломным моментом в словенском театре 1980-х годов.

В качестве еще одного принципиального обращения к наследию русских левых художников начала прошлого века можно привести цитирование Laibach манифеста «Лучисты и будущники» (1913), написанного Михаилом Ларионовым, Наталией Гончаровой и др. На оборотной стороне пригласительного билета на выставку «Austellung Laibach Kunst. Монументальный ретроавангард», состоявшейся в апреле 1983 г. в люблянкой галерее ŠKUC, был напечатан фрагмент русскоязычного документа, где отвергалось старое и новое искусства, а также индивидуальность в художественном произведении¹⁹.

Другой важной моделью для деятельности NSK, безусловно, стал Велимир Хлебников и его идея государства времени, послужившая импульсом для образования проекта «Государство NSK во времени» (1992 — по настоящее время). Создание последнего было провозглашено в одноименной статье («NSK država v času»), написанной Эдой Чуфер и участниками IRWIN²⁰. Государство NSK пыталось таким образом предложить альтернативу существующим государственным устройствам в контексте распада Югославии и краха социалистических систем, а также преобладающей капиталистической модели. «Это новое движение привело к возникновению художественного государства, глобального сообщества, основанного не на территориальных и экономических, а на эстетических и когнитивных принци-

¹⁸ Чуть ранее, 25 мая 1985 г. «Театр сестер Сципиона Назики» отдал дань другому русскому режиссеру — Константину Станиславскому и его теории сценического искусства — в постановке «Мария Наблоская» («Marija Nabloska»). Событие-перформанс, основой для которого послужила ранняя пьеса Бертольда Брехта «Валл», получило название в честь русской актрисы-эмигрантки Марии Наблоской (1890–1969), которая познакомила словенский театр с системой Станиславского и его техникой достижения психологической достоверности актерской игры. Спектакль был нацелен на передачу принципов именно этой школы, призванной, по мнению постановщиков, уступить место авангардным и неоавангардным театральным приемам.

¹⁹ NSK: от «Капитала» к Капиталу. Путеводитель. С. 16.

²⁰ Irwin, Eda Čufer. NSK Država v času // Do roba in naprej. S. 368-370.

пах»²¹. В манифесте Хлебникова «Труба Марсиан» (1916) мы читаем: «Вот почему изобретатели в полном сознании своей особой породы, других нравов и особого посольства отделяются от приобретателей в независимое государство времени (лишенное пространства) и ставят между собой и ими железные прутья. Будущее решит, кто очутится в зверинце, изобретатели или приобретатели, и кто будет грызть кочергу зубами»²². Великий мечтатель русского авангарда, таким образом, смог заронить плодотворные семена своих утопических идей в головы молодых словенских художников, которые провозглашают: «Государство NSK во времени — это абстрактный механизм, супрематическое тело, помещенное в реальное социально-политическое пространство, как скульптура, составленная из конкретного тепла тел, движения и работы их членов»²³. Первыми гражданами виртуального государства NSK стали его основатели, но с самого начала гражданство было доступно любому, кто обращался за паспортом NSK. Безусловно, идея государства вытекает из проекта посольств NSK, первым из которых стало посольство в Москве по адресу Ленинский проспект, д. 12, открывшее двери с 10 мая по 10 июня 1992 г. Проект был задуман как живая инсталляция и стал ответом на приглашение к участию в проекте АРТ ART International, поступившее в 1991 г. Развитая в Советском Союзе подпольная традиция квартирников, выставок на частных квартирах и ателье, ставших особой формой самовыражения в рамках властвующей цензуры, получила, таким образом, свое продолжение. В рамках посольства NSK в Москве была представлена экспозиция, работала библиотека, видеотека и фонотека, демонстрировались документы, книги, плакаты и артефакты IRWIN, NSK, был проведен также недельный цикл лекций и открытых дискуссий. Для участников проекта и его гостей было важно сравнить два близких социальных контекста бывшего Советского Союза и бывшей Югославии, оживленные споры велись вокруг вопросов искусства и культуры 1980-х годов и их роли в трансформа-

²¹ NSK.: от «Капитала» к Капиталу. Путеводитель. С. 31.

²² Хлебников В. Труба марсиан // Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 603.

²³ Čufer I., E.. NSK Država v času // Do roba in naprej. S. 369.

ции Восточной Европы²⁴. 26 мая 1992 г. была также составлена «Московская декларация», выступающая за необходимость изучать особую восточноевропейскую идентичность посттоталитарных обществ, помимо IRWIN вместе с Эдой Чуфер и Мариной Гржинич, ее также подписали российские художники и критики (Иосиф Бакштейн, Георгий Литичевский, Елена Курляндцева, Ольга Холмогорова, Виктор Мизиано, Дмитрий Пригов, Константин Звездочетов)²⁵. После Москвы посольства NSK, становящиеся местами проведения выставок, открылись также в Берлине, Сараеве, Нью-Йорке, Токио, Пекине, Умаге, Генте и др., отличие проекта государства во времени NSK от других микро-государств состоит в том, что он несет глубоко философский характер, исключая какую-либо пародийность. При этом важно, например, отметить тот факт, что нескольким сотням жителей Сараева удалось покинуть осажденный город с паспортом государства NSK; напротив, некоторые жители Египта и Нигерии стали жертвами мошенников, заверивших отчаявшихся в том, что они могут пересечь границу с паспортом NSK.

И напоследок отмечу еще одну крайне важную точку соприкосновения с русской культурой, ее философскими традициями и не в последнюю очередь техническими достижениями в области авиации одной из также наиболее активных групп NSK — Космокинетического кабинета Ноордунг во главе с актером и режиссером Драганом Живадиновым, интенсивно работающим над фигурой художника-космонавта. Деятельность группы началась в первой половине 1990-х годов (с перевода на английский и словенский языки книги Поточника «Проблема путешествия в мировом пространстве») и распланирована до 2045 г., ключевыми событиями стали перформанс в состоянии невесомости в подмосковном Звездном городке, в Центре подготовки космонавтов в 1999 г., повторный перформанс там же в гидролаборатории на Космической станции в 2005 г. (Д. Живадинов, Д. Зупанчич, М. Туршич), а также долгожданное открытие Культурного центра европейских кос-

²⁴ NSK: от «Капитала» к Капиталу. Путеводитель. С. 30.

²⁵ *Irwin. Moskowska deklaracija, 1992 // Do roba in naprej. S. 366–367.*

мических технологий («Kulturno središče evropskih vesoljskih tehnologij») в словенском городе Витанье в 2010 г. В книге «Постгравитационное искусство» («Postgravity art», 2013) наряду с обширными отсылками к течениям русского авангарда, таким как супрематизм, конструктивизм, футуризм, заумь, авторы обратились к явлению русского космизма и представителям его философии — К.Э. Циолковскому и Н.Ф. Федорову, последний также выступает в качестве предшественника современного трансгуманизма²⁶.

Итак, коллектив NSK, смело нацеливший свое творчество на самые болевые, травматичные и табуированные точки словенского коллективного сознания (которое продемонстрировало универсальность ввиду мировой популярности движения), продолжает держать своих зрителей начеку и указывать на то, что тоталитарные механизмы не исчезли вместе с так называемыми авторитарными режимами XX в., а продолжают подспудно функционировать в рамках капиталистической системы и ее медиа, которые в свою очередь ведут опасную игру с «не расколдованными» символами. Не попасться в капкан их манипуляций — вот смысл созидательного акта словенских художников. Последние словно следуют проницательной идее столь уважаемого ими Вальтера Беньямина и демифологизируют незатронутые процессами рационализации (модернизации) сферы искусства, в первую очередь его «консервативную» область, которая зачастую становится плацдармом для реакционных идеологий, представляющих реальную угрозу для социума²⁷.

²⁶ *Zupančič D., Turšič M., Živadinov D.* Postgravity art. Ljubljana, 2013. Без пагинации.

²⁷ *Рыков А.В.* Дискурс эстетизма/тоталитаризма (К социополитической теории авангарда) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой. СПб., 2014. Вып. 4. С. 386.

Сведения об авторах, редакторах, рецензентах и переводчиках

Бабкин Борис Олегович — магистр кафедры русской литературы Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Бершадская Марианна Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Григич-Ренко Манца — доктор исторических наук (PhD), научный сотрудник исторического отделения Философского факультета Люблянского университета, редактор в издательстве «Белетрина».

Задникар Гита — доктор социологических наук (PhD), научный сотрудник Института цивилизации и культуры.

Зайц Марко — доктор исторических наук (PhD), научный сотрудник Института новейшей истории Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (Любляна), доцент отделения истории Факультета гуманитарных наук Приморского университета (г. Копер, Словения).

Зайц Нежа — доктор исторических и филологических наук (PhD), научный сотрудник Института истории культуры Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств.

Данченко Светлана Ивановна — доктор исторических наук, зав. отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения Российской академии наук.

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.

Косик Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.

Красовец Александра Николаевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.

- Кузьмичева Людмила Васильевна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Мерецкая Юлия Сергеевна** — аспирант кафедры теории и истории искусства Российского государственного гуманитарного университета.
- Никифоров Константин Владимирович** — доктор исторических наук, профессор, директор Института славяноведения Российской академии наук.
- Перовшек Юрий** — доктор исторических наук (PhD), научный советник Института новейшей истории Научно-исследовательского центра Словенской Академии наук и искусств (Любляна).
- Пилько Надежда Сергеевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.
- Пирьевец Йоже** — академик Словенской академии наук и искусств, отделение истории в Научно-исследовательском центре (г. Копер, Словения).
- Рант Тьяша** — преподаватель русского, хорватского, сербского и македонского языков, научный сотрудник Института цивилизации и культуры (2014–2016).
- Старикова Надежда Николаевна** — доктор филологических наук, зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения Российской академии наук, профессор кафедры славянской филологии Филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
- Тестен-Корен Петра** — доктор исторических наук (PhD), научный сотрудник Института истории культуры Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств и Философского факультета Люблянского университета.
- Чепелевская Татьяна Ивановна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук.
- Чуркина Искра Васильевна** — доктор исторических наук, до 2017 г. ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, с 2017 г. на пенсии.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

SLOVENICA IV

РОССИЙСКО-СЛОВЕНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В XX ВЕКЕ

Главный редактор

К.В. Никифоров

Ответственный редактор

Л.А. Кирилина

Редактор-корректор

Л.А. Авакова

Компьютерная верстка

П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 07.12.2018. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 21,25 печ. л.

Заказ № 102.

Тираж 500 экз.